

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

**ПРОБЛЕМЫ ВЫХОДА,
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ,
УРОКИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук

**Гражданская война в России:
проблемы выхода, исторические последствия,
уроки для современности**

Сборник научных трудов

Новосибирск
2022

УДК 94(47+57)"1917/1922"

ББК 63.3(2)6; 63.3(0)61

Г 75

*Сборник утвержден к печати
Ученым советом Института истории СО РАН*

Ответственный редактор – д-р ист. наук В.М. Рынков
Ответственный секретарь – канд. ист. наук В.В. Журавлев

Рецензенты

д-р ист. наук А.А. Николаев (Институт истории СО РАН)
д-р ист. наук П.П. Вибе (Омский государственный
историко-краеведческий музей)

Г 75 **Гражданская война в России:** проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности: сборник научных трудов / отв. ред. В.М. Рынков, отв. секр. В.В. Журавлев; Институт истории СО РАН. – Новосибирск: Параллель, 2022. – 406 с.

ISBN 978-5-98901-255-8

Сборник включает статьи, посвященные различным аспектам истории Гражданской войны в России, проблемам историографии, теории и методологии. Авторы сосредоточили свое внимание на наиболее дискуссионных вопросах, связанных с изучением завершающего этапа Гражданской войны и ее окончанием в различных регионах. Статьи являются расширенными версиями докладов, представленных на одноименную международную научную конференцию, посвященную 100-летию окончания Гражданской войны (Новосибирск, 5–7 сентября 2022 г.) исследователями из России, Беларуси, Казахстана и Узбекистана. Структура сборника отражает основные направления работы конференции. Книга адресована историкам, политологам, а также всем интересующимся историей.

УДК 94(47+57)"1917/1922"

ББК 63.3(2)6; 63.3(0)61

ISBN 978-5-98901-255-8

© Коллектив авторов, 2022

© Институт истории СО РАН, 2022

Institute of History
of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences

**The Civil War in Russia:
Exit Problems, Historical Consequences, Lessons
for Modernity**

Collection of Scientific Papers

Novosibirsk
2022

*The publication is approved for printing
Academic Council of the Institute of History of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences*

Responsible Editor – Doctor of Historical Sciences V.M. Rynkov
Executive Secretary – Candidate of Historical Sciences V.V. Zhuravlev

Reviewers

Dr. of Historical Sciences A.A. Nikolaev (Institute of History SB RAS)
Dr. of Historical Sciences P.P. Vibe (Omsk State Museum of Local Lore)

The Civil War in Russia: Problems of Exit, Historical Consequences, Lessons for Modernity: a Collection of Scientific Papers / ed. V.M. Rynkov, secr. V.V. Zhuravlev; Institute of History SB RAS. – Novosibirsk: Parallel, 2022. – 406 p.

ISBN 978-5-98901-255-8

The collection includes articles on various aspects of the history of the Civil War in Russia, problems of historiography, theory and methodology. The authors focused on the most controversial issues related to the study of the final stage of the Civil War and its completion in various regions. The articles are expanded versions of reports submitted to the international scientific conference of the same name dedicated to the 100th anniversary of the end of the Civil War (Novosibirsk, September 5–7, 2022) by researchers from Russia, Belarus, Kazakhstan and Uzbekistan. The structure of the collection reflects the main directions of the conference. The book is addressed to historians, political scientists, as well as everyone interested in history.

ISBN 978-5-98901-255-8

© Collective of Authors, 2022
© Institute of History SB RAS, 2022

От редактора

2022 год считается годом столетия окончания Гражданской войны в России. Но когда и как она завершилась, остается предметом дискуссий ученых и общественности. Наиболее цепкий образ окончания Гражданской войны, закрепившийся в исторической памяти, связан со штурмом Перекопа и изгнанием Врангеля из Крыма. Это событие произошло осенью 1920 г. Многочисленные вооруженные столкновения последующих месяцев известны только узкому кругу профессиональных исследователей, которые пока тоже не пришли к единому мнению относительно того, что считать завершением Гражданской войны и можно ли его связывать с конкретным событием или правильнее говорить о постепенном выходе общества из состояния внутреннего вооруженного конфликта.

Одной из серьезных проблем сегодня стала неустойчивость исторической памяти о Гражданской войне. В СССР выросло несколько поколений, воспитанных на героизации участников только одной стороны конфликта и демонизации остальных. После распада союзного государства произошла подмена полюсов и стал формироваться противоположный нарратив – героизация «белогвардейцев» и лидеров национальных движений и демонизация героев прошлого. Источников для того, чтобы снабдить внешне достоверным обоснованием каждый из упомянутых нарративов, за прошедшие десятилетия было создано более чем достаточно.

Чтобы разобраться в сложном переплетении событий и их интерпретаций, необходимо взаимодействие ученых из разных стран, серьезное обсуждение результатов исследований, проводимых в разных странах представителями всех научных направлений.

Для реализации этой сложной, но актуальной задачи в Новосибирске 5–7 сентября 2022 г. проводится международная научная конференция «Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности». Организаторы преследуют цель найти точки соприкосновения между исследователями разных стран и различных научных школ и направлений и обсудить комплекс научных проблем, связанных с окончанием Гражданской войны. Инициатором и основным организатором конференции стал Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук. Большую

организационную поддержку в проведении конференции оказала Ассоциация исследователей Гражданской войны в России – общественная организация, объединившая тех, кто профессионально занимается изучением этого сложного периода нашей истории. Соорганизаторами конференции являются также два образовательных учреждения. В каждом из них сформирована школа исследователей Гражданской войны. Институт истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) известен как один из крупнейших научных центров по изучению истории казачества и Гражданской войны на Юге России и на Кавказе. Факультет исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета продолжает традиции изучения Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, заложенные еще в середине прошлого столетия. Еще один из участников – Государственный архив Новосибирской области, имеющий многолетний опыт выставочной деятельности и археографической работы, связанной с изучением Гражданской войны. Архив также обладает уникальным собранием документов и периодических изданий данного этапа отечественной истории. Такое солидное объединение заинтересованных организаций позволило сформировать высокопрофессиональный организационный комитет. Само проведение конференции стало возможным благодаря финансовой поддержке фонда «История Отечества».

Сборник включает 27 развернутых статей, написанных участниками конференции. Он поделен на разделы, которые в целом соответствуют секциям, обозначенным в программе конференции. Содержание сборника сформировано не по результатам проведенной дискуссии, а из статей, вынесенных авторами для обсуждения на конференции. Не все участники (их 37) представили статьи. Содержание публикуемых в сборнике текстов носит часто дискуссионный характер и не совпадает с мнением редакционной коллегии.

**Гражданская война
в историографической
перспективе**

УДК 94(470)"1917/1922"(045)
doi:10.31518/978-5-98901-255-8-8-22

В.И. Голдин

**Гражданская война в России. 1917–1922.
Итоги работы над XII томом 20-томной
академической «Истории России»***

V.I. Goldin

**The Civil War in Russia. 1917–1922.
The Results of Work on Volume XII of the 20-volumes
Academic “History of Russia”**

Аннотация. В статье раскрываются ход и результаты работы над XII томом (в двух книгах) академического издания «История России». Характеризуются структура и содержание тома, состав его авторского коллектива. Дается всесторонняя характеристика феномена Гражданской войны в России как сложного, многогранного и многостороннего военного, политического и социального явления, как комплекса или серии войн и различных противоборств. Раскрываются методология и научные принципы, лежащие в основе издания.

Ключевые слова: Гражданская война в России, интервенция, академическое издание.

Создание многотомного академического издания «История России» стало результатом поручения Президента Российской Федерации В.В. Путина от 5 апреля 2013 г. и поручения Правительства РФ от 12 апреля того же года. Концепция этого издания была подготовлена в Институте российской истории РАН (ИРИ РАН), который и выступает координатором в осуществлении этого проекта.

Цель статьи – анализ процесса подготовки и итогов работы над XII томом 20-томной академической «Истории России».

Работа над этим проектом началась в октябре 2018 г. после назначения его ответственными редакторами руководителя Центра экономи-

* Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многотомного академического труда «История России с древнейших времен до наших дней». Публикуется в целях апробации.

ческой истории ИРИ РАН профессора В.В. Кондрашина и автора этих строк. В течение двух последующих месяцев ими были подготовлены концепция, план-проспект и структура этого тома под названием «Гражданская война в России. 1917–1922», а также сформирован состав его редколлегии, утвержденные 4 декабря 2018 г. на заседании Главной редколлегии этого многотомного издания.

В состав редколлегии тома вошли восемь человек, представляющие шесть научных учреждений и университетов нашей страны. Вслед за этим развернулся процесс подбора и согласования кандидатур авторов тома, распределение листаж. Были определены сроки подготовки текстов и представления их в редколлегию тома. К сожалению, не все запланированные авторы выполнили свои обязательства, и в ходе работы пришлось вносить коррективы в коллектив исполнителей. В конечном итоге в состав авторского коллектива вошли 35 исследователей из 10 регионов России и более 20 научных учреждений и университетов нашей страны и Украины.

Разработка концепции тома шла одновременно с подведением итогов изучения истории Гражданской войны в нашей стране и за рубежом [Голдин, 2018. С. 92–106], анализом наиболее крупных реализованных ранее в СССР и за его пределами издательских проектов [Голдин, 2019. С. 6–15; Голдин, 2020. С. 213–217], осмыслением состояния сложившейся современной историографии [Голдин, 2018б. С. 11–19; Голдин, 2018в. С. 16–50], подведением итогов состоявшихся научных форумов и дискуссий вокруг ключевых проблем этой войны [Голдин, 2019б. С. 141–147; Голдин, 2021. С. 518–527].

Основные концептуальные идеи тома, его методология, структура, содержание получили апробацию в ходе крупных международных и всероссийских конференций, проводимых в 2018–2020 гг., с публикацией их материалов в Москве, Санкт-Петербурге [Гражданская война в России: взгляд сквозь 100 лет, 2018. С. 17–45; Эпоха Революции и Гражданской войны в России, 2019. С. 8–25, 196–210], Новосибирске [Гражданская война на востоке России, 2019. С. 6–23], Архангельске [Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере, 2020. С. 11–25, 113–125], Ялте [Человек, общество и власть в эпоху «Русской смуты», 2020. С. 7–20], а также в коллективных монографиях [Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг., 2018. С. 437–484], тематических сборниках [Русский сборник: Иссле-

дования по истории России, 2021. С. 285–325], в публикуемых материалах «круглых столов» на страницах научных журналов [Гагкуев и др., 2020. С. 5–37].

Замысел и концепция тома, трактовки ключевых проблем истории Гражданской войны освещались в авторских статьях руководителей тома, опубликованных в ведущих научных журналах [Голдин, 2019в. С. 758–774; Кондрашин, 2020. С. 38–45], а отдельные ее крупные проблемы и протекание в макрорегионах рассматривались в книгах ответственных редакторов тома, изданных в последние годы [Кондрашин, 2019; Голдин, 2018г; Голдин, 2021б]. Свой значимый вклад в осмысление крупных проблем российской Гражданской войны вносили и члены редколлегии тома [Ганин, 2018; Ганин, 2019; Ганин, 2020. С. 6–15; Ганин, 2021; Ганин, 2022; Ганин, 2022б; Гагкуев, 2019. С. 37–42; Рынков, 2022].

В ходе работы над томом редакционная коллегия и члены авторского коллектива анализировали публикуемые в последние годы исследования российских и зарубежных коллег о Гражданской войне в России, прежде всего концептуального характера, часть из которых была использована при подготовке издания [Smele J., 2015; Колоницкий, 2019. С. 3–24; Леонов, 2019. С. 24–36; Булгаков, Виноградский и др., 2019].

В процессе развернувшейся работы над томом, учитывая сложность и дискуссионность рассматриваемых в нем проблем, в 2019 г. было принято решение готовить его в двух книгах. При этом первая книга посвящена главным образом военным, военно-политическим и международным проблемам российской Гражданской войны, иностранной интервенции в России в разнообразии ее форм (военной, политической, дипломатической, финансово-экономической), колоссально осложнившей ее течение и во многом обусловившей длительность. В ней освещаются процессы и особенности протекания войны в различных регионах России. Вторая книга раскрывает различные проблемы и стороны жизни страны в годы Гражданской войны.

Первая книга XII тома называется «Военное и политико-дипломатическое противоборство». В ее введении представлены концептуальные основы издания, охарактеризована историография с указанием основных и наиболее значимых исследований по этой теме, вышедших в свет в нашей стране и за рубежом на протяжении минувшего

столетия, источниковая база и дано обоснование структуры издания. Эта книга тома состоит из семи разделов. Первый из них называется «Истоки и начало Гражданской войны», последующие четыре раздела раскрывают процессы военно-политического противоборства – соответственно в 1918, 1919, 1920 и в 1921–1922 гг. Шестой раздел этой книги назван «Армии, воинские формирования и военное строительство», а седьмой – «Международный фронт Гражданской войны». Книга завершается заключением, где подводятся общие итоги процессов и проблем, раскрываемых в ней.

Вторая книга тома названа «Россия в Гражданской войне». Она состоит из восьми разделов и заключения. Каждый из разделов посвящен крупным проблемам и сферам жизни страны в условиях военного времени. Первый раздел называется «Государственность по обе стороны фронта». Второй раздел посвящен спецслужбам и репрессивно-карательным системам противоборствующих сторон. В третьем разделе раскрывается деятельность небольшевистских политических партий в годы войны. Четвертый раздел посвящен экономике и экономическим процессам, а пятый – социальным и социально-демографическим процессам. Шестой раздел называется «Культура, образование и наука», седьмой – «Национальные процессы и национальные движения», восьмой – «Церковь, религии, конфессии». В заключении этой книги подводятся ее итоги, а в общем заключении тома даются обобщающие характеристики противоборства, происходившего в годы Гражданской войны, протекавших процессов в различных сферах жизни страны, раскрываются причины поражения антибольшевистских сил, роль и значение этой войны в истории страны в XX в., ее последствия и исторические уроки, проблемы исторической памяти о ней.

Общий объем тома (в двух книгах) составил 120 авторских листов, а со справочным аппаратом – 140.

В выпуске Альманаха Ассоциации исследователей Гражданской войны в России, вышедшем в свет во второй половине 2021 г., были представлены на обсуждение специалистов структура и оглавление книг тома с перечнем авторов, полные тексты введения и заключения каждой из книг, а также текст его общего заключения [О работе над XII томом «Гражданская война в России. 1917–1922, 2021. С. 138–226].

22 апреля 2021 г. в Москве, в ИРИ РАН, состоялось заседание Главной редколлегии этого академического издания с обсуждением представленного текста тома. С вводным словом и краткой характеристикой проделанной работы и представленного текста выступил профессор В.В. Кондрашин. В ходе обсуждения высказались около десяти человек. Основные вопросы касались определения гражданской войны в целом и концептуального понимания Гражданской войны в России, ее особенностей и содержания, хронологических рамок и в первую очередь ее начала, а также завершения, взаимоотношений государственных структур и общества в войне, степени втянутости жителей страны в нее, причин перехода из лагеря в лагерь и др. Звучало немало предложений по переструктурированию текста тома.

Выступая в конце обсуждения, автор этих строк подвел итоги работы над томом и состоявшейся дискуссии, высказался по ряду поднимаемых проблем, коснулся некоторых высказанных предложений. Было подчеркнуто стремление руководителей и авторского коллектива тома представить объективное, взвешенное, действительно академическое исследование той эпохи, мульти- и междисциплинарное по своему характеру, дать объективное и многоплановое осмысление Гражданской войны в России, судьбоносной по своему характеру для страны.

Касаясь прозвучавших вопросов и предложений определиться с понятием «гражданская война», было указано, что, несмотря на известность человечеству этого явления с древности и то, что в истории имели место сотни, если не тысячи гражданских войн, а может быть и именно поэтому, в научной литературе нет единой и общепринятой дефиниции того, что такое гражданская война. Меняющиеся исторические эпохи, конкретно-историческая ситуация и особенности каждой из стран, где они протекали, формировали особый и неповторимый феномен гражданских войн. Да и в ходе состоявшегося обсуждения при попытках дать ее определение участники дискуссии касались лишь отдельных, хотя и значимых ее характеристик, например, борьбы за власть вооруженным путем.

Тем не менее, откликаясь на звучавшие в ходе обсуждения предложения, во введении тома при его доработке указано, что в самом общем плане при определении понятия «гражданская война» речь

идет о наиболее острой форме разрешения накопившихся социальных и иных конфликтов и раскола внутри страны/государства/общества посредством крупномасштабного и продолжительного вооруженного противостояния между различными организованными группами, входящими в состав одной страны с целью захвата власти в ней или в ее отдельном регионе. В России Гражданская война охватила все постимперское пространство.

Признаками или критериями определения гражданской войны является то, что конфликт происходит внутри страны и характеризуется вооруженным противостоянием (и иными видами противоборства) значительной продолжительности, наличием устойчивых вооруженных формирований, обладающих политической программой, целью которых является установление или сохранение власти над страной или отдельными ее частями, и ведущими вооруженные действия на значительных территориях, широкой втянутостью гражданского населения в это противоборство и значительными безвозвратными потерями как в вооруженных формированиях, так и мирных жителей.

Важными составляющими характеристики гражданской войны является определение характера и принципов раскола общества (социальный, политический, политико-идеологический, национальный, религиозный и др.) и его глубины, а также наличие или отсутствие внешнего вмешательства, интервенции в различных ее формах.

Понимание и изучение гражданских войн усложняются, если они происходят в многонациональных государствах и/или империях, где разворачиваются национальные и межнациональные вооруженные столкновения и войны, а также национально-освободительные войны с желанием получить независимость от прежнего государственного центра. Осмысление гражданских войн еще более усложняется, если они взаимосвязаны с иными процессами, если им предшествуют революции, другие войны или они сопровождаются иностранными интервенциями.

Все это и происходило в России сто лет назад. Распад многонациональной Российской империи обернулся расколом титульной нации, а также различными национальными и межнациональными столкновениями, конфликтами и войнами, стремлением к созданию на ее руинах целого ряда независимых государств. Это во многом определяло своеобразие Гражданской войны в России, разворачивавшейся и проис-

ходившей на всем постимперском пространстве. К тому же распад огромной империи не мог не вызвать внешнего вмешательства в различных формах, в том числе вооруженного, практически по всему периметру ее границ.

Гражданская война в России, уходящая своими корнями в десятилетия и века предшествующей истории, была непосредственно и тесно связана с Первой мировой войной, которая ей предшествовала и из которой она в определенной степени вытекала, а также с российской революцией 1917 г. как реакцией общества на комплекс нерешенных проблем, связанных с объективно необходимыми модернизационными процессами. Масштабность развернувшихся революционных преобразований с попыткой перехода от одной общественно-экономической формации к другой и реализации нового модернизационного и цивилизационного проекта не только для России, но и для всего мира, когда речь шла о серии или комплексе революций, породила современную концепцию Великой Российской революции, где Гражданская война стала продолжением, развитием и финалом сложнейшего, многопланового и противоречивого революционного процесса и вооруженного противостояния.

Гражданская война в России тесно переплеталась с международной интервенцией, в которой принимали участие все ведущие страны мира, две противоборствовавшие в мировой войне коалиции, а также ряд соседних, в том числе новообразованных государств. К тому же протекание российской Гражданской войны пришлось на период становления нового мирового порядка по итогам Первой мировой войны, из которого пытались исключить Россию.

Если резюмировать все вышеизложенное, то становится понятной уникальность и неповторимость феномена Гражданской войны в России, переплетение в нем самых разных слагаемых, войн, конфликтов и противоборств. И именно такой сложнейший и многогранный феномен Гражданской войны в стране, носивший не только внутри-российский, но глобальный характер, с колоссальным влиянием на мир и его развитие в XX в., и рассматривается в томе.

Но прежде чем продолжить развитие этой темы и охарактеризовать раскрытие феномена Гражданской войны на страницах издания, его методологию, остановимся еще на некоторых аспектах апрельского (2021 г.) обсуждения в ИРИ РАН.

Звучало предложение реструктурировать историографический раздел тома (его введение), ибо кое-кому он показался слишком объемным, ограничиться указанием наиболее значимых историографических работ и усилить проблемно-аналитический анализ литературы.

Но, на наш взгляд, в историографическом разделе введения существует четкая логика. Выделены основные этапы и внутри них периоды развития историографического процесса познания российской Гражданской войны в нашей стране и за рубежом с указанием внутри них факторов, определявших процесс изучения, знаковых проектов и опубликованных работ, достижений и проблем, изменений в проблематике. Если же сосредоточиться на указании только историографических работ, описании своего рода «историографии историографии», как предлагалось, то тем самым ограничим и обедним понимание процесса познания истории российской Гражданской войны.

Раскрыть изученность всех проблем во вступительном историографическом обзоре невозможно, поэтому перед авторами глав и параграфов ставилась задача начинать повествование с краткого историографического обзора, указания наиболее крупных работ по данной проблематике.

В исторической науке, как и в науке вообще, процесс познания не означает непрерывное поступательное движение к постижению истины. В нем существуют и подъемы, и спады. Нередко кажется, что есть некий чудодейственный подход, который разрешит все проблемы и даст новое понимание. В изучении российской Гражданской войны историки прошли через модные веяния, которые, казалось бы, призваны были дать новое прочтение ее истории: постмодерн, гендер, антропологический поворот, история повседневности, изучение человеческих настроений, эмоций и т.п. Но нередко при этом общее видение и картина войны начинали рассыпаться. Понимание феномена Гражданской войны в России нуждается в комплексном осмыслении ее как военного, политического, социального, культурного, духовного явления, в триаде взаимоотношений в системе «государство – общество – индивидуум», в контексте международных и межгосударственных отношений эпохи и т.д. Это коллектив исследователей и пытался учесть при подготовке подготовки тома.

В ходе работы над томом и в его апрельском (2021 г.) обсуждении некоторые члены главной редколлегии высказывали суждения о том,

что военным проблемам в томе уделено слишком много внимания в сравнении с иными. Но ведь речь в нем идет именно и прежде всего о войне, особом типе и характере ее, рождавшем и новые формы, способы борьбы на поле боя, стратегии и тактики, поэтому глубокое изучение военных проблем противостояния закономерно и необходимо. Более того, если в советское время Институт истории СССР занимался так называемой «гражданской» историей, а Институт военной истории (ИВИ) – военной, то ныне пора ликвидировать прежнее разгораживание, тем более что состояние последнего научного учреждения не дает шансов на создание им в обозримой перспективе чего-то креативного, а известный двухтомник, созданный ИВИ в 1980-е гг., устарел. Поэтому наша задача – представить в этом томе и военную, и политическую историю, и все сферы жизни государства и общества в то экстремальное время, дополняя это изучением международных отношений эпохи, ибо вряд ли за это возьмется когда-либо Институт всеобщей истории РАН.

В ходе обсуждения автору этих строк пришлось особо аргументировать необходимость не только в этом томе, но и в многотомном издании в целом, раскрытия исторического прошлого страны как истории его регионов. В XII томе это проходит красной линией, и процесс противоборства исследуется через его протекание в основных макро-регионах страны. Это представляется важным еще и потому, что столичноориентированная история без раскрытия всего разнообразия жизни регионов будет малоинтересна для людей, живущих на огромном пространстве страны, и подобное издание не будет востребовано основной потенциальной аудиторией – преподавателями и студентами вузов, учителями. Тем более что историческая регионалогия совершила в последние десятилетия большой прорыв, и без учета ее достижений писать сегодня историю страны невозможно. К тому же только через изучение и понимание истории регионов можно опускаться, образно говоря, вниз, к локальной истории, к конкретному человеку с его психологией, поведением и действиями.

Российская Гражданская война раскрывается на страницах тома как особый и во многом уникальный феномен, как множественность или комплекс, серия войн и противоборств. Она характеризуется как сложный и уникальный исторический феномен в многообразии военных, политических, экономических, социально-классовых, социокультур-

ных, культурно-религиозных, духовно-нравственных, национальных и межнациональных процессов, конфликтов и расколов, разнообразных внутренних и международных столкновений и противоборств, обстоятельный анализ которых и позволяет понять исход борьбы на линиях и за линиями фронтов и итоги войны.

При характеристике Гражданской войны в России в томе подчеркивается ее глобальный и тотальный характер, ибо она охватила все пространство страны, включая самые удаленные ее уголки, разделила классы, слои, группы населения (линия раскола происходила как между ними, так и внутри них), развела, образно говоря, по разные стороны баррикад друзей, соседей, членов семей. Это и составляло в совокупности общую, крайне противоречивую и драматическую картину Гражданской войны в России. Противоборство в ней велось на военном, политическом, дипломатическом, социальном, экономическом и культурном фронтах, но главным из них была все-таки вооруженная борьба, ибо от ее исхода в решающей степени зависел исход Гражданской войны.

Представляется правомерным выделение и исследование в российской Гражданской войне таких видов противоборств, как война советского и антибольшевистского лагерей («красных» и «белых»), фронтовое противостояние их армий и борьба с противниками на внутренних фронтах; борьба общества и государства в различных проявлениях; столкновения центробежных и центростремительных сил, национальные, межнациональные и региональные войны и вооруженные конфликты; военные интервенции стран Антанты, Четверного союза и отдельных государств; советские попытки «экспорта революции» в страны Европы и Азии, военные и политические действия за пределами страны; восстания, заговоры, деятельность антиправительственных группировок в тылу противника, подпольная, партизанская, террористическая деятельность и др.

Течение и финал Гражданской войны в России имели и общемировое глобальное значение. С одной стороны, Гражданская война в стране сопровождалась интервенцией в многообразии ее форм со стороны иностранных государств, а с другой – характеризовалась попытками экспорта революции и надеждой на мировую революцию и международную гражданскую войну, вытекающую из Первой мировой

войны, что призвано было привести к краху мировой капиталистической системы.

Хронологические рамки Гражданской войны в России охватывают период с 1917 по 1922 г. При этом учитывая, что она не объявлялась официально ни одной из противоборствующих сторон и не связывалась ими с теми или иными конкретными событиями или датами (да это и не делается, как правило, в гражданских войнах), как не декларировался и конец этой войны, то в современной историографии сохраняется разнообразие суждений относительно начала Гражданской войны и ее окончания. Начало ее связывается различными историками с февралем, августом, октябрем 1917 г. или с концом весны – началом лета 1918 г. Это обусловлено различным пониманием и толкованием гражданской войны, характеристикой ее проявлений, от локальных и очаговых до приобретения ею массового и общероссийского характера. Представляется правомерным поэтому сохранение и использование в томе давно сложившихся положений о необходимости характеризовать российскую Гражданскую войну в широком и узком смысле этого слова, выделяя так называемую «малую» и «большую», широкомасштабную и фронтную гражданскую войну.

Под «малой», или гражданской, войной в широком смысле слова понимается период начиная с октября 1917 г., хотя проявления ее имели место и ранее, а в узком смысле слова, подразумевая под этим широкомасштабную и ожесточенную войну с наличием регулярных армий и фронтов, с подчинением ей всей жизни страны и общества, – с конца весны – начала лета 1918 г. Неким компромиссом в понимании начала Гражданской войны в России может быть рассмотрение ее с точки зрения анализа стадий вхождения или «вползания» России в нее. Этот период охватил время с февраля 1917 по начало лета 1918 г.

Окончание Гражданской войны в узком смысле слова связывается, как правило, с концом осени 1920 г., эвакуацией войск генерала Врангеля и ликвидацией Южного фронта, прекращением масштабных военных действий в европейской части России, а в широком смысле слова – с концом (октябрем или декабрем) 1922 г. – окончанием японской интервенции, освобождением Владивостока и основной территории Дальнего Востока, образованием СССР.

В основу представленного исследования положены системный и междисциплинарный подходы, принципы научности, историзма,

объективности, комплексности и целостности. Учитывая остроту и актуальность темы, исследуемой на страницах тома, сохраняющуюся в российском обществе боль и даже раскол по отношению к событиям, участникам и лагерям противоборства, происходившего в условиях Гражданской войны в России, авторский коллектив стремился, образно говоря, «подняться над схваткой», обеспечить взвешенность, научную беспристрастность в характеристике и оценке основных событий и процессов Гражданской войны, раскрыть во всей полноте, глубине и противоречивости рассматриваемую историческую эпоху и народную драму.

Гражданская война рассматривается на страницах издания не только как особый и уникальный феномен российской истории, но и как глобальное явление, исход которого во многом предопределил развитие не только России, но и международных отношений, человечества в XX в.

Важнейшей задачей издания видится то, чтобы читатели, знакомясь с ним, вынесли, с одной стороны, понимание того, как и почему начинаются гражданские войны и что следует делать для их недопущения, а с другой – о том, что необходимо делать для их прекращения и как преодолеть раскол в обществе, вызванный гражданской войной. С этой точки зрения актуальной видится проблема сохранения адекватной исторической и культурной памяти о Гражданской войне в России, понимание того, какие исторические уроки из нее следует извлекать.

В третьем номере журнала «Российская история» за 2022 г. планируется публикация большой статьи автора этих строк, посвященной современной историографии Гражданской войны в России. В ней дается анализ процессов осмысления этой войны и жизни страны в эту драматическую эпоху российскими и иностранными исследователями в последние годы, характеризуются наиболее значимые работы. Указывается на выход в свет трехтомной энциклопедии «Россия в Гражданской войне», в которой, заметим, главной задачей ставилось не решение спорных историографических вопросов, а прежде всего систематизация и обобщение выявленных фактов, анализ выводов и оценок ученых по широкому комплексу проблем. В статье кратко характеризуется работа над международным проектом «Великая война и революция в России» и освещение в ней российской Гражданской войны, а также над XII томом академической «Истории России».

Второе и, как предполагается, финальное обсуждение этого тома в переработанном после первого обсуждения виде должно состояться в конце июня 2022 г. О его результатах речь пойдет уже непосредственно на конференции.

Литература

Булгаков А.О., Виноградский В.Г., Посадский А.В., Романовский О.А. Гражданская война в России. Историческая семантика и борьба дискурсов. 2-е изд. Саратов: ГАУ ДПО «СОИРО», 2018. 200 с.

Гагкуев Р.Г. Гражданская война. Конфликт без хронологии? // *Российская история*. 2019. № 1. С. 37–42.

Гагкуев Р.Г., Ганин А.В., Голдин В.И., Кондрашин В.В., Михайлов В.В., Пученков А.С. Гражданская война в России спустя столетие // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 5–37.

Ганин А.В. 50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе 1917–1922 гг. М.: Кучково поле; Музеон; Воевода, 2022. 704 с.

Ганин А.В. Белый генерал и красный военспец Яков Слащев-Крымский. М.: Фонд «Русские витязи», 2021. 256 с.

Ганин А.В. Военспецы. Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М.: Кучково поле, 2022. 768 с.

Ганин А.В. Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М.: Пятый Рим (ООО «Бестселлер»), 2020. 799 с.

Ганин А.В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М.: Центрполиграф, 2019. 318 с.

Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М.: Пятый Рим (ООО «Бестселлер»), 2018. 864 с.

Голдин В.И. Гражданская война в истории России: историография, современные подходы, подготовка нового академического издания // *Новейшая история России*. 2019. Т. 9. Вып. 3. С. 758–774.

Голдин В.И. Гражданская война в России и на Русском Севере: проблемы изучения и исторические уроки (по материалам научных конференций) // *Вестник Северного (Арктического) федерального*

университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 1. С. 141–145.

Голдин В.И. Гражданская война в России сто лет спустя: проблемы изучения // История исторической науки в России XVIII–XXI вв.: Одиннадцатые Щаповские чтения: мат-лы Всерос. конф. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2018. С. 92–105.

Голдин В.И. Гражданская война и интервенция в России и на Русском Севере: актуальные и дискуссионные проблемы // *Historia Provinciæ*. Журнал региональной истории. 2018. Т. 2, № 4. Спецвыпуск: Гражданская война в России: региональное измерение. С. 16–49.

Голдин В.И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918. Архангельск: САФУ, 2018. 623 с.

Голдин В.И. Современная историография Гражданской войны в России // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта: мат-лы Междунар. науч. конф. (Москва, 1–3 октября 1918 г.). М.: ГЦМСИР, 2018. С. 11–19.

Голдин В.И. Попытки написания обобщающей истории Гражданской войны в России: анализ проектов и изданий XX – начала XXI в. и уроки для современности // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.): сб. мат-лов Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019. С. 6–15.

Голдин В.И. Критическая история одного проекта о Гражданской войне // *Российская история*. 2020. № 6. С. 200–204.

Голдин В.И. На путях познания Гражданской войны в России: ключевые проблемы и историческая память // *Новейшая история России*. 2021. Т. 11, № 2. С. 518–527.

Голдин В.И. Север России в огне Гражданской войны. Иностранная интервенция и ее последствия. Август – декабрь 1918 г. Архангельск: Дапринт, 2021. 660 с.

Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / отв. ред. проф. В.В. Калашников. СПб.: ЛЭТИ, 2018. 408 с.

Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.): сб. мат-лов Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019. 480 с.

Колоницкий Б.И. От мировой войны к гражданским войнам (1917?–1922?) // *Российская история.* 2019. № 1. С. 3–24.

Кондрашин В.В. Крестьянство в годы Гражданской войны. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 464 с.

Кондрашин В.В. Уроки Гражданской // *Историк.* 2020. № 11. С. 38–45.

Леонов С.В. Гражданская война в России: сущность, периодизация, особенности // *Российская история.* 2019. № 1. С. 24–36.

Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки истории: сб. мат-лов междунар. науч. конф. / сост. В.И. Голдин, Г.С. Рагозин. М.: Пятый Рим (ООО «Бестселлер»), 2020. 368 с.

О работе над XII томом «Гражданская война в России. 1917–1922» 20-томной академической «Истории России» // *Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России.* Вып. 4–5: Гражданская война в России: история и современность, память и уроки. Архангельск, 2021. С. 164–281.

Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии / отв. ред. Д.Б. Павлов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 608 с.

Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XXVIII: Гражданская война и интервенция в России / ред.-сост. О.Р. Айрапетов. М.: Модест Колеров, 2020. 640 с.

Рышков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России: идеология, законодательство, практика (июнь 1918 – октябрь 1922). М.: Кучково поле, 2022. 1040 с.

Человек, общество, власть в эпоху «Русской смуты» 1917–1920: память, осмысление, примирение: мат-лы науч. конф. (Ялта, 12–15 ноября 2020 г.). Симферополь, 2020. 256 с.

Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии / отв. ред. проф. В.В. Калашников. СПб.: ЛЭТИ, 2019. 432 с.

Smele J. The “Russian” Civil Wars, 1916–1926. Ten Years That Shook the World. L.: Hurst & Company, 2015. 423 p.

А.С. Пученков

Гражданская война на Юге России: историографические тенденции последних лет*

A.S. Puchenkov

The Civil War in the South of Russia: Historiographical Trends of Recent Years

Аннотация. Статья посвящена развитию современной историографии Гражданской войны на Юге России. Акцент в работе делается на освещении основных проблем, рассматриваемых в трудах таких отечественных исследователей, как Р.Г. Гагкуев, А.А. Чемакин, В.Ж. Цветков, В.Б. Лобанов, А.С. Кручинин, А.В. Ганин, А.С. Пученков, С.Л. Фирсов, А.И. Ушаков, В.П. Федюк. Согласно мнению автора, изучение истории Гражданской войны за последние десятилетия вышло на качественно новый уровень; историки, преодолев период апологетики Белого движения и огольного очернения большевиков, перешли к серьезной, сугубо академической дискуссии, позволяющей надеяться на появление новых, свободных от тенденциозностей и субъективизма обобщающих исследований.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Юг России, историография Гражданской войны.

Актуальность обращения к проблематике Гражданской войны, на наш взгляд, совершенно очевидна – об этом говорят все те явления, которые нас сейчас окружают. По точному замечанию известного историографа Гражданской войны В.И. Голдина, война эта «была и остается проблемой отечественной и мировой истории, современной политики» [Голдин, 2022. С. 121]. В рамках изучения истории Гражданской войны, полагаем, следует говорить о том, что последние десятилетия прошли под знаком своеобразного историографического бума: на плечах прежнего поколения в историческую науку уверенно вошла новая генерация историков, чье становление пришлось уже на период

* Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика».

новой, посткоммунистической России. Мне уже доводилось говорить о том, что невозможно преувеличить вклад в отечественную историографию того поколения, знакомство с трудами которого, по сути, и предопределило интерес к истории у меня и моих товарищей. К числу таких историков, хотя и сделавших первые профессиональные шаги в последние годы советской власти, но сумевших благодаря очистительной волне перестройки, затронувшей в том числе и историческую науку, осуществить настоящий прорыв в изучении истории Гражданской войны на рубеже 1980–1990-х гг., относятся уже ушедшие из жизни В.Г. Бортневский, А.И. Ушаков, Л.А. Молчанов; ныне здравствующие А.С. Кручинин, С.В. Карпенко, В.Ж. Цветков, В.П. Федюк; относящиеся к более раннему поколению В.И. Голдин, Г.М. Ипполитов, А.И. Козлов, А.В. Смолин, Н.С. Ларьков и В.И. Шишкин [Пученков, 2020б. С. 35]. Усилиями именно этих исследователей были обозначены те важнейшие проблемы истории Гражданской войны, которые плодотворно разрабатываются с конца 1980-х гг. и до настоящего времени; тому поколению, к которому имеет честь принадлежать автор этих строк, пришлось неизмеримо легче, чем им – нашим уважаемым старшим коллегам. Мое поколение шло по уже проторенной дорожке, оглядываясь на те вехи, которые были поставлены ими: именно «восьмидесятники» смогли выйти из прежнего набора привычных для советских историков, специализировавшихся на проблематике Гражданской войны, тем, с головой погрузились в изнурительную архивную работу, изучая материалы «Пражской коллекции», «спецхрановской» литературы, и по горячим следам выпускали одну за другой такие книги и статьи по истории «русской смуты», на страницах которых на противостояние «революции» и «контрреволюции» смотрели уже не в традиционном, «красном», ракурсе, а в необычном для нашей историографии – «белом».

По сути, это была настоящая революция в историографии; исследовательский подвиг этих специалистов позволил появиться уже новой генерации ученых, профессиональное становление которых пришлось уже на 1990–2000-е гг. К ним, представляется, следует отнести Р.Г. Гагкуева, А.В. Ганина, В.В. Журавлева, Н.А. Кузнецова, В.Б. Лобанова, А.В. Посадского, А.С. Пученкова, В.М. Рынкова, Д.Г. Симонова. Если для предыдущего поколения исследователей была характерна определенная идеализация Белого дела, «опьянение» вновь обретенной

свободой в творчестве, известного рода стремление к декоммунизации и очевидный крен в сторону изучения Гражданской войны только «глазами белых» и своего рода «забвение» Красной армии, большевистского лагеря и т.д. (ярчайшим примером подобной апологии Белого дела был трагически рано ушедший из жизни Виктор Георгиевич Бортневский)¹, то поколение исследователей Гражданской войны, к которому принадлежу я и указанные мною выше коллеги, надеюсь, смогло (естественно, не избежав в массе своей юношеской восторженности в отношении Белого движения) прийти к более взвешенным и осторожным оценкам событий 1917–1922 гг.

При этом я считаю необходимым указать на особую роль, которая принадлежит в развитии историографии такому крупному исследователю, как Генрих Зиновьевич Иоффе, перу которого принадлежит несколько по-настоящему крупных монографий по истории революции и Гражданской войны. Еще в советское время Г.З. Иоффе были опубликованы такие знаковые для советского этапа развития историографии монографии, как «Крах российской монархической контрреволюции» [Иоффе, 1977], «Колчаковская авантюра и ее крах» [Иоффе, 1983], «Великий Октябрь и эпилог царизма» [Иоффе, 1987]. Несмотря на сохранявшееся в этих книгах традиционное для советской историографии негативное отношение к антибольшевистскому лагерю, в монографиях Иоффе уже в 1970-е – первую половину 1980-х гг. присутствовала солидная источниковая база: историк ссылался на материалы «коллекции ЦГАОР» – ныне открытые для работы исследователей фонды по истории Белого движения ГАРФ, активно использовал «спецхрановскую» литературу, что было редкостью для работ тех лет. В 1989 г. на прилавках советских книжных магазинов появилась научная биография вождя Белого дела генерала Лавра Георгиевича Корнилова – первая со времен 1920-х гг. книга советского историка, посвященная одному из деятелей антибольшевистского лагеря [Иоффе, 1989]. В изображении Иоффе генерал Корнилов – жестокий, целеустремленный, упрямый, властолюбивый военачальник, но вместе с тем крупная историческая фигура, яркая личность, вождь Божией милостью. Конечно, подобная книга могла быть опубликована только в

¹ Укажем основные работы В.Г. Бортневского, к сожалению, не успевшего реализовать идею подготовки обобщающего труда по истории Гражданской войны на Юге России. См.: [Бортневский, 1993; Бортневский В.Г., 1996; Бортневский, 1999].

годы перестройки. Монография Иоффе дала «зеленый свет» последующим работам историков, специализирующимся по истории Белого движения. «Прежде всего, – писал Иоффе, давая определение Белому движению и его социальному составу, – конечно, это было офицерство, вышедшее из дворянской и разночинной среды, интеллигенция, тесно связанная со старым государственным слоем и “верхними” классами, а также часть мелкобуржуазной массы <...> именно эта среда и обладала теми качествами, которые отсутствовали у правых эсеров. Она и сформировала то, что позднее стало известно под названием “белое дело”» [Иоффе, 1989. С. 284].

В 1995 г. в Москве вышла лучшая, на мой взгляд, книга Иоффе – «Семнадцатый год. Ленин. Керенский. Корнилов» [Иоффе, 1995]. В этой работе отразился в полной мере стиль Иоффе-историка: глубокое знание источников, литературный талант, сильные и интересные обобщения, мягкая и ненавязчивая ирония – всегда своевременная и позволяющая выстроить диалог с читателем, а главное – блестящие литературные портреты главных героев, без каждого из которых нельзя представить великий и неповторимый 1917-й год – Владимира Ильича Ленина, Александра Федоровича Керенского, Лавра Георгиевича Корнилова. По моему представлению, «Семнадцатый год» – одна из самых сильных исследовательских работ по истории эпохи революции и Гражданской войны в нашей исторической науке.

Особо оговорю, что, в отличие от В.Г. Бортневского, С.В. Устинкина и ряда других историков, порой идеализировавших участников Белого движения и видевших в них «рыцарей без страха и упрека», Генрих Зиновьевич относится к Белому делу чрезвычайно осторожно. Ключевую роль в поражении белых Иоффе отводит именно военной, а вовсе не политико-идеологической составляющей. «Белые потерпели поражение на пороге возможной победы. Проявилась ли в этом их обреченность? Да, большую роль играли идеология, политика и т.д. И все же, думается, в конечном счете, не они решали исход войны. Большевицкий лозунг “За власть Советов!” был определеннее и намного привлекательнее, чем не вполне ясный лозунг белого движения – „непредрешение“ (до свержения власти большевиков). Но прежде чем под этим лозунгом потерпеть поражение, под ним же белые захватили огромную территорию с многомиллионным населением и почти дошли до красной Москвы. Проиграли они на поле боя», – написал

ученый в одной из своих недавних работ [Иоффе, 2018. С. 290]. К сожалению, отъезд Г.З. Иоффе не способствовал успеху его дальнейших занятий серьезной академической наукой, лишь время от времени Генрих Зиновьевич дает о себе знать «письмами издалека». Но это не отменяет значения того, что сделано им в науке. Выскажу еще раз свою мысль: именно работы Иоффе можно и следует рассматривать как олицетворение своего рода переходного этапа – от советской к постсоветской историографии революции и Гражданской войны. На мой взгляд, его вклад в историографию этого периода чрезвычайно велик.

В данной статье *конспективно и выборочно* будут рассмотрены *избранные и важнейшие*, на мой взгляд, работы тех историков, основные труды которых посвящены истории Гражданской войны на Юге России: С.В. Карпенко, В.П. Федюка, В.Ж. Цветкова, Р.Г. Гагкуева, А.В. Ганина, Р.М. Абинякина, А.В. Посадского, О.М. Морозовой, А.С. Кручинина, В.Б. Лобанова, А.С. Пученкова и Ю.А. Бирюковой. Особо оговариваю, что более подробный и структурный обзор основных этапов развития отечественной и зарубежной историографии Гражданской войны на Юге России предпринят в недавно вышедшей монографии автора этих строк «Первый год Добровольческой армии: от возникновения “Алексеевской организации” до образования Вооруженных Сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 года)», вышедшей в конце прошлого года в петербургском книжном издательстве «Владимир Даль» [Пученков, 2021]. Данная статья – лишь попытка развить те взгляды автора на развитие историографического процесса, которые не нашли отражения на страницах упомянутой книги.

Сергей Владимирович Карпенко – один из тех, кто начал изучение истории Белого движения в начале 1990-х гг. Думается, что многие специалисты прекрасно помнят серию «Белое дело», выходящую под научной редакцией Сергея Владимировича. Не меньшим значением обладают и научные труды С.В. Карпенко. Так, выдержала уже несколько изданий книга Карпенко «Очерки истории Белого движения на Юге России (1917–1920 гг.)» [Карпенко, 2006]. Ученый вывел на первый план экономическую составляющую истории южнорусского Белого движения, с момента своего зарождения испытывавшего серьезнейшие финансовые затруднения, грозившие в любой момент

прекратить существование армейской организации ввиду невозможности обеспечивать потребности армии. Кроме того, историк обратил внимание и на характер личных отношений между вождями армии – Л.Г. Корниловым и М.В. Алексеевым, А.И. Деникиным и П.Н. Врангелем. Экономические условия существования белых армий во многом, по утверждению Карпенко, предопределили их поражение в борьбе с большевиками. По мнению исследователя, белые так и не смогли поставить тыл на службу фронту; в отличие от тыла Красной армии, тыл Белой, скорее, вредил последней, нанеся армии куда больший вред, чем все восстания и социальные выступления [Карпенко, 2009. С. 419].

Большой вклад в историографию внесли работы, написанные таким успешным тандемом авторов, как Александр Иванович Ушаков и Владимир Павлович Федюк¹. На мой взгляд, значение написанной этими авторами дилогии «Белые. Антибольшевистское движение на Юге России 1917–1918 гг.» и «Белый Юг. Ноябрь 1919 – ноябрь 1920» для последующей историографии трудно переоценить [Федюк, 1996; Ушаков, Федюк, 1997]. Эти небольшие монографии оказали очень заметное влияние на развитие исторической мысли: как мне представляется, каждая из этих двух увлекательных книг может восприниматься как своеобразный пример исследовательского мастерства – не впадая в пространные рассуждения, историки сумели раскрыть ключевые проблемы истории южнорусского Белого движения, описать важнейшие события истории Гражданской войны на Юге (например, Ледяной поход, эвакуацию остатков армии П.Н. Врангеля из Крыма, дать характеристику сложнейшим взаимоотношениям, существовавшим между вождями Белого движения – Корниловым и Алексеевым, Деникиным и Красновым, Деникиным и Врангелем). В свою очередь, докторская диссертация В.П. Федюка, построенная на обширном корпусе неопубликованных архивных источников, стала для своего времени поистине новаторской [Федюк, 1995]. Многие из тех историков, которые принадлежат к последующему поколению специалистов (автор этих строк – не исключение), отталкивались при подготовке своих исследований от работ А.И. Ушакова и В.П. Федюка. Придавая огромное значение первому году Гражданской войны на Юге, рассматривая Добровольческую армию как уникальный феномен истории – «армию-

¹ Подробнее об А.И. Ушакове см.: [Гагкуев, Пученков, 2021. С. 6–9].

государство», Федюк писал: «Абсолютное большинство тех факторов, которые столь болезненно заявили о себе два года спустя, проявилось уже на первом этапе истории белого движения. Конечно, это нельзя считать чем-то фатальным. Но то, что в дни побед воспринималось как досадные мелочи, в период поражений приобрело решающий характер» [Федюк, С. 144]. В 1997 г. Федюк в соавторстве с А.И. Ушаковым опубликовал монографию, посвященную последнему году белой борьбы на Юге – периоду с ноября 1919 г. по ноябрь 1920 г. – время от заката деникинщины до Великого Русского Исхода из Крыма [Ушаков, Федюк, 1997]. Авторы смогли показать всю драму последних месяцев деникинского правления, истоки и природу конфликта А.И. Деникина и П.Н. Врангеля, отставку Деникина и назначение Врангеля преемником Антона Ивановича. Особое внимание в книге уделяется усилиям Врангеля по удержанию Крыма, его проектам превращения полуострова в неприступную крепость, последний форпост старой России. Согласно мнению историков, крах белого Крыма был предопределен. «Слишком уж мал, – пишут авторы, – был последний оплот “белой России”» [Ушаков, Федюк, 1997. С. 68]. Взгляды авторов на историю Гражданской войны на Юге России нашли свое отражение и в подготовленной ими прекрасной биографии белого вождя – генерала Л.Г. Корнилова, вышедшей в свет 16 лет назад [Ушаков, Федюк, 2006]. Историки смогли *объяснить* уникальность и неповторимость фигуры Корнилова, подлинного Героя Истории и действительно *незабвенного* даже спустя многие десятилетия после его гибели *вождя Белого дела*.

В свою очередь, Георгий Михайлович Ипполитов подготовил и опубликовал целую серию монографий, посвященных генералу А.И. Деникину [Ипполитов, 1999]. Если для Г.М. Ипполитова, как правило, характерным является стремление к определенной идеализации его героя, то Александр Иванович Козлов, напротив, отличался чрезвычайно осторожными оценками А.И. Деникина, изображая его как диалектически сложную, хотя и в высшей степени самодостаточную фигуру [Козлов, 2004].

Тенденция к рассмотрению Добровольческой армии и ее основы – офицерства как специфического примера военно-идеологического монолита, своеобразного сообщества со своими внутренними законами, находящимися порой в противоречии с традициями офицерского корпуса Русской императорской армии и поразительным образом

свидетельствующими о том, что и Добровольческая армия – порождение революционной эпохи, была продолжена в интереснейшей книге Романа Михайловича Абинякина [Абинякин, 2005]. Едва ли не самой яркой страницей из истории южнорусского Белого движения – Ледяному походу Добровольческой армии – посвящена монография Игоря Николаевича Гребенкина [Гребенкин, 2005]. В конце минувшего года вышла в свет книга А.С. Пученкова, посвященная первому году существования Добровольческой армии (ноябрь 1917 – декабрь 1918 гг.) [Пученков, 2021], сумевшей проделать за этот отрезок времени впечатляющую трансформацию – от маленького офицерского отряда, «Алексеевской организации», до флагмана антибольшевистского движения, Вооруженных Сил на Юге России под главнокомандованием генерала А.И. Деникина. Эта объемная монография в известной степени может рассматриваться как итог двадцатилетней работы автора этих строк¹, ей предшествовал целый ряд статей, активно используемых специалистами², надеюсь, что когда-нибудь будет опубликовано продолжение этой книги, посвященное завершающему периоду белой борьбы на Юге России.

Серьезным научным значением обладает капитальный обобщающий труд московского историка Руслана Григорьевича Гагкуева «Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг.» [Гагкуев, 2012], положенный в основу рукописи его докторской диссертации, защищенной осенью 2013 г. в Диссертационном совете при ИРИ РАН [Гагкуев, 2013]. В заключении к монографии исследователь заявил, что «наиболее типичная черта, которая может характеризовать итоги Белой борьбы на Юге России – нереализованные возможности», отмечая, что к таковым относятся упущения не только в политической сфере, но и в военной. «Имея в своем распоряжении огромный людской потенциал, белая власть по многим объективным и субъективным причинам не сумела построить по-настоящему регулярные вооруженные силы, которые отвечали бы требованиям гражданской междоусобицы» [Гагкуев, 2012. С. 592]. Опровергая традиционный для советской историографии тезис о классовой основе белых армий,

¹ См. рецензии на эту книгу: [Ганин, 2022. С. 227–230; Лобанов, 2022. С. 230–233].

² См., например: [Пученков, 2007; Пученков, 2008; Пученков, 2011; Пученков, 2012; Пученков, 2013; Пученков, 2019].

Р.Г. Гагкуев подчеркнул, что уже в 1918 г. «белые армии по своему социальному составу были скорее “разночинскими”, чем “буржуазно-помещичьими”», а в 1919–1920 г. «социальный состав белых армий Юга России стал еще более пестрым» [Гагкуев, 2012. С. 607]. Переходя к анализу причин поражения белых, автор заключает, что «советская власть в Гражданской войне не только имела преимущество в ресурсах, но и смогла лучше ими распорядиться, превзойдя, как это ни парадоксально, белых не только в политической, но и в военной сфере» [Гагкуев, 2012. С. 610]. Вместе с тем Р.Г. Гагкуев счел необходимым подчеркнуть, что «несмотря на поражение в Гражданской войне, Белое движение навсегда останется в Отечественной истории не только как неудачный опыт строительства Новой России, основанной на тысячелетней истории страны и вобравшей в себя чаяния разных слоев современного ему российского общества. Непоступление принципами ради достижения цели, верность долгу, подлинный русский патриотизм были и остаются теми характеризующими Белое движение чертами, которые привлекали и продолжают привлекать к нему внимание и историков, и общества» [Гагкуев, 2012. С. 612]. Творческая активность Руслана Григорьевича заслуживает глубокого уважения, его работы затрагивают целый круг проблем из истории Гражданской войны¹. Убежден, что есть все основания рассчитывать на появление в ближайшее время новой монографии Р.Г. Гагкуева.

Труды московского историка Василия Жановича Цветкова составляют целую эпоху в историографии². Уникальное трудолюбие, исследовательская эрудиция, выдающийся талант популяризатора и историка, исключительная доброжелательность – вот лишь краткий перечень тех качеств, которые присущи этому специалисту. Именно Цветков стал автором уникального обобщающего исследования, затрагивающего историю Белого движения на всех театрах военных действий в течение всего периода Гражданской войны. В многотомной монографии Цветкова последовательно раскрывалась история Белого движения сквозь призму его государственно-правовой подоплеки, историк подводил читателя к мысли о том, что Белое движение не ограничивалось исключительно военной, или, если угодно, военной,

¹ См., например: [Гагкуев, 2018; Гагкуев, 2019а; Гагкуев, 2019б].

² Укажем лишь основные работы этого крупного ученого [Цветков, 2000; Цветков, 2008; Цветков, 2009; Цветков, 2013; Цветков, 2016; Цветков, 2014].

составляющей; вожди Белого дела стремились к соблюдению правопреемственности, неразрывности в статусе и деятельности структур управления и в законодательной базе. Согласно Цветкову, «политика Белого движения имела целью создание условий и предпосылок для образования завершённой, достаточно устойчивой всероссийской государственной системы» [Цветков, 2016. С. 544]. Стремление к преемственности, полагает Василий Жанович, выражалось также и в определённо прослеживаемой в проектах идеологов Белого дела тенденции «к введению в России конституционной монархии, или хотя бы возврата к “думской монархии” периода 1905–1917 гг. Несомненно слабыми, – заключает автор, – были позиции как сторонников возврата к “неограниченному самодержавию”, так и “республиканцев»» [Цветков, 2016. С. 545]. Василий Жанович также автор первой научной монографии основоположника Белого движения генерала М.В. Алексеева, которого он по справедливости считает одной из центральных столбовых фигур русской военной истории начала XX в.¹

Сложно подобрать эпитеты также и для оценки вклада в историографию Гражданской войны московского историка Андрея Владиславовича Ганина, научная плодovitость которого не может не восхищать. Андрей Владиславович – автор многочисленных монографий и более 600 научных статей. Автору этих строк уже приходилось обращаться к анализу творчества А.В. Ганина, с невероятной увлечённостью разрабатывающего проблематику истории русского офицерского корпуса в годы революции и Гражданской войны. На мой взгляд, из числа работ последних лет Андрею Владиславовичу в наибольшей степени удалась монография «Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг.» [Ганин, 2019], резонансные «Измена командармов» [Ганин, 2020] и «Семь почему российской Гражданской войны» [Ганин, 2018]². Полагаю, что талант А.В. Ганина не только как крупного исследователя, но и одарённого литератора и вдумчивого наблюдателя нашёл свое отражение в таких его книгах, как «50 офицеров» [Ганин, 2022а] и в особенности «Белый генерал и красный военспец Яков Слащев-Крымский» [Ганин, 2021], драма жизни которого была описана

¹ См.: [Пученков, Богомазов, 2016].

² См. рецензию на эту книгу, подготовленную автором этих строк: [Пученков, 2018].

Андреем Владиславовичем с большой художественной силой. В известной степени обобщением огромной исследовательской работы, проделанной А.В. Ганиным, стала его фундаментальная монография «Военспецы», вышедшая в 2022 г. [Ганин, 20226].

Глубокого уважения заслуживают труды Антона Викторовича Посадского, успешно работающего не только как исследователь, но и как талантливый организатор науки. Перу А.В. Посадского принадлежит несколько монографий и вышедшие под его редакцией два сборника статей [Посадский, 2018; Посадский, 2018; «Атаманщина» и «партизанщина»... 2015; Вожаки и лидеры Смуты, 2017; Посадский, 2020]. Ростовский специалист Ольга Михайловна Морозова – также автор ряда серьезных исследований, среди которых выделяется интересная биография видного участника Белого движения генерала И.Г. Эрдели [Морозова, 2012; Морозова, 2017]. Заметный след в историографии Гражданской войны оставили работы профессора Леонида Алексеевича Молчанова, к сожалению, рано ушедшего из жизни¹. Андрей Сергеевич Кручинин – не только автор известного жизнеописания адмирала А.В. Колчака [Кручинин, 2010], но и ряда статей, посвященных такой яркой и незаурядной фигуре, как Я.А. Слащев². На мой взгляд, недооценено значение и его интересной книги, посвященной изучению попыток истории создания крымско-татарских формирований в Добровольческой армии – сюжету, прежде практически не разрабатываемому другими специалистами [Кручинин, 1999]. Нередко в своем кругу представители моего поколения с благодарностью и огромным уважением отзываются о той подвижнической работе, которая была проделана Андреем Сергеевичем – талантливым ученым и блестящим лектором, в 1990–2000-е гг. в рамках популяризации Белого движения и исторической памяти о Гражданской войне.

Последние годы ознаменовались и определенным изменением интереса специалистов в сторону изучения истории Гражданской войны в регионах. По правомерному утверждению известного петербургского историка Николая Николаевича Смирнова, «несомненной новацией постсоветской историографии является включение регионального аспекта в контекст Гражданской войны» [Смирнов, 2021.

¹ Укажем лишь основные работы Л.А. Молчанова, посвященные истории Гражданской войны в России: [Молчанов, 2002; Молчанов, 2007].

² Укажем основные: [Кручинин, 1995; Кручинин, 2006; Кручинин, 2011].

С. 275]. Примером этому может служить не только деятельность тех историков, которые неумолимо и плодотворно занимаются изучением истории Гражданской войны в Сибири и на Севере России (результаты их трудов заслуживают отдельного исследования), но и работы ученых, специализирующихся на изучении событий междоусобицы на Юге России. К числу таких специалистов, связавших свою научную жизнь в первую очередь с изучением именно южнорусского Белого движения, может быть отнесен и петербургский историк Владимир Борисович Лобанов, отметившийся еще в 2012 г. серьезной монографией, посвященной истории Белого движения на Северном Кавказе в ноябре 1917 – мае 1919 гг. [Лобанов, 2012]. В 2017 г. исследователь познакомил научную общественность со своим капитальным трудом «Терек и Дагестан в огне Гражданской войны: Религиозное, военно-политическое и идеологическое противостояние в 1917–1920 годах» [Лобанов, 2017]¹, в основу которого был положен поистине огромный материал, извлеченный автором из центральных и региональных архивохранилищ. Подводя итог своему исследованию Гражданской войны в регионе, историк правомерно заключает: «Северный Кавказ не избежал общей участи Российской империи, самозабвенно погрузившись в войну всех против всех. Природная воинственность горцев, архаичность политического развития региона, помноженные на фанатичную религиозность местного населения, придали Гражданской войне на Северном Кавказе неслыханную степень ожесточения. Спасти местное население от самоистребления смогла только Советская власть, восстановившая традиционный российский суверенитет над всем Кавказом» [Лобанов, 2017. С. 467].

Региональный разворот исследований Гражданской войны на Юге был продолжен и в фундаментальной монографии молодого екатеринбургского исследователя Юрия Сергеевича Пыльцына «Терские казаки на переломе эпох. Антибольшевистские вооруженные формирования Терского казачества (октябрь 1917–1922 гг.)» [Пыльцын, 2022]. В известной степени к региональным исследованиям может быть отнесена и монография автора этих строк «Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории» [Пученков, 2013],

¹ Одному из ключевых эпизодов событий Гражданской войны на Северном Кавказе, рассматриваемому в книге, – Терскому восстанию 1918 г., была посвящена интересная статья В.Б. Лобанова. См.: [Лобанов, 2013].

опубликованная незадолго до начала памятных событий на Майдане. В свою очередь, национальный вопрос, отношения белых властей с национальными окраинами в деникинский период истории Белого Юга были рассмотрены в моей монографии «Национальная политика генерала Деникина», выдержавшей уже два издания [Пученков, 2012; Пученков, 2016].

В последние годы очень ярко заявил о себе и петербургский историк Антон Александрович Чемакин, из многочисленных работ которого выделяется интереснейшая книга «“Анонимный центр”: Тайные монархические организации и правый терроризм на белом Юге России» [Чемакин, 2020] – пример талантливого исторического расследования, автором которого был всесторонне рассмотрен и изучен феномен правого политического терроризма и деятельности такой тайной монархической организации, как «Анонимный центр», о которой до сих пор в исторической науке встречались лишь отрывочные сведения. Подводя итог своему исследованию, А.А. Чемакин пишет: «Белое движение, которое началось летом 1917 г. с разумных требований восстановления дисциплины и порядка в армии, так и не смогло по большому счету эту дисциплину возродить. Наличие тайных крайне правых организаций, пытающихся проводить свою собственную политику, сыграло для крушения дисциплины в Вооруженных силах Юга России роль не меньшую, чем всевозможные „комитеты“ в период деятельности Временного правительства. Впрочем, и левые круги тоже старались по мере сил – не будем забывать и про деятельность „самостийников“, разлагавших кубанские части, и про подпольные эсеровские организации (которые, впрочем, были больше характерны для сибирской армии Колчака). Добровольческое движение зарождалось как протест против митинговщины и политиканства в армии, а закончилось... митинговщиной и политиканством <...> В отличие от белых, большевики – пусть и не сразу – смогли создать действительно дисциплинированную армию, в итоге и победившую в Гражданской войне» [Чемакин, 2020. С. 450–451].

Важным значением обладает и попытка изучения истории Гражданской войны на Юге сквозь призму деятельности Российской православной церкви и ее отношений с белыми властями, религиозного фактора в период революции и Гражданской войны 1917–1922 гг., религиозной политики большевиков в первые годы советской власти.

В этом контексте важным значением обладают обобщающие труды петербургского исследователя Анатолия Николаевича Кашеварова, автора многочисленных трудов по истории русского православия в XX в. [Кашеваров, 2005]. Внимание историков привлекает и положение российского духовенства в годы Гражданской войны на окраинах нашего государства. Примером такого регионального разворота может служить монография автора этих строк, написанная им в соавторстве с талантливым петербургским историком Владимиром Витальевичем Калиновским [Пученков, Калиновский, 2020]. На страницах этой книги мы предприняли попытку рассмотрения деятельности одного сословия – православного духовенства – в *одном регионе* – Крыму, который, согласно нашему суждению, можно и должно рассматривать в контексте эпохи революции и Гражданской войны как своеобразную фотографию всей многослойной и абсолютно непредсказуемой по самой природе своей России – правда, в миниатюре [Пученков, Калиновский, 2020. С. 12]. Полагаю, что удачный пример обзора взаимоотношений РПЦ со светскими властями, верующими, различными социальными группами и политическими движениями в годы Гражданской войны (1917–1922 гг.) можно увидеть в работе крупного историка Сергея Львовича Фирсова [Фирсов, 2018]; в свою очередь, в недавних статьях Н.Н. Смирнова обозначены ключевые проблемы истории РПЦ в годы Гражданской войны, работу над которыми предстоит продолжить исследователям¹. На мой взгляд, серьезным научным значением обладает и важная в проблемном отношении статья В.В. Калиновского, в которой глубокому анализу подвергается религиозное мировоззрение белых вождей [Калиновский, 2021. С. 107–113]. Замечательный ростовский исследователь Юлия Александровна Бирюкова подготовила и тщательно прокомментировала два сборника документов, посвященных работе Юго-Восточного церковного Собора в Ставрополе в 1919 г., а также проблемам истории церковной жизни на Дону в годы Гражданской войны; ей же принадлежит ряд важных статей и монографий, посвященных церковной проблематике [Юго-Восточный Русский Церковный Собор... 2018; Бирюкова, 2019; Церковь на Дону... 2022].

¹ См.: [Калиновский, Смирнов, 2021; Смирнов. 2022].

Историками плодотворно разрабатывается и экономическая составляющая истории Гражданской войны. Так, петербургский историк Михаил Викторович Ходяков опубликовал интереснейшую работу, посвященную истории денежного обращения в годы Гражданской войны. Книга эта выдержала уже несколько изданий [Ходяков, 2009; Ходяков, 2018]¹.

В настоящий момент можно констатировать, что историография Гражданской войны на Юге России развивается необычайно плодотворно: серьезному научному анализу подвергаются такие аспекты Гражданской войны на Юге России, как история политических партий на Белом Юге России, непосредственно военный фазис конфликта между белыми армиями Юга России и Красной армией (например, основательно изучены Первый и Второй Кубанский походы Добровольческой армии, проанализированы причины поражения Красной армии на Северном Кавказе в 1918 г.), религиозный фактор в годы Гражданской войны на Юге России, национальный вопрос в регионе, историческая биографика, финансовое обращение на Белом Юге России, значения фактора интервенции и многое другое. В значительной степени столь интенсивному развитию историографического процесса способствовала «архивная революция» рубежа 1980-х – начала 1990-х гг., открывшая свободный доступ к тем документам, которые были, по сути, недоступны для предыдущего поколения исследователей. Конечно, это облегчило работу тех исследователей, которые пришли в серьезную науку уже после 1991 г. Их неустанный архивный поиск дал очевидные и впечатляющие результаты в виде многочисленных книг и статей. К настоящему моменту, на мой взгляд, можно утверждать, что как признанные мастера историографии сложились такие историки, как В.Ж. Цветков, Р.Г. Гагкуев, А.В. Ганин. Убежден, что и они, и другие специалисты, упомянутые в этой работе, еще не сказали своего последнего слова в науке. Научный поиск продолжается. На мой взгляд, историки еще даже не завершили черновую работу по сбору архивных материалов и их обработке, процесс изучения Гражданской войны все еще находится в рамках накопления фактологического материала и превращения его в историческое знание.

¹ Книга эта вышла и на английском языке: [Khodyakov, 2014]. Также см.: [Владимирский, 2009; Пученков, 2020a].

Проведенный мной анализ заведомо неполон, он ограничен – во многом искусственно – исключительно рамками данной статьи. Надеюсь, что в дальнейшем обстоятельства не помешают мне подготовить более масштабное исследование историографии истории Гражданской войны на Юге России в период с 1991 г. и до настоящего времени.

Литература

«Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: сб. статей и материалов / сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М., 2015. 854 с.

Абиякин Р.М. Офицерский корпус Добровольческой армии: Социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг. Орел, 2005. 204 с.

Бирюкова Ю.А. Участие духовенства в политических партиях и надпартийных организациях на белом Юге в период Гражданской войны // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 4. С. 880–899.

Бортневский В.Г. Белое дело: Люди и события. М., 1993. 60 с.

Бортневский В.Г. Загадка смерти генерала Врангеля: Неизвестные материалы по истории русской эмиграции 1920-х годов. СПб., 1996. 166 с.

Бортневский В.Г. Избранные труды. СПб., 1999. 492 с.

Владимирский М.В. Финансовый фронт белого Юга // Вопросы истории. 2009. № 10. С. 60–72.

Вожаки и лидеры Смуты. 1918–1922 гг. Биографические материалы: сб. ст. и материалов / под ред. А.В. Посадского. М., 2017. 584 с.

Гагкуев Р.Г. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012. 704 с.

Гагкуев Р.Г. Белое движение в России: социальный состав и источники комплектования белых армий: 1917–1922 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2013. 1235 с.

Гагкуев Р.Г. Генерал С.Л. Марков в январе – апреле 1917 г. // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 2. С. 368–385.

Гагкуев Р.Г. Бердичевские узники: арест генерала А.И. Деникина и офицеров штаба Юго-Западного фронта в дни Корниловского выступления (август – сентябрь 1917 г.) // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 312–339.

Гагкуев Р.Г. Гражданская война. Конфликт без хронологии? // Российская история. 2019. № 1. С. 37–42.

Гагкуев Р.Г., Пученков А.С. Александр Иванович Ушаков (1963–2021): Памяти коллеги и друга // Новый исторический вестник. 2021. № 3 (69). С. 6–9.

Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. 864 с.

Ганин А.В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М., 2019. 318 с.

Ганин А.В. Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2020. 800 с.

Ганин А.В. Белый генерал и красный военспец Яков Слащев-Крымский. М., 2021. 256 с.

Ганин А.В. 50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе. 1917–1922 гг. М., 2022. 704 с.

Ганин А.В. Военспецы. Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М., 2022. 768 с.

Ганин А.В. Фундаментальный труд о становлении Добровольческой армии // Российская история. 2022. № 3. С. 227–230.

Голдин В.И. Гражданская война в России: проблемы современной историографии // Российская история. 2022. № 3. С. 109–121.

Гребенкин И.Н. Добровольцы и Добровольческая армия: на Дону и в «Ледяном походе». Рязань, 2005. 241 с.

Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. 320 с.

Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. 298 с.

Иоффе Г.З. Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. 373 с.

Иоффе Г.З. Белое дело. Генерал Корнилов. М., 1989. 291 с.

Иоффе Г.З. Семнадцатый год. Ленин. Керенский. Корнилов. М., 1995. 238 с.

Иоффе Г.З. Белое дело в России и за рубежом. Общий взгляд. От «корниловщины» до Белого дела (на Юге) // Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии. СПб., 2018.

Ипполитов Г.М. Кто вы, генерал А.И. Деникин? Самара, 1999. 244 с.

Калиновский В.В. К вопросу о религиозности «белых» вождей // *Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Западно-Сибирского восстания и 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны.* Омск, 2021. С. 107–113.

Калиновский В.В., Смирнов Н.Н. Актуальное наследие Сибирского Собора // *Российская история.* 2021. № 6. С. 215–219.

Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на Юге России (1917–1920 гг.). 3-е изд., доп. и перераб. М., 2006. 454 с.

Карпенко С.В. Белые генералы и красная смута. М., 2009. 432 с.

Кашеваров А.Н. Православная российская церковь и советское государство (1917–1922). М., 2005. 437 с.

Козлов А.И. Антон Иванович Деникин (человек, полководец, политик, ученый). М., 2004. 440 с.

Кручинин А.С. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М., 2010. 538 с.

Кручинин А.С. Генерал Я.А. Слащев-Крымский и самосознание добровольческого офицерства // *Белое движение на Юге России (1917–1920): неизвестные страницы и новые оценки.* М., 1995. С. 41–47.

Кручинин А.С. Крымско-татарские формирования в Добровольческой армии: история неудавшихся попыток. М., 1999. 93 с.

Кручинин А.С. П.Н. Врангель и Я.А. Слащев: конфликт личностей или конфликт стратегий? // *Крым. Врангель. 1920 год / сост. С.М. Исхаков.* М., 2006. С. 39–55.

Кручинин А.С. Генерал-лейтенант Я.А. Слащев-Крымский // *Белое движение: исторические портреты.* М., 2011. С. 563–607.

Лобанов В.Б. Белое движение на Северном Кавказе (ноябрь 1917 – май 1919 гг.). СПб., 2012. 173 с.

Лобанов В.Б. К истории Гражданской войны на Северном Кавказе: Терское восстание 1918 г. // *Новейшая история России.* 2013. № 1 (06). С. 56–65.

Лобанов В.Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны: Религиозное, военно-политическое и идеологическое противостояние в 1917–1920 годах. СПб., 2017. 483 с.

Лобанов В.Б. Последнее дело генерала М.В. Алексева // *Российская история.* 2022. № 3. С. 230–233.

Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917–1920 гг.). М., 2002. 272 с.

Молчанов Л.А. Собственными руками своими мы растерзали на клочки наше государство: сб. ст. М., 2007. 207 с.

Морозова О.М. Антропология Гражданской войны. Ростов н/Д., 2012. 560 с.

Морозова О.М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели: страницы истории Белого движения на Юге России. М., 2017. 223 с.

Посадский А.В. Зеленое движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918–1922 гг. М., 2018. 319 с.

Посадский А.В. Полковник В.К. Манакин и Саратовский корпус: эпизод Гражданской войны. М., 2018. 520 с.

Посадский А.В. Медицина Белого Юга в Гражданской войне: структуры, решения, повседневность // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 2. С. 315–329.

Пученков А.С. Переворот в цирке // Родина. 2007. № 7. С. 81–83.

Пученков А.С. Конец Кулабухова, или рассказ об одном повешенном // Родина. 2008. № 3. С. 41–44.

Пученков А.С. Киев в конце 1918 г.: Падение режима гетмана П.П. Скоропадского // Новейшая история России. 2011. № 2 (2). С. 57–72.

Пученков А.С. «Даешь Варшаву!»: Из истории советско-польской войны 1920 г. // Новейшая история России. 2012. № 2 (4). С. 24–40.

Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 гг.). СПб., 2012. 338 с.

Пученков А.С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013. 351 с.

Пученков А.С. Антибольшевистское движение на Кубани в начале Гражданской войны (ноябрь 1917 г. – февраль 1918 г.): к истории отряда генерала В.Л. Покровского // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 98–111.

Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 гг.). Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2016. 398 с.

Пученков А.С. От Сибири до Крыма... Обреченность белых? // Российская история. 2018. № 4. С. 204–207.

Пученков А.С. Во имя блага России: из истории признания генералом А.И. Деникиным верховенства адмирала А.В. Колчака // *Гражданская война на Востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию восстановлению советской власти в Сибири.* Омск, 2019. С. 189–194.

Пученков А.С. «Колокольчики», «юденьки» и «врангелевки» // *Вопросы истории.* 2020. № 1 (0–4). С. 282–287.

Пученков А.С. Размышляя о Гражданской войне // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки.* 2020. № 4. С. 33–37.

Пученков А.С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных Сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 года). СПб., 2021. 814 с.

Пученков А.С., Богомазов Н.И. Основоположник Белого движения // *Российская история.* 2016. № 6. С. 190–196.

Пученков А.С., Калиновский В.В. Духовный форпост России. Православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах. СПб., 2020. 407 с.

Пыльцын Ю.С. Терские казаки на переломе эпох. Антибольшевистские вооруженные формирования Терского казачества (октябрь 1917–1922 гг.). М., 2022. 821 с.

Смирнов Н.Н. К вопросу о новаторских подходах в изучении истории Гражданской войны в России // *Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Западно-Сибирского восстания и 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны.* Омск, 2021.

Смирнов Н.Н. «Нельзя отделять церковь от Гражданской истории...» // *Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность.* 2022. Т. 7, № 2. С. 57–64.

Ушаков А.И., Федюк В.П. Белый Юг. Ноябрь 1919 – ноябрь 1920. М., 1997. 100 с.

Ушаков А.И., Федюк В.П. Лавр Корнилов. М., 2006. 398 с.

Федюк В.П. Белое движение на Юге России 1917–1920 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Ярославль, 1995. 572 с.

Федюк В.П. Белые. Антибольшевистское движение на юге России 1917–1918 гг. М., 1996. 153 с.

Фирсов С.Л. «Время войне и время миру»: Православная Российская церковь и Гражданская война в России. Очерки истории и историографии. СПб., 2018. 168 с.

Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России. 1917–1920 гг. СПб., 2009. 224 с.

Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской войны. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2018. 312 с.

Цветков В.Ж. Белые армии Юга России. 1917–1920 гг. М., 2000. 253 с.

Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008. 520 с.

Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009. 635 с.

Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1919–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2013. Ч. I. 496 с.

Цветков В.Ж. Генерал Алексеев. М., 2014. 544 с.

Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1920–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2016. Ч. II. 640 с.

Церковь на Дону в годы Гражданской войны, 1918–1919 гг. Исследования Особой комиссии: сб. документов / под ред. Ю.А. Бирюковой и Е.А. Агеева. Волгоград, 2022. 392 с.

Чемакин А.А. «Анонимный центр»: Тайные монархические организации и правый терроризм на белом Юге России (1918–1920). М., 2020. 640 с.

Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 года: сб. документов / под ред. Ю.А. Бирюковой. М., 2018. 372 с.

Khodjakov M.V. Money of the Russian Revolution: 1917–1920. Cambridge Scholars Publishing, 2014. 265 p.

УДК 94(47+57)

doi:10.31518/978-5-98901-255-8-44-51

А.Ю. Суслов

Индивидуальный политический террор в годы Гражданской войны в России: проблемы современной историографии

A.Yu. Suslov

Individual Political Terror During the Civil War in Russia: Problems of Modern Historiography

Аннотация. Анализируются проблемы индивидуального политического террора в годы Гражданской войны в историографии последних лет. В центре внимания – дискуссия о покушениях на В.И. Ленина в 1918 г., а также убийства В. Володарского и М. Урицкого. Анализируются основные сюжеты, затронутые в работах А.Л. Литвина, К.Н. Морозова и других исследователей, рассматриваются различные версии и подходы – роль Ф. Каплан, организации Б.В. Савинкова, группы Г.И. Семенова, партии социалистов-революционеров.

Ключевые слова: террор, В.И. Ленин, Ф. Каплан, Б.В. Савинков, покушение, историография.

Проблема индивидуального политического террора в годы Гражданской войны в России является одной из наиболее острых и дискутируемых в историографии. В определенной степени индивидуальный террор стал оправданием для массовых репрессий, к которым прибегали все противоборствующие стороны. Цель данной статьи – обзор современной историографии покушений на жизнь В.И. Ленина в 1918 г., а также обстоятельств гибели В. Володарского и М. Урицкого. Эти сюжеты имеют длительную историографическую традицию, которая в последнее время вновь активизировалась.

Небольшая книга известного российского историка, доктора исторических наук, заслуженного профессора Казанского университета А.Л. Литвина, вышедшая в 2021 г., рассматривает сюжеты, связанные с покушениями на В.И. Ленина в 1918 г. Тогда было совершено два

покушения – 1 января и 30 августа, и именно второе покушение получило широкий резонанс и имело далеко идущие последствия. Осенью 1918 г., как отмечает Литвин, «были созданы многие формы и методы карательной политики в стране, которые затем осуществлялись целые десятилетия» [Литвин, 2021. С. 59].

Книга А.Л. Литвина, с одной стороны, – это своеобразный итог многолетних исследований автора, посвятившего событиям 30 августа 1918 г. немало работ, в том числе выступившего одним из публикаторов следственного дела Ф. Каплан (два издания – 1995 и 2003 г.) [Фанни Каплан, 1995; Дело Фанни Каплан, 2003]. С другой – реакция на вновь начатую усилиями московского историка К.Н. Морозова в современной историографии дискуссию об организаторах покушения, роли Ф. Каплан, Б. Савинкова, Г. Семенова, большевистской элиты и руководства партии социалистов-революционеров [Морозов, 2018; Морозов, 2018а; Морозов, 2018б; Морозов, 2020]. Кроме того, в работе затрагиваются различные аспекты, связанные с убийством В. Володарского и М. Урицкого.

Первое покушение на жизнь Ленина произошло в Петрограде 1 января 1918 г., когда вечером был обстрелян автомобиль вождя, возвращавшегося в Смольный. В машину стреляли офицеры из бывшего «Союза георгиевских кавалеров», в покушении участвовало около 10 человек, все они были арестованы, но вскоре освобождены, трое отправлены на фронт. Литвин не считает, что к этому покушению имел отношение Б.В. Савинков, как это утверждают К.Н. Морозов и А.Ю. Морозова во вступительной статье к сборнику документов о братьях Савинковых. По их мнению, Савинков «в той или иной степени» причастен к событиям как 1 января 1918 г., так и 30 августа [Три брата, 2019. С. 103]. Аргументами служат собственные признания Савинкова, сделанные им в автобиографии 1921 г. и в очерке «С момента большевистской революции и до настоящего времени...», повествующем о борьбе антибольшевистских сил и обосновывающем необходимость поддержки их со стороны союзников. Однако, как подчеркивает Литвин, Савинков вряд ли мог быть в Петрограде в это время, а созданный им «Союз защиты Родины и свободы» начал свою деятельность спустя полтора-два месяца после этой даты.

20 июня 1918 г. в Петрограде был застрелен комиссар печати, пропаганды и агитации в Союзе коммун Северной области Володарский. На процессе 1922 г. утверждалось, что Володарский был убит

членом семеновской организации И. Сергеевым. Следствие, которое велось в 1918–1919 гг., не выявило причастности ПСР к этому убийству, более того, наиболее вероятный убийца – опознанный свидетелями латыш П. Юргенс (расстрелянный ВЧК) совершил этот акт не по политическим, а по личным мотивам. Рассматривая гибель М. Володарского, И.С. Ратьковский выдвигает дополнительные аргументы в пользу причастности эсера И. Сергеева к покушению. Речь идет о воспоминаниях участников революционного движения, выступавших на вечере в 1933 г. и упоминавших Сергеева как реально существовавшее лицо [Ратьковский, 2021. С. 144–146]. Вместе с тем эти свидетельства плохо согласуются с материалами следствия и требуют, очевидно, дополнительного рассмотрения.

Широко известна реакция В.И. Ленина на гибель Володарского в письме Г.И. Зиновьеву: «Тов. Зиновьев! Только сегодня мы узнали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором, и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты или пекисты) удержали. Протестую решительно! Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную энергию масс, вполне правильную. Это не-воз-мож-но! Террористы будут считать нас тряпками. Время архивное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример которого решает». Однако массовый террор на тот момент развязан не был, в том числе из-за противодействия руководителя Петроградской ЧК М. Урицкого, убитого 30 августа 1918 г. 22-летним студентом петроградского политехнического института, бывшим юнкером Михайловского военного училища, поэтом Л.А. Каннегисером. Мотивом стала личная месть за расстрелянного друга В. Перельцвейга. В то же время и следствием в 1918 г., и в настоящее время выдвигаются предположения о связи Каннегисера с политической деятельностью его двоюродного брата М.М. Филоненко, который являлся социалистом-революционером и был связан с Б. Савинковым. По мнению И.С. Ратьковского, Каннегисер «...являлся не одиночкой-террористом, а членом подпольной группы известного эсера Филоненко, соратника Б.В. Савинкова» [Ратьковский, 2021, С. 404]. Однако, как подтвердили все родственники и он сам, с начала войны они не встречались [Литвин, 2021. С. 17].

Основное внимание в книге А.Л. Литвина уделено второму покушению на Ленина – 30 августа 1918 г., когда Ленин был ранен несколькими выстрелами после митинга на заводе Михельсона в Москве. Исполнителем была объявлена Ф. Каплан, расстрелянная без суда 3 сентября 1918 г. Покушение 30 августа, как и роль в этом Ф. Каплан, имеет долгую и сложную судьбу в историографии [Литвин, 2019. С. 267–278]. Как отмечает Литвин, данная тема до сих пор относится к «актуальному прошлому», учитывая разные подходы и версии этого события. В советской историографии Каплан считали эсеркой, стрелявшей в Ленина; эмигрантские и часть современных исследователей полагают, что Каплан не была членом партии социалистов-революционеров и в Ленина не стреляла. Называются имена тех, кто мог это совершить: правые эсеры Л. Коноплева, В. Новиков, левый эсер А. Протопопов. Традиционная советская версия сложилась накануне и в ходе известного судебного процесса 1922 г. над лидерами партии социалистов-революционеров. Их обвинили в организации террора против советских вождей на основании, главным образом, брошюры бывшего эсера Г.И. Семенова «Военная и боевая работа Партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг.».

По мнению Литвина, Каплан к покушению на Ленина никакого отношения не имела, была больной, полуглухой и полуслепой истеричной женщиной «с глубоко несчастной судьбой». Документы судебного процесса над правыми эсерами 1922 г., который носил политический, а не юридический характер, не могут рассматриваться в качестве доказательства ее вины.

Множество вопросов остаются неразрешенными: кем и по чьему приказу был расстрелян Протопопов (в тот же вечер 30 августа 1918 г., как пишет Литвин [Литвин, 2021. С. 23]), почему была оставлена в живых Л. Коноплева, какова роль во всем этом Г.И. Семенова и Б.В. Савинкова? Парадоксально, но вполне возможен вариант, что все три покушения 1918 г. были осуществлены по личным, а не политическим мотивам, однако использовались властями как предлог для организации массовых политических репрессий. Работа А.Л. Литвина, как и исследования К.Н. Морозова, И.С. Ратьковского и других авторов, не дает окончательных ответов, но стимулирует дальнейший научный поиск, дает импульсы для исследования одного из самых сложных и драматических периодов отечественной истории.

В современной историографии есть и другие версии. Так, К.Н. Морозов и А.Ю. Морозова, составители сборника документов «Три брата (То, что было)», посвященного братьям Савинковым, высказали точку зрения, что к покушению на Ленина 30 августа 1918 г. был причастен Б.В. Савинков. С другой стороны, К.Н. Морозов считает, что стреляла именно Ф. Каплан. Он полагает, что, будучи членом партии социалистов-революционеров (ПСР), Ф.Е. Каплан с весны 1918 г. обращалась к ее видным руководителям с предложением совершить покушение на Ленина, но убедившись в невозможности получить разрешение на партийный акт (с правом на допросе объявить акт совершенным по поручению партии и назвать себя членом партии), пошла на индивидуальный акт (от своего имени и под свою ответственность с выходом из партии), на который ей было дано разрешение от члена ЦК ПСР и члена Московского бюро ЦК ПСР Д.Д. Донского, поручившего Г.И. Семенову оказать ей содействие (чем он и воспользовался для выхода за допустимые рамки), и именно Каплан стреляла в Ленина. По мнению Литвина, ни Савинков, ни правые эсеры не имели к этому покушению никакого отношения; невозможно аргументировать доказательства руководства Савинковым террористическими актами против большевистского руководства в 1918 г., опираясь на явно сфальсифицированные данные Г. Семенова и саморекламу Савинкова.

Каковы аргументы К.Н. Морозова? Он отмечает важность рассмотрения проблемы покушения в контексте отношения к террору в эсеровской партии (в послеоктябрьский период террористическая борьба в официальную тактику партии включена не была), когда сохранялась возможность индивидуального (с выходом из партии и от своего имени под свою ответственность), что практиковалось еще в предшествующий дореволюционный период. «Представляется, что Ф.Е. Каплан, поняв, что ЦК ПСР не даст в обозримом времени согласия на партийный террористический акт, с одной стороны, стала искать помощи на стороне и, в частности, по свидетельству Семенова на суде, встречалась с Б.В. Савинковым (...), а с другой стороны – повела переговоры с руководством партии о своей готовности совершить акт индивидуального характера». «Моментом истины» в вопросе о том, какой характер носил акт Ф.Е. Каплан, как ни странно, является то, что она сама говорила об этом на допросе [Морозов, 2018б. С. 102].

В качестве дополнительных аргументов приводятся свидетельства В.М. Зензинова, В.К. Вольского, социал-демократа А.Н. Иоффе [Морозов, 2020. С. 84–85]. Также в 2016 и 2018 гг. была опубликована автобиография бывшего нижегородского эсера П.А. Соколова, написанная в 1925 г. при его попытке вступить в компартию. Там есть фрагмент, связанный с Каплан: «В разговоре как-то с Жидковым он мне рассказал, как готовилась Каплан на покушение Ленина. Прежде чем идти на террор, она по распоряжению ЦК сначала стреляла в цель, и стрельба у нее была превосходная: из 15 данных ей патронов она 14 попала в цель. ЦК думал, что Ленин будет убит наповал» [Автобиография П.А. Соколова, 2018. С. 455; «...У меня к ЦК и его руководителям запало недоверие», 2016. С. 84–100]. Я.В. Леонтьев отмечает, что у него «...нет оснований сомневаться в правдоподобности этого источника» [Покушение на вождя, 2018. С. 70]. Однако, наш взгляд, как обстоятельства создания данной автобиографии, так и формулировки («по распоряжению ЦК») мемуариста оставляют вопрос открытым. Это касается и других свидетельств, носящих косвенный характер.

Морозов делает вывод, что «подготовка к покушениям Савинковым и его людьми велась, террористические группы и существование террористического отдела СЗРиС – не вымысел. Представляется, что на следствии и суде 1924 г. Савинков преуменьшал деятельность этих структур, не дав по ним никакой информации. Но было бы опрометчивым считать, что его высказывания в “Le Matin” и в варшавской брошюре, а также записи в непубличных документах – всего лишь хвастовство. Вне всякого сомнения, он был склонен “набивать себе цену” в качестве сторонника решительной борьбы с большевизмом. Но и рисковать репутацией, опускаясь до прямой лжи, особенно в таком вопросе, как присвоение чужого террористического акта, вряд ли стал бы. Думается, что отбрасывать свидетельства Савинкова нельзя» [Морозов, 2020. С. 89].

Ключевой вопрос – насколько можно доверять тем или иным свидетельствам? Литвин соглашается, что свидетельства Савинкова «отбрасывать просто так нельзя, но они заслуживают доверия лишь после тщательного источниковедческого анализа» [Литвин, 2021. С. 40]. Он делает вывод, что «в Ленина стреляли двое – остались 4 гильзы от разных пистолетов. Это были, по моему мнению, левый эсер Александр Протопопов, мстящий Ленину за арест Спиридоновой, расстрел Александровича и 12 бойцов отряда ВЧК, где он служил

заместителем командира (...) Вторым, кто стрелял, скорее всего, была Лидия Коноплева» [Литвин, 2021. С. 61].

На наш взгляд, в этом запутанном вопросе трудно надеяться на обнаружение новых документов, которые смогут окончательно прояснить ситуацию, поэтому любой сценарий покушения на жизнь Ленина остается гипотезой с более или менее оправданными предположениями. Как справедливо отмечает М.Б. Могильнер, «профессиональные историки, занимающиеся делом Каплан или Савинкова, верят одним и не верят другим свидетельствам, исходя из своего понимания их природы, исторического момента, среды и контекста их создания. И никто из них не может сослаться на некий решающий источник (...) ставящий точку в вопросе о том, кто стрелял в Ленина (и кто стоял за этим покушением)» [Могильнер, 2021. С. 273–274].

Книга петербургского историка И.С. Ратьковского «Гражданская война в России: охота на большевистских вождей (1917–1920)» [Ратьковский, 2021], вышедшая в 2021 г., содержит обзор покушений на большевистских лидеров, в том числе на В.И. Ленина. Автор перечисляет имеющиеся версии событий и в ряде случаев высказывает собственную точку зрения. И.С. Ратьковский полагает, что «...Ф. Каплан являлась исполнителем теракта 30 августа» и что «за ней стояла савинковская организация, а не просто группа Семенова-Васильева» [Ратьковский, 2021. С. 404], однако не приводит дополнительных аргументов. Это можно сказать и о статье А.В. Шубина, который полагает, что «...группа Семенова продолжила террористическую деятельность без ведома ЦК... большинство ЦК ПСР было против покушения, и его организаторы действовали за спиной ЦК и партии, поставив ее перед свершившимся фактом [Шубин, 2021. С. 376].

Литература

Автобиография П.А. Соколова (фрагмент) // Боевой восемнадцатый год: сб. док-тов и воспоминаний / под ред. Я.В. Леонтьева. М.: Русская книга, 2018. С. 447–455.

Дело Фанни Каплан, или Кто стрелял в Ленина? / сост.: В.К. Виноградов, А.Л. Литвин, Н.М. Перемышленникова, В.С. Христофоров; науч. ред А.Л. Литвин. 2-е изд., испр. и доп. М.: X-History, 2003. 295 с.

Литвин А.Л. Российская историография государственного террора в стране, 1917–1953. Изд. 2-е, доп. и уточн. М.: Собрание, 2019. 430 с.

Литвин А.Л. К истории покушений на В.И. Ленина в 1918 году. Казань, 2021. 62 с.

Могильнер М. Архивная история государственного террора: проблема документального свидетельства [Рец.: А.Л. Литвин]. К истории покушений на В.И. Ленина в 1918 году. Казань: ИП Романов Е.Г., 2021. 62 с.] // *Ab Imperio*. 2021. № 2. С. 266–274.

Морозов К.Н. Покушение на В.И. Ленина 30 августа 1918 г.: проблема характера и причастности // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта: мат-лы Междунар. науч. конф. (Москва, 1–3 октября 2018 г.). М.: ГЦМСИР, 2018. С. 154–160.

Морозов К.Н. Ф.Е. Каплан и покушение на В.И. Ленина 30 августа 1918 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 95–114.

Морозов К.Н. «Я не Шарлотта Корде, но жить без действия надоело»: новые свидетельства и штрихи к портрету и биографии Фанни Ефимовны Каплан // Петербургский исторический журнал. 2018. № 3 (19). С. 345–361.

Морозов К.Н. «Я имел связь с группой террористов»: проблема причастности Б.В. Савинкова к покушению на В.И. Ленина 30 августа 1918 г. // Российская история. 2020. № 2. С. 78–90.

Покушение на вождя // Историк. 2018. № 45. С. 66–71.

Ратьковский И.С. Гражданская война в России: охота на большевистских вождей (1917–1920). М.: Наше завтра, 2021. 431 с.

Три брата (то, что было) / сост., авт. пред. и коммент. К.Н. Морозов, А.Ю. Морозова. М.: Новый хронограф, 2019. 1015 с.

«...У меня к ЦК и его руководителям запало недоверие»: автобиография члена боевой группы Кулебакской организации Партии социалистов-революционеров П.А. Соколова (1925 г.) / вступ. ст., подгот. текста к публ. и коммент. В.П. Сапон // Отечественные архивы. 2016. № 4. С. 84–100.

Фанни Каплан, или Кто стрелял в Ленина?: сб. док-тов. Казань: Татарское газетно-журнальное изд-во, 1995. 189 с.

Шубин А.В. Выстрел в сердце большевизма // Жить историей и думать о будущем: сб. ст. и мат-лов к 60-летию д-ра ист. наук К.Н. Морозова. М., 2021. С. 365–376.

**Лидеры Алаш и политические деятели Сибири
в период Гражданской войны в России
(аспекты историографии вопроса)***

K.G. Akanov

**Leaders of Alash and Political Figures of Siberia
During the Civil War in Russia
(Aspects of Historiography of the Question)**

Аннотация. В статье осуществляется изучение вопроса взаимоотношений лидеров Сибирского региона и казахского национального движения Алаш в период Гражданской войны в России (1917–1922 гг.). Особое внимание уделяется анализу имеющегося массива историографических источников, где рассматривается история отношений лидеров Алаш и сибирских общественных деятелей – видных представителей российской политической элиты, через изучение разноплановых трудов и работ, посвященных личностям, сыгравшим ключевую роль в процессе взаимодействия Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства.

Ключевые слова: Гражданская война, Алаш, Сибирь, казахско-русские отношения, история Казахстана, история России, историография.

Сибирский регион играл важную роль в формировании казахской интеллектуальной элиты, многие представители которой стали впоследствии лидерами национального движения Алаш и членами правительства автономии Алаш-Орда, чьи идеологические основы зародились в начале XX в. и активно проявились в годы Гражданской войны в России (1917–1922 гг.). Исследователям широко известны взаимные контакты одного из руководителей Алаш А.Н. Букейханова с видными российскими общественно-политическими деятелями Сибири Г.Н. Потаниным, П.С. Вологодским, В.В. Сапожниковым и А.М. Ярмошем, будущими лидерами правительственных органов автономной

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан (Грант № AP14869935)

Сибири – Сибирской областной думы и Временного Сибирского правительства [Аманжолова, 1993. С. 6–7; Козодой, 2021. С. 76–81].

Во время своей этнографической деятельности уроженец Павлодарской области Г.Н. Потанин совершал неоднократные научные экспедиции в казахские степи, знакомился с местным населением, имел дружеские контакты с активными участниками Алаш Ж. Акпаевым и А. Ермаковым и являлся весьма уважаемым для них человеком. Об этом убедительно говорят факты таких инициатив представителей научной и творческой элиты движения по отношению к Г.Н. Потанину, как публикация статей, посвящение стихотворных произведений, выдвижение его кандидатуры первой в списке депутатов в Учредительное собрание от имени «кочевого населения Семипалатинской области» [Сагалаев, 2004; Зиновьев, 2011; Рахимов, 2011; «Информационное сообщение...»; Рахимжанова, 2012; Кадыралина, 2015. С. 29–35]. Неслучайно в выступлении А.А. Ермакова на I Сибирском областном съезде от 9 октября 1917 г. прозвучали слова о том, что когда национальности обрели возможность «сами устраивать свою жизнь ... Сибирь мощно и сильно заговорила о своих нуждах на языке всех народов»¹.

Основная цель статьи – проведение анализа имеющегося массива публикаций по проблеме взаимоотношений лидеров Алаш с сибирскими политическими деятелями в период Гражданской войны 1917–1922 гг., включающего в себя изучение сведений об участии казахских делегатов, в том числе членов движения Алаш, в I Сибирском областном и Чрезвычайном общесибирском съездах.

Изучение места и значения Сибирского региона в политике лидеров движения Алаш является важным и актуальным направлением казахстанской и российской историографии. К настоящему времени в историографии по теме исследования накопился достаточно обширный массив научных работ, позволяющий выявить несколько наиболее значимых направлений.

Целесообразно выделить несколько общих или разноплановых работ, которые затрагивают круг проблем взаимодействия лидеров Алаш и Алаш-Орды с политическими и государственными деятелями Сибири, в которых широко раскрывалась значимость данного региона

¹ Государственный архив Томской области. Р-72. Оп. 1. Д. 85. Л. 21 об.

в период Гражданской войны. В первую очередь отметим работы одного из крупнейших специалистов по истории Алаш Д.А. Аманжоловой, монографические исследования которой по данной тематике датируются началом 1990-х гг. и продолжают в настоящий момент. В учебном пособии 1993 г. указывалось, что представители Алаш в этот период не возражали против идеи «вхождения казахских земель в предполагаемую сибирскую автономию» и отмечалась тесная связь «с сибирскими общественными деятелями, прежде всего кадетами и эсерами» [Аманжолова, 1993. С. 127]. В монографических работах ученого 1994, 2009, 2013 и публикациях 2015, 2016, 2020 гг. изучались сферы военного, политического, хозяйственного и культурного сотрудничества с силами Временного Сибирского правительства (ВСП). Анализировались следующие вопросы: участие лидеров Алаш в Сибирских съездах октября-декабря 1917 г., попытки добиться от ВСП признания Алаш-Орды, положение с земельным вопросом, обсуждение пути создания и легитимизации казахской автономии, процесс формирования совместных военных сил, поиск причин конфликтов и противоречий и др. [Аманжолова, 1993, 2009, 2012, 2013, 2015].

Сюда можно отнести и отдельные публикации В.И. Шишкина. В работе 2009 г. в числе изученных им вопросов – поиск проблем, по которым позиции Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства были близки, поиск причин их конфликтов, содействие ВСП силам Алаш-Орды в организации восстания в Семипалатинске, их взаимоотношения и отношение ВСП к позиции по признанию автономии Алаш и многие другие [Шишкин, 2009, 2011].

Важную группу историографических источников составляет изучение персоналий, сыгравших роль в развитии контактов между Алаш и сибирскими деятелями. К данной группе можно отнести монографию С.В. Селиверстова 2009 г., где рассмотрена роль личностей в сближении представителей «азиатско-сибирских» этносов в «евразийском контексте». В частности, приводится пример Г.Н. Потанина и А.Н. Букейханова, интеграционные связи которых со стороны последнего условно обозначались как «тюрко-западное» и отмечались тем, что он «не отделяет казахский автономизм от сибирского областничества» [Селиверстов, 2019. С. 171–177].

Из исследований, посвященных роли отдельных личностей, следует выделить работы С.-Х. Аккулы, составителя 9-томного издания

полного собрания сочинений А.Н. Букейханова, осуществившего сбор, перевод и анализ его рукописей и публикации. Через призму статей и выступлений лидера Алаш С.-Х. Аккулы обозначает задачи А.Н. Букейханова как делегата Уральской области и Букеевской Орды на Сибирском областном съезде по проблемам образования казахской автономии и ее статуса, самоопределение народов России [Аккулы, 2016. С. 371–375]. Другой видный исследователь, выпустивший в 2021 г. монографию, посвященную изучению жизни и деятельности А.Н. Букейханова, российский ученый В.И. Козодой рассматривает историю установления контактов А. Букейханова с общественными и политическими деятелями Сибири, влияние идей сибирского областничества на формирование теоретической основы образа будущей казахской автономии. Немаловажным являлось определение характера участия А.Н. Букейханова на I Сибирском областном съезде, его позиция и интересы, отношение к нему и его выступлениям со стороны сибирских коллег, а также вопросы сотрудничества с Временным Сибирским правительством. Среди них: подготовка и организация антибольшевистского подполья и совместных выступлений в Семипалатинске, признание ВСП автономии Алаш, планы по сплочению отдельных частей бывшей Российской империи – Сибири, Алаш, Башкирии и Туркестана в единую федерацию, роль «евразийских» идей в процессе сближения с политическими силами Сибири, формирование армии Алаш-Орды и характер поддержки военными силами ВСП [Козодой, 2021. С. 81–85, 160–162, 199–201, 208–225].

Помимо работ, посвященных изучению роли личности А.Н. Букейханова в отношении лидеров Алаш и деятелей Сибири, сюда также отнесем книги и статьи, исследовавшие персоналии других участников казахского национального движения. В монографии Ж.У. Кыдыралиной 2015 г., посвященной изучению жизни и деятельности А.А. Ермакова, помимо участия Алаш в упоминавшихся выше съездах областников Сибири, также рассматривается ряд немаловажных вопросов алашско-сибирского сотрудничества. Среди них: избрание деятелей Алаш в президиум съезда и в руководящие органы сибирской автономии, выявление обстоятельств, затруднявших сближение Алаш-Орды и ВСП, определение результатов попыток получения признания Алашской автономии, отношение к ней сибирских деятелей, планы

Алаш-Орды по созданию национальной армии при содействии ВСП и др. [Кыдыралина, 2015. С. 70–86].

Таким образом, обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что по взаимоотношениям лидеров Алаш и сибирских политических деятелей в период Гражданской войны к настоящему времени накопился достаточно обширный массив историографии, включающий в себя работы как начала 1990-х гг., так и относительно новые, вышедшие в свет в 2020–2021 гг. В статье анализируется далеко не весь список историографических источников по теме исследования, многие из которых остались неохваченными в пределах этой статьи. В то же время отметим, что в используемых публикациях рассматривается значимый круг вопросов сотрудничества, раскрываемый как через разноплановые работы, так и труды, посвященные изучению отдельных личностей, сыгравших важную роль в развитии Алашско-Сибирского сотрудничества. Весьма перспективным направлением здесь может быть дальнейшая группировка историографических источников по теме исследования, что станет важной задачей дальнейших исследований.

Литература

Аккулы С. Алихан Букейхан. Шымкент: АЗИАТ, 2016. Т. 2: Завещание. 628 с.

Аманжолова Д.А. Партия Алаш: история и историография: учеб. пособие. Семипалатинск: Семипалатинский педагогический институт им. Шакарима, 1993. 137 с.

Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. М.: Россия молодая, 1994. 216 с.

Аманжолова Д.А. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы: Таймас, 2009. 412 с.

Аманжолова Д.А. Алаш как этнополитический феномен: опыт истории и историографической рефлексии // Алаш-таным. Ғылыми мақалар жинағы. 1-т. Семей, 2012. С. 107–133.

Аманжолова Д.А. Алаш: исторический смысл демократического выбора. Алматы: Таймас, 2013. 400 с.

Аманжолова Д.А. Из истории взаимодействия Временного Сибирского правительства и Алаш-Орды. From the History of Interaction of Provisional Siberian Government and Alash-Orda // Русская старина. Russkaya Starina. 2015. Vol. 13, Iss. 1. P. 5–18.

Аманжолова Д.А. Из истории соперничества партийно-политических проектов и идей в Степном крае (начало XX в.) // Российские регионы: взгляд в будущее. 2016. № 1 (6). С. 15–42.

Зиновьев В.П. Г.Н. Потанин как друг азиатских народов // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2 (14). С. 34–36.

«Информационное сообщение о кандидатах в Учредительное Собрание по Семипалатинской области» г. Семипалатинск. 3 сентября 1917 г. // Алаш-таным: сб. док-тов. Семей, 2012. С. 11.

Казахский этнополитический проект в 1917 г.: динамика приоритетов и поиск альянсов // Петербургский исторический журнал. 2020. № 1 (25). С. 169–182.

Козодой В.И. Алихан Букейханов: человек-эпоха. Новосибирск, 2021. 312 с.

Кыдыралина Ж.У. Алимхан Ермеков: Судьба и время. Астана: Фолиант, 2015. 440 с.

Рахимжанова Г.Х. Особенности исторического развития в оценке Г.Н. Потанина // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4-1 (76). С. 185–188.

Рахимов Е.К. На родине помнят и чтут великого земляка (к 175-летию Г.Н. Потанина) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2 (14). С. 80–82.

Сагалаев А.М., Крюков В.М. Потанин, последний энциклопедист Сибири: опыт осмысления личности. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. 208 с.

Селиверстов С.В. Казахстан, Россия, Турция: по страницам евразийских идей XIX–XXI веков. Алматы: Баспалар үйі, 2009. 328 с.

Шишкин В.И. Алаш-Орда и Временное Сибирское правительство: несостоявшийся союз. 1918 г. // Исторический архив. 2009. № 1. С. 100–136.

Шишкин В.И. Взаимоотношения Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2011. № 4 (96). С. 110–123.

А.Г. Тепляков

**Белый террор в современной историографии:
традиционная мифология против
попыток переосмысления**

A.G. Teplyakov

**The White Terror in Modern Historiography:
Traditional Mythology vs. Rethinking Attempts**

Аннотация. Проблема белого террора остается одной из самых малоисследованных проблем Гражданской войны в России. Между тем основная фактическая база данной проблематики до сих пор представлена ранней большевистской публицистикой, носящей преимущественно пропагандистский характер. Недавние крупные работы по истории белого террора выпущены сторонниками левой идеологии, очевидная тенденциозность которых позволяет транслировать прежние мифологические взгляды. Между тем критический анализ опубликованных материалов, а также обращение к архивным источникам позволяет отвергнуть не только необольшевистскую точку зрения, но и мнение тех современных историков, которые доказывают равную ответственность белых и красных за огромные демографические потери Гражданской войны.

Ключевые слова: белый террор, пропаганда, Ратьковский, мифология, переосмысление.

Проблемы красного и белого террора активно обсуждаются в последнюю четверть века, но до общественного согласия пока очень далеко. В расколоте по идеологическим мотивам российском обществе наиболее популярны мифические представления о трагедиях прошлого. Так, красный террор изучается интенсивно, и в его происхождении как результате прежде всего воплощения идей о необходимости социальных чисток большинство серьезных исследователей не сомневаются. Но если террор 1930-х гг. к настоящему времени изучен достаточно подробно, то по красному террору периода Гражданской войны надежных данных еще недостаточно. Причиной этого выступает огромный размах стихийного террора, который практи-

ковался с негласной подачи официальных властей в виде так называемого красного бандитизма. Феномен красного бандитизма был неразрывно связан с огромной криминализацией власти, представители которой (особенно военные, чекисты и милиция вкупе с низовыми деятелями партийно-советских структур) повсюду практиковали несанкционированный политический разбой в отношении противников явных и мнимых.

Что касается белого террора, то его изучение также связано с большими источниковедческими проблемами. Несмотря на огромное внимание к истории Гражданской войны, исследователи до сих пор уделяют недостаточное внимание объективной разработке аспектов белого террора, хотя пишут о нем достаточно часто. Отсутствие серьезных объективных трудов по данной проблематике связано с тем, что антибольшевистские правительства обычно не использовали его в качестве способа управления и инструмента масштабных социальных чисток, в связи с чем данный вид карательных-репрессивных усилий выражался в деятельности полевых судов, расправах армии с военнопленными и участниками антиправительственных восстаний. Эти сведения рассеяны по множеству источников и требуют сосредоточенной проработки большого массива в первую очередь архивно-газетного материала.

Изучение белого террора сталкивается с тремя проблемами – мировоззренческой, источниковедческой и дискурсивной. Левонастроенные исследователи до сих пор считают большевистский переворот прогрессивным действием, подхваченным широкими народными массами, которым противостояли могущественные и кровожадные реакционные силы. Здесь выделяется – из работ самого последнего времени – книга известного юриста В.М. Сырых о красном терроре, который убежден в праве революционеров на террористическое подавление контрреволюции и защищает теоретика Маркса от практика Ленина, который не проработал законодательных аспектов террора и скомпрометировал его неразборчивым, излишне жестоким применением [Сырых, 2018].

Очевидная антинародность действий большевистского режима толкала на сопротивление ему основную часть активного меньшинства, чувствовавшего глубокую реакционность красной утопии. Но попытки восстановить правовое государство, предпринимаемые основным спектром антибольшевистских сил, не могут считаться

реакционными, хотя методы борьбы с большевиками отражали характер традиционного общества, которое подвергли насильственной «модернизации». Само собой, что ликвидации ценностей права, собственности и свободомыслия, насаждение охлократической диктатуры, культ доносительства, пыточного следствия, государственного мародерства, всепроникающей цензуры и изоляции от мира не могут считаться подлинной модернизацией, сколько бы вузов ни было открыто и сколько заводов ни было бы построено. В идейном плане сегодняшние российские историки крайне далеки от консенсуса даже по основным проблемам советской истории, что определяет острую полемичность текущего историографического процесса. И преувеличение масштабов белого террора играет существенную роль в попытках оправдать большевистский эксперимент, показывая его основных врагов варварами, чья власть была бы заведомо хуже советского режима. Левые историки уверены в детерминированности Октября и категорически отрицают возможность белой альтернативы.

Так, С.Г. Кара-Мурза заявляет, что наличие альтернативных взглядов на отечественную историю опасно для психического здоровья нации: «Другая проблема историков – бурный поток воспоминаний и апологий антисоветских движений и Белой армии, который, не давая обществу рационального знания, создает массовый когнитивный диссонанс... К чему такой выброс патетики и суррогата истории! Как будто снова начинается информационно-психологическая война. От этого все пострадают – и правые, и левые, и даже либералы. Жестокость Ижевского восстания, изуверство карателей Колчака и красный бандитизм – это тяжелая болезнь революции, которая может вспыхнуть и дать метастазы во всех общностях нашего нынешнего кризисного общества. В советское время эту болезнь лечили, а больных реабилитировали – и амнистиями, и условными приговорами, и забвением» [Кара-Мурза, 2017. С. 134]. Ключевое слово в этой филиппике последнее – забвение. В призыве к забвению пролитых рек крови и монбланов государственной лжи очевиден страх не перед «метастазами» былого революционного и контрреволюционного насилия, а категорическое неприятие любых новых фактов, опрокидывающих старую ложь, в том числе и ложь о массовом белом терроре, который на деле концентрировался на военных расправах и обычно не был способом управления. Невозможно прийти к рациональному

знанию, если не использовать новые факты из прежде недоступных источников. Однако власти громко призывает нацию не притрагиваться к мифам, которые признаются полезными для национального единства.

Между тем традиционный и откровенно манипулятивный большевистский дискурс особенно хорошо себя чувствует в работах многих современных историков, для которых понятия «белых зверств» и беспощадности «белой атаманщины» остаются наполненными прежним содержанием. В современной историографии белого террора до сих пор преобладают сильно завышенные цифры демографических потерь, опирающиеся в первую очередь на большевистские источники. Пропагандистский материал из политизированной публицистики попал в серьезные издания и до сих пор фигурирует во многих из них. На деле основная часть советских данных по белому террору – продукт чекистской и историко-партийной мифологии, часто завышавшей реальные цифры на порядок и более. Архивные данные позволяют находить объективные данные по потерям населения, которые чаще всего гораздо скромнее, чем результаты применения в тех же местностях большевистского террора. Таким образом, с нашей точки зрения, нельзя, как делают многие исследователи, уравнивать результаты красного и белого террора, поскольку цифры первого со временем постоянно увеличиваются, а многие «классические» эпизоды массовых белых расправ, напротив, доказали свою несостоятельность.

Фактически проблема белого террора в современной историографии остается неудобной страницей для многих исследователей истории Гражданской войны. В трудах ряда исследователей на региональном материале с 1990-х гг. критикуются те или иные аспекты изучения данного явления, но целостного взгляда не выработано. Характерно, что уже в перестроечные времена было высказано мнение о сильном завышении в советских трудах численности жертв белого террора [Зашихин, 1995. С. 95]. Seriously всмотрелся в психологию красных и белых погромщиков В.П. Булдаков [Булдаков, 2010. С. 425–513]. Среди наиболее обстоятельных попыток проанализировать проблемы красного и белого террора в последние 20 лет можно выделить работы В.Б. Жиромской [Жиромская, 2005. С. 240–265], А.Л. Литвина [Литвин, 2004], И.В. Нарского [Нарский, 2001]. Сразу скажем, что эти попытки малоудачны. Жиромская и Литвин сравнивали красный и

белый террор, приводя много нового материала, особенно последний, однако именно по части осмысления белого террора шли в основном за уже известными и очень тенденциозными опубликованными источниками (архивные материалы, приведенные А. Литвиным, исходят из красного лагеря и отрывочны). Между тем именно история белого террора наглядно демонстрирует размах исторической фальсификации острой темы. Упомянутым исследователям показалось проще всего, играя в объективность, встать над схваткой и заявить о примерно равной ответственности сторон за террор периода Гражданской войны, тем более что и в красном, и белом терроре хватало кровавых эпизодов. Однако если начать проверку опубликованных данных с помощью архивных источников (следственных и судебных материалов, мемуаров, дневников, автобиографий, заявлений в инстанции), то сразу выяснится, что основная часть наиболее жестоких случаев белогвардейских расправ является либо большим (зачастую огромным) преувеличением, либо полностью придумана.

Поэтому попытки ряда современных историков уравнивать красный и белый террор не могут считаться убедительными, а привлеченный авторами весьма ограниченный и не всегда достоверный материал по белому террору – достаточным для выводов. Иные авторы только на счету Деникина и Петлюры насчитывают 150 тыс. жертв, просто беря среднюю цифру жертв еврейских погромов на Украине и относя ее к результатам белого террора [Кудрявцев, Трусов, 2000. С. 77].

Все же постепенно старые схемы теряют значение, но пока не опровергнуты должным образом из-за отсутствия основательных исследований. Так, Г.А. Трукан [Трукан, 2000. С. 36] в 2000 г. оспорил выводы советского историка К.В. Гусева о том, что на территории Комуча «свиристествовала контрразведка», а министр Самарского правительства Климушкин и эсер Коваленко были якобы руководителями «террористических актов против населения» [Гусев, 1975. С. 328]. Но А.Л. Литвин все же, опираясь на малообъективную коммунистическую мемуаристику, обвинил Комуч в жесточайшем терроре. Заслуженной популярностью пользуется биография А.В. Колчака, написанная П.Н. Зыряновым, в которой вопросы борьбы с красным повстанчеством и обоюдного террора трактуются достаточно убедительно [Зырянов, 2012]. Объективно исследованы аспекты белого террора в ценной работе Н.С. Кирмеля и В.Г. Хандорина, посвящен-

ной контрразведке колчаковского правительства [Кирмель, Хандорин, 2015].

Однако часто историки анализируют белый террор с прежних, по сути, классовых позиций. Старые идеи о колоссальном белом терроре активно проповедовал П.А. Голуб, тенденциозно привлекавший как известные, так и архивные материалы [Голуб, 2006]. В новейшей книге И.С. Ратьковского [Ратьковский, 2017], собравшего хронику белого террора, отсутствуют архивные данные, зато некритически использован массив советского пропагандистского материала. При этом к белому террору отнесены любые проявления антибольшевистского насилия, даже со стороны эсеров, меньшевиков, анархистов, крестьян-повстанцев, национальных правительств, интервентов и даже устраивавших страшные еврейские погромы многочисленных украинских атаманов. Считать, как Ратьковский, смертную казнь на фронте летом 1917 г. проявлением белого террора со стороны Временного правительства (вполне революционного!) – значит, полностью игнорировать логику военного времени, когда государство обязано жестко реагировать на попытки государственной измены в виде братаний с врагом, отказа участвовать в боевых действиях, неповиновения офицерам, террористических нападений на начальствующих лиц и пр. Эти обычные для военного периода меры типичны для любого правового государства, поэтому никак не подходят под определение белого террора. Попытка в 2021 г. оформить данную хронику в подобие единого исследования (с элементами критики ряда советских источников и добавлением архивных документов) не избавила автора от тенденциозности, преувеличений, повторения старой ложной информации и архаичного вывода о террористической сути белой власти, уничтожившей якобы более полумиллиона россиян [Ратьковский, 2021].

Между тем ряд авторов воспринял работу Ратьковского как новое слово в историографии. Так, обширная и малосодержательная статья В.В. Каминского в основном состоит из цитат, собранных И.С. Ратьковским [Каминский, 2018. С. 396–428]. Опубликованная в том же году рецензия С.С. Войтикова в «Новейшей истории России» [Войтиков, 2019. С. 1032–1040] уверяет, что теперь, после труда Ратьковского (а также высоко оцененной книги П.А. Голуба), громко поименованного сначала в качестве монографии, а потом как «фундаментального

справочно-документального издания» [Войтиков, 2019. С. 1032, 1038], есть база для изучения белого террора. Автора комплиментарной рецензии, профессионального архивиста, не нашедшего серьезных претензий к хронике Ратьковского, совершенно не смутило отсутствие в работе сносок на архивы. Напротив, Войтиков заявил, что работа опирается именно на архивы, хотя несколько случайных сносок на РГАСПИ (поименованного РЦХИДНИ, где Ратьковский, вероятно, и не работал, иначе знал бы, что последние два десятилетия бывший архив ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС называется РГАСПИ) и Государственный архив Омской области взяты из сети Интернет. Сайты региональных отделений КПРФ – тоже важный источник для Ратьковского. Отсутствие верификации с помощью архивов – ахиллесова пята его хроники. Цель книги Ратьковского, фактически лишенной научности (периодические попытки автора отделить самые невероятные вымыслы от чуть более вероятных не могут считаться профессиональной работой), – подкрепить негодными средствами пропагандистские советские измышления столетней давности, что не имеет ничего общего с задачами научного исследования.

Современные историки выяснили, что созданные Гражданской войной белые правительства хотя логичным образом и тяготели к авторитаризму, основывались все же на правовых принципах [Звягин, 2001; Цветков, 2007. С. 16–26]. Так, отвергнуто мнение о режиме А.И. Дутова как террористическом [Ганин, 2006. С. 359–373; Сафонов, 2017. С. 262]. Характерно, что ни одно антибольшевистское правительство на востоке России не преследовало цели установить тотальный контроль над общественным мнением [Рышков, 2009. С. 121]. По мнению многих современных историков, именно Белое движение по преимуществу отстаивало модель либерального государства: «Другое дело, что целый ряд обстоятельств (и не в последнюю роль неуправляемость армии, выливавшаяся в нередкие акты “мщения” и насилия) не позволил этому варианту общественного развития утвердить себя в России» [Россия нэповская, 2002. С. 59].

Не только малопрофессиональная, жестокая и коррумпированная милиция вызывала крестьянский протест. Тяжелейшим испытанием для населения ряда крупных районов и белой государственности в целом стал феномен атаманщины – разнузданно-грабительской и нередко террористической деятельности «полевых командиров», слабо

или вовсе не контролируемых Колчаком [Стариков, 2017. С. 24–31; Шулдяков, 2015. С. 25–29] – Б.В. Анненкова (Верхнее Прииртышье и Семиречье), Г.М. Семенова (Забайкалье), И.П. Калмыкова (Приамурье), Р.Ф. Унгерна (Даурия, Монголия), Д.В. Сатунина (Горный Алтай), И.Н. Красильникова (Енисейская губ.)¹. Исполнение ими карательных функций шло достаточно эффективно, но с массой злоупотреблений и жестокостей, оправдываясь известным принципом: лес рубят, щепки летят. Левые газеты уже в конце 1918 г. писали о семеновщине как гангрене организма власти, «системе нагайки, застенка, грабежа и бесчинства, системе причинины»².

Необходимо отметить, что частые и жестокие расправы карательных экспедиций с родственниками подпольщиков и партизан, а также всеми, кто признавался подозрительными и нелояльными, сочетались в то же время с откровенно либеральным отношением к красным со стороны многих представителей как гражданских властей, так и силовых структур, особенно в управляемой эсерами Иркутской губернии. Что касается следственных комиссий, то они обычно формировались отнюдь не из тех, кто жаждал расправ над большевиками. Основная часть низовых советских работников и радикально настроенных профсоюзных активистов в 1918 г. либо полностью избежала репрессий, либо отделалась штрафами, порками или недолгим заключением. Уцелела и значительная часть экстремистских лидеров руководящего звена. Как вспоминал управляющий Иркутской губернией П.Д. Яковлев, волостные советы он заменял на земские управы «почти без персональных изменений». Опередив военных, Яковлев создал гражданские следственные комиссии, которые в ближайшие недели освободили всех тех большевиков, за которых мог «хоть кто-нибудь поручиться», причем поручителей (обычно фиктивных) никто не проверял до самого конца 1918 г. Поэтому большинство арестованных в Иркутской губернии уже через три месяца вышло на свободу; лишь меньшая часть представителей свергнутой власти оказалась в сфере действия суровой военной юстиции [Показания, 2000. С. 43]. Управляющий Семиреченской областью в 1919 г. назначил ряд бежавших из России

¹ По обоснованному мнению враждебного атаманине Р. Гайды, исключением среди атаманов был А.И. Дутов. Государственный архив Новосибирской Области (ГАО). Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1524. Л. 382.

² Наше дело (Иркутск). 1918. № 9. 6 дек.

совдеповцев на административные посты, не проведя их через следкомиссию¹.

Глава Урянхайского совдепа Ф. Шульгин был «наказан» высылкой из Урянхия в соседний Минусинский уезд [Балмасов, 2002. С. 73–75]. В Якутске основных большевистских активистов просто выслали за пределы области, а прочие разгуливавшие по Якутску красные деятели усердно запугивали население скорым возвращением большевиков². Пресса сообщала, что разбежавшиеся комиссары осенью 1918 г. достаточно свободно чувствовали себя, например, во Владивостоке, где жили, совершенно не скрываясь, Я.Д. Янсон и экс-военком Иркутского военного округа Т.М. Стремберг³. Благовещенская газета возмущалась, что «полумухинское» правительство эсера А.Н. Алексеевского (ушел в отставку с 11 ноября 1918 г.) дает возможность оставшимся в городе красным требовать и кричать на площадях, угрожая возвратом совдеповщины, а убийц, на которых показывают родные жертв страшного мартовского погрома, не преследуют якобы «за недостатком улик» и «не розыском»⁴. Список уцелевших крупных функционеров РКП(б) очень велик.

Рядовых пленников белые зачастую освобождали в массовом порядке после нескольких недель или месяцев заключения. Чехословаки в начале июня 1918 г. отпустили красногвардейцев, взятых в плен под Мариинском, потребовав от рабочих Судженских копей слова, что «освобожденные красногвардейцы не будут как прежде заниматься грабежами и насилиями и не будут выступать против идеи народо-властия и против чехословаков» [Общественно-политическая жизнь, 2013. С. 31]. Из воспоминаний красногвардейца Е. Новиченко следует, что сдавшиеся в г. Свободном Амурской области отсидели 4,5 месяца в Хабаровской тюрьме, после чего были освобождены⁵. На юге России зафиксировано немало жестоких расправ над захваченными ранеными красноармейцами. Однако основная часть выжила (кроме тифозных, которых просто бросали без лечения): «Биографией, типичной для членов кубанских [красных] отрядов, отступивших зимой 1919 г.,

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 176. Оп. 5. Д. 590. Л. 9.

² Наша Заря (Омск). 1919. № 18. 26 янв. С. 4.

³ Разбитые большевики // Правительственный вестник (Омск). 1918. № 6. 24 нояб. С. 4.

⁴ Амурское эхо (Благовещенск). 1918. № 884. 8 нояб. С. 3.

⁵ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 766. Л. 9.

является та, в которой раненые и тифозные после выздоровления были отпущены домой» [Морозова, Трошина, 2015. С. 186]. Мифы о многотысячном терроре на севере России убедительно опровергнуты в монографии Л.Г. Новиковой [Новикова, 2011. С. 197–203].

Любопытно выглядит эпизод с советским отрядом по охране Хабаровска, возглавлявшимся Д.И. Бойко-Павловым (будущим партизаном) и 4 сентября 1918 г. оставленным в городе для охраны от поджогов и мародерства. На следующий день отряд из 130 уссурийских казаков атамана И. Калмыкова вошел в Хабаровск. Однако только 16 октября отряд Бойко-Павлова был расформирован, сдав 25 винтовок и 20 пашек. В архиве сохранилось и требование отряда к городским властям о выплате жалования за сентябрь и октябрь, хотя в литературе считается, что это уже время жестокого калмыковского террора [Левкин, 1999. С. 119–120]. В эти месяцы Калмыков занимался укомплектованием отряда, главным образом за счет красноармейцев, взятых им же в плен или арестованных¹, и к началу 1919 г. довел численность своего Уссурийского полка до 2 тыс. [Кривенький, 2018. С. 328–329].

После многочисленных внесудебных расправ и массового освобождения арестованных летом и осенью 1918 г. численность политзаключенных на востоке страны была невелика и росла умеренно до самой весны 1919 г. Военный контроль штаба Сибирской армии отчитался об аресте с 20 июня 1918 г. по 31 января 1919 г. 295 видных деятелей советской власти [Кирмель, 2008. С. 336]. В октябре 1918 г. в тюрьмах Екатеринбурга содержалось 1 154 чел., из которых доля задержанных за общеуголовные преступления составляла 45 %. В декабре 1918 г. в местах заключения Западной Сибири (Томская и Алтайская губернии, Акмолинская область) находилось 4 553 заключенных, включая уголовных [Общественно-политическая жизнь, 2013. С. 283]. На 24 июня 1919 г. в Мариинской уездной тюрьме содержалось 473 заключенных, из которых политических было чуть более половины: 250 мужчин и 8 женщин с четырьмя детьми. В конце июня 1919 г. в тюрьмах Тобольска содержалось 3 тыс. красных [Михеенков, 2012. С. 43], преимущественно военнопленных. Развитие партизан-

¹ К-ин В. Тревожная ночь (Письмо из Хабаровска) // Мысль (Иркутск). 1919. № 1. 18 февр.

ского движения наряду с разгулом общеуголовной преступности в 1919 г. резко увеличило численность арестантов. По данным ГУМЗ, на 30 июля 1919 г. в тюрьмах Сибири, рассчитанных на 15 тыс. мест, содержалось 31 903 заключенных. Из них 8 935 были арестованы в связи со свержением советской власти, а 5 098 являлись красногвардейцами и красноармейцами. Еще 2,5 тыс. содержались в тюрьмах без указания причины ареста. Таким образом, политическими заключенными и военнопленными являлось несколько менее половины арестантов [Ликстанов, 2012. С. 68], причем значительная их часть не была сибиряками.

Однако попытавшийся оценить количество репрессированных при белой власти в 1918–1919 гг. Е.Г. Михеенков, опираясь на произвольную экстраполяцию скудного статистического материала, некорректно оценивает общую численность прошедших через пенитенциарную систему Западно-Сибирского региона в 100 тыс. чел., что представляется серьезно завышенной цифрой [Михеенков, 2012. С. 45–47]. Обвиняя Колчака в массовых репрессиях, Михеенков пишет, что за 1919 г. через две томские тюрьмы прошло до 6,5 тыс. чел. [Михеенков, 2012. С. 45–46], не подозревая, что такой оборот был достигнут не из-за лавины арестов, а за счет массового перемещения в Томск заключенных из Тюмени и Тобольска. Даже в ноябре 1919 г., перед эвакуацией Омска, в губернской тюрьме из 894 заключенных политические составляли всего 41 %, сходный процент давала и Бийская тюрьма. Но Михеенков, опираясь на статистику только Томской тюрьмы, где были сосредоточены почти исключительно политзаключенные, выводит из нее крайне завышенные цифры соотношения политических и уголовных для всех тюрем конца 1919 г., причем на одной странице удельный вес политзаключенных западносибирских тюрем сначала оценен в 60–70 %, а затем уже в 70–80 % [Михеенков, 2012. С. 46–47]. На деле если он и превышал 50 %, то несильно.

В менее населенной Восточной Сибири в разгар партизанского движения арестантов также было умеренное количество: в августе–сентябре 1919 г. тюрьмы региона насчитывали до 6 тыс. заключенных, из которых половина концентрировались в Александровском центре и Иркутской пересыльной тюрьме [Дубина, 1967. С. 98–99], где опять-таки находились прежде всего арестованные из Западной Сибири, Урала и Поволжья. Летом 1919 г. в Енисейской губернии заключенных

насчитывалось 3 200 чел., причем более 60 % были арестованы за принадлежность к советской власти и связь с партизанами. В Красноярской тюрьме содержалось 1 058 политзаключенных [Красноярье, 2006. С. 26]. Таким образом, цифры заключенных вовсе не свидетельствуют о каком-либо массовом терроре, но при этом следует учитывать уничтожение в 1919–1920 гг. нескольких тысяч узников, специально переданных семеновцам и унгерновцам для скорой и по сути бессудной ликвидации, а также высокую смертность в тюрьмах и концлагерях от инфекционных болезней. Также распространенной формой расправ были самосуды при конвоировании в тюрьму, замаскированные под формулировку «убит при попытке к бегству».

Слабость правоохранительной системы вела к беспорядочным арестам обывателей, которые так же, как это практиковалось у большевиков, могли неделями и месяцами сидеть без допросов. Генерал-майор Н.М. Щербаков докладывал 30 августа 1919 г. правительству об инспекции Семиреченской области: объехав все 25 волостей, посетив Семипалатинскую, Лепсинскую и Сарганскую тюрьмы, он везде наблюдал одно и то же – среди арестованных наряду с большевиками много тех, кто сидит неизвестно за что и без допросов¹.

Любопытно сравнить тон обращений управляющего Нижнеудинским уездом (и бывшего эсера-террориста) М.А. Кравкова к населению, которые разделяют всего несколько месяцев. В первой половине 1919 г. Кравков вместе с управляющим Иркутской губернией Яковлевым увещевали крестьян: «Во имя чего вы взяли за оружие? Есть слух, что вы недовольны податями, требованием возвращения дезертиров и порками населения. Но от податей несвободен никто... дезертиры недопустимы нигде... Иное дело порка и всякие беззакония, совершавшиеся иногда различными самодурами над населением. Теперь принимаются решительные меры для устранения этого безобразия, и всякий насильник, как только о деянии его станет известно, понесет заслуженное наказание. Как видите, все ваши жалобы возможно разрешить мирно, без пролития крови, без напрасных жертв.

Командующий войсками Иркут. в[оенного] окр. определенно сказал, что села, не принимающие участия в восстании, не подвергнутся сожжению, в них не будет массовых экзекуций и разстрелов <...>.

¹ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 590. Л. 9.

Пусть села, не участвующие в восстании, составят об этом приговора и пошлют их через земства властям. Пусть сообщают о занятии большевиками всякой деревни, чтобы знать, что деревня захвачена силой, а не добровольно перешла к красным.

Одумайтесь, граждане, пока не поздно, бросьте напрасное кровопролитие и тем спасите свои села от полного уничтожения»¹.

А сразу после ареста Колчака Кравков выпустил обращение «К повстанцам», в котором просил сознательных крестьян оставить уголовные банды и мирно участвовать в установлении добытой чехами народной власти земств – под лозунгами Учредительного Собрания, земли и воли. При этом он уже утверждал о вине только одной стороны: «Колчаковская охранка и разные правительственные отряды превзошли большевистские чрезвычайки, расстреливая и вешая тысячами, грабя и сжигая целые селения»².

Что касается расправ с участниками антиправительственных восстаний, чья жестокость в Сибири превосходила карательные меры белой администрации [Булдаков, 2010. С. 489], то наказания были обычно избирательными (за исключением террора Б.В. Анненкова и других атаманов). Среди белых попадались сторонники социальных чисток вроде Р.Ф. Унгерна, но в целом белые власти, включая военных, использовали террор против военнопленных и активных участников восстаний, а расправы с заложниками были не очень частыми эпизодами [Тепляков, 2016. С. 168–187]. И.С. Капцугович привел сведения о том, что в каждой из 36 волостей Кунгурского уезда Пермской губернии белые расстреляли от 10 до 20 чел. и наказали розгами по 50–70 чел. [Капцугович, 1969. С. 82]. Это означало примерно 500 погибших по всему уезду, однако основная часть – это не расстрелянные белогвардейцами, а убитые самими односельчанами по решению общинных сходов. Отметим, что порка розгами обычно не являлась калечащим наказанием (в отличие от плетей и шомполов). А.М. Кручинин, проанализировав составленные советскими органами власти (в 1919–1920 гг.) списки жертв белого террора в Камышловском уезде, пришел к выводу, что не менее 35 % из них были казнены односельчанами по приговорам сельских обществ [Кручинин, 2011. С. 13–14].

¹ Архив УФСБ по Новосибирской обл. Д. П-7474 (Архивно-следственное дело по обвинению М.А. Кравкова, 1937). Л. 46.

² Там же. Л. 47, 48.

Показательно, что среди заявлений пострадавших от белых и интервентов, собранных соответствующими комиссиями, преобладали жалобы на потерю имущества. Так, на Урале у добровольца РККА И.В. Трошкова забрали весь хозяйственный инвентарь и одежду на 2 750 руб., дав 50 ударов розгами (жене 10 розог), другому за сочувствие советской власти дали 30 ударов. Еще один пермяк жаловался, что его силой мобилизовали к белым на целых три месяца [Словикова, 2019. С. 163].

Сохранение в силе представлений о белом терроре как предпосылке для красного, который проводился ради торжества антибольшевистской диктатуры над восставшим народом, – наглядное свидетельство слабости тех историков, которые плохо владеют методами критики источников. Этот главный инструмент историка зачастую используется крайне непрофессионально. Между тем масштаб искажений исходных текстов в опубликованных материалах о советском времени огромен и требует, помимо сопоставления с другими источниками, по возможности, обращения к рукописям. Часть источников фальсифицировалась полностью, как документ Екатеринбургской губЧК о 25 тыс. убитых белыми, хотя на деле в пресловутых Кизеловских копиях было обнаружено не 8 тыс., а 54 жертвы расправы конвоиров. В Енисейской губернии белыми было якобы расстреляно 10 тыс. (по данным красных газет). Полное доверие у того же Ратьковского мы видим и к информации о сожжении в Перми около 1 тыс. пленных красноармейцев [Ратьковский, 2017. С. 117, 257, 267].

Наконец, для российских историков остро стоит проблема осмысления и преодоления большевистского дискурса, сохраняющего влияние и на политиков, и на основную часть населения, и на многих исследователей советского общества. Клишированные представления, пришедшие от профессиональных советских пропагандистов, в настоящее время охотно воспроизводятся теми историками, для которых «белые банды», «псы-атаманы», «герои революции», «завоевания Великого Октября», «ленинские нормы партийной жизни», «социалистическая законность», «враги народной власти» и прочие фантомы, рожденные красной утопией, остаются путеводными знаками. Тем не менее выход в последнее время значительного числа объективных статей, документальных публикаций и сюжетов в ряде монографий, касающихся белого террора, создает предпосылки для появления

подлинно научных монографических трудов об этой странице отечественной истории.

Литература

Балмасов С.С. Отряды особого назначения и борьба против партизанского движения в Сибири колчаковских правительственных структур // *Белая Гвардия. Альманах. Антибольшевицкое повстанческое движение.* № 6. М., 2002. С. 72–76.

Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. 969 с.

Войтиков С.С. «Гражданская война по необходимости должна быть беспощадной»: основа для обсуждения ключевых проблем одной из крупнейших трагедий России // *Новейшая история России.* 2018. Т. 8, № 4. С. 1032–1040.

Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М.: Центрполиграф, 2006. 623 с.

Голуб П.А. Белый террор в России (1918–1920 гг.). М.: Патриот, 2006. 479 с.

Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М.: Мысль, 1975. 383 с.

Дубина И.Д. Партизанское движение в Восточной Сибири (1918–1920). Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 149 с.

Жиромская В.Б. Проблема красного и белого террора 1917–1920 годов в отечественной историографии // *Труды Института российской истории.* Вып. 5. М., 2005. С. 240–265.

Зашихин А.Н. Интервенция на Севере Советской России: проблемы изучения // *Сквозь бури гражданской войны: «круглый стол» историков / ред. В.И. Голдин.* Архангельск, 1990. С. 83–101.

Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 352 с.

Зырянов П.Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. 4-е изд. М.: Молодая гвардия, 2012. 637 с.

Каминский В.В. «Хроника белого террора в России»: Pro et contra // *Россия на переломе: войны, революции, реформы. XX век.* СПб.: Лема, 2018. С. 396–428.

Капцугович И.С. Прикамье в огне Гражданской войны. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1969. 132 с.

Кара-Мурза С.Г. 1917. Февраль – Октябрь. Две революции – два проекта. М.: Алгоритм, 2017. 384 с.

Кирмель Н.С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне. 1918–1922 гг. М.: Кучково поле, 2008. 512 с.

Кирмель Н.С., Хандорин В.Г. Карающий меч адмирала Колчака. М.: Вече, 2015. 320 с.

Красноярье: пять веков истории. Красноярск: Платина, 2006. Ч. 2. 256 с.

Кривенький В.В. Анархистское движение в России в первой четверти XX века: теория, организация, практика. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 430 с.

Кручинин А.М. Красный и белый террор в России в 1917–1922 гг. // Ретроспектива. 2011. № 2. С. 13–14.

Кудрявцев В., Трусков А. Политическая юстиция в СССР. М.: Наука, 2000. 365 с.

Левкин Г.Г. Волочаевка без легенд. Хабаровск: Приамурское географическое об-во, 1999. 287 с.

Ликстанов И.М. Обеспечение антибольшевистскими правительствами законности в тюрьмах Восточной Сибири в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. Т. 1, № 4 (52). С. 67–70.

Литвин А. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М.: Яуза; ЭКСМО, 2004. 448 с.

Михеенков Е.Г. Численность и состав заключенных на территории Западной Сибири в Годы гражданской войны (1918–1919 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 9 (124). С. 43–48.

Морозова О.М., Трошина Т.И. Тыл войны без фронта: невоюющее население в условиях Гражданской войны (1917–1920 гг.). Ростов н/Д.: ДГТУ, 2015. 283 с.

Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 632 с.

Новикова Л.Г. Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917–1920. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.

Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. / сост. Н.С. Ларьков, В.А. Дробченко. Томск: ТГУ, 2013. Т. III. 376 с.

Показания Павла Дмитриевича Яковлева // Сибирский архив: архивные документы, публикации, факты, комментарии: науч.-поп. ист.-краевед. сб. Иркутск: Оттиск, 2000. Вып. 1. С. 36–63.

Ратьковский И.С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). М.: Алгоритм, 2017. 464 с.

Ратьковский И.С. Белый террор. Гражданская война в России. 1917–1920 гг. СПб.: Питер, 2021. 496 с.

Россия нэповская / под ред. А.Н. Яковлева. М.: Новый хронограф, 2002. 446 с.

Рынков В.М. Антибольшевистские политические режимы и общество: взаимодействие на информационном пространстве восточных регионов России // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.): сб. науч. ст. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2009. С. 105–125.

Сафонов Д.А. Факел над бездной: Революция 1917 года и Гражданская война на Юго-Востоке Европейской России. Оренбург: ОГУ, 2017. 407 с.

Словицова А.С. Белая Пермь (1918–1919 гг.) // Russian Colonial Studies. 2019. № 2. С. 156–181.

Стариков И.В. Казачья «атаманщина» как государственно-правовое явление в годы Гражданской войны в России (1918–1920) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2017. Т. 2, № 4. С. 24–31.

Сырых В.М. Красный террор: каноны библейские, да исполнение плебейское. М.: Юрлитинформ, 2018. 472 с.

Тепляков А.Г. Террор атаманов и интервентов против красных партизан Сибири и Дальнего Востока: мифы и факты // Актуальные вопросы философии, истории и юриспруденции. Новосибирск: НГУЭУ, 2016. С. 168–187.

Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М.: ИРИ РАН, 2000. 255 с.

Цветков В.Ж. Репрессивное законодательство белых правительств // Вопросы истории. 2007. № 4. С. 16–26.

Шулдяков В.А. «Анненковщина»: попытки тотального террора (Семиречье, май–июнь 1919 г.) // Национальные приоритеты России. 2015. № 2. С. 25–29.

**Общество в гражданском
противостоянии: политические
и идеологические процессы**

Первый советский год бывшего генерала Я.А. Слащева-Крымского: новые документы*

A.V. Ganin

The First Soviet Year of Former General Ya.A. Slashchev-Krymsky: New Documents

Аннотация. Статья посвящена новым документам о пребывании генерала Я.А. Слащева-Крымского в Советской России в 1921–1922 гг. Впервые вводятся в научный оборот документы Российского государственного военного архива.

Ключевые слова: Я.А. Слащев-Крымский, завершение Гражданской войны, РККА, Белое движение.

Окончание широкомасштабной Гражданской войны знаменовало начало процесса возвращения недавних эмигрантов, не прижившихся за границей, на родину. Одной из наиболее крупных фигур среди вернувшихся был генерал-лейтенант Яков Александрович Слащев-Крымский (29.12.1885–11.01.1929).

После выхода монографии автора этих строк о Слащеве [Ганин, 2021] обнаружилось новые документы, проливающие свет на детали первого советского года жизни генерала. В основном эти материалы относятся к попыткам Слащева получить строевую должность в Красной армии или найти себе иное применение, затрагивают вопросы материального положения и его тайную вынужденную работу на советские органы госбезопасности.

Возвращение Слащева с небольшой группой единомышленников в Советскую Россию из Константинополя в ноябре 1921 г. стало результатом успешной операции советских спецслужб. Одиозного генерала, известного своей жестокостью, большевики блестяще использовали для дискредитации и раскола военной эмиграции, на преподавательской

* Выражаю глубокую благодарность за содействие заместителю директора Российского государственного военного архива В.И. Коротаеву.

работе, а также для тайного осведомления. Планы самого Слащева, насколько можно судить, были совершенно иными. По нашему предположению, основанному на изучении большого массива источников, возвращение Слащева было обусловлено его идеей взорвать Красную армию изнутри, для чего он стремился в Советской России получить в подчинение реальную вооруженную силу. Незадолго до возвращения Слащев вел активную работу по подготовке военного реванша белых в союзе с украинскими националистами [Ганин, 2022]. Характерен и список предложенных Слащевым ВЧК «единомышленников», среди которых такие ярые противники большевиков, как генералы А.П. Богаевский, С. Клыч-Гирей и В.Г. Науменко, С.Г. Улагай [Русская военная эмиграция, 1998. С. 115]. Соратник Слащева Б.Н. Войнаховский посоветовал чекистам еще и генерала П.Н. Краснова. Как известно, Клыч-Гирей, Краснов и Науменко продолжили борьбу с советской властью и в годы Второй мировой войны уже в сотрудничестве с гитлеровцами. А.П. Богаевский умер в 1934 г., но также отличался непримиримостью к большевикам. Не было оснований усомниться в приверженности идеалам Белого движения и генерала Улагая. Эти предложения приняты не были, а сам Слащев по приезде не получил в подчинение никакой вооруженной силы.

27 января 1922 г. датирован рапорт по делу Слащева, составленный куратором Якова Александровича – помощником начальника 16-го специального отделения Особого отдела ВЧК И.И. Сосновским (Добржинским) (перевербованным полутора годами ранее польским разведчиком). Документ был адресован заместителю начальника Особого отдела А.Х. Артузову. В рапорте отмечалось:

«...В настоящее время настроение группы Слащева сводится к следующему:

1) Слащева очень волнует отсутствие результатов по сути его заявления на имя тов. Троцкого. Он говорит: “В обращении к белым я призывал к строительству, а на практике сам занимаюсь преступным бездействием”. Заметно, что Слащев начинает нервничать.

2) Слащев и его группа просили меня возбудить пред соответствующей инстанцией вопрос об усилении денежного снабжения и выдаче обмундирования (3 заявления прилагаю).

По сути прошу Ваших распоряжений»¹.

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33987. Оп. 2. Д. 141. Л. 44.

Копию этого рапорта заместитель председателя ВЧК И.С. Уншлихт на следующий день переслал председателю РВСР Л.Д. Троцкому, отметив, что содержание группы Слащева обходится крайне дорого, и просил сообщить о планах Троцкого в этом вопросе¹.

Судя по всему, значительного улучшения положения Слащева не наступило, так как он продолжал оставаться недовольным своим материальным положением. 9 марта 1922 г. он написал об этом куратору из Государственного политического управления (ГПУ; ВЧК была переименована в феврале 1922 г.) – помощнику начальника 16-го отделения Особого отдела ГПУ И.И. Сосновскому:

«Глубокоуважаемый товарищ Игнатий Игнатьевич!

Обстоятельства вынуждают меня беспокоить Вас по некоторым касающимся меня вопросам.

Начну с хозяйственных. Паяк наш все продолжает сокращаться недодачей самых необходимых продуктов, как-то: чай, сахар и т.п., а также ухудшением остальных. Все было бы поправимо, если бы была возможность докупать их на рынке, но для этого нужны средства. Норма выдачи мне содержания совершенно не определена, и я не знаю, на что рассчитывать. На те несколько сотен тысяч рублей, которые приходится на мою долю, в неделю вдвоем при теперешнем падении рубля прожить трудно. Невозможно даже починить сапог. Все мои настойчивые попытки что-нибудь заработать, несмотря на мои переговоры с тов. Лебедевым, как Вы сами знаете, терпят фиаско – это касается не только службы, но и литературного труда (неизвестность о дальнейшей судьбе моей статьи, невозможность получить карты и планы). Поэтому я вынужден просить Вас доложить кому следует, что я прошу улучшить мое положение и устроить мне личное свидание с лицами, от которых зависит моя судьба.

Считаю себя вправе просить последнее, так как во время моей работы в Константинополе от имени наркомов мне в смысле службы было обещано совсем другое положение, чем то, в котором я нахожусь сейчас, кроме того, мое воззвание к русским беженцам налагает на меня известное нравственное обязательство, которое заставляет меня беспокоиться за тех лиц, которые этому возванию доверились бы.

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 141. Л. 43.

Буду ожидать Вашего ответа – жму Вашу руку и остаюсь готовым к услугам»¹.

Речь шла об обещанной Слащеву командной должности. По-видимому, бывший генерал все еще надеялся сыграть роль в истории, акцентировал внимание адресата на важности сделанного им воззвания к эмигрантам и обязательствах перед вернувшимися. Ни большевики, ни чекисты не собирались к этому прислушиваться. Единственное, на что было обращено внимание – это материальное положение Слащева.

17 марта 1922 г. по приказанию заместителя председателя ГПУ И.С. Уншлихта в известность об этом заявлении Слащева поставили Л.Д. Троцкого. В сопроводительном письме заместитель начальника Особого отдела ГПУ А.Х. Артузов отмечал, что «относительно его (Слащева. – А. Г.) содержания в части “хозяйственных” вопросов считаю необходимым сообщить, что после посылки нам Слащевым этого письма проживающие вместе с[о] Слащевым на тех же условиях ген[ерал] Мильковский² и полк[овник] Мезерницкий³ явились к нам с категорическим заявлением, что они считают получаемую норму содержания совершенно достаточной»⁴. Почему Слащеву, в отличие от его соратников, не хватало средств, неясно.

24 марта 1922 г. начальник Штаба РККА П.П. Лебедев подготовил доклад Троцкому о материальном положении Слащева и о его научной работе. В докладе Лебедев сообщил:

«...Материальная сторона у Слащева урегулирована. Ему назначено содержание в 20 000 000 руб. в месяц, чем он, по его личному заявлению мне, удовлетворен.

Первая литературная работа Слащева оказалась неудобной для печати. Статья его недурна, но в ней резко проявляются те его черты, которые еще более оттолкнул от него широкие массы, именно слишком прямолинейные взгляды на необходимость суровой дисциплины.

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 141. Л. 177.

² Мильковский Александр Степанович (13.01.1873–?) – генерал-майор, вернулся в Россию вместе со Слащевым.

³ Мезерницкий Мстислав Владимирович (12.04.1895–21.08.1937) – полковник, вернулся в Россию вместе со Слащевым.

⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 141. Л. 176–176 об.

Дал ему некоторую нашу военную литературу по операциям на врангелевском фронте для составления параллельных статей с потусторонним¹ освещением дела.

Свел Слащева с т. Петровским и последний принимает меры к предоставлению Слащеву возможности начать работу по ГУВУЗу^{2»3}.

Речь шла о главном начальнике военно-учебных заведений РККА Д.А. Петровском, который, видимо, вскоре и смог устроить Слащева в Высшую стрелковую школу «Выстрел».

Контакты Слащева строго контролировались. 1 марта 1922 г. датировано сообщение секретаря президиума ГПУ в управление делами РВСР, направленное по поручению И.С. Уншлихта. В документе разъяснялось, что «письма на имя Слащева следует направлять зам[естителю] нач[альника] Особ[ого] отдела тов. Артузову»⁴. Таким образом, вся служебная корреспонденция бывшего белого генерала должна была проходить через ГПУ.

Сам бывший генерал в это время уже являлся секретным агентом ГПУ. По неизвестным причинам Слащева направили наблюдать за религиозными акциями в Москве. В сводке 6-го отделения Секретного отдела ГПУ от 13 марта 1922 г. отмечено, что 7 марта Слащев присутствовал на собрании толстовцев и фиксировал речи, которые там произносились. 11 марта генерал был на собрании адвентистов с той же целью, докладывал он и о политической активности других религиозных деятелей [Архивы Кремля, 1998. С. 58–59]. Думается, вряд ли хождение по религиозным собраниям сильно привлекало генерала. Видимо, в дальнейшем, когда он устроился на службу, задачи поменялись, после чего Яков Александрович докладывал о разговорах и настроениях в военных кругах. Впрочем, произошло это не сразу. Еще в декабре 1922 г. Слащев докладывал о собрании баптистов и толстовцев [Шенталинский, 2011. С. 71].

Устроившись летом 1922 г. на службу в школу «Выстрел», 3 августа Слащев побывал на приеме у начальника Штаба РККА П.П. Лебедева и снова просил о более широкой работе, «дабы ускорить процесс его

¹ Имеется в виду – двусторонним.

² ГУВУЗ – Главное управление военно-учебных заведений.

³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 141. Л. 175.

⁴ Там же. Л. 122.

ассимиляции»¹. Около 5 августа Лебедев доложил об этом главкому С.С. Каменеву, который признал, что крупное строевое назначение Слащева еще несвоевременно. С этим был согласен и сам Лебедев, в связи с чем дальше этот вопрос не докладывал. Но Слащев в итоге подал рапорт, дошедший до председателя Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкого. Последний 15 августа запросил от Лебедева справку о Слащеве². В ответ на это 17 августа Лебедев изложил в записке Троцкому все предшествующие события в отношении Слащева.

Иллюстрацией того, что вопрос со строевым назначением так и не сдвинулся с мертвой точки даже через несколько лет, служит письмо Слащева от 4 февраля 1925 г., обнаруженное в фонде Политического управления (ПУР) РККА. К сожалению, установить адресата письма не удалось. По-видимому, это один из руководящих работников ПУРа, во всяком случае человек, стоявший ближе Слащева к большевистскому армейскому руководству. По одной из версий это мог быть А.И. Медведкин (19.02.1900–19.02.1989) – ветеран 1-й Конной армии, молодой работник ПУРа, ставший впоследствии народным артистом СССР и даже назвавший дочь Чонгарой – по наименованию Чонгарского полуострова в Крыму, за который велись бои в 1920 г. Впрочем, это лишь предположение.

Слащев писал:

«Уважаемый Александр Иванович!

Согласно Вашего совета рапорт подал (для ускорения разбора предыдущего). Дальнейшее уже будет зависеть не от меня. В этом рапорте я, конечно, не мог повторить тех причин моей просьбы, о которых я указывал в предыдущем, потому что тот шел прямо только через Куйбышева³, секретным порядком, а этот идет нормальным путем, поэтому кратко повторю Вам мотивы моей просьбы.

1) В Константинополе мне было обещано использование меня по строю, и это же повторено здесь – между тем, я попал в положение пленного белого офицера, но никак не в положение сознательного

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 493. Л. 224.

² Там же. Л. 225.

³ Куйбышев Николай Владимирович (13.12.1893–01.08.1938) – начальник Стрелково-тактических курсов усовершенствования командного состава РККА имени III Коминтерна «Выстрел» (до января 1925 г.).

работника сов[етской] власти, добровольно, да еще со скандалом с Антантой¹ приехавшего сюда.

2) В смысле приемлемости моего имени в армии я указывал, что срочной службы красноармейский состав давно переменялся. Со средним и старш[им] ком[андным] составом, при работе с ним у меня, как Вы сами знаете, складывались вполне нормальные отношения – следовательно, остается дело за высшим к[омандным] с[оставом] – так что о приемлемости или неприемлемости, по-моему, много говорить не приходится, а надо дать поработать.

3) Мое убеждение, что полное доверие я смогу заслужить только на полях сражений – а у СССР есть окраины, где не всегда спокойно и где я мог бы быть использован лучше, чем в школе².

4) Положение неполноправного и не заслуживающего доверия от государства, которому приехал служить, резко порвав со всем старым, для меня крайне тяжело.

5) Преподавать тактику, долго отсутствуя из строя, нельзя. Человек неминуемо будет становиться теоретиком, что вредно для слушателей.

Вот Вам основные положения моего первого рапорта. Второй подан мною 2/II и находится уже у начкома³, т.е. прошел учебный отдел и пом[ощника] нач[альника] школы.

В настоящее время я еще более настойчиво прошу об уходе, потому что атмосфера мне уж больно не по нутру – это, конечно, совершенно не касается нового начкома, потому что мы еще друг друга не знаем. Постоянные споры из-за несогласия с делом, как Вы знаете, далеко не приятны и, в конце концов, приведут к полной необходимости покинуть школу – молчать же, Вы знаете, бывает нельзя. Все это вместе взятое еще усугубляет мое тяжелое нравственное состояние, вызванное недоверием ко мне сверху.

Итак, буду очень просить поторопить разбор моего первого рапорта и дать мне возможность служить действительно в армии.

¹ После исчезновения Слащева из Константинополя французская контрразведка оцепила его дачу на Босфоре и провела тщательный обыск. Кроме того, допрашивались лица, причастные к отъезду генерала в Россию.

² Правильно – курсы. Имеется в виду школа «Выстрел».

³ Начальник и комиссар «Выстрела». Эту должность с января 1925 г. занимал Г.Д. Хаханьян. Хаханьян Григорий (Григор) Давидович (Тер-Хаханьян) (29.12.1895–22.02.1939) – советский военный деятель.

Во всяком случае, прошу об извещении о результатах.

Иван Дмитриевич скоро собирается приехать в Москву по делу вместе с Зин[аидой?] Кон[стантиновной?]¹ – будет очень приятно его повидать.

С приветом Я. Слащев²
4/III/25

Кроме всего, в моем первом рапорте я прошу разрешения сделать личный доклад одному из членов Рев[олюционного] воен[ного] совета, чтобы окончательно выяснить свое положение – на этой последней просьбе я теперь особенно настаиваю, и для этого мне нужно разрешение и указание сверху.

С[лащев]»³.

Письмо представляло собой очередную попытку Слащева добиться назначения на строевую должность в Красной армии. Бывший генерал сетовал, что данные ему советскими агентами в Константинополе обещания не были соблюдены и что, добровольно вернувшись в Россию, он оказался на положении пленного белого офицера. Жаловался он и на тяжелую обстановку на курсах (переименованы из школы в 1924 г.) «Выстрел»: «Атмосфера мне уж больно не по нутру... постоянные споры из-за несогласия с делом».

Неоднократные просьбы Слащева о предоставлении ему строевой должности не прекращались несколько лет, но так ничем не увенчались. Это и понятно, ведь такое назначение потенциально нелояльного, неуправляемого человека таило немалую опасность для властей. Знаменитый белый военачальник был использован большевиками в соответствии с их целями, тогда как его собственные пожелания руководителей СССР и Красной армии не интересовали.

¹ О ком идет речь, установить не удалось.

² В документе фамилия Слащев указана через о.

³ РГВА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 229. Л. 31–31 об.

Литература

Архивы Кремля. Новосибирск; М.: РОССПЭН, Сибирский хронограф, 1998. Кн. 2: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. 647 с.

Ганин А.В. Белый генерал и красный военспец Яков Слащев-Крымский. М.: Фонд «Русские витязи», 2021. 256 с.

Ганин А.В. Тайные договоры генерала Я.А. Слащева-Крымского с украинскими националистами в 1921 г. // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 353–374.

Русская военная эмиграция 20-х–40-х годов: док-ты и маг-лы. М.: Гея, 1998. Т. 1: Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 2: На чужбине. 751 с.

Шенталинский В.А. Донос на Сократа. М.: Прогресс-Плеяда, 2011. 622 с.

УДК 94(470+571) "1918/1919"
doi:10.31518/978-5-98901-255-8-85-102

Д.Л. Шереметьева

**Антибольшевистская периодическая печать
на востоке России как научная проблема:
история и перспективы исследования**

D.L. Sheremeteva

**Anti-Bolshevik Periodicals
in the East of Russia as a Scientific Problem:
History and Research Perspectives**

Аннотация. Изучение антибольшевистской периодической печати востока России относится к числу актуальных направлений современной отечественной историографии Гражданской войны. Наблюдается высокий интерес прежде всего к газетам как к историческому источнику и самостоятельному предмету изучения. Благодаря многочисленности и разнообразию периодических изданий, высокому уровню достоверности содержащихся в них сведений сохраняется богатый потенциал для дальнейшего изучения антибольшевистской печати в рамках политической, культурной, социальной, экономической и военной истории.

Ключевые слова: историография, периодическая печать, антибольшевистское движение, Гражданская война.

В кризисные исторические эпохи многократно повышается значимость массовой информации: неопределенность будущего вызывает всеобщую тревожность и обостряет внимание к происходящему. Информационная сфера реагирует на запрос противоречиво, резко и динамично меняясь. Исключительно ярко это проявилось в ходе революций и Гражданской войны в России. В 1917–1922 гг. здесь были реализованы как интенции полной свободы слова, так и стремление к тотальному подчинению информосферы государству.

Научное изучение широкого диапазона и исключительной динамики изменений в функционировании массовой коммуникации революционной эпохи шло интенсивно, но неравномерно и непоследо-

вательно. Поэтому требуется подведение предварительных итогов и определение перспектив для дальнейшей разработки темы.

Наибольшее внимание исследователей долгое время привлекал большевистско-советский вариант системы массовой информации, санкционированной и контролируемой государственной властью. Благодаря победе большевиков в Гражданской войне, относительной ясности оснований их «информационной политики», широты и последовательности ее реализации на практике, исследования уверенно прошли стадии накопления фактического материала и концептуального осмысления [Доброхотов, Щавелев, 1979; Сиберт и др., 1998; Сорокин, 2008; и др.].

Изучение антибольшевистских систем массовой информации двигалось по иной траектории. Из разнообразного информационно-пропагандистского опыта противников большевиков периода Гражданской войны в России наибольший интерес исследователей вызвала периодическая печать восточных регионов бывшей Российской империи, прежде всего Сибири [Голдин, 2000; Молчанов, 2001; и др.]. Это представляется закономерным, так как именно на этом крупнейшем театре Гражданской войны удалось создать самый мощный форпост вооруженного и политического сопротивления большевикам, признанный всероссийским центром белого движения. При этом на востоке России полнее и рельефнее большинства других регионов проявился идеолого-пропагандистский фактор политической борьбы как с внешним противником, так и внутри антибольшевистского лагеря.

Исследование антибольшевистской информосферы началось усилиями современников событий, стремившихся сохранить периодическую печать как источник для будущих исторических изысканий. Первые опыты библиографирования и описания были ограничены разными территориальными, хронологическими или тематическими рамками [Адрианов, 1919; Поршневу, 1920; Виноградов, 1927; Грибановский, 1927; Профессиональная печать, 1928; и др.]. Такие публикации сохраняют информативную ценность, так как авторы работали в числе прочего с изданиями и документами, впоследствии утраченными, а также сами помнили многие события и анализировали их с разных политических позиций.

В 1929 г. в «Сибирской советской энциклопедии» была опубликована статья «Газеты» [Голубчик и др., 1929], впервые вводившая

периодизацию истории сибирской прессы и дававшая оценку газетам революционной эпохи. В соответствии со складывавшейся трактовкой отечественной истории авторы выделили период «контрреволюции и интервенции» (с конца мая 1918 г. до конца декабря 1919 г.) и акцентировали внимание на «реакционных», «буржуазных» и «черносотенно-монархических» изданиях, а также «прессе завоевателей Сибири – чехословацких легионеров». Такая искажающая идеологизированная оценка «закрыла» тему для объективных научных исследований.

Возрождение интереса к периодической печати как историческому источнику прослеживается со второй половины 1950-х гг. Однако лишь десятилетие спустя историки начали активно наверстывать изучение прессы, выпускавшейся на подвластной антибольшевистским политическим режимам территории. Внимание к периодике выразилось прежде всего в ее «реабилитации» в качестве исторического источника. В конце 1960-х – 1970-х гг. исследователи [Рощевский, 1966; Кадейкин, 1968; Резниченко, 1972; Познанский, 1973; Иванов 1976; и др.], утверждая, что печать контрреволюции крайне тенденциозна, в то же время использовали ее некоторые уникальные материалы в качестве исторического источника. При этом они обращались главным образом к материалам газет профсоюзов, так как их авторы и редакторы, по мнению советских историков, ближе всего находились к «пониманию контрреволюционной сути власти» и «разоблачали антинародную политику» антибольшевистских режимов.

Первые специальные исследования источниковедческих аспектов антибольшевистской прессы начального этапа Гражданской войны были проведены Н.М. Семеновой [Семенова, 1977]. Она изучала периодическую печать в марксистской методологической парадигме, требовавшей анализировать общественные явления с позиций классовой борьбы. Прделанный автором анализ повременных изданий включал в себя рассмотрение следующего круга вопросов: положение прессы летом – осенью 1918 г., группировка газет и журналов по классово-политическому содержанию опубликованных материалов, изучение публикаций об отношении трудящихся к Временному Сибирскому правительству. В результате Н.М. Семенова сделала обоснованный вывод о возможности использования сибирской газетной периодики в качестве источника по истории демократической контрреволюции. В то же время часть принципиальных оценок, сделанных исследо-

вателем, вызывает возражения. Например, Н.М. Семенова утверждала, что в сентябре 1918 г. мелкобуржуазная печать «буквально захлебнулась в мерах административного воздействия правительства», а буржуазия, сосредоточив власть в своих руках, «решила растоптать своих недавних союзников». Этот вывод основывался на единичных фактах приостановки издания социалистических газет, а не на исследовании целей и результатов политики Временного Сибирского правительства в отношении печати. Вывод Н.М. Семеновой о стремлении прессы того времени «затушевывать острые социальные и политические моменты» как о главной характеристике контрреволюционной прессы противоречит фактам, приведенным самим автором.

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг., по мере ослабления идеологической цензуры в СССР, возможности непредвзято и объективно изучать историю Гражданской войны в России увеличились. Благодаря этому вырос интерес исследователей к прессе, издававшейся на территории, подконтрольной антибольшевистским политическим режимам. Применительно к Сибири такую попытку почти одновременно предприняли А.П. Волгин и А.Н. Никитин. Первый из названных авторов написал диссертацию «Буржуазная пресса Сибири и колчаковщина» [Волгин, 1990], второй – монографию «Периодическая печать как исторический источник по истории гражданской войны в Сибири» [Никитин, 1991]. Уже по формулировке тем можно понять, что круг поднятых авторами проблем и использованные подходы для их изучения принципиально отличались друг от друга. Такое разнообразие стало проявлением методологического и концептуального плюрализма, который стал возможен в советской исторической науке на излете перестройки.

История сибирской периодической печати была рассмотрена А.П. Волгиным в хронологических рамках июня 1918 – декабря 1919 г., которые автор определил как период «подготовки военной буржуазно-помещичьей диктатуры, ее установления и функционирования». В диссертации он широко использовал сибирскую периодику с позиций классового подхода. Причем к буржуазным газетам и журналам он отнес печатные издания партии кадетов, органов государственной власти, армий и церкви, что некорректно. Исследование А.П. Волгина строилось вокруг двух ключевых вопросов: во-первых, выявления роли буржуазной прессы в идеологической подготовке

установления «военно-монархической диктатуры» (еще одна версия автора – «военно-террористической диктатуры») А.В. Колчака; во-вторых, показа служебной роли буржуазной прессы в системе колчаковского политического режима. А.П. Волгин утверждал, что публичные выступления кадетов против большевиков, их идейно-политическая борьба с умеренными социалистами и критика Уфимской Директории, обоснование идеи необходимости твердой власти являлись обоснованием необходимости военно-террористической буржуазной диктатуры и подготовкой общественного мнения к ее установлению. Идейно-пропагандистская поддержка прессой политики Российского правительства адмирала А.В. Колчака, «стремление буржуазной прессы скрыть истинное положение в социально-экономической политике», «замалчивание борьбы трудящихся» интерпретировались А.П. Волгиным как «защита антинародной политики колчаковщины и интервентов». В результате А.П. Волгин сделал обобщающий вывод, не вытекающий из анализа использованного эмпирического материала, о «неприкрытом обмане» народа как о главном принципе всей буржуазной пропаганды.

Сформулированные А.П. Волгиным выводы во многом являлись отражением штампов коммунистической пропаганды, укоренившихся в советской историографии. Они не отражали реального положения дел. Более того, ограничение А.П. Волгиным предмета диссертационного исследования только «буржуазной» прессой имело своим следствием искажение реальной картины положения, функционирования и роли сибирской печати в событиях Гражданской войны.

Принципиально иначе были сформулированы исследовательские задачи и проблематика в монографии А.Н. Никитина. Он, кратко охарактеризовав издававшиеся в Сибири в июне 1918 – декабре 1919 г. газеты и журналы, поставил вопрос о полноте и достоверности отражения в периодической печати идейно-политического и социально-экономического содержания антибольшевистского движения, а также настроений сибирских рабочих и крестьян. На основе обобщения уже известных фактов и самостоятельно введенных в научный оборот сведений он сформулировал два принципиально новых вывода: во-первых, издававшиеся в Сибири газеты и журналы играли большую роль в общественно-политических процессах периода Гражданской войны; во-вторых, они являются богатейшим источником по

истории контрреволюции на востоке России, недооцененным советской историографией.

В результате к началу 1990-х гг. отечественная историография антибольшевистской периодической печати достигла существенных результатов. Важнейшими из них необходимо считать признание периодической печати одним из основных акторов политической борьбы и одновременно ключевым источником по истории Гражданской войны. В то же время классовый подход к анализу периодической печати, рассмотрение ее как совокупности мелкобуржуазных и буржуазных изданий, подчиненных целям контрреволюционных правительств, не позволил исследователям в полном объеме и объективно раскрыть реальное положение и роль прессы того времени.

В постсоветской отечественной историографии 1990-х гг. усилились тенденции, обозначившиеся во время перестройки: постепенный отказ от марксистско-ленинского подхода, расширение источниковой базы и научной проблематики. Исследованием «переходного типа» можно назвать монографию Е.Н. Косых. Он изучил несколько важных аспектов истории периодической печати Сибири марта 1917 – мая 1918 г. – политические и материально-технические условия выпуска газет и журналов, проанализировал динамику численности периодических изданий, выявил количество опубликованных номеров и объем тиражей, раскрыл идейно-политические установки редакций и содержание опубликованных пропагандистских материалов, через которые попытался показать роль периодической печати в событиях того времени. Е.Н. Косых исследовал повременные издания как центральный элемент пропагандистских систем противоборствовавших общественно-политических сил, сгруппированных им в рамках категорий марксистско-ленинской историографии, и сделал обоснованные выводы о многопартийности и плюрализме сибирской печати на протяжении исследуемого времени [Косых, 1994].

В концентрированном виде новые тенденции в изучении прессы периода Гражданской войны проявились в попытках Л.А. Молчанова комплексно изучить все русскоязычные газеты России с октября 1917 по 1920 г. с опорой на проблематику и терминологию, характерные для журналистики как научной дисциплины [Молчанов, 1997, 2002, 2007 и др.]. Он проследил историю библиографирования и собирания прессы, рассматривал типологическую структуру и количественные показате-

ли газет, изучал штаты редакционных коллективов и авторский актив изданий, выявлял источники газетной информации, анализировал способы и широту распространения прессы, исследовал цензуру, ставил проблемы мифотворчества журналистов и освещения в прессе истории Октябрьской революции и антибольшевистского движения.

Исследователь выявил около 1300 изданий, хотя общее количество выходящих в России в октябре 1917 – 1920 г. газет он оценивал приблизительно в три тысячи наименований. При этом для исследования состава прессы и содержания газет Л.А. Молчанов использовал не более восьмидесяти наименований без обоснования сделанной им выборки. Поэтому источниковую базу проведенных Л.А. Молчановым исследований можно оценить как обширную, но не вполне ясную с точки зрения ее корректности.

Для анализа источников Л.А. Молчанов сгруппировал выбранные им газеты по территориальному принципу и издателям. Благодаря этому автор получил «приблизительный вес» различных групп периодики на территориях советской и несоветской России. Однако он не учел динамику прессы и стремительно менявшийся политический контекст. Вызывают возражение некоторые сделанные Л.А. Молчановым суждения, имеющие для понимания структуры периодической печати эпохи Гражданской войны в России принципиальное значение. Нельзя согласиться с его утверждением о том, что пресса органов местного самоуправления составляла специальную группу официальных изданий, функционировавших как часть правительственных систем информации. Напротив, земские издания играли самостоятельную роль в информационном пространстве. Более того, некоторые из них находились в политической оппозиции. Объемы газетной продукции, выпускаемой кооперацией, оценены Л.А. Молчановым как «незначительные», тогда как на востоке России кооперация обладала широкой сетью влиятельных периодических изданий.

При изучении содержания газет Л.А. Молчанов сделал поверхностный обзор состава материалов периодики, источников информации, характера подачи новостей, освещения на страницах газет основных событий революций и Гражданской войны. Из всех вопросов, относящихся к полноте, достоверности и объективности содержащихся в периодике сведений, он сконцентрировал внимание на аспекте мифотворчества о «красных» и «белых».

В результате проведенных исследований Л.А. Молчанов пришел к выводу, что главное содержание информационной политики всех правительств на территории России с октября 1917 г. заключалось в монополизации газетного дела и создании строгого военно-политического цензурного контроля, а основной функцией газетной прессы было манипулирование общественным мнением. В частности, он высказал слабодокументированное предположение о том, что политический и военный цензурный контроль на востоке России сформировался сразу после антибольшевистского переворота и был «жестким и многоступенчатым». То есть роль газет по разные стороны фронтов Гражданской войны, в понимании исследователя, была аналогичной, с чем трудно согласиться.

В общем, Л.А. Молчанов отказался от классового подхода при анализе прессы, обозначил новые сюжеты в исследовании газет периода Гражданской войны, ввел в оборот солидный комплекс источников и фактической информации. Однако изучение газетной прессы не получило в публикациях автора завершения в виде обоснованных выводов.

Попытку проанализировать историю уральской прессы периода Гражданской войны в широком историческом контексте предпринял И.В. Нарский [Нарский, 2001]. Исследователь выявил большинство наименований газет губерний и областей Урала за 1917–1922 гг., систематизировал их по издателям и подсчитал количество номеров, выходявших за каждый год. Затем сравнил показатели с аналогичными данными за 1901–1916 гг. На основании установленных фактов И.В. Нарский определил «уровень устойчивости газетного ландшафта» и проследил изменения в соотношении групп государственной и общественной печати. В результате он констатировал глубокий кризис прессы в условиях Гражданской войны и агонию независимой периодики. Более того, исследователь выдвинул гипотезу, что пресса стала дополнительным фактором дезориентации населения и тяжелой морально-психологической атмосферы жизни общества.

С конца 1990-х гг. параллельно с опытами комплексного анализа антибольшевистской прессы она стала интенсивно изучаться в контексте политической истории контрреволюции. При этом приоритеты в изучении тех или иных аспектов функционирования и содержания периодической печати оказались тесно связаны с общей динамикой

изучения антибольшевистского лагеря Гражданской войны на востоке России.

В центре внимания современной историографии находятся государственные институты контрреволюции как ключевые акторы исторических процессов. Поэтому предпочтение в области изучения прессы отдается таким темам, как политика правительств в отношении свободы слова, функционирование военной и административной цензуры, деятельность государственных информационных структур, официальная периодическая печать и пропаганда [Посадсков, 1999, 2000, 2002; Шевелев, 1999, 2006, 2012, 2017; Балмасов, 2003; Шишкин, 2005, 2021; Луков, Шевелев, 2007; Шереметьева, 2009, 2017, 2019; Сушко, 2016; и др.].

Государственные институты массовой информации, действовавшие на востоке России во второй половине 1918 – начале 1920 г., изучены на уровне истории их учреждения, реорганизаций и прекращения работы, направлений, форм и содержания деятельности. В историографии преобладают аргументы в пользу того, что ни одно антибольшевистское правительство востока России не ставило задачу монополизации периодической печати. Они осуществляли преимущественно нейтральное информирование о собственной деятельности. Понимание необходимости и стремление организовать пропаганду оформилось только в конце весны 1919 г., а массовую агитационно-пропагандистскую работу власти контрреволюции смогли развернуть только летом – осенью 1919 г. Антибольшевистские пропагандистские институты востока России оцениваются в современной историографии преимущественно как слабые и неэффективные. Накопленное знание о деятельности государственной власти контрреволюции в информосфере может служить фундаментом для дальнейших научных исследований в этой области.

Вместе с тем газетная пресса в условиях антибольшевистских политических режимов бытовала преимущественно вне государственных институций. «Общественные организации и заинтересованные группы сохранили возможность ощутимо воздействовать через свои органы печати на общественное мнение, а через него и на сами органы государственной власти» [Рынков, 2009а]. Структура негосударственного сектора информосферы, соотношение и динамика различных его сегментов изучены в первом приближении [Рынков, 2009а; Шереме-

тьева, 2011, 2012]. История частной общественно-политической прессы, газеты политических партий, пресса органов самоуправления, кооперативная печать и издания профсоюзов могут стать самостоятельным предметом дальнейшего изучения.

Идейно-политическая проблематика, составляющая основное содержание информационных процессов в период Гражданской войны, в контексте истории прессы изучается неравномерно [Сушко, 2003; Шишкин, 2005; Цыпышева, 2007, 2008; Хандорин, 2010, 2011; Шереметьева, 2011; и др.]. Устойчивый интерес прослеживается при этом к изучению публикаций антибольшевистской прессы по вопросам иностранной интервенции, формирования и эволюции образа союзников и отношения к ним общественности [Нестеренко, 2000; Конев, 2014, 2018, 2021; Стельмак, 2017, 2021; и др.]. При этом содержание антибольшевистской прессы по одному из центральных сюжетов контрреволюции – государственному перевороту 18 ноября 1918 г., приведшему к установлению власти А.В. Колчака – превратно оценено как незаслуживающее доверия [Черепенчук, 2010]. Не выдерживает критики попытка О.С. Шиловой, сделавшей поверхностный контент-анализ четырех иркутских газет 1918–1919 гг., изучить «информационную политику противоборствующих сил во время Гражданской войны в Сибири на материалах Иркутской губернии» [Шилова, 2021].

В современной историографии пресса продуктивно используется в качестве источника для исследования социальных групп населения в условиях Гражданской войны [Курышев, 1998, 2000], экономики [Алексеев, 2002; Рынков, 2006, 2009б; Шереметьева, 2021], военной истории [Симонов, 2016] и истории политической культуры [Журавлев, 2019, 2020]. Однако вопросы влияния периодической печати на социум, экономику, боевые действия и культуру в историографии пока не сформулированы.

Особое место в историографии занимает исследование биографий журналистов, публицистов, редакторов и издателей периодических изданий. Научные исследования посвящены общественно-политическому деятелю, яркому публицисту и редактору большой общественно-политической газеты «Сибирская жизнь» А.В. Адрианову [Дэвлет, 2004; Шереметьева, 2015; Серебренникова, 2017; Чернова, 2020; и др.], присяжному поверенному, члену редколлегии омской либеральной газеты «Сибирская речь» кадету В.А. Жардецкому

[Безродный, 1998; Сушко, Безродный, 2021; и др.], публицисту, члену редколлегии газеты Сибирского краевого комитета партии эсеров И.Г. Гольдбергу [Шиловский, 2007], редактору иркутской либеральной общественно-политической газеты «Свободный край» П.И. Федорову [Шереметьева, 2013], «публицисту национальной диктатуры» Н.В. Устрялову [Романовский, 2002], сотруднику информационных структур органов власти контрреволюции, публицисту, известному сибирскому поэту Г.А. Вяткину [Шишкин, 2007], писателю и журналисту Вс.Н. Иванову [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010], организаторам частного томского издательства «Факел» В.П. Микулину и М.Б. Бараховичу [Посадсков, 2013] и другим значимым фигурам в журналистике востока России периода Гражданской войны.

Таким образом, изучение антибольшевистской периодической печати востока России относится к числу актуальных направлений современной отечественной историографии Гражданской войны. Наблюдается высокий интерес прежде всего к газетам как к историческому источнику и самостоятельному предмету изучения. Исследователи создали значительный задел в изучении истории прессы. Он выражается в постановке ключевой научной проблемы о значении периодической печати в политических процессах Гражданской войны, в большом объеме введенных в научный оборот фактов и в высказывании различных оценок функционирования прессы.

Благодаря многочисленности и разнообразию повременных изданий, высокому уровню достоверности содержащейся в них информации по подавляющему большинству социально-значимых вопросов сохраняются широкие возможности для дальнейшего изучения антибольшевистской печати в рамках политической, культурной, социальной, экономической и военной истории. Традиционные для изучения антибольшевистской прессы препятствия в виде неполноты газетных и журнальных коллекций и избытка слабо структурированной информации вызывают необходимость продолжения базовых практик библиографирования и описания изданий, а также стимулируют изучение отдельных сюжетов и групп текстов.

Основная трудность и одновременно потенциал изучения прессы состоит в том, что в условиях контрреволюции на востоке России она являлась одновременно и объектом, и субъектом многих политических, социальных, экономических и культурных процессов. Поэтому

вопросы адекватности отражения периодикой состояния общества и ее роли в происходивших событиях остаются открытыми для изучения и научных дискуссий.

Литература

Адрианов А.В. Периодическая печать в Сибири. С указателем изданий в 1918 г. Томск, 1919. 31 с.

Алексеев А.Г. Периодическая печать как исторический источник по истории экономической политики антибольшевистских правительств Сибири // Новый исторический вестник. 2002. № 2 (7). С. 62–72.

Балмасов С.С. Функционирование органов военной цензуры Российского правительства 1918–1919 гг. // Гражданская война на востоке России: новые подходы, открытия, находки: мат-лы науч. конф. Серия: Библиотека россияведения. Вып. 8. М., 2003. С. 53–62.

Безродный К.Э. В.А. Жардецкий // Гражданские войны. Политические кризисы. Внутренние конфликты. История и современность. Омск, 1998. С. 103–107.

Виноградов Ф.Г. Рабочая печать в Сибири (исторический очерк) // Из прошлого Сибири. Омск, 1927. С. 5–65.

Волгин А.П. Буржуазная пресса Сибири и колчаковщина: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1990. 20 с.

Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е). Архангельск: Боргес, 2000. 280 с.

Голубчик М.Б., Киржниц А.Д., Матвеев З.Н., Турунов А.Н. Газеты // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1. С. 592–620.

Грибановский Н.Н. Материалы к периодической печати Якутии. Л., 1927. 18 с.

Доброхотов В.Я., Щавелев В.С. Большевистская агитация и пропаганда в годы гражданской войны (1918–1920) // Вопросы историографии идеологической деятельности КПСС. Горький, 1979. С. 5–38.

Дэвлет М.А. Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово, 2004. 68 с.

Журавлев В.В. «Символ спасения»: репрезентация контрреволюционной диктатуры в очерках С.А. Ауслендера об А.В. Колчаке (I) // Исторический курьер. 2019. № 5 (7). С. 113–137. URL:

<http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-5-09.pdf> (дата обращения: 20.06.2022).

Журавлев В.В. «Символ спасения»: репрезентация контрреволюционной диктатуры в очерках С.А. Ауслендера об А.В. Колчаке (II) // Исторический курьер. 2020. № 3 (11). С. 212–231. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-09.pdf> (дата обращения: 20.06.2022).

Иванов Б.В. Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и Гражданской войны. Томск, 1976. 376 с.

Кадейкин В.А. Сибирь непокоренная. Большевистское подполье и рабочее движение в сибирском тылу контрреволюции в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1968. 560 с.

Конев К.А. Образ союзников в периодической печати востока России (по материалам газетной сатиры 1918 – 1919 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2014. Вып. 5. С. 142–152.

Конев К.А. «Союзники» в политических нарративах и символических практиках антибольшевистского движения на востоке России (май 1918 – январь 1920 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2018. 26 с.

Конев К.А. Образ Великобритании и Франции в политических дискурсах антибольшевистского движения на востоке России в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 465. С. 92–100.

Косых Е.Н. Периодическая печать в Сибири (март 1917 – май 1918 г.). Из истории идейно-политической борьбы. Томск, 1994. 248 с.

Крюков В.М. Александр Адрианов. Последние годы. Томск, 2004. 80 с.

Курьшев И.Г. Социально-психологический облик крестьянства Западной Сибири в годы Гражданской войны (по материалам периодической печати): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1998. 24 с.

Курьшев И.Г. Повстанческое движение осенью 1918 – весной 1919 г. в Западной Сибири (по материалам периодической печати) // Политические партии, организации и движения в условиях кризисов и конфликтов. Омск, 2000. Ч. 1. С. 298–307.

Луков Е.В., Шевелев Д.Н. Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.). Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2007. 184 с.

Молчанов Л.А. Из истории газетной прессы России в годы революции и гражданской войны (октябрь 1917–1920 гг.). М., 1997. 196 с.

Молчанов Л.А. Газетный мир антибольшевистской России (октябрь 1917 – 1920 г.). М., 2001. 159 с.

Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917–1920 гг.). М.: Издатпрофпресс, 2002. 271 с.

Молчанов Л.А. «Собственными руками своими мы растерзали на клочки наше государство»: к истории антибольшевистской государственности периода Гражданской войны: сб. ст. и док. М.: Посев, 2007. 207 с.

Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. 632 с.

Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества / отв. ред. Е.А. Папкова. М., 2010. 784 с.

Нестеренко П.И. Сибирская периодическая печать о взаимоотношениях А.В. Колчака с союзниками: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2000. 24 с.

Никитин А.Н. Периодическая печать как исторический источник по истории гражданской войны в Сибири. Омск, 1991. 204 с.

Познанский В.С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск, 1973. 123 с.

Поршнев Г.И. Книжная летопись Иркутска за годы революции (1917–1919 гг.). Иркутск, 1920. 76 с.

Посадсков А.Л. Издательство «Факел» и его сотрудники: страница из истории российской печати XX века. Новосибирск, 2013. 192 с.

Посадсков А.Л. «Белая» и «красная» печатная пропаганда на фронтах гражданской войны в Сибири (опыт сравнения объективных характеристик) // Вестник Омского университета. 1999. № 4. С. 99–104.

Посадсков А.Л. «Белая» и «красная» печатная пропаганда на фронтах гражданской войны в Сибири (опыт сравнения объективных характеристик) // Вестник Омского университета. 2000. № 1. С. 63–69.

Посадсков А.Л. Книжная культура Сибири и Дальнего Востока в условиях гражданской войны (лето 1918 – 1920 г.) // Очерки истории

книжной культуры Сибири и Дальнего Востока: в 5 т. Новосибирск, 2002. Т. 3. С. 87–176.

Профессиональная печать // Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов в 1917–1919 гг. / сост. В.И. Шемелев, ред. В.Д. Вегман. Новосибирск, 1928. С. 114–126.

Резниченко А.Н. Борьба большевиков против «демократической» контрреволюции в Сибири 1918 г. Новосибирск, 1972. 153 с.

Романовский В.К. Николай Васильевич Устрялов // Отечественная история. 2002. № 4. С. 79–100.

Рощевский П.И. Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966. 339 с.

Рынков В.М. Идею и экономическое противоборство кооперации и предпринимателей Сибири в годы Первой мировой и гражданской войн // Кооперация Сибири: история и современное состояние: сб. науч. тр. Вып. 5. Новосибирск, 2006. С. 163–174.

Рынков В.М. Антибольшевистские политические режимы и общество: взаимодействие на информационном пространстве восточных регионов России // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.): сб. науч. ст. / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2009. С. 105–125.

Рынков В.М. История аграрной политики и сельского хозяйства в «Известиях министерства земледелия» (Омск, 1919) // Актуальные вопросы истории Сибири. Седьмые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: сб. мат-лов науч. конф. / отв. ред. В.А. Скубневский, Ю.М. Гончаров. Барнаул, 2009. С. 169–171.

Семенова Н.М. Периодическая печать Сибири как исторический источник по истории «демократической» контрреволюции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1977. 18 с.

Серебренникова Т.П. Публицистика А.В. Адрианова на страницах газеты «Сибирская жизнь» в период революции 1917 г. и Гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 46. С. 39–46.

Сиберт Ф., Шрамм У., Питерсон Т. Четыре теории прессы. М., 1998. 223 с.

Симонов Д.Г. Газеты как источник по изучению антибольшевистских вооруженных сил востока России (1918–1919 годы) // Вест-

ник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 6. Журналистика. С. 31–40.

Сорокин П.А. Социология революции. М., 2008. 784 с.

Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 – декабрь 1919 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2017. 32 с.

Стельмак М.М. Образ Японии в антибольшевистской правительственной прессе Западной Сибири в период Российского правительства А.В. Колчака (ноябрь 1918 – декабрь 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 69. С. 171–181.

Сушко А.В. Национальный вопрос в периодической печати Западной Сибири (март 1917 – ноябрь 1918 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002. 21 с.

Сушко А.В. К вопросу о характере и значении колчаковской пропаганды в Гражданской войне // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 148–157.

Сушко А.В., Безродный К.Э. В.А. Жардецкий и сибирское областничество // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 1. С. 30–36.

Хандорин В.Г. Роль либеральной и социалистической прессы в Сибири при диктатуре А.В. Колчака // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 340. С. 109–112.

Хандорин В.Г. Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири периода революции и Гражданской войны. Томск, 2011. 367 с.

Цытышева Н.В. Верхнеудинские газеты в политической борьбе 1918 г. // Исследования молодых ученых: межвуз. сб. ст. Улан-Удэ, 2007. Вып. 10. С. 93–108.

Цытышева Н.В. Периодическая печать Западного Забайкалья (февраль 1917 – ноябрь 1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2008. 22 с.

Черепенчук В.С. Переворот адмирала А.В. Колчака в Омке 18 ноября 1918 г. и его отражение в российской периодической печати ноября – декабря 1918 года: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 23 с.

Чернова И.С. Образ А.В. Адрианова как журналиста и интеллектуального лидера в воспоминаниях современников // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 168–172.

Шевелев Д.Н. Военно-пропагандистская деятельность антибольшевистских правительств Сибири в годы Гражданской войны (по материалам периодической печати): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. 22 с.

Шевелев Д.Н. Официальная периодическая печать белой Сибири: особенности пропагандистского дискурса и риторики // Документ в парадигме междисциплинарного подхода. Томск, 2006. С. 293–297.

Шевелев Д.Н. Осведомительная работа антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы Гражданской войны: июнь 1918 – январь 1920 гг.: автореф. ... д-ра ист. наук. Томск, 2012. 47 с.

Шевелев Д.Н. «Роль печатного слова в современной войне не меньше пули и штыка...»: осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России. Томск, 2017. С. 268.

Шереметьева Д.Л. Власть и пресса Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) // Вестник НГУ. Серия: История. Т. 8. Вып. 1. Новосибирск, 2009. С. 129–134.

Шереметьева Д.Л. Газетная пресса Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. 24 с.

Шереметьева Д.Л. Динамика численности газетной прессы Сибири в период революции и гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. / отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2012. Вып. 3. С. 59–79.

Шереметьева Д.Л. «Рыцарь иркутской общественности» П.И. Федоров (1872–1919) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 1. С. 122–127.

Шереметьева Д.Л. Изменить страну, не изменяя себе: публицистика А.В. Адрианова в условиях революции и гражданской войны // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века: сб. науч. ст. / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2015. С. 65–99.

Шереметьева Д.Л. Предварительная военная цензура печати на востоке России после установления диктатуры А.В. Колчака (19–30 ноября 1918 г.) // Медиаскоп. Электронный научный журнал. 2017. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2395> (дата обращения: 20.06.2022).

Шереметьева Д.Л. Официальная периодическая печать Российского правительства (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.) // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.): сб. мат-лов Всерос. науч. конф. / ред. колл.: В.И. Шишкин, Т.И. Морозова и др. Новосибирск, 2019. С. 366–375.

Шереметьева Д.Л. Рынок товаров Новониколаевска в условиях Гражданской войны (конец мая 1918 – середина декабря 1919 года) // Исторический курьер. 2021. № 5. С. 191–202. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-5-16.pdf> (дата обращения: 20.06.2022).

Шилова О.С. Информационная политика противоборствующих сил во время Гражданской войны в Сибири (на материалах Иркутской губернии 1918 – 1920 гг.). Иркутск, 2021. 167 с.

Шиловский М.В. Литературный псевдоним Irridens. Исаак Григорьевич Гольдберг // Личность в истории Сибири XVIII–XX веков: сб. биогр. очерков. Новосибирск, 2007. С. 173–179.

Шишкин В.И. «Правительственный вестник» как источник по истории колчаковского режима // История «белой» Сибири: мат-лы 6-й междунар. науч. конф. Кемерово, 2005. С. 10–12.

Шишкин В.И. К вопросу о судьбе Советов после антибольшевистского переворота в Сибири (конец мая – июль 1918 г.) // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2005. С. 296–313.

Шишкин В.И. Поэт и власть: Г.А. Вяткин в годы Гражданской войны // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Новосибирск, 2007. Т. 2, вып. 2. С. 43–55.

Шишкин В.И. «Сибирский вестник» // Россия в Гражданской войне. 1918–1922: энциклопедия в 3 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. М., 2021. Т. 3. С. 203.

УДК 94(47)084.3(571)

doi:10.31518/978-5-98901-255-8-103-120

Д.Н. Шевелев

Эволюция идеологии антибольшевистского движения востока России в годы Гражданской войны

D.N. Shevelev

The Evolution of the Ideology of the Anti-Bolshevik Movement of the East of Russia During the Civil War

Аннотация. На примере востока России рассматривается эволюция идеологии антибольшевистского движения от конгломерата социально-политических концепций и программных установок поддерживающих его партий, течений и социальных групп до ценностно-смысловой основы государственных образований эпохи войн и революций, сплоченного вокруг «национальной идеи» воображаемого сообщества. Цель работы – определить специфику идеологического дизайна восточной контрреволюции к моменту окончания Гражданской войны, особенности перетекания одной конфигурации идеологии в другую (идеология-программа – идеология-мировоззрение – идеология-миф).

Ключевые слова: Гражданская война в России, идеология антибольшевистского движения, восток России.

Достигнув 100-летнего рубежа, отделяющего нас от окончания широкомасштабной Гражданской войны в России, мы по-прежнему испытываем насущную потребность в формировании целостного научного представления об этой переломной исторической эпохе, расширении исследовательского поля, коренном переосмыслении устоявшихся подходов и мнений, выходе на новые аспекты ее изучения и современных интерпретациях, казалось, уже хорошо известных сюжетов.

И в этом смысле важнейшая составляющая эпохи войн и революций – политическая и мировоззренческая основа одной из главных сторон конфликта по-прежнему находится на границе света и тени исследованного пространства Гражданской войны, скрывается в полусумраке сложившихся и уже устоявшихся представлений об этом феномене. Такая историографическая ситуация является неслучайной. С одной стороны, саму сущность этого исторического явления имею-

щимися у исследователя инструментами довольно сложно уловить, потому что оно постоянно норовит уйти в тень, ускользнуть, замаскироваться под другие объекты и сущности. С другой же стороны, оно само неизменно напоминает о себе, проявляясь в источниковом материале, исторических контекстах и не укладывающаяся в традиционные объяснительные модели.

После Гражданской войны наблюдается довольно странное единодушие бывших противников в определении и оценке идеологии как позитивной объединяющей и мобилизующей основы антибольшевистского (белого) движения. С одной стороны, уничижительные оценки самих «белых», от «ее у нас не было никакой» (В.Н. Иванов) [Иванов, 1992. С. 466] до «очень примитивна», «жалкая идея мести, ненависти к большевикам» (М.К. Дитерихс)¹ или даже «основывалась не на тех ценностях» (С. Толстой-Милославский) [Толстой-Милославский, 1921. С. 40–41]. С другой – трактовка «красных», в соответствии с которой идеологические установки антибольшевистского движения были обусловлены социальным происхождением, классовой ограниченностью и реакционной сущностью его участников. Вывод напрашивался сам собой: белые были исторически обречены, им попросту нечего было предложить российскому обществу. Все это существенно схематизировало и упрощало суть проблемы. Современные исследователи чаще всего балансируют между пониманием идеологии как мировоззрения (в отношении отдельных социальных групп – например, офицерства) и идеологии как политической программы (применительно к государственным образованиям и политическим режимам постимперской России). Тем не менее понятие «идеология» и стоящие за ним смыслы не смогли заменить близкие к нему концепты: «политическая программа», «мировоззрение», «миф» и т.д. Отметим, что сами векторы историографического освоения обозначенной нами научной проблемы весьма любопытны и без сомнения заслуживают отдельного рассмотрения.

В качестве *объекта* нашего исследования выступает политическая коммуникация, связывавшая через телеграфные агентства и прессу антибольшевистские политические режимы, сформировавшиеся на территории Сибири в период Гражданской войны, население под-

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 298. Л. 1.

контрольных им территорий и правительства, политические и общественные круги стран-союзниц России по Первой мировой войне. *Предметом* исследования является идеология антибольшевистского движения востока России в ее исторической динамике. При этом под *идеологией антибольшевистского движения* в самом широком, где-то даже постмодернистском (в духе С. Жижека) смысле мы будем понимать совокупность политических, экономических, социальных и культурных ценностей и установок, ментальных образов и дискурсивных конструкторов, образующих целостную модель, посредством которой его (антибольшевистское движение) последователи воспринимали, осмысливали и интерпретировали окружающую действительность.

По мере приближения к проблеме исследователь не может избежать двух вопросов. Первый: существовал ли вообще данный объект – идеология антибольшевистского (белого) движения – в исторической реальности Гражданской войны или он был сконструирован поздними поколениями своих последователей и историков? Как пишет по этому поводу один из современных исследователей: «Белый миф, созданный в ранней эмиграции генералами, представителями бывших правых партий и монархистами, охватывал совокупность героических легенд и повествований о битвах. Для доказательства законности претензий на наследство царской империи было достаточно нескольких теорем и идеологем: “государственность” и “порядок”, “величие” и “единство”, “власть” и “самобытность”» [Катцер, 2014. С. 189]. Второй: оправданно ли применение концепта «идеология» для понимания сущности самого явления и не избыточно ли оно в сравнении с другими перекочевавшими в историческую науку понятиями – «дискурс», «нарратив» и «идентичность»? Не претендуя на полноту охвата всей темы, попробуем разобраться в нескольких, на наш взгляд, ключевых ее аспектах.

Цель данной работы – на примере востока России, с одной стороны, выявить основные векторы идеологии антибольшевистского движения от конгломерата социально-политических концепций и программных установок поддерживающих его партий, течений и социальных групп до ценностно-смысловой основы государственных образований эпохи войн и революций, сплоченного вокруг «национальной идеи» воображаемого сообщества. С другой – определить специфику идеологического дизайна восточной контрреволюции к моменту окончания Гражданской войны, особенности перетекания одной конфигурации

идеологии в другую (идеология-программа – идеология-мировоззрение – идеология-миф).

Для того чтобы вывести интересующий нас предмет из полусумрака недосказанности, уловить саму его сущность и охватить его во всей широте и глубине, его, на наш взгляд, следует рассмотреть как минимум с трех ракурсов.

1. Идеология антибольшевистского движения востока России с точки зрения ее *строения, морфологии* [Freeden, 1996. P. 64–72; Freedен, 2013. P. 117–126].

Первоначально, в ситуации кризиса и распада центральной власти, активизации политических сил на местах, на востоке страны предпринимались попытки актуализации региональной идентификации. Более того, в Сибири базовые для начального этапа антибольшевистской государственности политические ценности и принципы, в основе которых лежала идея областной автономии, были сформулированы еще до начала Гражданской войны. Летом–осенью 1917 г. господствовавшая в политическом пространстве Сибири «революционная демократия» определила основные ориентиры ее будущего общественного уклада: «федеративное устройство» и «народовластие». Вокруг этих базовых политических ценностей организуются «узловые точки» нарождавшегося сибирского политического дискурса: *областная автономия, демократические выборы, принцип разделения властей, Сибирская областная дума*. Эти основные знаки нового дискурса начинают играть ключевую роль и в формировании новой политической идентичности.

В дальнейшем политический дискурс получает развитие в дискуссиях и решениях Чрезвычайного Сибирского областного съезда (Томск, декабрь 1917 г.), «узловыми точками» которого становятся *Учредительное собрание* (как источник легитимности) и *социалистическое правительство* (от народных социалистов до большевиков). Затем произошло размежевание «революционной демократии» с «цензовыми элементами», обозначились разногласия и в стане самих областников. Однако съезд официально так и не занял антибольшевистскую позицию. *Антибольшевистский* (но не антисоветский) *характер* краевой власти проявился позднее – в заявлениях Сибирской областной думы.

Летом 1918 г. власть на востоке России переходит к Временному Сибирскому правительству. 4 июля 1918 г. оно принимает декларацию «О государственной самостоятельности Сибири», в которой говорилось о том, что новая власть, с одной стороны, «торжественно объявляет во всеобщее сведение, что ныне оно одно вместе с Сибирской областной думой является ответственным за судьбы Сибири, ... а также заявляет, что отныне никакая иная власть ... не может действовать на территории Сибири или обязываться от ее имени», а с другой – «полагает также совершенно необходимым объявить не менее торжественно, что оно не считает Сибирь навсегда оторвавшейся от тех территорий, которые в совокупности составляли Державу Российскую, и полагает, что все его усилия должны быть направлены к воссозданию Российской государственности»¹. В целом такая позиция не была сепаратистской, а воспринимала Сибирь как своеобразный плацдарм для возрождения страны в целом и выстраивания новых отношений с Центром.

Однако основанная на эсеро-областнических политических ценностях риторика довольно быстро сходит на нет, уступая место общероссийской гражданской идентичности. Произошедший в ночь на 18 ноября 1918 г. государственный переворот означал окончательный распад и без того непрочной коалиции умеренных социалистов и либерально-консервативных сил. В публичной риторике начинают утверждаться другие ценности: «государственно-национальное единство», «сильная правительственная власть, опирающаяся на доверие народа», «укрепление порядка и государственной дисциплины», «возрождение былого величия России». Основные программные установки и идеологические приоритеты новой власти А.В. Колчак обозначил уже в первом своем обращении, а затем в ходе встречи с представителями прессы: *политический центризм, бескомпромиссная борьба с большевиками, демократическое государственное устройство, порядок и законность*. Именно они и были положены в основу правительственной пропаганды на новом этапе теперь уже белого движения. Как справедливо заметил один из главных идеологов Омского режима Н.В. Устрялов: «Но, конечно, идеология наша была не сибирской, а всероссийской. Тут мы не могли уступать. Но ведь и сама личность Колчака

¹ Сибирский вестник (Омск). 1918. 17 авг.

была символом меньше всего областническим, меньше всего лишь сибирским! Отдавая должное “крепким сибирским корням”, Омск не мог себе не ставить всероссийских задач, они навязывались ему сами логикой всероссийской революции» [Устрялов, 1993. С. 262].

В основе наших дальнейших размышлений о соотношении *национального* и *имперского* в идеологии антибольшевистского движения лежат два предположения. Во-первых, «национальное» и «имперское» не являются непримиримо противоположными (т.е. предполагающими полное взаимное отрицание) понятиями (так же как и «национальное государство» и «империя»). Как убедительно показали современные исследователи, в XIX и начале XX в. империи строили нации в своих метрополиях («ядре европейских империй»), а также выступали «не только как сила, подавляющая или ограничивающая периферийные национализмы, но и как сила, пытающаяся использовать национализм для решения именно имперских задач» [Миллер, 2013. С. 36].

Во-вторых, опыт империи, имперская политика, бюрократические механизмы и административные практики империи, само бытие в империи формировали/конструировали особое имперское сознание, имперское мышление, имперское воображение. Имперские сообщества являются, наверное, не в меньшей степени воображаемыми, нежели сообщества национальные. И в этом смысле имперское общество является продуктом воображения людей, мыслящих в горизонте имперского сознания. И даже после распада самой империи, оставаясь в форме стереотипов, остаточных идеологем и нарративов, имперское сознание способно еще долго определять политику и общественные настроения как в бывшей метрополии, так и на периферии бывшей империи.

«Нация» и «национальное» выступали базовыми, основополагающими элементами идеологии антибольшевистского движения востока России. «Верховными началами, определяющими... программу государственного строительства, – заявлялось в декларации Всероссийского национального союза, – являются: 1) идея нации как общественного целого, включающего в себя все отдельные национальности, классы и другие общественные группировки, и 2) идея государства как внешней формы, в которой только и возможно для нации политически независимое существование. И нация, и государство являются носителями того общего интереса, которому всегда и

всюду, в случае столкновения, должны подчиняться и быть подчинены все интересы частного порядка – классовые, групповые, личные»¹. Тема «национального» постоянно присутствовала в публичных обращениях. «Мы ведем борьбу за русское национальное дело восстановления нашей Родины как свободного единого и независимого государства, – говорилось, к примеру, в обращении Верховного правителя летом 1919 г. – Мы ведем борьбу за право самого народа путем свободных выборов и голосования в Учредительное Национальное Собрание определить свою судьбу в устройстве государственной власти и в удовлетворении потребностей земледельцев в земле и рабочих условиями и обстановкой труда»².

Пафос и риторика *национального* сознательно противопоставлялись пафосу и риторике *социального* (классового) и *интернационального*. «В таком направлении совершался пересмотр идеологии, – полагал ведущий идеолог и один из руководителей пропагандистского аппарата Омского правительства Н.В. Устрялов. – Будучи очень сложен в своих истоках и в своих подробностях, он ясен и прост по своему устремлению. Он возвращает русскому народу Россию (выделено Н.В. Устряловым. – Д. Ш.). В этом его жизненность, в этом его смысл. Россия, родина (выделено Н.В. Устряловым. – Д. Ш.) – вот реальное содержание нашей борьбы с революцией. Мы боремся с ней потому, что она посягает на Россию. Мы отвергаем ее прежде всего потому, что она стала *принципиально антинациональной* (выделено Н.В. Устряловым. – Д. Ш.)»³.

С понятием «имперское» все гораздо сложнее, мы еще больше уходим в область предположений. Начать с того, что в дискурсах антибольшевистского движения не было адекватного и соотносимого понятия «имперского». «Великодержавный», «Великая и неделимая Россия» – не вполне соотносится с полным смыслом «имперское», а стремлением переформатировать и приспособить к текущей ситуации.

Очень характерно, обращаясь к историческому прошлому Российского государства, интерпретируя его дореволюционный период и вписывая его в политические и социальные контексты настоящего, идеологи и пропагандисты Омского правительства действовали выбо-

¹ Отечественные ведомости (Уфа). 1918. 10 окт. (27 сент.).

² Голос Приморья (Владивосток). 1919. 1 авг.

³ Русское дело (Омск). 1919. 5 окт.

рочно и непоследовательно. С одной стороны, признавалось, что «старая власть была виновна перед народом». «Одержав верх над революцией 1905–1906 годов, – задавала резонный вопрос газета “Свободная Пермь”, – что сделала власть крепкого, прочного, укрепившего ее? Провела она серьезную аграрную реформу, удовлетворила рабочий класс, умиротворила духовно и глубоко народ? Воспитала его на уважении права?»¹. «Власть жила обособленной жизнью от народа, не внимая голосу жизни», – перечисляла газета прегрешения царского режима, – «власть приносила в жертву своему капризу и произволу насущные интересы страны», «национальные, классовые противоречия были не примирены, не сближены одно с другим, а напротив обострены»².

В целом политический режим императорской России определялся как «самодержавие» и «полицейское государство». Считалось, что в этом он коренным образом отличается от «демократического» и «правового государства», руководимого Верховным правителем. С другой стороны, как писала одна из газет, «в прошлом Россия имела мудрых государей, блестящие военные подвиги, блестящую временами дипломатию»³. Государственное возрождение России не мыслилось политическим руководством Белого Востока вне опоры на исторические традиции и героическое прошлое. Пресса апеллировала к таким судьбоносным для русского народа историческим событиям, как борьба с монголо-татарами, Смута начала XVII в., Отечественная война 1812 г. Понятие «имперское» (даже в лексике, терминах и логике того времени) обходилось.

Таким образом, категория «имперское» присутствовала в идеологии антибольшевистского движения в форме своеобразных следов, остаточных стереотипов:

– идея (и постоянная отсылка) былого величия великой державы, которую необходимо восстановить, возродить (причем в основном в имперских границах);

– притязания (даже без достаточных ресурсных оснований) на статус одной из ведущих мировых держав;

¹ Свободная Пермь (Пермь). 1919. 12 марта.

² Там же.

³ Наша газета (Омск). 1919. 30 сент.

- осознание своей исторической миссии (перед собственным народом, славянами, Европой и человеческой культурой в целом);
- стремление к гегемонии и патронату (покровительству) над соседними народами (славянскими и не только);
- европоцентризм (при этом противопоставление: цивилизация, культура vs. варварство подразумевало запад vs. восток, в котором большевики заменили восточных варваров);
- культ армии: центральное место в политической пропаганде занимал образ героической армии, ведущей тяжелую борьбу с «красными варварами».

Для антибольшевистского движения востока России базовой идеологической ценностью являлся последовательный и бескомпромиссный антибольшевизм, а борьба с «большевистским игмом» до полной победы оставалась ключевой установкой, неизменной на протяжении всей Гражданской войны, что четко прослеживается во всех официальных декларациях и воззваниях Западно-Сибирского комиссариата, Временного Сибирского, Временного Всероссийского и Российского адмирала А.В. Колчака правительств. Большевики представлялись «врагами народа», «узурпаторами», «путем обманчивых обещаний и насилий» захватившими власть над русской землей, разрушившими «целостность и единство государства Российского» и подвергнувшими «величайшей опасности свободу и независимость российских граждан». «Большевистская власть, – отмечалось в частности в обращении Временного Всероссийского правительства к правительству США, – исповедующая на словах демократические принципы, на деле попирает их ногами и осуществляет лишь партийную диктатуру. Всеобщее избирательное право, основа истинного демократизма, уничтожено. Разогнано избранное на основе этого права Учредительное собрание, а также городские и земские самоуправления»¹.

Установленная большевиками власть именовалась «кошмарным гнетом», «новым самодержавием», «преступной», «самочинной» и «безответственной». На них возлагалась ответственность за развязывание гражданской войны и террор. «Этот режим вызывает неукротимую оппозицию со стороны наиболее сознательных слоев населения, – указывалось в опубликованном в конце февраля 1919 г.

¹ Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 8 нояб.

правительственном сообщении, – и советской власти приходится поддерживать его тремя чудовищными средствами: голодом, террором и гражданской войной. Голодом она загоняет на службу в свои учреждения обессиленную интеллигенцию; террором, неслыханно жестоким и беспощадным, подавляет массовые движения и истребляет все наиболее стойкое и сильное, а гражданской войной, провозглашаемой как постоянный принцип жизни, искусственно раздуваемой и расширяемой, она поддерживает разделение и бессилие враждующих групп»¹.

В своих воззваниях к населению антибольшевистские правительства востока России выражали твердую уверенность в том, что «всем опустылевшая большевистская власть» решительно отвергается всеми слоями и классами российского общества. «Временное Всероссийское правительство, – указывалось в адресованной “ко всем областным правительствам и ко всем гражданам государства Российского” грамоте Директории, – глубоко верит, что все части и все народности Великой России, поняв смертельную опасность, грозящую Родине со стороны германо-мадьярских полчищ и их приспешников большевиков, сплотятся в единое мощное целое, дабы под твердым руководством всероссийской верховной власти вывести, наконец, нашу пострадавшую отчизну из бездны распада на предначертанный ей путь всероссийского государственного возрождения»².

В такой ситуации, полагало политическое руководство Белого Востока, «цель, которую ставит себе правительство, должна стать общей целью честных граждан России – освободить страну от большевистского гнета, спасти последние остатки народного достоинства и приступить затем в полном порядке и разумно к переустройству народной жизни»³. Любые переговоры, перемирие, компромисс с большевиками были невозможны. Непокколебимость такой установки наиболее отчетливо выразил адмирал А.В. Колчак в своем воззвании к населению летом 1919 г. «Я, – говорилось в этом документе, – обращаюсь к населению свободной от гнета комиссаров России: мы ведем с большевизмом смертельную борьбу, которая не может кончиться договором или соглашением, ибо в этой борьбе мы защищаем

¹ Правительственный вестник (Омск). 1919. 21 февр.

² Вестник Временного Всероссийского правительства. 1918. 6 нояб.

³ Правительственный вестник. 1919. 14 янв.

родину против интернационала, свободу против тирании и культуру против одичания. В этой борьбе у нас нет честных противников, есть шайки грабителей, руководимые международными отбросами. Против нас нет честных способов ведения борьбы: есть путь мучения безвинных, насилия над беззащитными и всеобщее разграбление. И укрыться от борьбы и ее последствий нет возможности, пока враг не уничтожен»¹.

Демонизируя своего врага, идеологи и пропагандисты востока России низводили его цели до личной корысти и простого грабежа. «Богатая Сибирь, сибирские города и селения, разбогатевшие за последние четыре-пять лет, – писала в конце октября 1919 г. омская “Наша газета”, – предназначаются большевиками для очередного разграбления. Чужое добро – крестьянское и городское – не дает никогда покоя большевикам. Они успокаиваются только тогда, когда его все сожгут и все пограбят»².

Конструируя таким образом врага, политическая пропаганда востока России определяла борьбу с большевизмом как *освободительную*. Так, в издававшейся в Челябинске газете «Сибирский стрелок» прямо говорилось: «Совершенно неверно рассуждают те, кто называет ведущуюся сейчас борьбу против большевизма “гражданской” войной. Гражданская война – это борьба двух половин народа, разделившихся для взаимного истребления. Нынешняя борьба носит характер далеко не гражданской войны, а скорее “освободительной”. Необходимо во что бы то ни стало освободить Россию от тех, кто поругал святыни ее, кто разрушил образцовые хозяйства, кто разрушил промышленность, кто осквернил честь русской армии, кто безжалостно истребляет ценные картинные галереи, библиотеки, у кого ничего святого нет»³. С другой стороны, со временем усилилась интерпретация Гражданской войны как *священной* борьбы с большевистскими безбожниками. «Наша нынешняя война священна, – рассуждал по этому поводу епископ Уфимский Андрей, – ибо большевизм совершенно определенно объявил войну всякой религии и приговорил к разрушению святыне храмы и к уничтожению всех служителей святого алтаря... Если большевики кое-кого и кое-что в религиозной области еще терпят, то

¹ Правительственный вестник. 1919. 26 июля.

² Наша газета (Омск). 1919. 7 нояб.

³ Сибирский стрелок (Челябинск). 1919. 7 марта (23 февр.).

только потому, что боятся общественного мнения, иначе от нашего религиозного культа остались бы вместо храмов только конюшни и кинематографы. Итак, несомненно, в нашей войне против большевиков должны принять участие все, кому дорога святая церковь; несомненно, что и война эта – священная война»¹.

2. Идеология антибольшевистского движения востока России с точки зрения ее *публичной репрезентации*.

Используемая политическая пропаганда и проправительственной прессой объяснительная модель происходящих в стране, начиная с февраля 1917 г., событий строилась, с одной стороны, на нескольких ключевых метафорических образах.

Ключевая концептуальная метафора: Россия – это живой организм («национальный организм»), тело, *больное тело*. Зачастую использовался традиционный антропоморфный, женский образ России-матушки, чье тело внезапно оказалось пораженным тяжелым опасным недугом, болезнью, физическим («большевизм – заморская зараза», «красная скверна», «бациллы большевизма», «поражено гангреной») или психическим («помутнение рассудка», «дурман большевизма») расстройством, было отравлено («яд большевизма», «большевистский угар», «точно ядовитые газы пущены в нашу страну») или серьезно ранено («израненная, окровавленная Россия»), оказавшись «в руках грабителей и насильников», которые «точно кровожадные звери рвут, раздирают живое тело русского народа». В Сибири, например, этот образ нашел свое воплощение в карикатурах Генриха Ивановича Эйдригевича (его работы публиковались во многих газетах и их можно узнать по подписи «Эй-ч») (см. рис. 1).

Гражданская война воспринималась как протекание тяжелой болезни. «Государство больно сильной горячкой, – писала, к примеру, томская “Наша газета”, – и ни одному из его членов не избавиться от потрясений. Государство больно, и мы живем в дни кризиса. Далеко ли выздоровление – мы не знаем, но мы знаем: оно будет – и в этом поруча нам все растущий, все более определенный фронт наш»². Причина же однозначно выделась в большевиках и большевизме.

¹ Русское дело (Томск). 1919. 9 окт.

² Наша газета (Томск). 1919. 6 нояб.

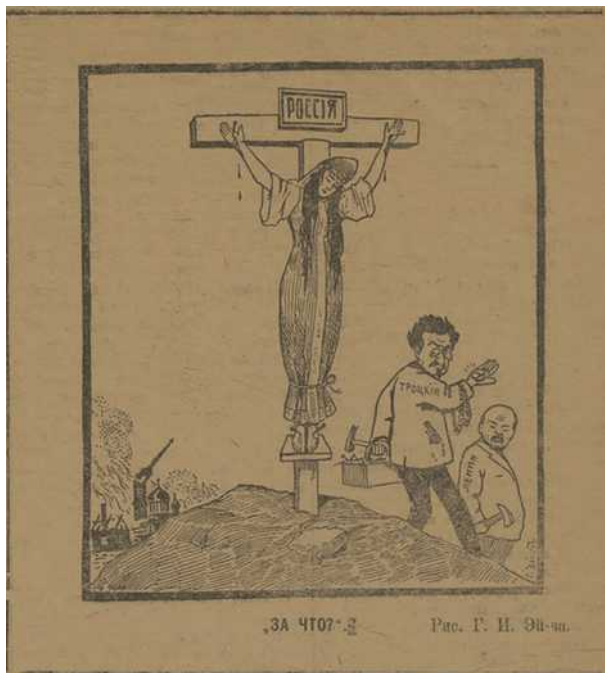

Рис. 1. За что? Рисунок Г.И. Эйдригевича.
Опубликован: Великая Россия (Томск), 1919. 1 окт.

«Прежде всего скажу, что бактерия большевизма отличается от других бактерий тем, что в микроскоп ее не увидишь...

По внешности он напоминает порядочного человека и отличается от него только тем, что он всегда мерзавец...

Несмотря на нормальную температуру, человек уже явно ненормален. Как и сыпнотифозный, он просит:

– Пить!

Но утоляет свою жажду не клюквенным морсом, а парной человеческой кровью.

До сих пор против этой болезни имеется только одно средство:

– Подкожное впрыскивание.

Но впрыскивают не камфару, а свинец, оправленный в никелевую оболочку»¹.

¹ Наша газета (Томск). 1919. 24 окт.

Отметим, что осмысление революции и Гражданской войны происходило и через другие метафорические модели: разбушевавшейся *природной стихии*, сурового *испытания*, поучительного *урока* или *сна* и *пробуждения*.

Еще одной значимой концептуальной метафорой применительно к Гражданской войне, антибольшевистскому движению, судьбе России и в целом к истории являлся образ *пути*. В первом же своем обращении к населению в качестве Верховного правителя России адмирал А.В. Колчак заявил: «Я не пойду ни по *пути* реакции, ни по гибельному *пути* партийности»¹. Пресса часто использовала эту метафору в самых разных контекстах. «Как это ни странно, но на этом *пути* стоит множество препятствий, – разъяснял, например, “Русский голос”. – Может быть придется на этом *пути* отказаться от многого, что считалось неприкосновенным и священным для нас; может быть не раз придется сжигать то, чему поклонялись... Эта “любовь к родине и народная гордость” должны быть нашими *спутниками* и *руководителями* не только на наших внутренних *путях*, но и на внешних»².

Образ трудного выбора России в антропоморфном измерении чаще всего воплощался в былинном богатыре с картины Васнецова «Витязь на распутье». Так, газета «Голос сибиряка» отмечала в начале 1919 г.: «С одной стороны, перед ней “революционный” путь, продолжение того, каким шла она в истекшем году, обильно политый кровью, усеянный острыми камнями злобы и ненависти, с другой – новый, ведущий не к разрушению, но к созданию, сохранению того, что есть... Возьмет ли она в руки красный флаг интернационала или поднимет милый русскому сердцу национальный бело-красно-синий?»³.

Подобную метафору использовал и публицист В. Покровский. В статье «Памятная годовщина» он писал: «Многострадавшая от самодержавия, растоптанная сапогами пьяных комиссародержавцев и немецких шпионов, она пришла, наконец, к тому часу своего существования, когда надолго решается ее судьба, когда лежит перед ней несколько путей, несколько дорог. Одни скользкие и заманчивые –

¹ Правительственный вестник. 1918. 20 нояб.

² Русский голос (Томск). 1919. 28 (15) окт.

³ Голос сибиряка (Екатеринбург). 1919. 1 янв.

вниз. Другие узкие, тяжелые, затруднительные вверх – к свободе, мирному труду и благосостоянию»¹.

С другой стороны, анализ пропагандистских материалов позволяет выделить «нарратив возрождения» – ключевой для восточной контрреволюции идеологический конструкт, сюжетно оформленное повествование, предлагавший связную картину освобождения страны от большевиков, а также базовые для антибольшевистского движения ценности, подкрепляемые повсеместным празднованием «годовщины освобождения» (а в дальнейшем и «годовщины деятельности Всероссийского правительства, возглавляемого Верховным правителем адмиралом Колчаком») и другими символическими практиками.

3. Идеология антибольшевистского движения востока России с точки зрения ее взаимосвязи с массовым политическим движением и конкретной политической деятельностью периода Гражданской войны.

Оценивая морфологический подход к анализу идеологий, Д. Шварцмантель указал на то, что при многих своих сильных сторонах «концептуальный способ определения идеологии упускает или, по крайней мере, преуменьшает практическую, институциональную сторону идеологии». По мнению британского политолога, «идеологии не могут существовать отдельно от общественных движений как политических партий, так и более масштабных общественных движений, которые действуют в условиях “реального мира” политики и нуждаются в конкретной социальной базе и народной поддержке». Таким образом, идеология, полагал Д. Шварцмантель, «не просто абстрактная философия или выдумка отдельного человека, а нечто, что способно связать такие общие идеи и конкретную политическую деятельность нескольких человек или – что более характерно именно для идеологии – множества людей» [Шварцмантель, 2009. С. 51].

Если рассматривать идеологию антибольшевистского движения именно в этом ключе, то она служила (или должна была служить) интеллектуальной основой не только для мировоззренческой ориентации, но и организованных действий своих приверженцев.

Ранее мы уже писали о том, что антибольшевистское движение конструировалось как воображаемое сообщество, объединявшее как

¹ Надежда России (Новониколаевск). 1919. 7 авг.

тех «государственно мыслящие элементы», кто уже сделал осознанный выбор в пользу борьбы с «гибельным для русских самодержавием народных комиссаров», так и тех, кто в силу различных обстоятельств пока еще не определился, но обязательно окажется на «правильной» стороне. Такое понимание «мы-группы» давало основание политической пропаганде Омского правительства позиционировать все антибольшевистское движение как «русское национальное дело, как сплотившуюся единую Нацию, выступившую против большевизма». Борьба с «врагами народа и государства Российского – большевиками» представлялась своеобразным актом творения новой макрополитической общности, сообщества граждан, которые независимо от их этнической принадлежности совместными усилиями создают новое государство тем общим делом, которое сплотит всех русских как гражданскую Нацию. Этот проект объединил усилия политического руководства государственных образований востока России, интеллектуальных элит в лице той части интеллигенции, которая поддержала антибольшевистское движение, и институтов политической пропаганды.

Подведем итоги. К концу 1919 – началу 1920 г. у антибольшевистского движения востока России сложилась вполне понятная ценностная основа. Представленная в официальных декларациях и воззваниях, газетных статьях и фельетонах, брошюрах, листовках, политической публицистике идеология строилась на сочетании национально-державных и либерально-демократических компонентов, соединении традиционных устоев (сильное национальное государство, православие, армия) с опорой на культурную память о героическом прошлом русского народа с ценностями, привнесенными революцией (демократия, правовое государство, парламентаризм, политические свободы). Дискурсы контрреволюции были организованы вокруг нескольких метафорических моделей, ключевых бинарных оппозиций и политических нарративов. Формируемая «государственно мыслящей» прессой картина мира выстраивалась в соответствии с ключевыми идеологическими доминантами, образующими смысловой каркас избранной модели («Национальное государство»).

Категория «национальное» присутствовала в идеологии и пропаганде антибольшевистских правительств востока России как фигура публичной репрезентации, в то время как «имперское» – как фигура умолчания. «Революционное», связанное с социализмом и

«эсеровщиной», неуклонно вытеснялось и изгонялось как на символическом, так и институциональном уровнях.

Специфика идеологического дизайна антибольшевистского движения (как в целом, так и на востоке России) заключалась еще и в том, что это не была идеология в «привычном» смысле: наличие сплоченного (и относительно однородного) сообщества единомышленников, лежащие в ее основе канонические тексты, признанные отцы-основатели, целостная доктрина. Она складывалась не «до событий», а во время событий. Осмысление ситуации, выработка идеологических решений и их трансляция происходили не последовательно, а одновременно, параллельно. В реалиях того времени это возможно было только на ограниченном количестве «площадок», основной из которых (по крайней мере в публичном пространстве) выступала периодическая печать. В результате не идеология, транслируемая массовой аудиторией, породила политический нарратив, а наоборот, многочисленные тексты сплетались в нарратив, который задавал определенную рамку, соединяя осмысление прошлого и настоящего, ценности, концепты, метафорические модели.

Однако идеологам и пропагандистам Белого Востока так и не удалось преодолеть границу между *активистами* движения и его *потенциальными сторонниками*. Свой осознанный выбор сделало меньшинство. В краткосрочной перспективе (логике Гражданской войны) антибольшевистское движение, предложенная им государственная модель, его идеология и пропаганда потерпели сокрушительное поражение, при этом став заложниками собственных схем и представлений. Сконструировав воображенное «антибольшевистское движение» как восставшую против большевистской тирании русскую Nation, они с ужасом обнаружили, оказались разочарованы отсутствием реальной поддержки и социальной опоры. Власть держалась линии железных дорог, а ее мобилизационная база ограничивалась мужским населением подконтрольных городов и беженцами.

Литература

Иванов В.Н. Урал – Харбин – Владивосток (1919–1922). Главы из воспоминаний // Иванов В.Н. Императрица Фике. Дочь маршала: исторические повести. М.: Художественная литература, 1992. С. 380–540.

Катцер Н. Белый миф. Русский антибольшевизм в послевоенной Европе // Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Миллер А.И. Модерные империи: проблемы классификации, механизмы консолидации и распада // Политическая наука. 2013. № 3. С. 30–42.

Толстой-Милославский С. Причины неудачи белых выступлений // Двуглавый орел. 1921. № 9. С. 40–46.

Устрялов Н.В. 1919-й. Из прошлого // Русское прошлое. 1993. № 4. С. 194–287.

Шварцмантель Д. Идеология и политика. Харьков: Гуманитарный Центр, 2009. 312 с.

Freeden M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1996. 592 p.

Freeden M. The Morphological Analysis of Ideology // The Oxford Handbook of Political Ideologies / ed. by M. Freedен, L.T. Sargent and M. Stear. Oxford: Oxford University Press, 2013. 752 p.

Экономика Гражданской войны

Р.А. Хазиев

«Альтернативная экономика» периода Гражданской войны на Урале

R.A. Khaziev

“Alternative Economy” of the During the Civil War in the Urals

Аннотация. В годы Гражданской войны большевики задействовали мобилизационную модель «социалистического способа производства», нацеленную на то, чтобы после слома «капиталистической экономики» справиться с лавинообразно возникшим дефицитом сырья, товаров, услуг, резким ухудшением жизненного уровня населения и т.д. В данной публикации рассматривается сосуществование с мобилизационной моделью хозяйствования «альтернативной» или второй экономики – с тем, чтобы понять, какова была хозяйственная роль рыночных элементов, смягчавших тотальный дефицит, вызванный разрушительными последствиями революций 1917 г. и Гражданской войны.

Ключевые слова: Гражданская война, «военный коммунизм», Урал, «альтернативная экономика», подпольное предпринимательство, черный рынок, нелегальная торговля.

Период Гражданской войны в России – это не только время коренного изменения политического ландшафта в стране, но и экстраординарная эпоха тотального дефицита практически «всего и вся», что масштабно не наблюдалось в воюющей России 1914–1917 гг. Советская республика, получив от позднеимперской России проблемное экономическое наследие, попыталась революционно трансформировать хозяйственный комплекс страны не только в центре, но и на периферии. Преимущественно переход экономики на «социалистические хозяйственные рельсы» происходил скоротечно и крайне болезненно. Красногвардейская атака на капитал, затем эшелонированная «военно-коммунистическая» конфискация активов, милитаризация труда [Жуков, 2020. № 2. С. 96–97], введение продуктообмена, насильственной продрозверстки [Кобзов, Шведов, 2019. Т. 19, № 3.

С. 38–39] были ничем иным, как экстренной формой реагирования на чрезвычайный военно-политический вызов. В зонах территориально-политической ответственности антибольшевистских правительств, в том числе и на востоке России, реализовывалась более щадящая для населения хозяйственная программа. Общероссийский экономический кризис нивелировался преимущественно рыночными мерами [Рынков, 2022. С. 182–189].

Тем не менее, как бы жестко и последовательно ни реализовывались меры по национализации движимого и недвижимого имущества «бывших» ради «окончательной победы Октября», все командно-административные нововведения были, по большому счету, демонстрацией желаемого, которое советская пропаганда выдавала за действительное. Большевики наряду с социалистическим утопизмом и революционной беспощадностью обладали практической жилкой. Они отчетливо понимали, что советская власть не извлечет выгоды, ударно разрушая огромную экономику. В годы Гражданской войны СНК реализовывалась не только амбициозная программа экспроприации, основанная на троизме, что при социализме собственность будет принадлежать общине, но и существовали рыночные практики – подпольно или при негласном согласии советских управленцев.

К моменту начала фронтового этапа Гражданской войны экономика большевистского государства утратила значительную часть своего потенциала. При галопирующей инфляции, товарном дефиците, исчерпании материальных ресурсов, способных стимулировать трудящихся производительно работать, парторганы на местах ради выживания населения (от этого зависело сохранение на плаву самой советской власти) терпели тех же мешочников [Давыдов, 2021. С. 63–68] и другие рыночные элементы.

Периферийные партсовначальники, реалистично оценивая ситуацию на подведомственных им территориях, как это было, в частности, на Урале, решали сложную задачу: слепо следовать указаниям Центра и тогда явно спровоцировать «всеобщее выступление» против большевистской власти или, публично одобряя военно-коммунистический хозяйственный централизм, закрывать глаза на существование всякого рода «торгашей», «худо-бедно» снимающих социальное напряжение в обществе¹.

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 2012. Оп. 1. Д. 300. Л. 3.

Риск взрыва очевидно вызревающего народного негодования частично снимался благодаря сохранившейся с дореволюционных времен рыночного типа инфраструктуре. Она не была окончательно уничтожена и оказалась единственным источником спасения «людей труда» от массового голода при фактическом устранении госорганов от «отоваривания трудящихся» нормированными продуктами питания и «мануфактурой»¹. Частный капитал, нелегально и полулегально действовавший на Урале весь период Гражданской войны, был ядром «альтернативной экономики». Подпольные «купчики» составили конкуренцию военно-коммунистическим «выкачкам» продуктов питания из деревни, подрывали «твердые цены» на нормированные товары, срывали плановые исполнения заказов на промышленных предприятиях по нарядам Центра².

С целью «обуздания хищнических appetитов торгашей всех мастей, наживающихся на пролетариях», против них точно осуществлялись показательные карательные акции³. Репрессии изначально не были направлены на окончательное уничтожение «барыг». Задача была более чем прагматичной: «придушить расплодившихся частников», проредив их ряды, но оставить минимум «торгашей», достаточный для сохранения баланса интересов государства и населения. С одной стороны, «спекулянты» спасали рабочих оборонных предприятий Урала от голодной смерти⁴, а следовательно, и еще «теплящиеся» производственные мощности региона от краха. С другой стороны, региональная партийно-советская номенклатура, негласно допуская рынок, следила за активностью «спекулянтов» и объемами совершаемых ими сделок. Местным большевикам тактически было важно постоянно ограничивать тайный бизнес подпольных дельцов, чтобы они не нанесли имиджевого ущерба советской власти, а тем более материально и

¹ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 2. Д. 971. Л. 1 об.

² Национальный архив Республики Башкортостан (НАРБ). Ф. 173. Оп. 1. Д. 19. Л. 20–20 об.; Ф. 700. Оп. 1. Д. 8. Л. 117–120.

³ Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 120. Л. 13 об. – 14 об., 19; Центральный государственный архив Удмуртской Республики – Государственный архив общественно-политической истории (ЦГА УР-ГАОПИ). Ф. 54. Оп. 1. Д. 9. Л. 12 об.

⁴ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 19. Оп. 1. Д. 173. Л. 16; Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАНИ). Ф. 557. Оп. 1. Д. 10. Л. 11, 25 об., 29 об., 56, 85, 96, 109.

социально-классово не подорвали планово-социалистические устои большевистского государства.

Падение потребления и общее оскудение жизни постоянно затушевывалось показным пропагандистским обличением врагов трудового народа, среди которых под номером один обозначались «все еще существующие частники-кровопийцы»¹. Потенциально власть могла кардинально решить вопрос с «кровопийцами», но ей было крайне невыгодно оставаться один на один с народом, голодающим, раздетым, разутым и страдающим зимой от холода из-за «топливного голода», поразившего страну.

Инстинкт политического самосохранения диктовал придерживаться такого управленческого сценария, когда в Москву отправлялись лакированные доклады о постоянной и нещадной классовой борьбе с частниками, что только отчасти соответствовало действительности. Безусловно, «спекулянтов» эпизодически «отлавливали» и предавали суду революционного трибунала, но они находили способы и возможности вновь вести коммерческие дела. Благо чем дальше был населенный пункт от губернской столицы, тем «милостивее» были местные начальники, допуская «оазисы торгашеского» снабжения «нуждающихся рабочих»².

Военно-политическая борьба не на жизнь, а на смерть между «красными» и «белыми» породила с обеих сторон манипуляцию экономикой в интересах политически немногих, но за счет народного большинства. Как «красные», так и «белые» экономически угнетали население, чтобы добиться политического успеха. Однако ни один режим, будь то «красный», «белый», революционно-демократический, монархический или какой-либо другой, не может выжить и вообще существовать без общественного согласия, независимо от того, как это согласие достигается. Если согласие народом аннулируется, режим падает. Эту истину, исходя из сермяжной правды губернского-уездно-волостной жизни, отчетливо понимали уральские партсуправленцы. Периферийные партсовкадры были далеки от теоретических изысканий московских партийных теоретиков. На местах партсовчиновники,

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 172. Л. 96.

² ОГАОО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 950. Л. 10, 12–12 об.; Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 1633. Оп. 1. Д. 34. Л. 298; НАРБ. Ф. 107. Оп. 1. Д. 80. Л. 190 об.; ОГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 121. Л. 10 об. – 11.

находясь ближе к народу, своими практическими действиями «допущения рынка» показывали, что они отлично освоили искусство манипуляции, направленное на то, чтобы исключить судный для большевиков день, когда взбунтовавшаяся масса может окончательно лишить их поддержки.

На уральских промышленных предприятиях негласно велась двойная бухгалтерия, подразумевающая две формы отчетности: белая для ВСНХ и серая (внутренняя). В годы Гражданской войны промышленные предприятия объективно не могли добиться производства конечной продукции «точного числа и количества», используя лимитированные полуфабрикаты, поступившие на уральские заводы по разнарядке Центра¹. На фабриках и заводах часть нормированных полуфабрикатов постоянно списывали как некондиционные. «Бракованный» материал использовался для нелегального изготовления товаров, пользовавшихся постоянным спросом на местных рынках и торжищах сопредельных регионов [Протокол Второго очередного пленума, б.г. С. 48].

На пике «военного коммунизма» (лето-осень 1920 г.) легальное и нелегальное изготовление продукции было на большинстве уральских предприятиях практически одинаковым. В цехах существовал общественный контроль, следивший за исполнением неписаных коммерческих правил реализации «левой продукции». Фактически это был негласный элемент управления для проведения тайных операций, как правило, с оптовыми «закупщиками». Подпольные коммерсанты с «целью наживы» приобретали продукцию на уральских заводах вагонами². Более того, тайные «перепродавцы», чтобы на заводах представляли, какие изделия дают наибольший доход, составляли перечень номенклатуры товаров, «наиболее ходовой» на рынке³.

Региональные партсовуправленцы от безысходности терпели существование «мошеннических схем» на промышленных предприятиях. Ставка на перманентный революционный энтузиазм, который наблюдался некоторое время после освобождения значительной части Урала летом 1918 г. от власти «белых», не оправдалась. Эксплуатация идеи

¹ НАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 61; Д. 93. Л. 51; Д. 105а. Л. 62; ОГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 121. Л. 12.

² РГАЭ. Ф. 484. Оп. 8. Д. 55. Л. 1; Д. 99. Л. 22.

³ Бюллетень Пермского губернского союза рабоче-крестьянских потребительских обществ. 1920. № 3. С. 8.

«Социалистическое отечество в опасности!» была ограничена во времени, так как не могла накормить, напоить, одеть и обогреть рабочих и членов их семей. Декларируемые властью продпайки оказывались чаще всего пропагандистским мифом. Правительство, не исполняя взятые на себя обязательства по обеспечению «промышленного пролетариата» товарами первой необходимости, которые позволили хотя бы не умереть от голода, толкало заводчан заниматься тайным бизнесом ради «прокорма» себя и своих домочадцев.

Производственники в условиях всеобщего дефицита, порождающего ситуацию большего спроса, чем имевшегося предложения, вынужденно превратились в подпольных производителей. Заводчане воровали не ради получения дохода, а проза голодной жизни толкала их в ряды «спекулянтов-несунов», когда ставкой была их собственная жизнь и жизнь их близких. Вынужденная коммерческая деятельность уральских предприятий, конечно, подрывала военно-коммунистическую систему администрирования экономики. Тем не менее заводские бонзы, фактически «крышуя» тайное производство рыночной продукции «ради сохранения коллектива и незакрытия предприятий», относительно легко находили общий язык с местными трибунами революции. Понятно, что, соблюдая политический политес, партийно-советские номенклатурщики на публичных мероприятиях постоянно возмущались «небывальными» размерами расхищения на заводах государственного имущества¹.

При этом все осознавали, что военно-коммунистическая система проигрывала теневому рынку. В условиях голода, холода, морально-физической опустошенности населения подпольное производство было почти единственным шансом сохранить жизнь. Поэтому никакие увещевания потерпеть на голодный желудок до мировой революции не находили общественного отклика даже при осознании, что по вине «врагов трудового народа» советское государство оказалось в чрезвычайном положении. Измученные рабочие крайне нервозно реагировали на заклинания «сытых пропагандистов» о революционной необходимости замены товарооборота государственным распределением товаров. Возмущение «беспросветной жизнью при коммунистах» достигало такой степени накала, что с предприятий, «оголяя их до

¹ НАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 16.

голых стен», не задумываясь уносили все, что только было ходовым на черном рынке [Отчет о деятельности, 1921. С. 17].

Период Гражданской войны был временем реализации политики по замораживанию экономики, когда все доставшиеся в наследство советской власти ресурсы молниеносно переводились с товарно-денежного типа производства на военно-мобилизационный. На первый взгляд, «военный коммунизм» – это некая советская версия эгалитарного распределения, которое может быть достигнуто с помощью системы социалистического командного администрирования. Однако реализуемая большевиками политика всеобщего административного контроля в качестве надежной защиты от возможных еще более худших экономических потрясений, признаки которых начали проявляться уже после политической победы в Петрограде, обернулась невероятным ростом социально-экономического напряжения.

В ограниченных размерах политико-экономические издержки компенсировались в том числе и подпольными снабженцами. Они, как явный антипод человека труда [Борисов, Стёпкин, 2022. С. 192], явились тем не менее порождением «военного коммунизма». Подпольные снабженцы времен Гражданской войны – это изворотливая компания сотоварищей, которые, обзаведясь мандатами на право снабженческой деятельности предприятий, постоянно курсировали между промышленными городами Урала. Приобретаемые легально по фиксированной цене промышленные изделия в одном месте по рыночной цене «сбрасывались» в другом населенном пункте. Регион был буквально наводнен подпольными снабженцами, которые, имея возможность «за недорого заготовливаться» дефицитными фабрикантами, решали не только вопросы текущего выживания, но жили по меркам Гражданской войны на широкую ногу¹.

Проворачивали в годы Гражданской войны выгодные сделки и первые социалистические теневики [Макутчев, 2019. С. 128]. Отдельные бюрократы, которых смело можно назвать советскими «золотыми жуками», беззастенчиво пользуясь своим служебным положением, приумножали личные капиталы. Это были разнообразные ликвидные активы, в том числе золотые изделия, золотые слитки, валюта, свободно конвертируемая на европейских биржах. Снижающееся качество и

¹ Уральский рабочий. 1920. 28 мая.

количество товаров первой необходимости, небывалый инфляционный всплеск потребительских цен, достигший во время Гражданской войны гигантских масштабов, только играли на руку «золотым жукам», которые на поток поставили реализацию лекарств, продуктов питания, одежды, обуви, стройматериалов, топлива и т.д.¹ Советские «золотые жуки», проворачивая сделки на огромные суммы, де-факто отказывались принимать участие в общественном жертвоприношении во имя победы революции. Делали они это в большинстве своем, конечно, не намеренно, но тем не менее бросали вызов военно-мобилизационной системе.

Поводя итог, можно сказать, что любые попытки запретить рыночную деятельность лишь провоцировали укороение «альтернативной экономики». Подпольные коммерсанты «всех мастей» очень быстро адаптировалась к потребительским запросам в условиях нарастающего как снежный ком дефицита. Опыт Урала показывает, что на местах власти проявляли определенную терпимость в отношении частных торговцев, игравших социальную роль предохранительного клапана. Кроме того, аграрно-промышленный потенциал Урала, а также удовлетворительная для того периода времени логистическая инфраструктура в регионе создали благоприятную среду для тайной торговли на черном рынке хлебом, продуктами животноводства, металлом и другими промышленными изделиями. Сложившееся положение устраивало и уральских партсовуправленцев, негласно признававших «дозированную» подпольную торговлю как условие выживания населения, а также как противоядие очевидно растущим у рабочих и крестьян антисоветским настроениям.

Гражданская война, являясь в высшей степени экстремальным явлением, сокрушительным социально-политическим форс-мажором, обнулив многие морально-этические нормы поведения, вызвала экспоненциальный рост случаев, когда крестьяне, избегая разверстки, массово «обманывали государство», рабочие и служащие «обворовывали предприятия», умышленно «использовали нормированные материалы для изготовления товаров на продажу» и т.д. Однако все эти случаи не считались проявлениями организованной преступности, за

¹ РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 3. Д. 630. Л. 17; Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 70. Л. 21 об., 29, 50, 62–62 об.

исключением тайных сделок, осуществляемых «золотыми жуками» ради наживы.

Функционирование «альтернативной экономики» на Урале в общих чертах позволяет оценить соотношение между организованной преступностью и ситуацией, когда непреодолимый кризис массово толкал население на нарушение нормативных актов советского государства, делая трудящихся «отступниками» поневоле. Королями крупномасштабных подпольно-оптовых сделок были советские «золотые жуки», которые не только планировали операции, но и понимали ценность «альтернативной экономики» для своего и своей команды обогащения. Население, пользуясь услугами черного рынка, преимущественно исходило из текущих запросов: как и чем накормить, одеть и обогреть семью, не преследуя намерений обогатиться.

Военно-коммунистическая политика командного администрирования экономики, базировавшаяся на принципах уравнительности, была направлена на то, чтобы обеспечить классово-справедливые жертвы во имя «светлого будущего», а не одинаково равный стоицизм для трудящихся и их антиподов. Важно учитывать, что черный рынок услуг, продуктов и промтоваров не мог удовлетворить все запросы населения в силу малой емкости товарного предложения.

Тайные продавцы оперировали ограниченным числом товаров, которые в силу их вымывания к тому же реализовывались по завышенной стоимости (за наличные деньги или бартерный обмен). Поэтому «альтернативная экономика» периода Гражданской войны давала как трудящимся, так и непролетариям лишь шанс продержаться в условиях кровавого военно-политического противостояния. Конечно, не все могли воспользоваться услугами подпольного рынка в силу отсутствия денег или их эквивалента в виде ликвидного товара, подходящего для обмена на жизненно важные продукты питания или промтовары.

Таким образом, функционирование в рамках военно-коммунистической системы «альтернативной экономики» являлось своеобразным барометром признания устойчивости и неисчерпаемости товарно-денежных отношений, какие бы антирыночные меры советским правительством ни реализовывались. В целом военно-коммунистическое командное администрирование экономики периода Гражданской войны стало первой провалившейся попыткой установления жесткого системного контроля над производством и распределением. Государство,

сделав ставку на принуждение, не обладало в годы Гражданской войны должным числом карательно-управленческих ресурсов, чтобы перекрыть все обходные пути, питавшие «альтернативную экономику».

Литература

Борисов А.В., Стёпкин Е.Ю. Проблемы борьбы с коррупцией в период «военного коммунизма» и начальный период Новой экономической политики // Советское государство и право в период новой экономической политики: материалы междунар. науч.-теорет. конф. / сост. А.Л. Бредихин. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С.189–197.

Давыдов А.Ю. Нелегально-рыночный атрибут политики военного коммунизма // Двадцать вторые Петровские чтения: история, политология, социология, философия, экономика, культура, образование и право: мат-лы всерос. науч. конф с междунар. участием / МОО «Петровская академия наук и искусств», Отделение исторических наук; научно-редакционный совет: академик, проф., д.и.н. И.И. Рогозин (председатель) и др. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. С. 63–68.

Жуков Ю.Н. Переход от «военного коммунизма» к нэпу – ради крестьян или рабочих? // Российская история. 2020. № 2. С. 96–117.

Кобзов В.С., Шведов И.В. Мы наш, мы новый мир построим... (к 100-летию окончания Гражданской войны на Урале) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2019. Т. 19, № 3. С. 38–42.

Макутчев А.В. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит...: революционные трибуналы в Советской России в годы Гражданской войны / Фонд им. Николая Бухарина и Анны Лариной-Бухариной. М.: АИРО-XXI, 2012. 255 с.

Отчет о деятельности местных органов по 1-е декабря 1921 года Сарапульского (Пермской губернии) уездного экономического совещания / под ред. Перм. ГСНХ. Сарапул: Перм. ГСНХ, 1921. 48 с.

Протокол Второго очередного пленума Пермского губернского Совета народного хозяйства 16–19 марта 1920 г. / под ред. ГСНХ. (Пермь), б.и., б.г. 108 с.

Рышков В.М. Правовые регуляторы торгово-промышленной деятельности на востоке России (лето 1918 – осень 1922 г.) // Уральский исторический вестник. № 1 (74). С. 181–189.

Е.И. Медеубаев

**Механизмы и практики реализации
трудоу натуральной повинности
в эпоху «военного коммунизма»
в Степном крае и Туркестане в 1918–1921 годах**

Е.И. Медеубаев

**Mechanisms and Practices of the Implementation
of Natural Labor conscription
in the Era of “War Communism”
in the Steppe Region and Turkestan in 1918–1921**

Аннотация. Предлагаемая вниманию статья затрагивает исследовательские вопросы, связанные с комплексом чрезвычайных мер российского правительства большевиков в 1918–1921 гг., вошедших в историю под названием политика «военного коммунизма». В области налоговой политики, помимо продразверстки и других видов натуральных повинностей, основным «военно-коммунистическим» способом давления на крестьянские хозяйства Степного края и Туркестана стала совокупность трудовых натуральных повинностей.

Ключевые слова: «военный коммунизм», Гражданская война, большевики, государственные натуральные повинности, Степной край и Туркестан.

Приход к власти большевиков в 1917 г. и последовавшая вслед за этим Гражданская война стали следствием исключительно внутрисоссийского гражданского конфликта. В нее, помимо своей воли, оказалось втянуто население национальных окраин распавшейся империи Романовых. Ключевым аспектом внутренней политики большевиков в годы Гражданской войны стала политико-экономическая модель, вошедшая в историю под названием «военный коммунизм». Существует потребность осмыслить, как и почему оказалось возможным проведение этой политики в 1918–1921 гг., были ли другие менее радикальные пути выхода из создавшейся ситуации.

Одним из основных элементов политики «военного коммунизма» стала система государственных натуральных повинностей. Вместе с продразверсткой эти повинности – трудовая, гужевая, военно-конская, постоянная – стали главным инструментом революционного принуждения. В казахстанской историографии эта проблема остается малоисследованной, хотя представляет при этом большой научный интерес.

Основным «военно-коммунистическим» способом давления на крестьянские хозяйства Казахстана стала совокупность трудовых натуральных повинностей. Следует отметить, что идея трудовой натуральной повинности не была изобретением большевиков, ее начало проводить в условиях мировой войны царское, а затем и Временное правительство. Достаточно будет вспомнить царский указ от 25 июня 1916 г. о мобилизации на тыловые работы «иностранческого» мужского населения Казахстана, Центральной Азии и частично Сибири в возрасте от 19 до 43 лет, что послужило непосредственным поводом к восстанию 1916 г.

Однако как система эта совокупность повинностей начала складываться именно после прихода к власти в России большевистской партии. Один из главных идеологов «пролетарско-натуральной» экономики Л.Д. Троцкий объявил метод трудовой повинности единственным способом решения хозяйственных проблем: «Единственным способом привлечения для хозяйственных задач необходимой рабочей силы является проведение трудовой повинности. Сам принцип трудовой повинности совершенно бесспорен: “Кто не работает, тот не ест”. А так как есть должны все, то все обязаны работать» [Клямкин, 1989. С. 221]. При этом Троцкий указывает на то, что граждане не должны торговаться с государством, а полностью подчиняться воле большевистского государства: «...О том, чтобы перешагнуть от буржуазной анархии к социалистическому хозяйству без революционной диктатуры и без принудительных форм организации хозяйства не может быть и речи... Плановое хозяйство немислимо без трудовой повинности...» [Клямкин, 1989. С. 221]. Ключевым тезисом в этом вопросе, по мысли Л.Д. Троцкого, должно стать использование принуждения, что было вполне объяснимо общими теоретическими представлениями того времени и российскими политическими традициями.

Эти идеи нашли свое воплощение в законодательных актах советского правительства. 10 октября 1918 г. вышел декрет СНК «О трудовой

повинности по расчистке снеговых заносов». По этому декрету местным Советам предоставлялось право мобилизовать мужское население в возрасте от 18 до 45 лет для расчистки железнодорожных путей от снежных заносов. В декабре 1918 г. правительство РСФСР утвердило новый «Кодекс законов о труде», который предусматривал всеобщую трудовую обязанность. «КЗОТ» начинался со слов: «Для всех граждан РСФСР устанавливается трудовая повинность». Фактически это означало, что физический труд обязателен для всех. При этом законодательно закреплялось право за местными Советами в принудительном порядке привлекать к общественным работам население, не занятое общественно-полезным трудом [Кабанов, 1988. С. 190–191].

Одним из решающих шагов на пути к мобилизации трудовых ресурсов стал приказ Совета Обороны от 19 декабря 1919 г., вводивший следующие виды государственных повинностей: а) натурально-дровяную повинность; б) трудовую повинность по заготовке, погрузке и выгрузке всех видов топлива; в) гужевою повинность для подвоза топливных, военных, продовольственных и иных государственных грузов в города, к железнодорожным станциям, пристаням и другим приемным пунктам [Берхин, 1970. С. 151].

Вслед за этим, 29 января 1920 г., вышел декрет СНК «О порядке всеобщей трудовой повинности». В нем указывалось, что крестьянские хозяйства так же, как и городское население, периодически должны привлекаться к выполнению различных видов трудовой повинности: заготовке топлива, засеву сельхозплощадей, гужевой повинности, очистке железнодорожных путей от снега, ремонту дорог и мостов и т.д. [Кабанов, 1988. С. 192–193]. Таким образом, правительством Советской России была подведена юридическая база для организации всеобщей трудовой повинности как основного элемента политики «военного коммунизма». Общая схема руководства по проведению трудовых мобилизаций выглядела следующим образом. Совет Труда и Обороны (СТО) как высший регулирующий орган, состоящий из представителей хозяйственных органов, осуществлял общее руководство. Непосредственно задачами организации всеобщей трудовой повинности занимался Главный комитет по проведению трудовой повинности (ГКТ) во главе с Ф.Э. Дзержинским. Соответственно, на местах были созданы низовые звенья – губернские, уездные и волостные комитеты труда [Карр, 1990. С. 568].

Крестьянские хозяйства Степного края и Туркестана, как и все население подконтрольной большевикам территории бывшей Российской империи, оказались вовлеченными в сферу трудовых отношений на «военно-коммунистических» началах. Идея трудовой повинности для казахского населения была особенно непопулярной. Еще не были залечены раны на социальном теле, нанесенные в 1916 г. Тогда, по окончании тыловых работ, на родину вернулись немногие.

На организацию и принципы проведения натуральных повинностей существенно повлияли сохранившиеся традиционные взгляды русской колониальной бюрократии. Партийно-государственное руководство продолжало рассматривать коренное население Казахстана как единый объект эксплуатации. При этом казахские крестьяне использовались в качестве инструмента, с помощью которого решались неотложные хозяйственные задачи и осуществлялся вывоз сырья и продовольствия из края. Современный российский историк В.П. Булдаков, затрагивая вопрос о взаимоотношениях в те годы между неоимперским центром и национальными образованиями, отмечает: «...в 1919–1920 гг. коммунисты откровенно ставили задачу выкачки ресурсов из Средней Азии для нужд российского центра в видах мировой революции» [Булдаков, 1997. С. 33].

Эти меры усилились в 1920–1921 гг. после того, как большевики смогли установить прочный военно-политический контроль в регионе Западного Казахстана и Южного Урала и советское правительство получило возможность сосредоточить все усилия на хозяйственном фронте. 31 декабря 1920 г. в Москве состоялось заседание по вопросам, связанным с развитием рыбной промышленности в бассейне Каспийского моря, с участием зам. наркомпрода РСФСР Н.П. Брюханова, председателя КазЦИКа С. Мендешева, председателя Главрыбы А.И. Потяева и др. На нем было решено «...в виду необходимости обеспечения областных рыбоуправлений Каспийского моря к весенней путине недостающей рабочей силой – принять за основу и к руководству постановление Главкомтруда и представителей Кирреспублики и Калмыцкой автономной области о мобилизации 30 000 казахов и 10 000 калмыков»¹.

¹ Центральный Государственный Архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 83. Оп. 1. Д. 68. Л. 5.

Вслед за этим, 15 января 1921 г., в Оренбурге в адрес КазЦИК и КазСНК поступила телеграмма за подписью начальника Всероссийского главного штаба по проведению всеобщей трудовой повинности Самойлова следующего содержания: «Во исполнение приказа Главкомтруда объявите мобилизацию 30 тыс. мужчин киргизов в возрасте 18–50 лет, для работы на весеннюю путину Астраханских рыбных промыслов, по следующей разверстке: Букеевская губерния – 10 000 чел., Гурьевский уезд – 4 000 чел., Мангышлакский район – 2 000 чел., Калмыковский уезд – 3 000 чел., казахские волости Красноярского, Астраханского, Енотаевского уездов Астраханской губ. – 6 000 чел.»¹.

25 января 1921 г. была послана телеграмма за подписью председателя Главкомтруда КазАССР И.М. Заромского в адрес губисполкомов, губкомтруда, губ. ВНУС (войска внутренней службы). В ней говорилось о необходимости предоставления вооруженной силы в уезды, где проводится трудовая мобилизация². Для приема мобилизованных в каждом призывном участке организовывалась комиссия. К местам отбытия трудовой повинности люди отправлялись в сопровождении вооруженного конвоя, где сдавались по именным спискам. Один из пунктов приказа № 50 Казвоенкома и Казглавкомтруда от 25 января 1921 г. гласил: «Все уклонившиеся от трудовой мобилизации и лица их скрывающие подлежат ответственности по всем статьям закона военное-революционного времени как дезертиры»³. Тем не менее мобилизационные работы среди населения проходили крайне трудно, несмотря на то, что основной упор делался на принудительные методы, об этом свидетельствуют донесения с мест. Особоуполномоченный по проведению трудмобилизации в Нарынском уезде Букеевской губернии Бекетов 23 февраля 1921 г. сообщает в губисполком о том, что мобилизованные разбегаются из сборных пунктов и милиция производит облавы⁴.

Причин у казахского населения для недовольства проводимыми трудмобилизациями было достаточно. Нередко на трудовой фронт забирался единственный работник в семье, и хозяйство по этой причи-

¹ ЦГА РК. Ф. 83. Оп. 1. Д. 68. Л. 15.

² Там же. Д. 37. Л. 19.

³ Там же. Л. 34 об.

⁴ Там же. Д. 75. Л. 34.

не разорялось. Так, житель Раимбердинской волости Мангышлакского уезда Айдар Усегенов просил волревком выдать ему документ, освобождающий его от трудмобилизации, так как он единственный трудоспособный мужчина, оставшийся на семь семей¹. В докладе Калмыковского уездисполкома Уральской губернии от 15 декабря 1920 г. говорится, что оставшиеся дома семьи мобилизованных по трудовой повинности голодают². По этой причине возникало труддезертирство, за которое сурово карали. Несмотря на это, люди, получая известия о голоде в своих семьях, бросали работы и возвращались домой.

Многие неудачи при проведении трудовой повинности в казахских степях были связаны с организационной неразберихой и отсутствием согласованных действий между руководящими органами. Например, из доклада о трудмобилизации казахов прибрежных районов Каспия следует, что некоторые волости Мангышлакского уезда находились от общего призывного пункта – Форта-Александровского – в тысяче верстах. При отсутствии иных путей сообщения, кроме как вьючных, ждать мобилизованных раньше чем через два месяца не приходилось. В докладе отмечается, что, приняв во внимание срочность трудповинности на рыбные промыслы и окончание ее до весенней путины, следовало бы ее провести лишь по ближайшим к Форт-Александровску волостям, в радиусе 300–350 верст. Эта мера дала бы в срок требуемое количество людей и не так тяжело отразилась бы на кочевом хозяйстве³.

Помимо этого, мешали тяжелые погодные условия. 1 марта 1921 г. начальник мобилизационного отдела Главкомтруда Арсенов сообщает в Астрахань о том, что в степи метели, казахское население разбросано по зимовкам и трудмобилизации задерживаются⁴. Жители казахских аулов всячески стремились избежать насильственной мобилизации, скрываясь в глубь степей, в труднодоступные районы, таким образом уходя от преследований милиции и органов Главкомтруда. Из телеграфного донесения председателя Букеевского губкомтруда Лытова в Оренбург: «Казахи Мангышлакского уезда перекочевали в

¹ ЦГА РК. Ф. 83. Оп. 1. Д. 68. Л. 163.

² Там же. Д. 73. Л. 1.

³ Там же. Д. 68. Л. 163.

⁴ Там же. Л. 166.

глубь степи, проникнуть туда трудно»¹. Государству с большим трудом удавалось привлечь необходимое число людей для выполнения трудовой повинности. Приведенные ниже мобилизационным отделом Уральского Главкомтруда цифры свидетельствуют об этом (см. табл.)

Таблица

Сведения о ходе мобилизации для строительства железнодорожной линии Александров-Гай – Эмба и рыбных промыслов Урала и Каспийского моря к 28 марта 1921 г.

Уезд	Запланированное количество для мобилизации, чел.	Фактически мобилизовано, чел.
Гурьевский	6 500	2 000
Калмыковский	4 000	3 000
Джамбейтинский	3 500	700
Уилский	1 000	Сведений нет

Составлено по: ЦГА РК. Ф. 83. Оп. 1. Д. 68. Л. 170.

Между тем В.И. Ленин лично уделял внимание данному вопросу, тем самым подчеркивая большое значение рыбных запасов Каспия в продовольственном балансе государства. 26 марта 1921 г. он телеграфировал в Оренбург, приказывая в боевом порядке принять решительные действия для неуклонного проведения в срок мобилизации казахов в распоряжение Астраханской облрыбы².

Важное значение правительство Советской России и В.И. Ленин придавали Эмбенскому нефтяному бассейну. В 1918–1920 гг. это был единственный источник нефти, оставшийся в руках советской власти, так как Бакинский – 83 % всей добычи нефти России, Грозненский – 13 %, а также Майкопский нефтяные районы временно вышли из советского топливного баланса. 24 декабря 1919 г. вышло постановление Совета Обороны о постройке железной дороги к Эмбенскому нефтеносному району Александров-Гай – Эмба: «Произ-

¹ ЦГА РК. Ф. 83. Оп. 1. Д. 68. Л. 170.

² Там же. Л. 115.

водить работы в военно-срочном порядке по облегченным техническим условиям»¹.

Строительству железнодорожной линии Алгембы придавалось большое значение, и главная тяжесть неизбежно ложилась на плечи местного населения. В своей секретной директиве, направленной в адрес Букеевского, Уральского губкомов партии и военного комиссара Мангышлакского уезда, нарком труда КАССР И.М. Заромский и военком края Авдеев прямо указывают: «Важно привлечь киргизов на рыбные промыслы, на постройку железной дороги Алгемба, которая свяжет Степной край с Саратовым, с бассейном реки Волга, обнимающим всю Европейскую Россию»².

В январе 1921 г. в радиограмме на имя председателя КазСНК В.А. Радус-Зенковича от главного инженера строительства Алгембы Будасси говорилось о необходимости мобилизации 30 500 казахов в возрасте от 16 до 50 лет и 1 400 подвод для строительства железнодорожной линии. В это время одна волна трудмобилизаций следует за другой. 13 февраля председатель Букеевского губкомтруда Чупрышин телеграфировал в Оренбург о невозможности предоставления 8 тыс. чел. для строительства Алгембы, так как начата мобилизация людей на рыбные промыслы. Его коллега в Уральской губернии Чеботарев сообщает, что из запланированных ранее 10,5 тыс. чел. мобилизовано только 2 тыс., а весь наличный гужевого транспорта в губернии задействован на перевозке продовольственных грузов³.

На местах вообще ставили под сомнение выполнение этих нарядов, так как точного учета населения в губерниях не производилось. В ответ на это из Оренбурга поступила телеграмма, составленная в характерном для той эпохи приказном стиле: «В Уральск, губкомтруд от предглавкомтруда Заромского... Сообщаю, что наряд о мобилизации 10,5 тыс. человек для Алгембы должен быть выполнен безотлагательно и неуклонно в порядке боевого приказа»⁴. «Военно-коммунистический» угар прочно вошел в сознание рядовых и нерядовых большевиков. «План-расписание» из сферы идеологии внедрился в

¹ КПСС и Советское правительство о Казахстане. 1917–1977 гг.: сб. док-тов и мат-лов. Алма-Ата, 1978. С. 31.

² ЦГА РК. Ф. 83. Оп. 1. Д. 11. Л. 64.

³ Там же. Д. 74. Л. 2, 4, 15, 17.

⁴ Там же.

область практики. В этой ситуации планово-директивный метод работы стал краеугольным камнем в организации хозяйственной жизни.

Условия труда и быта мобилизованных по трудовой повинности сельских жителей были крайне тяжелыми. Хозяйственные организации проявляли небрежность в вопросе материального обустройства людей. Уполномоченный КазЦИК Б. Альжанов запрашивал Главкомтруд о том, что делать с мобилизованными на рыбные промыслы, которые сидят на сборных пунктах, ожидая приемщиков, в голоде и холоде¹. Совет Труда и Оборона КАССР в своем циркуляре от 14 марта 1921 г. обращает внимание всех хозяйственных органов, наркомтруд и профсоюзы на критическую ситуацию трудмобилизованных. Многие из хозяйственных организаций, в распоряжении которых они находились, не могли дать точное число людей, состоящих на работе, не знали даже места их размещения. Инспекция труда, обследуя условия трудмобилизованных на астраханских рыбных промыслах и строительстве Алгембы, констатировала факт: «Живут в убийственно-тяжелых условиях, терпя нужду в самом необходимом. Настроение их, естественно, подавленное и мысли направлены не на лучшую сторону, а на скорейший возврат к своим хозяйствам»².

В Туркестанской Советской Республике декрет о трудовой повинности был опубликован приказом ТурЦИК за № 303 от 25 мая 1920 г. Главная причина задержки издания декрета объяснялась уверенностью в том, что туркестанскую Красную армию переведут на трудовое положение и необходимости проведения трудовой повинности среди населения края не будет. Руководящим органом по проведению трудповинности стал Крайкомтруд во главе с его председателем П.И. Кушнером, который одновременно являлся наркомом труда Туркестанской республики, сменив на этом посту погибшего в 1918 г. П.Г. Полторацкого.

Главной основой сельскохозяйственного и экономического благосостояния на юге и юго-востоке Казахстана (Сырдарьинская и Семиреченская области Туркестана) являлась ирригация. Ввиду климатических и почвенных условий вся жизнь земледельцев была тесно связана

¹ ЦГА РК. Ф. 83. Оп. 1. Д. 68. Л. 97.

² Там же. Д. 73. Л. 25.

с водой. До революции ирригационная сеть обслуживалась местным населением в лице заведующих оросительными системами – арык-аксакалы. В северо-восточной части Голодностепского уезда 45 тыс. десятин земли были орошаемы, в долине Чу – 66 тыс. десятин, орошение долины Арысь составляло 12 тыс. десятин. Частные предприниматели устроили к 1917 г. 93 оросительных предприятия в бассейне Сырдарьи. Советская власть национализировала ирригационную систему, создав управление водным хозяйством. Вся ирригационная сеть по бассейнам рек и системам была разделена на округа и районы. В Сырдарьинской области – 60 округов и 44 района, в Семиреченской – 80 округов и 10 районов. Казахские шаруа (категория зависимых земледельцев в дореволюционной социальной структуре), прежде внимательно относившиеся к ирригации, теперь всячески избегали трудовой повинности по содержанию оросительной системы и увеличению орошаемых площадей.

«Военно-коммунистическое» принуждение к труду сковывало хозяйственную инициативу крестьян, вызывало лишь неприязнь. Принудительный труд всегда менее производителен, чем свободный – это аксиома, не нуждающаяся в доказательстве. Не было стимула к упорной круглогодичной сельхозработе, интенсивность труда и его качество понизились. В итоге под угрозой сноса оказались дамбы и берега, каналы заилились и заросли камышом, в свою очередь заболачивание местности привело к вспышке малярии. В результате такой трудовой политики из пригодных к орошению в Туркестанском крае 2 млн 400 тыс. десятин земель в 1920 г. орошалось не более 1 млн 300 тыс. десятин, и такая ситуация имела тенденцию к ухудшению¹.

Особенностью проведения трудовой повинности в крае явился тот факт, что руководители местных партийных организаций, перенеся под «советскую крышу» методы колониальной эксплуатации царизмом коренного населения, превратились фактически в фермеров-колонизаторов. К примеру, члены Семиреченской парторганизации, эксплуатируя труд коренного местного населения, вели крупные хозяйства, имели в собственности большие поголовья скота, посеы опийного мака². В этой связи «военно-коммунистическая» система

¹ Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан (далее ЦГА РУз). Ф. 17. Оп. 1. Д. 40. Л. 67 об., 93.

² Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 666. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–5.

трудовой повинности оказалась удобным инструментом для личного обогащения представителей власти нового режима на национальных окраинах.

Сама практика «военного коммунизма» была связана с революционным насилием и террором, а традиции долголетнего военно-колониального режима в крае, дополненные точкой зрения некоторых туркестанских марксистов о том, что экономически слабые народы все равно должны будут вымереть (по мнению одного из руководителей Туркестанского Крайкома РКП(б) И. Тоболина), привели к возможности продолжения разнузданного грабежа и произвола по отношению к коренному населению [Рыскулов, 1997. С. 56].

Как отмечал в разговоре по прямому проводу с Семипалатинским облревкомом, состоявшемся 11 февраля 1920 г., председатель Казревокома С.С. Пестковский: «Мы все отлично знаем, что казаки и переселенцы привыкли смотреть на киргиз как на рабов, и что даже под сенью советской власти местные органы и отдельные агенты власти склонны прижимать киргизское население»¹. В этом смысле складывавшаяся совокупность трудовых и других натуральных повинностей использовалась местными большевистскими деятелями таким образом, что продолжала отвечать интересам прежней политики протекционирования переселенческому населению.

Трудовые повинности нанесли тяжелый урон крестьянскому хозяйству. Сельчане отвлекались от сельскохозяйственных работ, что самым негативным образом сказывалось на производительных силах хозяйств. Все это трагически обернулось голодом 1921–1922 гг. В аграрной стране крестьянство стало постоянным источником бесплатной рабочей силы, в том числе и для добывающей отрасли промышленности. Так, постановлением СТО РСФСР от 18 февраля 1921 г. в целях обеспечения потребности в соли на 1921 г. было приказано создать на местах условия для выполнения установленной Главсолью ВСНХ производственной программы в 62 млн пудов соли. Производство соли на Баскунчакском озере приравнивалось к предприятиям ударного значения 1-й категории². Для добычи и вывоза соли на Баскунчаке распоряжением зам. председателя Главкомтруда Аникста и начальника

¹ ЦГА РК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 103. Л. 3.

² ЦГА РК. Ф. 83. Оп. 1. Д. 9. Л. 8; Д. 68. Л. 85 об.

мобилизационного отдела Берлина было мобилизовано 1 500 казахских крестьян и 2 250 верблюдов.

Здесь следует отметить, что население несло тяжесть трудовых повинностей и далеко за пределами Казахской республики. Например, Главкомтруд РСФСР по соглашению с руководством республики в целях обеспечения производства и вывоза соли рабочей силой на промыслах Усоля в Пермской губернии привлек 4 тыс. рабочих-казахов, которые были задействованы на строительных работах по сооружению узкоколейных путей¹. Как видно из этого примера, география реализации повинностей для населения Казахстана была самой широкой и административно-территориальными пределами республики не ограничивалась.

В зимнее время года жители аулов и деревень, прилегавших к железной дороге, привлекались к очистке путей от снега. Учитывая стратегически важное значение железнодорожного транспорта, принимались самые экстренные меры. По распоряжению Казахского военно-революционного комитета в феврале-марте 1920 г. при губисполкомах были образованы Чрезвычайные комиссии по борьбе со снежными заносами на железной дороге – Чрезснегопуть². Эта комиссия призвана была обеспечить бесперебойное движение транспорта в зимних условиях путем привлечения жителей прилегавших к железной дороге населенных пунктов к ее очистке и восстановительным работам.

Государственные органы принимали решительные действия по осуществлению этих мероприятий. На заседании наркомтруда Казахской АССР 18 ноября 1920 г. рассматривалось постановление КазЦИКа от 13 ноября 1920 г. «О борьбе со снежными заносами». В связи с этим постановлением Главкомтруд разработал инструкцию о порядке привлечения сельского населения к работам по очистке железнодорожных путей от снега. Согласно этой инструкции, мобилизованные должны были запастись собственным продовольствием на сутки. Крестьяне разбивались на трудовые части по военному образцу. На работу люди обязаны были прибывать со своим гужевым транспортом, в теплой одежде, а за неимением таковая забиралась у населения, оставшегося на местах. В инструкции указывалось, что органы

¹ ЦГА РК. Ф. 83. Оп. 1. Д. 68. Л. 8.

² ЦГА РК. Ф. 14. Оп. 3. Д. 23. Л. 10.

ЧК и милиция обязаны были следить за соблюдением волостными исполкомами и местными Советами постановления КазЦИКа о привлечении населения к повинности и использовании его железнодорожной администрацией по назначению¹.

Последний пункт в вышеупомянутой инструкции был не лишним, так как многие исполкомы и Советы на местах, выражая интересы местных жителей, часто избегали выполнять постановления властей и уклонялись от проведения трудовых мобилизаций. Так, в феврале 1920 г. в Оренбургский губисполком, Военсовет Оренбургского укрепрайона и Актюбинск поступила жалоба от комиссара службы пути Оренбурго-Ташкентской железной дороги, в которой говорилось, что местные исполкомы на территории, прилегающей к участку железной дороги между станциями Акбулак и Актюбинск, отказываются мобилизовывать жителей на очистку снега и восстановительные работы на путях. В связи с этим Казревком 23 февраля выдал мандат руководителю восстановительных работ на этом участке П. Конишину на право произвести проверку причины отказов местных исполкомов и ареста виновных в этом лиц².

На принудительные мероприятия советской власти казахский аул отвечал открытым противодействием. В июле 1920 г. в докладе работника Акмолинской чрезвычайной транспортной комиссии Дубинина сообщается, что влиятельные жители аулов сами не давали и другим сородичам запрещали давать подводки для государственных работ. Таким образом, Акмолинск остался без дров, так как казахское население близлежащих аулов отказывалось выполнять трудовую повинность по заготовке топлива³.

В свою очередь органы советской власти пытались различными способами заставить казахский аул своевременно выполнять наряды по повинности. С одной стороны, делались попытки расслоить казахскую общину по социальному признаку, ослабить влияние родоначальников на основную массу людей. Например, Атбасарский уездный исполком издал приказ за № 31 от 11 ноября 1920 г., который обязывал председателей аульных комитетов с получением распоряжения о разверстке и повинности созывать аульный Совет и производить

¹ ЦГА РК. Ф. 83. Оп. 1. Д. 20. Л. 23.

² ЦГА РК. Ф. 14. Оп. 3. Д. 23. Л. 6–7.

³ Государственный архив Акмолинской области (ГААО). Ф. 212. Оп. 1. Д. 16. Л. 20.

распределение нарядов. «Но ни в коем случае не делать совещание с аксакалами и прочими кулацкими элементами», – говорилось в приказе¹. С другой стороны, советская власть привлекала к организации повинности известных и авторитетных людей в степи. В приказе Акмолинского уездисполкома от 21 августа 1920 г. о мобилизации более чем 300 человек с лошадьми и упряжью было сказано: «Для более успешного проведения в жизнь настоящего приказа командировать на места группу товарищей – киргизов во главе с С. Сейфуллиным², который пользуется большой популярностью и доверием со стороны киргизских масс»³.

Призыв к социальной справедливости, один из главных лозунгов, с которым большевики пришли к власти, был опрокинут реалиями повседневной жизни. Состоятельные хозяева откупались от повинности или нанимали вместо себя других крестьян. На II Акмолинском уездном съезде Советов М. Алейников – председатель уездного комитета труда, выступая с отчетом перед делегатами, обратил внимание на тот факт, что на трудповинности волкомтруда отправляют стариков, несовершеннолетних и больных, а зажиточное население откупается⁴.

Несмотря на смену общественного строя, система натуральных повинностей как основного элемента политики «военного коммунизма» была во многом схожей с теми традиционными повинностями, которыми обременялись казахские общины при старом режиме. И хотя советское государство подводило под проводимую экономическую политику мощную «идеологическую подкладку», отношение к национальной окраине как к колонии не изменилось. Весьма показательны в этом отношении рассуждения В.П. Милютина, одного из теоретиков и практиков «военного коммунизма», в те годы зампреда ВСНХ: «Эта повинность в данный момент приняла характер принудительный, в силу того, что масса еще не вполне отрешилась от старого взгляда на труд. Киргизы в массе своей не понимают той священной обязанности, какая лежит на них по отношению к нашей героической Красной Армии и, во-вторых, по отношению к нашему государственному

¹ ГААО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 2. Л. 181.

² Сакен Сейфуллин (1894–1938 гг.) – казахский писатель и поэт, основоположник современной казахской литературы.

³ ГААО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 2. Л. 181.

⁴ ГААО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 79. Л. 49.

положению. Они избегают, уклоняются от нее всеми возможными способами. С этим нужно бороться, так как дело здесь в непонимании своих священных обязанностей»¹. В этих словах крупного советского хозяйственника отразились широко распространенные тогда подходы к пониманию той роли, которая отводилась коренному населению Казахстана в функционировании «военно-коммунистической экономики».

На территории Казахстана в 1918–1921 гг. отчетливо прослеживались специфические «военно-коммунистические» формы и способы регулирования крестьянского хозяйства. Главным образом, эти меры проявились в области налоговой политики советского государства, когда денежные налоги были заменены системой натуральных повинностей – продразверсткой, трудовой, гужевой, постоянной, военноконской повинностями.

Данную проблему необходимо рассматривать в контексте исторической эпохи. Большевистское правительство России перешло к системе натуральных повинностей в экстраординарных условиях войны с внутривнутриполитическими противниками и острого социально-экономического кризиса. Если государство с нормально функционирующей экономикой содержало управленческий аппарат, армию, железнодорожный транспорт и т.д. за счет прямых денежных налогов, то в условиях краха всероссийской финансово-кредитной системы эти меры осуществить было невозможно. Продразверстка, трудовые, гужевые повинности – это те же самые налоги, но только в натуральной форме. То, что вся тяжесть натурального обложения легла именно на крестьянские хозяйства, объясняется тем, что, во-первых, крестьянство – наиболее значительная часть населения в аграрной стране, а во-вторых – это основной производитель сельхозпродукции, следовательно – наиболее платежеспособный слой населения.

Возросшее бремя натуральных повинностей тяжело отразилось на материальном состоянии крестьянского населения Казахстана. Продразверстка, принудительные трудовые мобилизации, гужевая и военноконская повинности самым серьезным образом подорвали экономическую базу кочевых и земледельческих крестьянских хозяйств. И, в конечном итоге, привели к политической, экономической и демографической катастрофе 1921–1922 гг. население Степного края и Туркестана.

¹ ЦГА РК. Ф. 83. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

Литература

Берхин И.Б. Экономическая политика Советского государства в первые годы Советской власти. М.: Наука, 1970. 239 с.

Булдаков В.П. Имперство и российская революционность (критические заметки) // Отечественная история. 1997. № 1. С. 42–60.

Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М.: Наука, 1988. 302 с.

Карр Э. История Советской России. 1917–1923 гг. М.: Прогресс, 1990. Т. 2. 763 с.

Клямкин И. Почему трудно говорить правду // Новый мир. 1989. № 2. С. 204–238.

Рыскулов Т.Р. Собр. соч. в 3 т. Алматы: Казахстан, 1997. Т. 1.

М.М. Козыбаева

Борьба с голодом 1921–1922 годов в Казахстане

М.М. Kozybaeva

The Fight Against the Hunger of 1921–1922 in Kazakhstan

Аннотация. Статья посвящена борьбе с голодом в Казахстане в 1921–1922 гг. Автор раскрывает причины и последствия голода 1921–1922 гг. в Казахстане, который, по сравнению с другими пострадавшими регионами, испытал большую нагрузку в вопросе обеспечения продовольствием. Голод был усугублен разрухой и безвластием в ходе Гражданской войны, которые мешали быстрому решению проблем. Причинами голода в Казахстане был неурожай 1921 г., вызванный засухой и саранчой, недородом хлеба и чрезмерной выкачкой его в 1920 г., а также Гражданская война на его территории в 1918–1920 гг. Все перечисленные причины и гибель скота от джута в 1920–1921 гг. привели к полнейшей разрухе сельского хозяйства республики. В северо-западных регионах Казахстана голод стал возможен не только в результате стихийного бедствия, но и в результате вывоза излишков сельхозпродукции продовольственными отрядами. Казахский народ страдал от голода, особенно в связи с коренными изменениями в хозяйственном укладе и сокращением поголовья скота. Автор приходит к выводу о том, что помощь голодающим хотя и оказывалась, но была явно недостаточной, и показывает роль международных организаций в борьбе с голодом.

Ключевые слова: Гражданская война, «военный коммунизм», продразверстка, голод, засуха, джут, большевики, комиссии помощи голодающим, благотворительные организации.

Одним из прямых последствий Гражданской войны стал голод 1921–1922 гг. После прихода к власти вооруженным путем в 1917 г. большевики стали применять силовые и командно-административные методы управления страной, в том числе и Казахстаном. На фоне вооруженного противостояния с политическими противниками ими проводилась национализация промышленных предприятий, а также продразверстка. Ситуация ухудшалась усилением принудительных сборов с населения продуктов питания, одежды, а также организацией безвозмездного труда. Эти меры воспринимались населением как грабеж и вызывали рост недовольства, переходивший в вооруженные

выступления. Учитывая, что в Казахстане хлеба было мало, большой упор был сделан на конфискацию скота у местного населения. Все это привело к тому, что в 1921–1922 гг. в условиях засухи и неурожая на территории Поволжья и Казахстана развернулся голод. Вместе с пострадавшими районами Казахстана голод охватил 35 губерний, сильно пострадали Самарская, Саратовская губернии, Поволжье, Южная Украина, Крым, Башкирия, частично Приуралье и Западная Сибирь. Голод был усугублен разрухой и безвластием в ходе Гражданской войны, которые мешали быстрому решению проблем.

В докладах представителей ЦК Помгол при ВЦИК отмечалось, что причинами голода в Казахской АССР был неурожай 1921 г., вызванный засухой и саранчой, недородом хлеба и чрезмерной выкачкой его в 1920 г., а также Гражданская война на ее территории в 1918–1920 гг. Все перечисленные причины и гибель скота от джута в 1920–1921 гг. привели к полнейшей разрухе сельского хозяйства республики.

Летом 1921 г. значительную часть Казахстана поразила засуха, которой предшествовал сильный джут. Он привел к гибели до 80 % скота. В ноябре 1921 г. число голодающих составило 1 млн 508 тыс. чел., или около $\frac{1}{3}$ населения республики; к марту 1922 г. это число достигло более чем 2 млн 300 тыс. чел. Декретом ВЦИК летом 1921 г. в число голодающих районов были включены губернии: Уральская, Оренбургская, Актюбинская, Бокеевская, Кустанайская. От голода 1921–1922 гг. в Казахстане погибло около 1 млн чел. [Алексеенко, 1993. С. 52].

В северо-западных районах Казахстана голод стал возможным не только в результате стихийного бедствия, но и в результате изъятия продотрядами сельскохозяйственных излишков. В отчете Кустанайского уисполкома отмечалось, что «настроение населения уезда, в особенности за последнее время, резко изменилось в худшую сторону на почве разверстки» [Черныш, 1995. С. 14]. Власти действовали весьма жестоко: «Всех, кто будет мешать в работе по выполнению продразверстки, будем беспощадно устранять с пути», – сообщалось на газетных страницах. В письме ЦК РКП(б)¹, адресованном в 1920 г. всем губернским комитетам партии, разъяснялось: «Разверстка, данная

¹ Повстанец (Кустанай). 1920. № 2. С. 3.

на волость, уже является сама по себе определением излишков»¹ [Козыбаева, 2014. С. 3]. То есть разверстка указывала на количество продукции, которую следовало изъять у крестьянина. Нередко хлеб забирали у бедняка. Так, в урожайных Семипалатинской и Акмолинской губерниях продотрядами были изъятые до 80 % всех излишков, собрано по продналогу более 4 млн пудов хлеба и 24,5 тыс. пудов масла. Изъятые же продукты (зерно, масло, мясо) отправлялись в пролетарские центры страны: Москву, Петроград, Самару, Казань, Саратов. В частности, при изучении переписки В.И. Ленина с уполномоченным по хлебозаготовкам в Павлодаре Т.М. Пономаренко, обращаем внимание на тот факт, что в 1921–1922 гг. Павлодар служил основной перевалочной базой для бесперебойной отправки хлеба по железной дороге в Москву и Петроград по личному указанию вождя. При этом только в Москву отправлялось хлеба ежедневно от 60 до 100 вагонов, раздача хлеба местному, тоже голодающему населению строго запрещалась [Нурбаев, 1998. С. 11].

Особенно ярко рисуется голод в Кустанае, так как здесь число голодающих увеличилось благодаря скученности населения и все проявления голода не ускользают от наблюдений и легче регистрируются. Наиболее сильно голод отразился на беженцах Гражданской войны. О размерах голода свидетельствуют такие цифры: на ноябрь 1921 г. всего по району – 192 340 чел., из них по городу – 7 436. С каждым следующим месяцем количество голодающих увеличивалось на 25 %. Были зафиксированы явления, когда вымикали целые семьи, зарегистрированы случаи людоедства и трупоедства. Так, если в начале 1921 г. основным преступлением был угон скота, то уже в марте убивают людей с целью завладения продуктами. Например, по сведениям прокуратуры, было вырезано все семейство из четырех человек гражданина Паляева, проживавшего в семи верстах от г. Кустаная, с целью изъятия продуктов питания и одежды².

Местная периодика отмечала и тот факт, что в связи с коренными изменениями в хозяйстве, сокращением количества скота от голода особо пострадало казахское население. Так, периодическое издание «Бюллетень 3 Кустанайского съезда Советов» № 2 от 4 сентября 1920 г.,

¹ Красная степь (Кустанай). 1920. № 4. С. 3.

² Государственный архив Кустанайской области (ГАКО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 112. Л. 53.

публикуя прения по докладу председателя губисполкома товарища Тараненко, приводит смелые замечания казахского делегата Байканова, отметившего, что «принцип снабжения семенами не был соблюден», и бедняки (Федоровский район), приехавшие в Кустанай на коровах, уехали ни с чем»¹. В течение двух-трех месяцев население впало в небывалое бедственное положение. За неимением хлеба многие обращаются к всевозможным суррогатам. По свидетельствам местных газет, «съедается не только самый скот, но и его шкуры... начинают питаться кошками, собаками, падалью и костями павших животных»².

В это же время началось неорганизованное массовое переселение голодающих из других регионов страны, особенно из Поволжья. В одной из статей кустанайской газеты «Степь» говорилось: «Теперьешнее голодное переселение из поволжских губерний – это, по общему мнению, безумие... Возможно, что сотни, а может быть, и тысячи из менее потерявших голову и просившихся куда попало спасутся, но большая часть из них, несомненно, погибнет к тому времени, когда на место их вывоза уже прибудет необходимая помощь»³. Повлиял голод и на местное население, о чем свидетельствовали миграции в более урожайные регионы. Газета «Красная степь» г. Кустаная от 16 июня 1923 г. писала: «1921 год, год неурожая взбудоражил кустанайских хлеборобов. Зажиточные и за ними... и бедные начали собираться в погоню за урожаем на Украину»⁴. «Известия Кустанайского губернского комитета» от 25 сентября 1922 г. сообщали, что за текущий год «убыль населения по сравнению 1920 г. выражается в 29 %, из них умерших 9 %, остальные 20 % относятся за счет выехавших из пределов губернии...»⁵. Власти вели решительную борьбу с самовольным расселением, о чем сообщалось в 1923 г. в газете «Красная степь» в заметке «К сведению переселенцев»: «Ввиду массовых ходатайств о переселении крестьянского населения в Поволжье и другие местности СССР Наркомзем объявляет, что в настоящее время ни Поволжье, ни в какие-либо местности переселе-

¹ Бюллетень 3 Кустанайского съезда Советов (Кустанай). 1921. № 2.

² Советское строительство (Кустанай). 1921. № 45. С. 3.

³ Степь (Кустанай). 1921. № 5. С. 2.

⁴ Красная степь (Кустанай). 1923. № 61. С. 3.

⁵ Известия Кустанайского губернского комитета РКП(б) (Кустанай). 1922. № 26. С. 3.

ние не открыто и никакого зачисления не производится»¹. Несмотря на это, самовольные переселения продолжались.

Больше сведений о голоде сохранилось по городам, так как здесь, благодаря скученности населения, все его проявления почти не ускользали от наблюдения и легче регистрировались. Газета «Красная степь» писала: «Голодает переселенческий элемент – все эти беженцы гражданской и империалистической войн, голодают почти все активные работники, голодают и вымирают пролетарские группы населения. В январе 1922 г. было 12 голодных смертей, в феврале – 500, в марте – 1500. Вымирают целые семьи. Установлено пять случаев людоедства и трупоедства. С весной на кладбищах выступило из земли большое количество гробов с трупами, похороненными зимой на недостаточную глубину. Ежедневно происходят жаркие собачьи схватки из-за человеческого мяса»².

Борьба с голодом стала серьезным испытанием для нового правительства. Если 21 июля 1921 г. при ВЦИК была создана Центральная комиссия по борьбе с голодом и ее председателем был избран М.И. Калинин, то в Казахстане эту комиссию возглавил С. Мендешев. Специальные комиссии по оказанию помощи местным участникам голодовки начали формироваться только в августе 1921 г., хотя мы помним, что «голод ясно обозначился» уже в июле. Властями было организовано общественное питание для голодающих через столовые и пункты питания, в которых можно было получить горячую пищу. Отмечалось, что в степных районах это было сделать трудно, поэтому там выдача продовольственного пайка проводилась в «сухом виде». Всего в губерниях КССР было организовано 1 301 питпунктов и столовых с пропускной способностью 213 289 чел. в сутки. Продовольствие для столовых и пайков собиралось разными путями: это был сбор внутригубернских налогов, процент отчислений от пайков рабочих и служащих, пожертвования.

Например, в Кустанайской губернии на 15 декабря 1921 г. действовали 8 районных, 75 волостных и 363 сельских и аульных комиссий, однако, несмотря на все усилия, оказываемая помощь далеко отставала от действительной в ней потребности [Кустанай-Костанай, 2012.

¹ Красная степь (Кустанай). 1923. № 48. С. 2.

² Красная степь (Кустанай). 1922. № 67. С. 3.

С. 345]. Детские дома, больницы, дома собеса почти совсем не получали хлеба, обитатели их пухли и в конце концов умирали медленной смертью. Открытые столовые и питательные пункты работали с большими перебоями из-за недостатка хлеба и других продуктов¹. Вышестоящие власти пытались «привязать» голодающую и погибающую Кустанайскую губернию к более благополучным Кокчетавскому и Атбасарскому уездам Акмолинской области. Но от шефов, по сообщению «Степи», удалось получить лишь 1 800 пудов зерна, которое отправили в Тургай. Лишь к лету 1922 г. пришло 18 вагонов проса и пшеницы из Семипалатинской области. Как констатировал Помгол, «помощь привязанных губерний была настолько незначительна, что едва оправдывала те расходы, которые производились на получение этой помощи»².

В борьбе с голодом страна нуждалась в помощи извне, и она это начала признавать. Газета «Степь» за 4 июля 1922 г. пишет: «Голод и вызываемые им ужасные последствия, доходившие на наших глазах до людоедства, нашли отклик сочувствия во многих цивилизованных странах Запада». В заметке сообщалось о деятельности благотворительных организаций, целью которых было «накормить голодающего, не дать ему умереть голодной смертью и поддержать его существование до нового урожая, дать рабочему в руки орудия производства, помочь восстановлению разрушенного хозяйства всей РСФСР»³. Так, например, свою работу развернула Международная организация помощи голодающим России. В основу ее деятельности положен следующий принцип: «аренда разрушенных фабрик и заводов, снабжение их за свой счет орудиями производства и машинами, нанимать на эти фабрики голодающих рабочих и крестьян и таким образом, с одной стороны, накормить голодающих людей, с другой – помочь поднятию нашей промышленности – в Москве, Уфе, Челябинске». Много сведений также об «АРА» (American Relief Administration) – американской благотворительной организации, занимающейся доставкой продуктов в голодные районы в губернии вплоть до 1923 г.

Помощь голодающим хотя и оказывалась, но была явно недостаточной. Об этом свидетельствует материал заметки «Помощь

¹ В пользу голодающим // Мир труда. 1922. 12 сент.

² ГАКО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 63. Л. 15.

³ Степь (Кустанай). 1922. 4 июля. С. 3.

голодающим» в газете «Степная заря» от 24 октября 1922 г., где говорится: «У райпомгола оставалось 10 голов скота, который роздан семьям красноармейцев и беднейшим крестьянам и киргизам. Третья часть киргизского населения Адамовского района голодает и будет голодать, так как оно не имело посевов и не имеет скота. Положение тяжелое»¹. Одним из способов оказания помощи голодающему населению было переселение его в более благополучные местности. Несмотря, однако же, на все старания Губпомголода, сделать это почти не удалось. Тысячи голодающих из других губерний (по неполным сведениям – 7 500) остались в Кустанае, селах и аулах губернии. Губэваком отправил 867 беженцев, губоно эвакуировало 1 835 детей из детских домов [Козыбаева, 2014. С. 165].

Редакции газет и сами активно вели сборы средств в помощь голодающему населению. Так, редактор Берковский сообщал, что в контору кустанайской газеты «Степь» «поступило для голодающих от беспартийных киргиз Кенаральской волости Кустанайской губернии: 4 золотых кольца, 2 серебряных, денег серебром на 4 р. 10 коп., от т. Щерба – 1 георгиевский крест 4 степени и серебряную медаль 4 степени»². Властью использовались и другие источники дохода: национализированное имущество и средства церкви и «кулаков» и т.д.

Какие же выводы делали власти из этой катастрофы? В одной из газет опубликован официальный взгляд властей на эти события: «Голод оказал большое влияние на всю жизнь нашей губернии... И все эти изменения в различных сторонах хозяйственной жизни – отрицательного характера... Положительная сторона здесь – толчок, который получило сознание масс. Весьма многие яснее стали разбираться в причинах голода, стали понимать, что он не от Бога, а от самого населения, не умевшего обращаться с землей и приведшего ее к полному истощению»³. Мягко говоря, сомнительный вывод, перекалывающий вину за случившееся на его жертвы.

В г. Петропавловске также в августе 1921 г. была создана Губернская Чрезвычайная комиссия помощи голодающим (Губчекапомгол). Комиссия сначала собирала добровольные пожертвования, но потом, когда число голодающих только по Петропавловскому уезду достигло

¹ Степная заря (Кустанай). 1922. 24 окт. С. 2.

² Степь (Кустанай). 1922. № 62. С. 3.

³ Степная заря (Кустанай). 1922. № 67. С. 3.

150 тыс. чел., были установлены налоги в пользу голодающих с различных торгово-промышленных предприятий, зрелищ; проводились отчисления рабочих и служащих со своего заработка, а также при товарообменных операциях; собирался мучной сбор при размоле зерна; проводились специальные «Недели сбора продовольствия». В работу губчекапомгола включились отделы губисполкома: отдел здравоохранения наблюдал за санитарными условиями питательных пунктов, а продком вел доставку и распределение продуктов, отдел соцобеспечения ведал хозяйственной частью помощи.

В Петропавловске были организованы пять столовых, которые за 10 месяцев (по 1 июля 1922 г.) отпустили 590 тыс. бесплатных обедов, из них 309 тыс. – для детей. Однако обеды были настолько скудными, что проверяющие писали в губком партии: «В столовых № 1 и 2 оказалось, что хлеба к обеду голодающим, как детям, так и взрослым, не дается. Питание паршивое: одна вода и две-три лапшинки...». С ростом сбора пожертвований и налогов положение стало выправляться. Губчекапомгол за 10 месяцев своей работы (с 23 августа 1921 г. по 1 июля 1922 г.) собрал для голодающих 42 664 пуда хлеба, 10 872 пуда мяса и рыбы, 166 пудов масла, 3 529 пудов овощей и другие продукты, 1 240 голов скота. Дополнительные средства принесло изъятие церковных ценностей в 1922 г., проведенное для помощи голодающим Акмолинской губернии, это дало: золота – 76 золотников, золотой монеты – 76 руб., серебра – 27 пудов 33 фунта [Кустанай-Костанай, 2012. С. 2].

В Постановлении ЦК РКП(б) за подписью В. Молотова и А. Бубнова, опубликованном в «Бюллетене Кустанайского комитета РКП(б)» за 25 ноября 1922 г., говорится, что «борьба с голодом превращается в борьбу с последствиями голода», а следовательно, «лозунгами являются теперь: борьба за крестьянскую лошадь, за плуг, за семена, борьба с детской беспризорностью, с проституцией, безработицей...». Возможно, и от не зависящих от «системы» обстоятельств лозунги долгое время оставались таковыми: даже к 1923 г., по сообщениям кустанайской газеты «Красная степь», «последствия голода еще не изжиты: голодная масса, а также крестьяне, прибывшие с Украины, по-прежнему эксплуатируют бедное киргизское население»¹.

¹ Бюллетень Кустанайского комитета РКП(б) (Кустанай). 1922. 25 нояб. С. 3.

В отчете губкома «О хозяйственном положении губернии», опубликованном в «Известиях губкома» в ноябре 1922 г., говорилось: «В хозяйственном отношении наша губерния продолжает чувствовать напор всех последствий предыдущего неурожая и голода. Население губернии сократилось по сравнению с 1920 годом на 29 процентов. Площадь пашни по сравнению с 1919 годом сократилась на 69–72 процента. Количество хозяйств сократилось на 26 процентов. Убыль скота: лошадей – 73 %, рабочего скота: волов и верблюдов – 58 %, коров – 50 %, молодняка – 69 % и овец – 65 %. Это бедствие, – делал выводы губком, – обессиливает нас на долгие годы»¹.

Последствия голода были продолжительными. Акмолинская уездная комиссия по оказанию помощи голодающим в г. Акмолинске осуществляла свою работу в 1924 г., оказывая помощь голодающим крестьянам, прибывшим с южных регионов – Карагандинской, Нуринской, Захаровской, Асан-Кайгинской, Сарыаркинской, Сарысуйской, Кургальдинской волостей. В 1924 г., по данным комиссии, «число голодающих доходит до 12 тысяч... голодающие переселенцы толпой приходят... и просят помощи ...из своего региона пробираются в город»². По результатам заседания комиссии 1 апреля 1924 г. было принято решение «срочно приступить к обследованию голодающих, как живут в городе, и выдать документы, по которым они получают продукты, ...определять факт голодовки того или иного обращающегося и выдавать таковым документы, по которым и производить выдачу пособий... Голодающих уезда прикрепить к их родственникам и баям»³.

Жители городов приняли активное участие в судьбе голодающих. Так, 17 мая 1924 г. на общем собрании граждан мусульмане Акмолинска изъявили желание взять группу голодающих и распределить таковых по зажиточным гражданам города, определив «на свое иждивение как трудоспособных, так и нетрудоспособных (стариков, детей)». Комиссия отметила, что «безусловно трудоспособные, находясь у того или иного гражданина на прокормлении, будут по своим силам выполнять разные мелкие работы». Также горожанами было

¹ Известия Кустанайского губернского комитета РКП(б) (Кустанай). 1922. № 139. С. 13.

² Государственный архив города Нур-Султан (ГАГН). Ф. 112. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

³ ГАГН. Ф. 112. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

принято решение «провести через профорганизацию собрание служащих и рабочих с тем, чтобы таковые производили ежемесячно отчисления в пользу голодающих на заработки, а так равно провести собрания между обывателей города и торговцев с призывом помочь голодающим»¹. Засуха 1920 г., последовавшие за ней страшный голод и эпидемии сыпного тифа и холеры вынуждали местную власть поднимать население на «Неделю помощи голодающим», «Неделю сухаря», организовывать питательные пункты, холерные бараки. Многочисленные налоги и «пожертвования» выполнялись в так называемом добровольно-принудительном порядке. Особое предвзятое внимание со стороны властей в этом вопросе получили священники, бывшие торговцы, т.е. категория лишенных права.

Таким образом, голод в Казахстане 1921–1922 гг. имел большие социально-экономические и демографические последствия, которые еще до конца не изучены. Архивные материалы и периодические издания, освещающие кампании по оказанию помощи голодающим в эти годы, сыграли важную роль в изучении этой темы. Общие тенденции отечественной историографии показывают, что государственная политика в отношении голода изучена, однако причинно-следственные связи и последствия этой масштабной катастрофы до сих пор остаются малоизученной научной проблемой.

Литература

Алексеев А.Н. Население Казахстана. 1920–1990 гг. Алматы: Ғылым, 1993. 125 с.

Козыбаева М.М. Влияние голода 1921–1922 годов на повседневную жизнь городского населения Северного Казахстана // Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия. 2014. № 3 (75). С. 162–167.

Нурбаев К.Ж. История города Павлодара (1917–1940 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1998. 26 с.

Черныш П.М. Очерки истории Костанайской области. Кустанай: Печатный двор, 1995. 180 с.

¹ ГАГН. Ф. 112. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

УДК 94(47)"1918/1922"
doi:10.31518/978-5-98901-255-8-158-170

Н.В. Суржикова

Военнопленные и беженцы Первой мировой войны в России в 1918–1922 годах

N.V. Surzhikova

Prisoners of War and Refugees of the First World War in Russia, 1918–1922

Аннотация. В статье предпринята попытка систематизации поведенческих стратегий и выборов, использовавшихся военнопленными и беженцами Первой мировой войны во время Гражданской войны в России. Не успевшие уехать на родину, они, по мысли автора, в основном демонстрировали три модели поведения, которые могут быть описаны как «сбежать, спрятаться, исчезнуть», «сотрудничать и участвовать», «наблюдать и не вмешиваться – смириться и ждать». Между тем любая из них в какой-то момент могла смениться другой в силу изменчивости актуальной военно-политической конъюнктуры.

Ключевые слова: военнопленные Первой мировой войны, беженцы Первой мировой войны, Гражданская война, мотивационные установки, поведенческие стратегии и выборы.

Дата начала Гражданской войны в России до сих пор остается предметом дискуссий. Одна часть специалистов по традиции начинает ее отсчет с мая 1918 г., другая – с августа 1917 г. или даже июля 1916 г., тогда как современники заговорили о ней как о реальности все-таки летом – осенью 1917 г. [Эго-документы, 2021. С. 170–191]. При этом любая датировка никак не влияет на тот факт, что свидетелями и участниками Гражданской войны в России оказались военнопленные и беженцы Первой мировой, счет которым шел, как известно, на миллионы человек. Вопрос о точном числе таких свидетелей и участников остается открытым и едва ли когда-нибудь закроется. Дело в том, что статистика как военнопленных, так и беженцев Первой мировой войны в России изначально носила «плавающий» характер, оцениваясь соответственно в 1,7–2,4 млн и 5,0–9,0 млн человек [Суржикова, 2005. С. 282–287; Суржикова и др., 2021. С. 66–79]. Изначальный,

первичный учет и первых, и вторых сразу стал проблематичен в силу размытости их «родовых имен». Так, источники свидетельствуют, что не только обыватели, но и официальные лица нередко не видели разницы между собственно военнопленными и иноподданными, застигнутыми войной на территории России и именуемыми впоследствии гражданскими пленными, мирнопленными, военнопленными или военнообязанными¹.

С беженцами путаницы оказалось еще больше. Породив различные перемещения гражданского населения – «неблагонадежных» ино- и русскоподданных, высланных подконвойным порядком под надзор полиции выселенцев, отправленных бесконвойным порядком подальше от прифронтовой зоны, добровольно-вынужденных мигрантов, просто бежавших от войны, Первая мировая война еще не знала таких определений, как интернированные, депортированные и т.п. Все они в итоге вошли в российскую часть ее истории именно как беженцы, тем более что уже к осени 1915 г. все названные выше людские потоки оказались перемешаны.

Последующий, вторичный учет военнопленных и беженцев осложнялся тем, что и те и другие были чрезвычайно подвижны. Военнопленные, к примеру, могли не просто переводиться с одних работ на другие. Они при этом могли «мигрировать» с одного места на другое, как это, к примеру, было с пленными, перебрасывавшимися из Нижнетагильского горного округа Демидовых на Урале в их же имение в Данковском уезде Рязанской губернии².

Революция и последовавшие за ней события только способствовали мобильности военнопленных и беженцев Первой мировой войны. Их организованные перемещения в результате стали лишь частью их перемещений вообще, о чем свидетельствовали советские миграционные службы: «Нужно сказать, что в первый период в 1918 году беженцы стихийно сдвинулись с мест и до момента, пока не был урегулирован вопрос эвакуации местными коллегиями, успело выехать с мест около 200 000 беженцев... Местные коллегии все время пишут:

¹ См. об этом, напр.: Разъяснение значения слова «военнообязанный» // Пермские ведомости. 1915. 4 июня; Объявления Пермского губернатора // Уральская жизнь. 1915. 5 июня.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1720. Оп. 2. Д. 204. Л. 24.

беженцев удержать нет сил, беженцы угрожают, беженцы требуют, беженцы снимаются с мест...»¹.

В том же духе развивалась и ситуация с военнопленными, массово бежавшими с работ и пытавшимися добраться до ближайших транспортных артерий. Столкнувшись с этой проблемой, уже зимой 1918 г. власти Шадринского уезда в лице заведующего учетным отделом Шадринского Совета 16 мая 1918 г. констатировали: «До меня доходят сведения, что за последнее время к отходу поезда на ст. Шадринск собираются военнопленные, которые уезжают по их словам на родину в Германию и Австрию без всякого разрешения, ссылаясь при этом на якобы последовавшие разрешения властей о том, что пленные могут уезжать на родину за свой счет. В учетном отделе подобных разрешений не имеется, а имеются распоряжения обратного характера, а именно: никуда никого из военнопленных не отправлять без разрешения на выезд или распоряжения о перемещении со стороны областных властей»².

Так или иначе, но к переходу от локальных стычек до широко-масштабной Гражданской войны на территории бывшей Российской империи оставались еще многие и многие тысячи военнопленных и беженцев Первой мировой³. Заниматься ими, их судьбой вскоре стало проблематично в связи с тем, что Гражданская война породила новых пленных и беженцев, требовавших к себе внимания. Так, в Саратовской губернии на 1 января 1919 г. было зарегистрировано 118 838 беженцев «старой» войны, из которых 26 718 были размещены в губернском центре, а остальные – в уездах. При этом в январе 1919 г. на родину уехал всего один эшелон с беженцами Первой мировой в 1 063 чел.⁴, после чего их реэвакуация практически затихла. Между тем 11 июня 1919 г. в Саратов прибыло 1 565 чел. беженцев «новой» войны, основную часть которых разместили в Вольском уезде. Затем новых беженцев принял Новоузенский уезд: в районе станций Новоузенск и Красный Кут было размещено 2 678 чел., станций Ершов/Дергачи – 2 867 чел., в Покровске – 303 чел. Одна баржа, на которой

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-3333. Оп. 5. Д. 219. Л. 51.

² Государственный архив в г. Шадринске (ГАШ). Ф. Р-589. Оп. 1. Д. 8. Л. 7.

³ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 5. Д. 180. Л. 166.

⁴ Там же. Оп. 4. Д. 620. Л. 67–68 об.

находилось порядка тысячи человек, была направлена в Марксштадт. В то же время в Самару через Саратов вверх по Волге было отправлено 3 292 беженца. Затем еще порядка тысячи беженцев Гражданской войны были перевезены в Симбирск. Но это было только начало: «В 20-х числах июня и начале июля [1919 г.] началось большое передвижение беженцев гражданской войны гужевым путем. Особенно сильно оно было в пределах Аткарского уезда, г. Камышина и Николаевской слободы. Скопление беженцев в южной части Аткарского уезда (Б[ольшие] Копены) достигало до 20 тыс. чел. (зарегистрировано было 14 тыс. чел.). Урегулировать это движение беженцев с их скотом и лошадьми было несравненно труднее, чем шедшее по ж[елезной] д[ороге] и Волге, особенно трудно потому, что представители фронта задерживали беженцев для мобилизации и не допускали передвижения их до [ее] окончания»¹.

К лету 1919 г., когда только большевики насчитали 300 тыс. беженцев Гражданской войны, пленных и беженцев Первой мировой уже не пропускал ни один фронт², что, безусловно, драматизировало их положение. Кому-то из них при этом пришлось пережить новое беженство или новый плен. Еще летом 1918 г., к примеру, на имя начальника Самарской тюрьмы было подано прошение за подписью восьми военнопленных, в котором указывалось: «Гражданин начальник, мы, военнопленные австрийцы и германцы, покорнейше просим вас, сообщите коменданту лагеря военнопленных, чтобы нас взяли обратно в лагерь. Нас взяли в плен чехословаки в городе на работе и в бою [мы] не участвовали, еще раз покорнейше просим вас, гражданин начальник, походатайствовать, чтобы нас перевели в лагерь военнопленных»³.

Дождались ли просители милости от властей, неизвестно. Зато известно, что представители различных иностранных миссий, прежде всего краснокрестных, пытавшиеся облегчить участь своих соотечественников в затянувшемся русском плену, часто сами превращались в узников войны. Так, 5 октября в Самаре чехословаками был арестован член Германской комиссии Красного Креста (далее – КК) в Вологде Гергард Зиверс, тут же отправленный в концлагерь в Омске.

¹ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 620. Л. 66.

² Там же. Оп. 5. Д. 219. Л. 47, 48–49.

³ ГАРФ. Ф. Р-676. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.

Та же участь постигла прибывшего еще летом 1918 г. в Курган германского делегата Оскара Нольте, членов комиссии КК Георга Мюллер и Эллу фон Шак – в Уфе, Вальтера Симниока, Вальдемара Прейссе, Ганса Рейдерса, Вальтера Ярдта и Магдалену фон Ведекинд – в Оренбурге, Ганса Глан и Аннемарию Венцель – в Челябинске, Герберта Герцберга – в Томске, Вильгельма Винклера – в Омске, Эмму фон Бунзен – в Екатеринбурге. В Казани были арестованы и отправлены в Омск представители Австро-Венгерской комиссии КК капитан Иосиф Обст, подпоручики Иосиф фон Бресслерн и граф Ксавер Шаффгатч, сестра Эрна Одакер и служащие Эдуард Гартман и Винценц Рашка. В октябре 1918 г. чехословацкое командование задержало на территории белой России турецкого делегата профессора Юсуфа Акчура Бея, также оправленного в лагерь для военнопленных. Избавление этим и другим миссионерам (всего 37 чел.) принесло только вмешательство Эльзы Бредстром, добившейся их переправки сначала во Владивосток, а затем и в Европу¹.

Красным, как свидетельствуют архивные документы, практика «перепленения» заподозренных в связях с врагом бывших военнопленных «империалистической войны» также не была чужда. Так, в июле 1920 г., когда Гражданская война уже затухала, вернув пленным надежду на скорое возвращение домой, прибывшие в Петроград из разных местностей бывшей империи австро-венгры в числе 106 чел. вместо того, чтобы оправиться на родину, были задержаны и посланы на принудительные работы. Как выяснилось, причиной тому стало подозрение, что все они в недавнем прошлом были офицерами армии Колчака². Этим несчастным пришлось, очевидно, погостить в Советской России еще какое-то время, причем на условиях, далеких от гостеприимных. Специальный документ Центропленбежа не только приостанавливал отправку «подозрительных» военнопленных на родину, но и предписывал: «Всех вражпленных, прибывающих из белогвардейской оккупации местностей, концентрировать в Самаре, Симбирске, Казани, где оборудовать временные лагеря, сообразуясь с численностью поступающих пленных... Австро-венгерцам предложить вступить в ряды Красной армии, из не

¹ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 635. Л. 1–14, 44, 45, 47, 50–53, 70, 75, 79, 92.

² ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 584. Л. 139–140.

желающих, равно и пленных прочих национальностей, образовать рабочие команды для обязательного привлечения на полевые работы по уборке урожая через местные продкомы...»¹.

Положение беженцев было не менее сложным. В октябре 1918 г. в одном из документов Приволжского пленбежа, в частности, сообщалось, что «беженцы повсеместно в области находятся, как и всюду, в самом плачевном положении. В настоящее время, в силу местных условий, вследствие того, что на территории области происходит бой с белогвардейцами, беженцы военными властями перебрасываются из одного места в другое»². Аналогичные ситуации фиксировали источники, созданные на территориях, подвластных антибольшевистским силам. Так, за беженцев Первой мировой войны, снова оказавшихся беженцами в начале 1919 г., просила губернская земская управа Перми, обращаясь к начальнику Пермской железной дороги: «Проживавшие до последнего времени в пределах Осинского уезда беженцы, кои вынуждены были оставить родные насиженные места еще во время войны с австро-германцами, ныне вновь испытывают тяжелую долю бесприютных людей, так как оказались эвакуированными из Рождественской волости Осинского уезда, находящейся в полосе военных действий. Ввиду того, что эвакуированные в количестве около 60 человек не могут найти себе пристанища в Перми благодаря чрезмерной перенаселенности города, губернская земская управа убедительно просит Вас предоставить им один или два вагона (смотря по потребности) 4-го класса и передвинуть их в менее населенные места до Челябинска или, в крайнем случае, до Екатеринбурга»³. Помощи со стороны железнодорожной администрации беженцы, однако, так и не дождались. Более того, она не просто в ней отказала, но и в категоричной форме потребовала избавить себя от забот, которые считала обременительными и непрофильными⁴...

Что же в таких условиях оставалось делать людям, уже пострадавшим от одной войны и вынужденным переживать новую? Какие модели поведения они демонстрировали, оказавшись между молотом

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1646. Оп. 1. Д. 3. Л. 468. См. также: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 146. Л. 120.

² ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 7. Д. 37. Л. 18–18 об.

³ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 44. Оп. 1. Д. 319. Л. 19–19 об.

⁴ Там же. Л. 20–20 об.

и наковальной? Как те или иные мотивационные установки и поведенческие выборы влияли на дальнейшую судьбу этих людей? Поиски ответов на эти вопросы позволяют назвать несколько стратегий поведения военнопленных и беженцев Первой мировой войны в России в 1918–1922 гг., хотя все эти стратегии весьма условны.

Сбежать, спрятаться, исчезнуть. Благодаря самым разным источникам и прежде всего материалам советских эвакуационных учреждений, повсеместно воссозданных после окончательного утверждения на местах власти большевиков, известно, что Гражданская война имела одним из своих последствий предельное «распыление» по городам и весям бывшей царской империи пленных и беженцев «империалистической войны». Это, очевидно, является одним из косвенных показателей того, что стратегия «сбежать, спрятаться, исчезнуть» в годы Гражданской войны стала выбором многих из них.

Затеряться среди местного населения, вероятнее всего, стремились в первую очередь пленные иностранцы, тем самым пытавшиеся избежать себя от мобилизации, которая могла быть как красной, так и белой. Частный пример такого выбора демонстрирует опыт пленного чеха Иосифа Шуберта, который, обращаясь в Екатеринбургскую военную коллегию в июле 1919 г., писал: «Я был мобилизован чехословаками 18 ноября 1918 г. против моего желания... Я был принят 18 ноября в г. Омске и зачислен [рядовым] 1-го запасного полка 6-й роты, а 24-го того же месяца был отправлен на уфимский фронт по моему собственному желанию, потому что это для меня казалось самым удобным случаем скрыться от чехов. Когда я приехал до г. Челябинска, тогда сошел с поезда и поехал на Екатеринбург и в Ревдинский завод, где я проживаю в настоящее время, и прибыл 29 ноября домой и больше к им не возвращался, а проживал дома до 1 января. Так как у меня средства на продовольствие не было, то я поступил на работу на Дехтяринский рудник и проработал до 29 января 1919 г., но был накрыт моими преследователями и был вынужден удалиться оттуда и вернулся опять домой и прожил до 25-го июля 1919 г. Я должен заявить то, что были у меня обыски два раза, первый обыск был произведен милицией, а второй из местного штаба белой гвардии. Но так как я был хорошо укрыт, то меня при обыске не нашли»¹.

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 204. Л. б/н.

Что касается беженцев, то им тоже было от чего бежать и прятаться. На это указывает пример беженцев-евреев, оказавшихся в Перми. Практиковавшие в годы мировой войны такой вид взаимопомощи, как самообложение, члены местной еврейской общины столкнулись с неожиданным перерождением этой практики. Оно началось с того, что городская еврейская община была ликвидирована, а ее функции и имущество переданы отделу Комиссариата по еврейским национальным делам при Пермском губисполкоме. Далее сначала 189, затем 215, а впоследствии 222 члена бывшей еврейской общины, которые почему-то показались руководителям названного отдела товарищам И. Хазанову, М. Кацу и Н. Свердлову состоятельнее своих соплеменников, определили в «еврейскую буржуазию и зажиточное мещанство» и обложили «данью», ссылаясь на то, что «беспрепятственная дальнейшая работа Отдела вызывает необходимость заставить раскошелиться еврейскую буржуазию и отдать на нужды еврейской трудовой массы то, что она охотно отдавала буржуазной Общине»¹. «Перед нашим Отделом стоит сейчас большая забота углубления революции среди еврейской трудящейся массы, проникновения в ее ряды идеалов интернационального социализма, освобождение ее из плена религиозных и националистических предрассудков», – отмечалось в соответствующем документе². Он однозначно зафиксировал, что насущные нужды еврейских беженцев теперь затмили классово ориентированные политико-идеологические манипуляции: «Содержание богадельни, детского очага, училища, открытие рабочего клуба, вечерних курсов для рабочих, содержание канцелярии Отдела, приглашение штата агитаторов, издание социалистической литературы на еврейском языке, поддержка начинаний Центрального Комиссариата в этом отношении, приобретение и установка еврейской типографии – таковы основные статьи бюджета Отдела»³.

Все это ожидаемо вызвало шквал протестных заявлений со стороны еврейской Перми, большая часть которых также ожидаемо была отклонена. В такой ситуации угроза «революционной ответственности» перед неподчинением распоряжениям советской власти заставляла, очевидно, бежать и скрываться не только еврейских беженцев

¹ ГАПК. Ф. Р-945. Оп. 1. Д. 19. Л. 22. См. также: Там же. Л. 1–20, 21, 35.

² Там же. Л. 21 об.

³ Там же. Л. 22.

Первой мировой, но и тех жителей города, которые когда-то помогли своим соплеменникам.

Сотрудничать и участвовать. Стратегия, предполагавшая включение военнопленных и беженцев в события российской Гражданской войны, кажется хорошо изученной благодаря обширной историографии, посвященной Чехословацкому корпусу, латышским стрелкам или военнопленным-интернационалистам. Но на самом деле опыт прямого участия пленных и беженцев в военно-политическом противостоянии красных и белых этим не исчерпывался. Среди малоизвестных тем в связи с этим можно назвать, к примеру, историю антибольшевистского Итальянского экспедиционного корпуса на Дальнем Востоке, в основном сформированного из пленных австрийских итальянцев¹, или 5-го Виленского полка Западной дивизии, созданного в составе Красной армии из литовцев, евреев и других «прибалтийских уроженцев»².

Но чтобы сотрудничать и участвовать, сражаться на полях Гражданской войны было не обязательно. Балансируя меж двух, а то и более огней, многие пленные и беженцы «империалистической войны» выбирали гражданскую службу. Так, Вячеслав Бичик, чех, находившийся в плену с 1916 г. и работавший до 1918 г. в Ирбитском заводском лесничестве (Пермская губерния) переводчиком при группе пленных, занятых на государственных лесозаготовках, участию в боях Гражданской войны предпочел мирную профессию школьного учителя, которая к 1921 г. позволила ему стать членом местного сельского совета, заведовать волостным политпросветом, возглавить школьный и библиотечный советы и, кроме того, вести вполне спокойную семейную жизнь вместе со своими женой и ребенком³. Михаил Троян, рабочий Екатеринбургского губернского управления по топливу, Николай Байч, служащий Шадринского «полпродгуба», Ян Кунферштонтг, счетовод Екатеринбургского гудпродкома, Михаил Салонтай, агроном Нижнесинячихинского агроповарихства, Федор Гинтерляйтер, управляющий аптекой Сосьвинского завода, Павел Счисен, мясник колбасной мастерской в Верхотурье, Игнатий Турнель, служащий Надеж-

¹ См. об этом, напр.: Образование комитета итальянских отрядов // Вестник Комуца. 1918. 15 сент.

² См. об этом, напр.: ГАПК. Ф. Р-945. Оп. 1. Д. 4. Л. 106–106 об., 123–127, 215.

³ ГАСО. Ф. Р-1646. Оп. 1. Д. 27. Л. 173–173 об.

динского уездного бюро профсоюзов, Имре Боднар, инженер-строитель отдела госсооружений в Екатеринбурге – эти и другие пленные и беженцы даже на фоне Гражданской войны также обнаружили способности к успешной мирной ресоциализации, очевидно, используя прежде всего свой социопрофессиональный капитал¹.

Стратегия соучастия в жизни того или иного локального сообщества привела заметную часть пленных и беженцев в службы и структуры, близость к которым, вероятно, оценивалась ими как способствующая скорейшей отправке на родину. В числе таковых оказались, к примеру, пленные и беженцы Иван Цах, Мориц Гарфункель, Иштван Голуб, Фердинанд Яновский, Михаил Гуляк, Хаскель Байсель, Вильгельм Элишат, Карл Рудде, занимавшие должности конторщика, делопроизводителя, счетовода, регистратора, агитатора, заведующего кухней, агента по приему и отправке контингентов в Екатеринбургском губернском пленбеже². И если встать под ружье для пленных и беженцев, как правило, означало отсрочить свою отправку домой, то в случае с гражданской службой могло быть совсем иначе. Так, беженка-еврейка Феня Иерухимовна Кац получила возможность отправиться в родные края раньше других еврейских беженцев «как активный член Отдела [Центрального Комиссариата по Еврейским Национальным делам при Пермском губисполкоме] и Еврейской Секции РКП для пропогандической [так в документе. – Н. С.] агитационной работы среди еврейских масс за коммунистические идеи»³.

Между тем логично предположить, что стратегия «сотрудничать и участвовать» была той самой стратегией, которая дала наибольший процент пленных и беженцев, не вернувшихся на родину. При этом очевидно, что их невозвращению в безусловно большей степени способствовал не предыдущий опыт плена и беженства, а опыт, полученный именно в годы Гражданской войны.

Наблюдать и не вмешиваться – смириться и ждать. Подавляющему большинству пленных и беженцев «империалистической войны» позиция сторонних наблюдателей казалась, пожалуй, самой привлекательной. Проблема, однако, состояла в том, что в условиях столь радикального противостояния, каковым стала российская Граж-

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 202. Л. 5–6; Д. 358. Л. 309; 377; и др.

² См. подробнее: ГАСО. Ф. Р-1646. Оп. 1. Д. 1.

³ ГАПК. Ф. Р-945. Оп. 1. Д. 20. Л. 54.

данская война, остаться в стороне от нее, просто переждать ее было практически невозможно. Подозреваемые в симпатии к врагу как красными, так и белыми, а также конкурировавшие в борьбе за скудные материальные блага с местным населением и военнопленные, и беженцы «империалистической войны» теперь мало у кого вызывали сочувствие. Как результат, в лучшем случае они дожидались того, что их наконец-то отправят домой. Но война мало способствовала планомерной репатриации и реэвакуации, которые, не успев начаться, многократно прерывались или и вовсе замирали до срока. При этом в самом худшем положении оказались, очевидно, военнопленные, пребывавшие на востоке страны. Опасаясь их мобилизации в Красную армию, колчаковское правительство широко практиковало их вывоз в тыл – еще восточнее, еще дальше. Так, 23 марта 1919 г. 49 % пленных, занятых в Богословском горном округе, были сняты с работ на Урале и эвакуированы на Алтай¹. Затем из лагерей Верхнеуральска, Екатеринбургa, Златоуста, Ирбита, Перми, Троицка, Уфы, Челябинска и Шадринска в течение нескольких дней было вывезено порядка 37 тыс. чел. Следом за ними отправились пленные из Ишима, Кургана, Петропавловска, Тобольска, Тюмени и Ялуторовска – всего около 22 тыс. чел. Их путешествие на восток, по оценкам наблюдателей, «стоило им таких сил и энергии, такого измождения, что они могли только лежать» [Montandon, 1923. P. 53–54]. Очевидно, что страдали при этом не только эвакуированные военнопленные, но и пленники, населявшие принимавшие лагеря. «Положение военнопленных даже здесь, на Дальнем Востоке, чрезвычайно тяжелое. Отпускаемого им содержания 50 руб. плюс 25 от Датского Красного Креста совершенно недостаточно и пленные голодают. Одежды, обуви, белья нет. Если до осени не будут снабжены этим, все обречены на гибель...»², – констатировали местные власти, которым вторили иностранные наблюдатели: «Поселенные как собаки, ... не получавшие практически никакой одежды с момента пленения, они голодны, грязны и оборваны. Форму, обувь и прочие вещи, посылаемые им из дома через датских, шведских и других представителей Красного креста или иными путями, русские “реквизируют” и затем продают или же передают

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39499. Оп. 1. Д. 231. Л. 325 об., 326.

² ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 552. Л. 23.

“храбрым” казакам. С пленными обращаются в неопишимо грубой и бесчеловечной манере...»¹.

Источники свидетельствуют, что усилия иностранных дипломатов и миссионеров, нацеленные не только на «помощь австро-германским пленным, но и организацию их эвакуации на родину»², увенчались лишь незначительными успехами (единичными обменами и отправкой в Японию 4,5 тыс. инвалидов). При этом военно-политическое руководство, напрямую возражавшее против преждевременной отправки военнопленных на родину, по сути, не оставило пленникам никакого выбора³. Им теперь действительно оставалось только смириться и ждать...

В общем и целом те или иные поведенческие стратегии пленных и беженцев Первой мировой, выбираемые ими в годы Гражданской войны, во многом перекликались с поведенческими стратегиями россиян [Нарский, 2001]. Какой стратегии отдать предпочтение, каждый при этом решал сам, но это решение не обязательно было окончательным и бесповоротным. Меняющаяся военно-политическая конъюнктура вполне могла заставить сменить одну модель поведения на другую. И вряд ли будет преувеличением сказать, что в извилистых траекториях поведения пленных и беженцев «империалистической войны» в 1918–1922 гг. напрямую отражалась неоднозначность и противоречивость российской Гражданской войны как таковой.

¹ Suffering prisoners in Siberia // Current history: a monthly magazine of the New York Times. Vol. 11 (October 1919 – March 1920) № 2. P. 98–99. За информацию о данном источнике, а также его перевод благодарю старшего научного сотрудника Института истории и археологии УрО РАН, канд. ист. наук М.И. Вебера. – *Н. С.*

² ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 200. Л. 44.

³ См. об этом: ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 636. Л. 28.

Литература

Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 613 с. (Социальная история России XX века).

Суржикова Н.В. К вопросу о численности военнопленных Первой мировой войны в России и на Урале // Россия в войнах начала XX века: доклады науч. конф. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2005. С. 282–305.

Суржикова Н.В., Михалев Н.А., Пьянков С.А. Российское беженство: центры и периферии, процессы и структуры, индивиды и массы (1914–1922 гг.): моногр. Екатеринбург; Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2021. 493 с.

Эго-документы: Россия первой половины XX века в межсточничковом диалогах: кол. моногр. / под ред. М.А. Литовской и Н.В. Суржиковой. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. 408 с.

Montandon D.'G. Deux ans chez Koltchak et chez les Bolcheviques: Pour la Croix-Rouge de Genève (1919–1921). Paris: Libr. Alcan, 1923. 318 p. (Bibliothèque d'histoire contemporaine).

**Крестьянство
на этапе выхода
из гражданской войны**

О.А. Сухова

**Сельский мир на исходе Гражданской войны:
экстремальная повседневность и практики адаптации
(по материалам Среднего Поволжья)***

О.А. Sukhova

**The Rural World at the End of the Civil War:
Extreme Everyday Life and Adaptation Practices
(Based on Materials from the Middle Volga Region)**

Аннотация. В статье рассматриваются адаптационные ресурсы и практики, средства коммуникации сельского сообщества в условиях деградации и распада привычных структур повседневности периода Гражданской войны в России. Методологической основой доклада избраны синергетический подход, история и семиотика повседневности. Обоснован вывод об экстремализации всего социокультурного пространства российской деревни в период 1918–1922 гг., что многократно усиливало социальное напряжение и становилось дополнительным фактором роста масштабов и интенсивности сопротивления. Определяющим фактором социальной динамики выступило крайнее обострение продовольственной ситуации, вызванное крахом хлебного рынка и натурализацией экономики, нерегламентированным насилием по «выгребке» хлеба и другой продукции у крестьян, неблагоприятными погодными условиями 1919 г. и особенно 1920–1921 гг. На этом фоне происходит блокировка и последующая деструкция политической и региональной идентичностей, что выливается в разрыв осей территориальной консолидации и рост повстанческого движения, окрашенного в цвета антибольшевистских настроений.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Среднее Поволжье, Пензенская губерния, крестьянство, экстремальная повседневность, социальное сопротивление, политическая идентичность.

Первые явные свидетельства разработки новых объяснительных моделей в истории Гражданской войны в России связаны с освоением интеллектуального багажа западной историографии и резким дистан-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (Russian Science Foundation) № 22-18-20015 Ссылка на информацию о проекте: <https://rscf.ru/en/project/22-18-20015/>.

цированием от канонов марксистской методологии в 1990-е гг., особенно в условиях мемориализации 90-летия революции 1917 г. В числе зарубежных исследователей, оказавших заметное влияние на зарождение новой традиции, отметим Т. Шанина, Ш. Фицпатрик, О. Файджеса [Shanin, 1972; Fitzpatrick, 1989; Figes, 1989]. Исключительным вызовом для отечественной историографической традиции стала публикация монографии В.П. Булдакова, манифестировавшей приоритет социально-психологического фактора в познании прошлого [Булдаков, 1997].

Но подлинный антропологический поворот в деле осмысления истории гражданского противостояния пришелся на начало 2000-х гг. и стал одним из горизонтов выхода отечественной историографии из состояния затяжного методологического кризиса. Это проявилось в формировании определенного запроса на изучение повседневности населения России в годы Гражданской войны [Семенов, 2005 и др.].

Явлением знаковым для отечественной историографии порядка следует назвать публикацию монографии О.М. Морозовой, предложившей новый взгляд на исторические свидетельства времен Гражданской войны с позиций влияния культурных и психосоциальных процессов, в том числе через практики визуализации символики социокультурного раскола и новых властных отношений, вербальных и ритуальных способов маркировки насилия [Морозова, 2012].

Вместе с тем современные исследователи по-прежнему признают «принципиальную открытость» культурного измерения Гражданской войны в России, подчеркивая необходимость развития нового исследовательского инструментария [Купцова, Филиппова, 2018. С. 585].

Одним из актуальных направлений исследовательской практики является изучение мышления и поведения человека в экстремальных условиях. Так, В.Б. Аксенов, рассматривая специфику эволюции массовых настроений периода Гражданской войны в России, в качестве основных процессов отмечает инверсию «высокого» и «низкого» типов культур, а также всеохватность распространения эсхатологических переживаний [Аксенов, 2018. С. 542–543].

Региональный уровень изучения проблемы, отражая новации последних десятилетий и прирастая исследованиями в сфере изучения повседневности, социальной психологии и памяти, раскрывает еще один значимый аспект – рассмотрение гражданского противостояния

как вызова региональной политической и гражданской идентичностей, как разрыва исторической преемственности и, следовательно, распада осей социально-политического взаимодействия. В этом контексте наиболее значимые документальные свидетельства будут диверсифицированы в материалах губернских революционных трибуналов, органов политического и партийного управления¹.

Оценивая стартовый потенциал формирования новой революционной идентичности населения российских регионов, следует учесть доминанты социального развития и архаизацию политического управления. Как отмечает Ш. Фицпатрик, «сельская Россия по большей части сбросила ярмо власти, исходящей из городов» [Фицпатрик, 2018. С. 130]. Но в то же время община с ее сельской солидарностью рассматривались большевиками как отмирающий институт, разваленный царским государством, что в условиях стихийного революционного террора обрекало крестьянство на жизнь в катастрофе [Фицпатрик, 2018. С. 145, 155]. Дополнительными факторами экстремализации сельской повседневности становятся мятеж чехословацкого корпуса, в одночасье превративший Пензенскую губернию в передовой рубеж военного противоборства, и специфика социально-экономического развития региона. Несмотря на, казалось бы, территориальную удаленность от политического центра и крайнюю неразвитость в индустриальном и классовом отношении, эшелонный характер вооруженного конфликта вызвал необходимость применения экстраординарных мер по подавлению сопротивления большевистской власти в российской глубинке. В середине июля 1918 г. при Совнаркомом была создана специальная Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией на Чехословацком фронте. В конце июля в Пензу прибыл и приступил к работе комиссар по борьбе с контрреволюцией Пензенского района Восточного фронта Г.И. Бруно [Булкин, 2008. С. 38].

Превентивной мерой, узаконившей насилие как способ легитимации новой власти, в постановлениях местных властей о красном терроре стали массовые расстрелы «контрреволюционеров» в сентябре 1918 г.: уездным ЧК вменялось в обязанность выявить и уничтожить врагов государства. По данным А.В. Булкина, в каждом уезде Пензенской губернии было расстреляно от 20 до 40 представителей

¹ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-473 Пензенский революционный трибунал.

«бывших» классов и чинов полиции, заложников и уголовных преступников [Булкин, 2008. С. 79].

Кроме того, в условиях распада всероссийского рынка и резкого сокращения поставок продовольствия в пролетарские центры Среднее Поволжье оказалось практически единственной житницей, подконтрольной большевикам. Отметим также особую прочность института общины как специфической формы организационной культуры, задававшей специфику социокультурного развития региона на протяжении XVIII – начала XX в. Господство общинного архетипа в годы первой и второй русских революций обеспечивало Среднему Поволжью лидирующие позиции в крестьянском движении. Другими словами, на этот регион приходился эпицентр социального сопротивления, здесь разворачивалась драма русского бунта.

В силу указанных обстоятельств революционное насилие властей обернется тектоническим по значению фактором травмирующего порядка, породившим столь же уродливые формы адаптации к экстремальной повседневности. Это проявится в деформации функционала общины: экстремализация функции социальной защиты выльется в разрушительные и самоубийственные формы социальной агрессии по отношению к продотрядам, представителям чрезвычайных карательных структур, партийным работникам. Тиражирование подобных поведенческих стратегий в начале 1920-х гг. (самосуд над агентами соввласти, восстания, бегство от продовольственной диктатуры и мобилизационных кампаний) самым губительным образом отразится на процессах политической интеграции, заблокирует и формирование локальной идентичности, приведет к тотальному разрыву социальных связей. Так, один из первых продовольственных отрядов прибыл в Пензу 27 июня 1918 г. Уже через месяц в распоряжение Наркомпрода было отправлено 174 вагона зерна. К ноябрю 1918 г. на территории губернии действовало несколько продотрядов из Петрограда, Москвы и других городов общей численностью около 3 тыс. человек [Булкин, 2008. С. 37–38].

Очевидна также привязка массовых вспышек социальной агрессии к марту 1919 г., когда многократно усиливается значение фактора, травмирующего сельскую повседневность: на начало весны пришлось основная тяжесть выполнения продовольственной разверстки. В 1920 г., по данным И.А. Чуканова, в Средневолжских губерниях (Самарской,

Симбирской, Пензенской, Казанской) была введена коллективная ответственность за выполнение продразверстки, когда за невыполнение плановых заданий устанавливалась «голодная норма» для всех крестьян провинившейся деревни, села или волости. Это означало тотальное изъятие всех продуктов без учета состава семей и других условий. Массовый характер принимает внесудебное преследование крестьян за неподчинение советской власти – аресты и заключение в концентрационные лагеря [Чуканов, 2010. С. 431].

Отстаивая свое право на насилие, новая власть стремительно расширяла карательные функции, включая следствие, арест, заключение в тюрьму или концлагерь, конфискацию имущества, наделяя подобными полномочиями органы милиции, чрезвычайные комиссии различного толка, народные, партийный, продовольственные суды [Павлов, 2018. С. 93–94]. Жестокость приговоров носила беспрецедентный в российской истории характер. Так, по данным Д.Б. Павлова, в 1920 г. реввоен трибуналы вынесли решение о применении высшей меры революционной защиты свыше 6,5 тысяч раз, в то время как в 1905–1913 гг. по приговорам всех судов Российской империи смертной казни в среднем за год подвергалось 763 человека [Павлов, 2018. С. 95]. По данным В.В. Кондрашина, массовые расстрелы оказались самым действенным средством в борьбе с повстанцами в период «чапанного восстания» в Симбирской губернии. Так, гибель 16 красноармейцев в столкновении карательного отряда с крестьянами в с. Усинское обернулась расстрельным приговором в отношении 125 участников восстания и сожжением всего села [Кондрашин, 2009. С. 136].

Ситуация Гражданской войны, а вернее деструкции, распада политической и гражданской идентичностей, породила и тенденцию иного рода: стремление к обретению своего места в новом пространстве власти-подчинения и самоидентификации. Как отмечает О.М. Морозова, в ситуации социального самоистязания в массовом сознании происходят два процесса: слом всех внутренних барьеров, стремление к социальной однородности и одновременно провоцирование политического раскола социокультурными инструментами через маркировку с использованием определенных смысловых шаблонов («буржуй», «большевик», «кулак») [Морозова, 2012. С. 504].

В этом отношении организующая сила крестьянской общины проявится в воспроизводстве архаичного ритуала, выстраданного вековой традицией для регуляции предельного состояния социального напряжения. При этом стимулы социальной агрессии могут получить аутентичное прочтение только в координатах корпоративной этики. Так, поводом к «контрреволюционному» восстанию 22–25 февраля 1920 г. в селах Б. Ижмора, М. Ижмора, Ушинка, Ольшанка и Ключи Керенского уезда Пензенской губернии становится назначение наряда на возку дров и прибытие отряда для поиска дезертиров в последний день масленичной недели. Как следует из материалов следственного дела, «22 февраля был день масляной недели и по обычаю большинство крестьян проводит его в пьянстве и в катаниях на лошадях»¹. Принудительное изъятие лошадей и подвод, совпавшее по времени с религиозным праздником, вызвало всплеск массового недовольства большеижморских крестьян. Село было объявлено на осадном положении, прибывшие красноармейцы арестовали 15–20 «говоруннов», заподозренных в агитации, что и спровоцировало дальнейшую эскалацию конфликта с числом участников свыше 5 тыс. человек. Отметим здесь, что сигналом к началу выступления стал призыв одного из лидеров восставших, П. Матвеева, первым бросившегося на красноармейцев: «С нами Бог!»².

Ключевыми индикаторами крестьянского бунта стали: набатный звон, запускавший процесс социальной консолидации в случаях смертельной угрозы; принятие решения о сопротивлении на сельском сходе, что обеспечивало тотальный охват населения и распределение ответственности за применение насилия (созыв сельского схода по звуку набата был отмечен и в соседних селах, например в с. Ушинке); вооружение восставших (топоры, вилы, колья); поголовное участие в погромах («Участие в разгроме Райпродкома принимали все – как женщины, так и дети»); коллективный «самосуд»: жестокость расправы над врагами общины, глумление над трупами жертв (убиты пять представителей власти, в том числе женщина, «красный офицер»; удары наносились топорами и кольями; трупы были раздеты донага, обезображены: отделена голова, отрезаны носы, уши, грудь)³. Средний

¹ ГАПО. Ф. Р-473. Д. 43. Л. 552.

² Там же. Д. 43 б. Л. 1591.

³ Там же. Д. 43, 43 б.

возраст активных участников восстания, согласно материалам дела, составил 41,6 лет, крестьянам, замеченным в издевательствах над телами жертв, было 30 и 45 лет¹. Тем самым на начальном этапе сопротивления основную роль сыграют носители «общинного архетипа», защитники традиций, «старики», их действия были оформлены в виде самосуда над насильниками, затем после наказания «сил зла» и врагов общины наступило время уничтожения вещных признаков «злого начала», т.е. погрома райпродкома, со всеми сопровождавшими погромные действия крестьянства атрибутами ритуальной стороны бунта.

Истязания пленных и глумление над трупами поверженных «врагов» в контексте экстремальной повседневности интерпретируются через ритуализацию насилия и убийства: массовое сознание тем самым апеллирует к архаическим практикам минимализации ответственности и необходимости регулирования сверхсильных эмоциональных состояний. На материалах Олонецкой губернии периода Гражданской войны это детально рассмотрела О.М. Морозова. По ее словам, при описаниях истязаний пленных явно прослеживается этнокультурный след, ведущий к образам карельского эпоса «Калевала» и фиксирующий элементы ритуала наказания «сил зла» [Морозова, 2012. С. 498–499].

С другой стороны, в период Гражданской войны институт общины становится якорем спасения, позволившим не скатиться в плоскость тотальной дезинтеграции, войны всех против всех, организующим началом исключительного свойства, в рамках которого сохранялись ростки социально-политической интеграции. Это отражает, скажем, общинный принцип раскладки государственных повинностей, когда разверстка распределялась не по классовому принципу, а поровну на всех, а на гужевые работы отправляли хозяйства в порядке очередности, демонстративно игнорируя существовавшие преференции для семей красноармейцев [Кондрашин, 2009. С. 299]. Впрочем, община оставалась открытой для диалога с государством, и даже в моменты всплесков социальной агрессии требования крестьян укладывались в императив «главное – выжить», предполагавший подчинение властям в обмен на защиту и социальное обеспечение. Так, по словам свидетеля,

¹ ГАПО. Ф. Р-473. Д. 43 б. Л. 1542–1543 об.

проходившего по делу о восстании крестьян с. Большая Ижмора, П.К. Молчанова, председателя волостного совета Большеижморской волости: «Выкриков против Советской власти не было, как то долой, возвращайте из фронта наших сыновей, но все были недовольны ввиду неудовлетворения их одеждой и кормом для лошадей, причем большинству крестьян действительно корму не было, причем [меня] удивило то, что среди нападающих на нас крестьян большинство было бедноты, а кулачья совсем не было видно»¹. Фактическое признание значения общины как исключительной организующей силы в пространстве сельского мира читается и в широко распространенной практике карательных отрядов подкреплять террор проведением сельских сходов и принятием «покаянных резолюций» [Кондрашин, 2009. С. 138].

Травмирующей, но ставшей уже обыденной практикой адаптации к экстремальным условиям бытия становится бандитизм. Интересные рассуждения о повседневности девиаций можно встретить в докладе военного комиссара одного из полков 26-й дивизии войск ВНУС от 19 февраля 1921 г.: «Бандитизм есть последствия шестилетней непрерывной войны...»; «...крестьяне находятся в своих хижинах, сочувствуя антоновцам, сидят спокойно у себя на печках до тех пор пока не пришла банда, а как только появилась банда смельчаков из соседних деревень в 30–40 всадников, тут же через 5–6 часов образовывается внушительная банда в 100–200 человек; их налеты и грабежи среди мирного населения бывают в большинстве случаев удачными; их зверские грабежи терроризируют в населенных пунктах одних и захватывают других. Быстро появляются и также быстро исчезают, благодаря тому, что они у себя дома превращаются из вооруженных в мирных обывателей – работников. Вот в чем заключается сила банд»².

Регулярность, массовость и доступность подобных трансформаций вела к институционализации нормативных нарушений, нивелировала негативно окрашенную социальную оценку девиации. Так, в ноябре–декабре 1922 г. выездная сессия Пензенского губернского революционного трибунала рассмотрела дело по обвинению 53 человек, жителей сел Старого и Нового Шуструя Старо-Толковской волости Нижне-

¹ ГАПО. Ф. Р-473. Оп. 3. Д. 43а. Л. 561 об.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 13. Д. 869. Л. 10.

ломовского уезда Пензенской губернии, в бандитизме, пособничестве бандам и укрывательстве банд в течение 1921 и зимы 1922 гг.¹ Острота ситуации проявилась в создании добровольческих отрядов по борьбе с бандитами из граждан вышеупомянутых сел. Протоколы допросов зафиксировали бесхитростные свидетельства рядовых обывателей о переходе девиации в норму, о ставших естественными и привычными экстремальных практиках поведения: «убитый при побеге из тюремной больницы муж»; «по возвращении меня из Нижнеломовской уездной тюрьмы» (Д.П. Кубасова о сокрытии краденого); «были бандиты перед Михайловым днем пять человек вооруженные, дали моему мужу Дмитрию одну рубаху и брюки голубые» (П.И. Котельникова); «я ездил в Котельский кооператив с бандитами для грабежа» (М.Н. Рязанцев); «Вдруг приезжает отряд с моим сыном Василием и произвели у меня обыск... Вдруг сделали бандиты выстрел. В это время шла моя дочь Арина и увидела, ее стали бить прикладами; было их четыре человека; двора через два от нас бандиты убили двоих красноармейцев, когда ударили в колокол, бандиты убежали» (С.И. Котельников)².

В 1921 г. ослабленное истощенное поволжское крестьянство столкнулось с новым смертельным вызовом – неурожаем и голодом, поразившими значительную часть региона. Так, в Городищенском уезде Пензенской губернии число трудовых хозяйств уже к осени 1922 г. сократилось более чем на 1 200 хозяйств, численность рабочего скота – на 9 тыс. голов. За период с 1 января по 1 июня 1922 г. на территории уезда было зарегистрировано 4 729 случаев голодной смерти [Отчет, 1922. С. IV]. Зимой 1921/1922 гг. острейший продовольственный кризис приобрел исключительное значение как стимул, провоцировавший голодную панику – массовые стихийные перемещения населения.

Признаком надвигающейся катастрофы становится скопление голодобеженцев на железнодорожных станциях. Так, осенью 1921 г. беженцы, прибывающие в Пензу из голодающего Поволжья, размещались непосредственно в казармах-бараках около Московско-Казанского вокзала³. Приливная волна голодных миграций захлестнула

¹ ГАПО. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 1011. Л. 254–259.

² Там же. Л. 1–20.

³ ГАПО. Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

Пензу, Рузаевку и другие станции в феврале 1922 г. и вынудила власти к введению еще одной обременительной повинности – обязательного попечительства над голодающими путем распределения их среди населения благополучных уездов для прокормления (из расчета 1 человек на 10 семей). Дополнительным денежным налогом были обложены предприниматели, приезжающие на базар крестьяне, и даже извозчики, владельцы лошадей, скота и велосипедов. К весне 1922 г. в регионе на обеспечении государства находилось до 3 500 детей, пострадавших от голода, в том числе свыше 140 были размещены в бараках близ Московско-Казанского вокзала в Пензе. В апреле число нуждающихся детей, оставшихся без попечения родителей, возросло до 6 тыс. человек. Администрация Пензенского и Рузаевского железнодорожных узлов сообщала о стихийном наплыве голодобеженцев, прибывающих из Поволжья и уездов губернии, о перегруженности территории вокзалов, о высоком уровне санитарной и эпидемиологической неустроенности. Отдельным направлением деятельности Губкомпомгола становится отправка беженцев в хлебобродные районы. Так, 6 апреля комиссия рассматривала вопрос о срочной отправке эшелона в 1 700 человек¹. В Пензенской губернии наиболее пострадали от голода Саранский, Городищенский, Наровчатский, Краснослободский и Керенский уезды, хотя официально к числу голодающих были отнесены только два первых. Особая ситуация сложилась в Саранске, выступившем своеобразными воротами для беженцев из Поволжья. К концу апреля 1922 г. здесь насчитывалось до 600 беженцев и голодающего местного населения в числе 8 751 взрослого и 14 500 детей².

Обращения с мест об оказании помощи населению переадресовывали в уездные комиссии. Скажем, в мае 1922 г. Губкомпомгол отказал в запросе на предоставление дополнительной продовольственной помощи представителю Покровской волости Наровчатского уезда (обращались с просьбой об открытии столовой) по причине недостатка средств: на содержании губернской комиссии к этому времени находилось свыше 2 тыс. детей и 1 тыс. взрослых³. Несмотря на помощь со стороны государства и зарубежных благотворительных организаций, в Городищенском уезде случаи голодной смерти фикси-

¹ ГАПО. Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 3. Л. 12–12 об., 17, 24.

² Там же. Л. 29.

³ Там же. Л. 28.

ровались и в июне – 167 человек, в июле – 480, в августе 1922 г. – 82 человека [Отчет, 1922. С. XVII].

В своей совокупности указанные факторы и предопределили появление соответствующих характеристик социального поведения. В обзорах деятельности местных партийных организаций за этот период появилось даже определенное клише, собирательный образ предельно оскудевшей обескровленной деревни, почти утратившей волю к жизни: «в уездах развит бандитизм» и «время сплошного голода с массовыми явлениями трупоедства»¹. То было время, когда проявлением социальной функции общины становится демонстративная легитимация каннибализма, когда на сельских сходах обсуждалась такая форма ответственности за голод, как убийство и употребление в пищу председателя сельского совета и советских активистов, а среди экстремальных стратегий выживания встречаем «артельный отлов жертв» [Аксенов, 2018. С. 542].

И все же именно изживание последствий голодовки послужило отправной точкой восстановления оси социально-политической интеграции, упорядочило каналы коммуникации, заложило пути примирения и отказа от насилия как экстремального регулятора культуры повседневности.

Литература

Аксенов В.Б. Массовые настроения эпохи Гражданской войны: историографические традиции и перспективы изучения // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 485–543.

Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.

Булкин А.В. Органы государственной безопасности Пензенской губернии (1918–1928). Пенза: б/и, 2008. 230 с.

Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. 575 с.

¹ Общая характеристика работы Самарской губернской организации РКП(б) за 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 349. Л. 3, 53.

Купцова И.В., Филиппова Т.А. Гражданская война в «культурном измерении»: история осмысления // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 544–585.

Морозова О.М. Антропология гражданской войны. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 560 с.

Отчет о деятельности пензенского губернского исполнительного комитета 9-го созыва. Январь – сентябрь 1922 г. X съезду Советов рабочих и красноармейских депутатов. Пенза: Типолиитография Губсовнархоза № 3, 1922. 220 с.

Павлов Д.Б. Советская судебная система 1917–1922 гг. // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 89–150.

Семенов А.А. Повседневная жизнь населения России в годы Гражданской войны (1917–1921 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2005. 564 с.

Фицпатрик Ш. Русская революция / пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 320 с.

Чуканов И.А. Гражданская война и голод в Поволжье // Падение империи, революция и Гражданская война в России. М.: Социально-политическая мысль, 2010. С. 426–439.

Figes O. Peasant Russia, civil war: the Volga countryside in Revolution 1917–1921. New York: Oxford University Press, 1989. 401 p.

Fitzpatrick Sh. New Perspectives on the Civil War // Party, Society in the Russian Civil War: explorations in social history. Bloomington: Indiana University Press, 1989. P. 5–23.

Shanin T. The Awkward class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925. Oxford: Clarendon Press, 1972. 253 p.

УДК 94(47)

doi:10.31518/978-5-98901-255-8-184-192

В.В. Кондрашин

Завершающий этап крестьянского повстанческого движения в России в годы Гражданской войны

V.V. Kondrashin

The Final Stage of the Peasant Insurgency in Russia During the Civil War

Аннотация. В статье рассматриваются особенности крестьянского повстанческого движения после подавления его самой активной фазы в первой половине 1921 г. (антоновщина, махновщина, Западно-Сибирское восстание). Указываются основные причины угасания повстанческой активности крестьян, постепенной ее трансформации по форме и содержанию: введение нэпа, разгром властью основных повстанческих сил, голод, оказание крестьянским хозяйствам в эпицентрах голода семенной и продовольственной помощи. Основной формой повстанчества в указанный период являются мелкие и разрозненные отряды (банды), политические лозунги уходят в прошлое. Целью повстанцев становится выживание и бандитизм с уголовным оттенком.

Ключевые слова: Гражданская война, крестьянское повстанческое движение, завершающий этап, нэп, голод 1921–1922 гг.

Вторая половина 1921 и 1922 гг. включительно – это завершающий этап крестьянского повстанческого движения в России в годы Гражданской войны, в ходе которого происходит разгром вооруженного повстанчества советской властью и крестьянское движение как одна из форм войны завершается.

Качественной характеристикой указанного этапа является постепенная трансформация повстанчества из движения, пользующегося поддержкой основной массы крестьянства, в движение немногочисленных вооруженных групп, потерявших эту поддержку и эволюционирующих в сторону уголовного бандитизма. Во второй половине 1922 г. эта трансформация становится необратимой. На территории бывших эпицентров крестьянского движения, на Юге Украины, в Поволжье и Западной Сибири, после разгрома советскими войсками основных сил

повстанцев действуют отдельные «отряды непримиримых», называющие себя защитниками крестьянства, но в действительности мало соответствующие этому званию. Большинство же вооруженных групп – «осколки» повстанческих отрядов 1921 г., скатываются на путь самоснабжения: грабежа и чистой уголовщины. Хотя к лету 1921 г. советская власть в основном ликвидировала массовое крестьянское повстанчество в Сибири, подавив Западно-Сибирское восстание, но окончательно справиться с бандами, где их поддерживало местное население, она так и не смогла. В Приенисейской Сибири, например, хакасы и русские продолжали совместно заниматься грабежом, не выдвигая никаких политических лозунгов [Шешкеев, 2013]. В 1920-е гг. советской власти пришлось столкнуться с движением «хасхылар» («беглецов»), когда хакасы, включая коммунистов, спасаясь от советских карательных отрядов, вместе с женами и детьми уходили в отдаленные районы [Шекшеев, 2017. С. 81].

В 1922 г. повстанчество теряет свою социальную базу, так как крестьянство добивается главной своей цели – свободы хозяйственной деятельности и уже не видит смысла в продолжении вооруженной борьбы с большевистской властью. Например, военный разгром антоновщины совпал с изменениями в настроениях тамбовских крестьян в связи с отменой X съездом РКП(б) продразверстки. В итоговом документе Полномочной комиссии ВЦИК «Уроки Тамбовского восстания» отмечалось: «Сообщение о снятии продразверстки с губернии, о законах, направленных к поднятию сельского хозяйства, о переходе от продразверстки к продналогу было встречено полным удовлетворением... настроение основных слоев крестьянства резко изменилось в сторону, враждебную по отношению к бандитизму»¹. В памяти современников сохранился эпизод, связанный с восприятием отмены продразверстки антоновским окружением. Якобы на восклицание своих командиров «Мы победили!» Антонов едко заметил: «Да, мужики победили. Хотя и временно, конечно. А вот нам, отцы-командиры, теперь крышка» [Самошкин, 1994. С. 72].

Свидетельством коренного перелома в повстанческом движении, наступившего летом 1921 г., стали факты переговоров главарей повстанцев с представителями военного командования и ЧК о

¹ Вестник агитации и пропаганды ЦК РКП. 1921. № 18 (8). С. 40.

прекращении сопротивления и сдаче советской власти. Например, в Одесской губернии, начиная с весны и до осени 1921 г., в Балтском районе в связи с объявлением амнистии происходила «усиленная явка бандитов». В сводках ВУЧК сообщалось, что после переговоров «добровольно явились бывший председатель повстанческой рады, главарь банды Кошевой, петлюровский деятель Яков Малый и девять бандитов» [Советская деревня. С. 434, 446, 523].

Тем не менее в рассматриваемый период крестьянское движение продолжалось и приобретало иные организационные формы. Вместо крупных повстанческих отрядов повсеместно действуют мелкие партизанские группы, состоявшие из нескольких десятков или сотен человек. Кроме того, остаются так называемые отряды «непримиримых», продолжавшие вести борьбу с властью под политическими лозунгами. На Нижней Волге среди них особенно выделяется отряд под командованием бывшего участника сапожковского мятежа, одного из ближайших сподвижников А.В. Сапожкова В.А. Серова [Кондрашин, 2001. С. 425–428].

Коренное изменение характера крестьянского движения было обусловлено не только фактом военного разгрома основных повстанческих сил и введением нэпа, но и объективной социально-экономической ситуацией в регионах повстанческого движения. Так, например, летом 1921 г., так же как и в 1920 г., основные зерновые районы страны, особенно Поволжье, поразила засуха, одна из самых сильных за всю историю России [Козельцева, 1984. С. 35]. Неурожай и последствия разорительной для крестьянского хозяйства продразверстки подорвали материальную базу повстанчества и действующих против него правительственных войск. Из-за отсутствия фуража и хлеба стало невозможным существование крупных повстанческих отрядов. Точно так же было невозможным содержание на территории повстанчества многочисленных карательных войск. Их просто нечем было кормить. В условиях надвигающегося голода главным объектом разрозненных и немногочисленных отрядов повстанцев стали пункты хранения зерна и другого продовольствия, сельскохозяйственные коммуны и кооперативные организации, также имеющие их запасы.

В Поволжье в заволжских степях ближе к Уральску действовали остатки отрядов, разбитых карателями в первой половине 1921 г. Они осуществляли рейды к пунктам хранения продовольствия. В связи

с этим в поволжских губерниях сохраняется военное положение и властью вырабатываются меры по окончательному разгрому крестьянского движения¹. Главной из них стало создание института военных совещаний по борьбе с бандитизмом (областных, губернских и районных. Данные совещания создаются на территории Заволжского военного округа, территория которого разбивается на районы, в каждом из которых организуются военные совещания под председательством командиров дислоцированных там воинских соединений². Постановления военных совещаний были «обязательными для всех гражданских, партийных и военных органов на территории, где действительно совещание»³.

В новой ситуации властью признается неэффективной прежняя тактика борьбы карательных войск с повстанцами, сводившаяся к преследованию каждой отдельной банды, вследствие чего части расплылись, не достигая успеха. Основное внимание уделяется разведке, особенно агентурной, через структуры ЧК. Кроме того, действенным средством борьбы становится институт заложничества⁴.

Летом 1921 г. в зоне действия повстанческих отрядов особое внимание уделяется вопросу о главарях повстанцев. Практикуется амнистия по отношению к большинству из них, поскольку именно главарь являлся цементирующим элементом любой банды⁵.

Примером конкретных действий власти по ликвидации остатков разгромленных сил повстанцев во второй половине 1921 г. является рапорт командующего Заволжским военным округом Д.П. Оськина Главному РВСР от 8 августа 1921 г. В рапорте указывалось, что на момент его подготовки силы повстанцев на территории округа достигали до 4000 человек, большинство из них оперировало в степях Уральской области, по обе стороны Урала и в Тургайской области. Для борьбы с повстанцами в распоряжении округа имелось 15–16 тыс. бойцов линейных войск и несколько тысяч милиционеров и бойцов ЧОН. Исходя из малочисленности войск, а также учитывая то обстоя-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 1622. Л. 14.

² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 7. Оп. 2. Д. 524. Л. 88.

³ Там же. Л. 90 об.

⁴ Там же. Л. 89–90 об.

⁵ Там же. Л. 65–67.

тельство, «что степные пространства очень бедны водой, топливом и жильем», в плане предлагалось отказаться от сплошной оккупации «бандитских районов» и кордонного расположения войск в вызывающих опасения населенных пунктах, поскольку не имеется возможности занимать эти пункты большими гарнизонами, а малые будут отданы «бандам на съедение», что приведет к снижению морального духа войск и населения, а также обеспечит противника оружием, особенно огнестрельными припасами. В этих условиях, по мнению командующего ЗВО, единственно возможным способом расположения сил было «занятие крупных административных пунктов, узловых пунктов на желдорозах и важнейших грунтовых дорогах и водных путях, обеспечивающих обладание важнейшими путями сообщения края». План предусматривал организацию экспедиционных отрядов из всех родов войск с придачей им средств техники, дабы наносить внезапные молниеносные и уничтожающие удары бандам. Особое внимание при этом обращалось на устройство баз продовольствия и фуража для карательных отрядов, широкое использование ими верблюжьего транспорта, «туземных способов добывания воды и топлива», налаживанию «тщательной связи» с помощью аэропланов и гелиографов. Предполагалось вести энергичное и неотступное преследование конницы противника, не гоняться «за отдельными бандитами», если среди них нет «популярного атамана». Наилучшим способом «полного уничтожения банды» было ее вытеснение к местам, где были условия для применения «наилучшим образом» бронепоездов и бронемашин¹. Данный план был одобрен главнокомандующим и применялся в борьбе с повстанцами в указанном регионе. Примерно таким же образом ликвидировались и остатки антоновских отрядов в Тамбовской губернии².

Используя военно-техническое преимущество и тактические приемы, разработанные командованием на основе предшествующего опыта борьбы с крестьянским движением, во второй половине 1921 г. – начале 1922 г. части особого назначения в Поволжье, Сибири, на Украине уничтожили большинство наиболее активных повстанческих отрядов и вынудили оставшихся или рассеяться, или сдать власть.

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 524. Л. 69–70 об.

² РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 29. Л. 159; Ф. 7. Оп. 2. Д. 524. Л. 3–6; Ф. 33988. Оп. 1. Д. 477. Л. 245.

Борьба с крестьянским повстанчеством в Советской России на завершающем его этапе находилась под постоянным контролем высших органов власти Советского государства. Для ее успешного ведения в регион направлялись руководящие работники, имевшие большой опыт борьбы с крестьянским движением в других районах страны. В частности, 20 апреля 1922 г. президиум ВЦИК утвердил уполномоченным ВЦИК по борьбе с бандитизмом в губерниях Поволжья и Урала председателя Самарского губисполкома В.А. Антонова-Овсеенко¹. В «вопросах борьбы с бандитизмом» ему были обязаны подчиняться все «административные учреждения местной власти, органы ГПУ, военное командование» Симбирской, Саратовской, Самарской, Уральской и Области Немцев Поволжья².

Кроме чисто силовых мер, против повстанцев были использованы и меры агитационно-пропагандистского характера. В частности, объявлялись месячники по борьбе с бандитизмом, недели добровольной явки бандитов, в ходе которых явившимся с повинной членам банд гарантировалась личная неприкосновенность³. Практиковались воззвания к повстанцам от односельчан, призывавших их порвать с бандитизмом и вернуться к мирной жизни⁴.

О добровольной сдаче повстанцев активно публиковались статьи в местной печати. Особенно большой резонанс имели публикации с сообщениями о сдаче властям наиболее известных повстанческих командиров. В частности, широкую рекламу получил факт сдачи советской власти одного из известнейших главарей поволжского повстанчества М. Пятакова. На эту тему в «Известиях» Саратовского губисполкома и губкома РКП(б) было опубликовано четыре заметки, в том числе покаянное письмо Пятакова. В нем крестьянский вожак заявил: «Восемь месяцев я предводительствовал бандитским отрядом... узнав о братском прощении... я сразу явился со своим отрядом и сдал оружие... Узнав о братской встрече и приеме моего отряда и получив мои письма, явились бывшие ранее под моим командованием отряды Рассохи и Шаповалова... Искренне сожалею о тех еще не сдавшихся

¹ РГВА. Ф. 25889. Оп. 3. Д. 11. Л. 11.

² Там же. Л. 12.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 846. Л. 152.

⁴ Центр документации новейшей истории Саратовской области (ЦДНИ СО). Ф. 86. Оп. 1. Д. 69. Л. 20–20 об.

бандитах, надеюсь, что они в самом ближайшем времени тоже последуют моему примеру... Да здравствуют всероссийские вожди пролетариата Ленин и Троцкий»¹.

Наряду с силовыми и агитационно-пропагандистскими методами местные власти использовали и такой новый прием борьбы с повстанчеством, как материальное вознаграждение населения и военнослужащих за поимку главарей повстанцев. В частности, такая награда была назначена за поимку Серова приказом командования ПРИВО за № 0037. Для достижения этой цели было выделено 2 млрд руб.²

К концу 1921 г. произошел окончательный перелом в развитии повстанческого движения. Основные его силы были разбиты. Оставшиеся осколки или добивались, или сдавались властям. Данный результат был достигнут прежде всего с помощью силовых методов, поскольку против повстанчества была брошена вся сила государственного репрессивного аппарата.

Важнейшим фактором ослабления и завершения крестьянского движения в годы Гражданской войны против политики большевиков было ослабление его социальной базы со второй половины 1921 г.

Происходит это под воздействием трех взаимосвязанных между собой факторов. Первый из них – это предпринятые государством силовые меры, физически истребившие наиболее непримиримых повстанцев, разгромившие их основные отряды. Сформировавшаяся во второй половине 1921 г. государственная система борьбы с вооруженным повстанчеством уже не давала ему никаких шансов на успех. Следующие два фактора имели объективный и необратимый характер. Прежде всего это страшный голод, обрушившийся на основные зерновые районы страны в конце 1921 – начале 1922 г., сделавший невозможным активное участие в повстанчестве крестьянства в чисто физическом смысле. И, во-вторых, как уже отмечалось, принятая советской властью новая экономическая политика, ликвидировавшая почву для крестьянского недовольства. Оба эти фактора оказали решающее влияние на изменение политических настроений крестьян.

¹ Известия Саратовского губисполкома и губкома РКП(б). 1921. 14 дек.

² ЦДНИ СО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 69. Л. 111.

О том, насколько ужасным стал для крестьян Поволжья голод, свидетельствуют многочисленные источники, в том числе сводки ГПУ [Советская деревня. С. 555–556, 562, 568, 572–573, 581, 595, 598–600].

В этих условиях действующие в сельской местности повстанцы объективно оказывались в безвыходной ситуации и, чтобы прокормить себя, должны были вставать на путь самоснабжения за счет голодающего крестьянства. Так и случилось. Например, уже осенью 1921 г. в губерниях Поволжья во многих селениях крестьяне не только не поддерживают повстанцев, но и выступают против них. По инициативе крестьян создавались специальные комиссии по борьбе с бандитизмом, в задачу которых входила охрана их селений от различных банд. Крестьянами излавливались «целые бандитские шайки вместе с главарями»¹.

В полной мере данная тенденция закрепилась в 1922 г. Госинфсводки ГПУ убедительно доказывают, что этот год стал годом завершения в стране массового повстанческого движения под политическими лозунгами. В течение 1922 г. оно превратилось в движение мелких разрозненных банд с уголовным оттенком, занимавшихся грабежом населения. Антикommунистические призывы повстанческих отрядов уже не привлекали внимание крестьян. Как уже указывалось нами, с одной стороны, зажатые в тисках страшного голода, они не имели возможностей для материальной поддержки повстанчества, а с другой – не желали его поддерживать, поскольку с введением нэпа была ликвидирована его основа – «военно-коммунистическая политика» советской власти [Советская деревня. С. 601, 614, 621, 626, 640, 645, 649, 653, 674].

1922 год стал годом выхода советской деревни из голодного кризиса и хозяйственной разрухи, первых успехов новой экономической политики. Главной задачей крестьян была подготовка к весенней посевной кампании. Требование семян стало основным их требованием к властям. Из госинфсводок ГПУ хорошо видно, как менялось в лучшую сторону отношение крестьян к большевистской партии и советской власти (от враждебного к лояльному) по мере поступления в деревню семенной ссуды и успешного проведения основных полевых работ [Кондрашин, 2000]. Именно хозяйственные результаты года

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 596. Л. 3.

стали решающим фактором политической стабилизации в регионе и прекращения там крестьянского движения.

Таким образом, 1922 год стал временем завершения в Советской России крестьянского движения в силу принципиальных изменений политических настроений крестьян, обусловленных новой экономической политикой и поддержкой государства крестьянских хозяйств в период посевной кампании.

Литература

Козельцева В.А., Педь Р.В. Засухи в Поволжье. М., [Б.и.], 1984. 53 с.

Кондрашин В.В. 1922-й год в советской деревне с точки зрения ГПУ // Исторические чтения на Лубянке. 1999 год. Вып. 3: Отечественные спецслужбы в 1920–1930-х годах. М.; Великий Новгород: Общество изучения истории отечественных спецслужб, 2000. С. 83–84.

Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. М.: Янус-К, 2001. 542 с.

Самошкин В.В. Александр Степанович Антонов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 66–76.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД; в 4 т. М.: РОССПЭН, 1998. Т. 1: Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ. 1918–1922 гг. / сост. Л. Борисова и др. М., 2000. 861 с.

Шекшеев А.П. Иностранческие банды на юге Приенисейской Сибири в начале 1920-х гг. // Крестьянский фронт 1918–1922 гг.: сб. ст. и мат-лов. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 698–715.

Шекшеев А.П. Основные компоненты и особенности революции 1917 г. и Гражданской войны на территории Приенисейской Сибири // Революция 1917 года и Гражданская война как определяющие факторы российской истории XX века: междунар. науч.-практ. конф.: сб. ст. Оренбург: Университет, 2017. С 77–82.

А.П. Шекшеев

Советская власть и сибирское крестьянство: отношения зимой–летом 1920 года

A.P. Sheksheev

Soviet Power and the Siberian Peasantry: Relations in Winter–Summer 1920

Аннотация. Вопреки утверждениям отечественной историографии об активной поддержке в первое полугодие 1920 г. крестьянами Сибири советской власти, автор на конкретных материалах одного из ее регионов показывает, что деревенское население по своему имущественному положению и вовлечению в политические процессы не было единым, а отношение крестьян к советской власти являлось не только союзническим. Случалось, крестьяне начинали выражать свое недовольство ее политикой и деятельностью красноармейцев, милиционеров и продовольственных агентов в форме, например, саботажа сельскохозяйственных заготовок, а с лета того же года – бандитизма или повстанчества.

Ключевые слова: бандитизм, деревня, коммунисты, крестьяне, ревкомы, продовольственная разверстка, саботаж, советская власть.

Определяя суть отношений победившей советской власти и сибирского крестьянства в первой половине 1920 г., отечественная историография считала, что деревня в это время сознательно и активно поддерживала политику большевистского режима [Крестьянство Сибири..., 1983]. Однако это не помешало означенным сторонам вскоре начать вооруженное противоборство, причины которого возникли не сразу. Показать, основываясь на материалах Енисейской Сибири, сложное переплетение союзнических отношений новой власти и деревни с нарастающими антагонизмами между ними и является целью данной статьи.

Советская власть воцарялась на огромной территории Сибири со множеством селений, в которых проживали крестьяне, зачастую далекие от цивилизации, ограниченные интересами своей общины и хозяйства. В деревне сохранялись остатки белых в лице бывших казаков и

дружинников, замкнуто существовали родовые селения инородцев. Большие территории и плохие коммуникации ослабляли государственный контроль. Свободное же землепользование и распоряжение доходами способствовали развитию хозяйственной инициативы крестьянства.

Новая власть воспринималась крестьянами по-разному. Некоторые из них с иронией высказывались о ней. Так, на январском 1920 г. сходе жителей с. Спасского Минусинского уезда один из них назвал В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого «народными жрецами», а новое правительство – «советом нечестивых»¹. Деревня, отмечали очевидцы, жила распускаемыми слухами. Для устранения «контрреволюционной агитации» губернские коммунисты посылали в уезды и волости специальных лиц и в ответ на появление антисоветских листовок выпускали собственные воззвания.

Наблюдались случаи крестьянского недовольства введением всеобщей трудовой повинности, использованием в создаваемой милиции «старых» работников и запретом новыми властями прежнего денежного обращения. Возмущенные такой политикой крестьяне целыми сходами отказывались от сотрудничества с приезжими «товарищами». В то же время они, как говорилось в информации Енисейского губернского продовольственного комитета (ГПК), «охотно продавали и везли хлеб» на организованные ссыпные пункты [Шишкин, 1985. С. 149].

С приходом советской власти к традиционному управлению в лице общины, выражавшей интересы всех слоев крестьянского населения и сохранявшей традиции, ценности и социальные связи, добавились советские органы. В одних местностях они создавались под руководством политических работников Красной армии, в других – по распоряжению органов партизанского управления, а в третьих – по инициативе самого населения. Но обстановка, требовавшая от советов мобильности и инициативы, побудила коммунистов перейти к системе ревкомов, состав которых при необходимости можно было изменить согласно приказу.

Вместе с тем сами крестьяне стремились к избранию советов. Особенностью советского строительства, например в Ачинском уезде, было создание в волостных селах соответствующих ревкомов, а в

¹ Муниципальное казенное учреждение «Архив г. Минусинска» (МКУ «АГМ»). Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 1061. Л. 18.

самих волостях – советов и исполкомов. Согласно наблюдениям очевидцев, деятельность ревкомов не всегда была продуктивной¹. Крестьяне в некоторых местностях Минусинского уезда встретили переход к ним с возмущением, заявляя, что «выбрали советы, а теперь какие-то ревкомы, это опять обман» [Кокоулин, 2019. С. 172].

Членами ревкомов в Енисейской губернии стали 2609 человек, в большинстве – бедняки и середняки, члены или сочувствующие РКП(б) [Шишкин, 1978. С. 215]. Но поскольку формирование советских органов затянулось, оно вовлекло во власть как лиц с «партизанскими» методами работы, так и зажиточных и интеллигентных людей. Например, в волостном и сельских ревкомах Кежемской волости Енисейского уезда в отделе управления Канского уездного ревкома служили бывшие офицеры².

Новая власть воплощалась и в ячейках коммунистов и сочувствующих, организуемых с приходом частей Красной армии и с возвращением домой партизан. Как правило, первые деревенские коммунисты были людьми неграмотными или обладали «низшим» и «домашним» образованием, грешили пьянством, слабой партийной дисциплиной, хозяйственным обрастанием и пр., что раздражало окружающее население. Связь их с уездными парткомами была слабой³.

Разоружение и расформирование созданной из бывших партизан Енисейской дивизии вызвало в деревне разные настроения. Вернувшись домой, некоторые из них заняли ответственные посты во властных структурах, другие же оказались на пепелищах. 6 марта 1920 г. сибирские власти издали Декларацию о порядке наделения и пользования землей, которая способствовала начавшемуся восстановлению партизанских хозяйств и налаживанию земельных отношений. Для оказания помощи нуждающимся были созданы специальные губернская и уездные комиссии, начавшие снабжать их закупленными лошадьми, скотом и семенами.

Продвижение красного фронта в глубину сибирских губерний строило заманчивые продовольственные перспективы для удовлетворения потребностей не только армии, но и снабжения населения Центра страны. Но осуществление заготовок на территории Енисей-

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 90.

² Там же. Л. 89.

³ Там же. Л. 79 об.

ской губернии осложнялось рядом факторов и прежде всего тем, что продовольствие в первую очередь предназначалось для Красной армии. Нахождение в деревнях Красноярского уезда воинских частей способствовало упорядочению деревенской жизни, но буквально разоряло крестьянские хозяйства. Красноармейцы забирали продукты, фураж и даже инвентарь, принуждали крестьян выполнять подводные повинности.

В результате такого знакомства с Красной армией крестьяне, например Зелёдеевской волости, остались без хлеба, фуража, семян и с погибающим от бескормицы скотом. Из-за завезенного и распространявшегося тифа молотить хлеб стало некому. Большая подводная повинность мешала вывозу павших лошадей. Подобная же ситуация сложилась и в Мининской волости, где очевидцы сетовали, что «армия обобрала население». Позднее выяснилось, что жители подтаежных волостей губернии, где проходили белые и красные войска, были полностью лишены хлеба [Шишкин, 1978. С. 239]¹. Недостаток его ощущался и в селениях Ачинского уезда. Поэтому на этих территориях враждебно к советской власти было настроено население целых селений².

Продовольственные заготовки уже не устраивали ни советскую власть, ни местных крестьян, которые возмущались отсутствием твердых цен на товары первой необходимости. В этих условиях Советское государство объявило хлебную разверстку, начавшуюся в Енисейской губернии 8 марта 1920 г. Она предусматривала изъятие только 75 % убранный урожай и должна была проводиться без принуждения. Но выполнение продовольственных заготовок предполагало участие частей Красной армии. Приказом по войскам Западно-Сибирского сектора внутренней охраны от 5 февраля 1920 г. в г. Красноярске началось формирование бригады ВОХР в составе четырех стрелковых батальонов и отдельного кавалерийского эскадрона. Ее частям было отдано распоряжение выполнять наряды ГПК³. К тому же произошла переброска из Мариинска в Минусинский уезд 27-й стрелковой дивизи-

¹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 39. Л. 24, 27; Д. 82. Л. 17; ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32. Л. 3.

² ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 69 об., 88 об.; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 1, 24, 27; Д. 82. Л. 17.

³ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 9. Л. 169, 249; Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 174. Л. 12.

зии, которая должна была прокормить себя и организовать отправку хлеба в голодающие районы страны.

Сначала многие собрания крестьянских представителей приветствовали установление советской власти и выражали поддержку ее хозяйственным инициативам. Весной начали организовываться коллективные хозяйства. Руководство губернии с большим интересом отнеслось к созданию бывшими партизанами Денисовской коммуны. 8 марта о создании такого же хозяйства объявило собрание членов семи семей в д. Куваршино Красноярского уезда. К огородничеству и садоводству приступила сельскохозяйственная артель «Свобода и труд». 25 апреля вблизи Красноярска была организована артель «Труженик». Однако в силу разных причин и прежде всего неосведомленности крестьяне недоверчиво относились к созданию коммун и артелей¹.

С целью развития коллективного хозяйствования губернские власти направили восемь тракторов, а для организации электроосвещения в разрушенных селах, восстановления мельниц и лесопильных заводов – динамо-машины².

С самого начала заготовку продуктов успешно вели минусинские крестьяне. Так, к апрелю 1920 г. из Минусинска в Ачинск поступило 72,2 тыс. пудов продовольствия и фуража, а на ссыпные пункты к 15 апреля было вывезено 365,5 тыс. пудов хлеба. Для населения Туруханского края было заготовлено 30 тыс. пудов муки. Но в Ачинском уезде крестьяне отказывались поставлять хлеб и дрова и охотно выменивали их на кожу, мыло и соль³. Созванный в марте 1920 г. съезд представителей населения ряда волостей Красноярского уезда принял резолюцию, в которой содержалось обращение к крестьянству не сдавать излишки хлеба до получения из города промышленных товаров. Общественный сход, организованный в с. Уяр, прошел при незначительном участии крестьян. Как было установлено, проживающее в этом районе старожильческое население относилось к «коммунии» с ненавистью [Шишкин, 1985. С. 155]⁴.

¹ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 694. Л. 38; Ф. Р-1 Оп. 1. Д. 186. Л. 69 об., 70; Красноярский рабочий. 1920. 2 апр.

² ГАНО Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 68 об., 73.

³ Там же. Л. 1, 71–71 об., 81; Красноярский рабочий. 1920. 11 апр.

⁴ ГАНО. Ф. Р-1 Оп. 1. Д. 186. Л. 71.

Само воцарение советской власти или появление военных лиц вело к возникновению конфликтов. Например, в Шилинской волости комендантом расквартированного полка задержанию подверглись некоторые граждане, якобы состоявшие в белой дружине, что вызвало возмущение населения. Неприязненные отношения, наблюдаемые среди крестьян д. Воробьино Сухобузимской волости, вылились в «травлю» руководителей советской власти. Лица, виновные в этом, были арестованы милицией. 14 апреля в д. Касьяново Канского уезда крестьяне пытались разогнать волостной ревком и сорвать с его помещения красный флаг. Прибывшим отрядом милиции задержанию подверглись 14 зачинщиков¹.

Заготовительной работе продовольственных органов мешало постоянное передвижение воинских и партизанских частей. Материальных возможностей поддержать заготовки у ГПК не было. Предприимчивые лица вздували цены на продукты и товары так, что среди малоимущего населения на базаре слышался ропот: «Собрать бы всех спекулянтов, зарабатывающих на базаре тысячи и послать их пилить дрова»². Сданный крестьянами и отправляемый хлеб не доходил до потребителей.

Сложившаяся обстановка потребовала принятия властями мер по подавлению рынка. 6 апреля 1920 г. Енисейское губернское бюро РКП(б) постановило, организовав постоянную торговлю продуктами в городе, справиться с местными торговцами, провести в деревне агитацию за усиление ссыпки и прекращение спекуляции хлебом, а затем принудительным путем прекратить его вывоз с торговыми целями. Предлагая к продаже по свободным ценам все продукты, за исключением хлеба, масла и мяса, власти угрожали нарушителям конфискациями³.

Для того чтобы хлеб доходил до потребителей, на состоявшемся 12–16 апреля 1920 г. I Сибирском совещании губернских продовольственных комиссаров был создан Сибирский продовольственный комиссариат (СПК), наделенный силовыми возможностями борьбы со спекуляцией. 15 апреля Енисейский губернский ревком и ГПК приняли постановление, в котором воспретили частную торговлю хлебом и

¹ ГАНО. Ф. Р-1 Оп. 1. Д. 186. Л. 70–71, 89; Оп. 2. Д. 32. Л. 103, 120.

² Там же. Оп. 1. Д. 186. Л. 68 об.

³ ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3. Л. 39.

товарами промышленного производства. 20 апреля данные органы издали приказ, в соответствии с которым свободная продажа излишков сельскохозяйственных продуктов разрешалась только тем крестьянам, которые выполнили разверстку и имели об этом соответствующие документы [Шишкин, 1985. С. 161]. Примерно в это же время ГПК объявил населению разверстку на скот.

Ситуация в деревне стала накаляться. «Нам все равно, белые или красные, – сетовали крестьяне деревень по енисейскому тракту, – все равно, тем давай и другим давай, а нам ничего». В сводке губревкома за 15 апреля 1920 г. сообщалось, что в Минусинском уезде «предстоящие весенние работы сильно беспокоят население. Измороженные и измученные лошади не в состоянии будут поднять тяжелый труд, а следовательно, площадь посевов может сократиться, а раз так, богатый по урожаю уезд не даст для рынка ничего... Лица, посещавшие эти местности, отмечали, что крестьяне чего-то боятся. Ждут весны».

Население Шилинской волости Красноярского уезда с безразличием отнеслось к выгодному предложению губернской почтово-телеграфной конторы участвовать в постановке телеграфных столбов. Живущие лесным промыслом крестьяне Покровской волости молча заслушали декреты о землепользовании, лесной охране и твердых ценах. «Выжидательным», по мнению властей, являлось настроение деревенского населения в Канском уезде. Командированного встречали словами: «Опять приехал коммунист».

Делегаты съезда в Ачинском уезде изъявили недовольство по поводу запрещения свободной рубки леса. В с. Покровском крестьяне отказывались платить на мельнице четыре фунта муки за помол пуда хлеба. Заподозрив в приехавшем инструкторе по маслоделию коммуниста, крестьяне одного из сел Канского уезда выгнали его за поскотину. Направленный в Кнышинскую волость Минусинского уезда агент ГПК выменял привезенную с собой соль на масло, яйца и закупил пуд меда, чем вызвал негодование крестьян, которые кричали: «Товаров давать не хотите, а спекулировать умеете» [Коколин, 2020а. С. 107–108, 110]¹.

Некоторые общества отказывались вывозить хлеб на ссыпные пункты, поставлять фураж и дрова, вынужденно резали скот и неохотно выполняли повинности по гоньбе. Несмотря на то, что у жителей

¹ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 79 об., 88 об.; Оп. 2. Д. 32. Л. 34.

Сухобузимской волости Красноярского уезда имелись двух- и трехлетние клады необмолоченного хлеба, вывозился он слабо. Крестьяне Нахвальской волости приступили к выполнению разверстки лишь тогда, когда комиссия обнаружила и конфисковала у зажиточных односельчан 1 тыс. пудов спрятанного хлеба¹.

В конце весны 1920 г. открытие польского фронта и недостаток продовольствия в городах вызвали необходимость ускорить мобилизацию хлебных ресурсов Сибири, а окончание посевной кампании позволило по-новому подойти к решению данного вопроса. Властями было решено в обмен на хлеб послать местным крестьянам до 40 % всех товаров, появившихся на складах губернских продовольственного и кооперативного органов². Они продолжали оказывать помощь тем крестьянам, что пострадали во время прошедшей войны. Со своей стороны, бывшие партизаны и их вожди, содействуя продовольственной работе, стали, как отмечали губернские партийцы, втягиваться в советскую работу³.

Однако Енисейский ГПК все еще не располагал возможностями усиления продовольственных заготовок. Как отмечалось на Красноярском уездном съезде советов, нередко его агенты на местах «агитировали не за выполнение разверстки, а как раз наоборот». Отмечая их неспособность к разъяснению, крестьяне на сходах высказывались против направления к ним лиц, «сеющих смуту и панику» [Шишкин, 1985. С. 168]⁴.

С целью усиления аппарата продовольственных органов Сибирское бюро ЦК РКП(б) 3 мая 1920 г. объявило партийную мобилизацию в пролетарских центрах региона. Ввиду недостатка рабочих рук на обмолоте хлебов Сибирский революционный комитет (Сибревком) постановил мобилизовать до четверти всех фабрично-заводских коммунистов. Для своевременной доставки, погрузки и отправки продуктов были созданы губернские продовольственные тройки. 29 мая руководство СПК дало указание губпродкомиссарам перейти к

¹ ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3. Л. 69; Д. 5. Л. 47; Д. 50. Л. 5, 37, 47, 50; Д. 82. Л. 17; ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 69 об. – 70; Д. 298. Л. 1.

² Красноярский рабочий. 1920. 20 апр.

³ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 137. Л. 6.

⁴ ГАНО Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32. Л. 123.

решительному нажиму при проведении разверстки, которую планировали закончить к августу 1920 г.

Между тем информация, которая в мае 1920 г. поступала властям с мест, оценивала ситуацию в деревне неоднозначно. Сообщалось, что крестьяне жертвовали продукты для воинских госпиталей, принимали участие в субботниках по благоустройству деревень, в митингах и других мероприятиях, проводимых волостными ревкомом и армейскими политработниками по случаю, например, празднования 1 Мая. Деревенские жители положительно относились к организации общественных столовых, культурно-просветительных кружков, открытию школ и проведению спектаклей. Отмечая общее стремление населения к просвещению, власти наблюдали доброжелательное отношение к распоряжениям ревкомов в селениях с преобладанием переселенцев.

Одновременно чекистами отмечалось распространение в деревнях слухов, которые вызывали панику или возмущение среди мужиков. Ежедневно предоставляя в распоряжение учреждений Красноярска 15–20 подвод, крестьяне д. Базаиха были «измучены» подводной повинностью. Жители д. Усть-Кут отказались выполнять наряды, утверждаемые ревкомом, и выгнали из селения коммунистов, проявлявших чрезмерную активность. Население Покровской волости выражало недовольство грубыми обысками, в ходе которых отбирались романовские и прочие деньги. Крестьяне Мининской волости высказывались за переизбрание ревкома, не защищавшего интересы населения. В Александровской волости они же были недовольны антирелигиозной агитацией, а в Нахвальской – недостатком соли, спичек и мыла [Кокоулин, 2020б. С. 108]¹. Кускунское общество заявило, что не будет поставлять сено и солому, а затем из-за тяжелых экономических условий не нашло возможным доставить на сгонный пункт требуемое ГПК количество скота².

В разоренных волостях Канского уезда было разрешено снабжать обездоленное население пайками. Но уездный продовольственный орган без составления и утверждения списков таких лиц выдавать их отказался. Для нужд красноармейцев общество одной из деревень

¹ ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 5; ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 88; Оп. 2. Д. 32. Л. 8, 67, 73, 141.

² ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 18; ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32. Л. 98.

должно было предоставить лошадей, которые в большинстве оказались спрятанными владельцами¹.

В Ачинском уезде, несмотря на призывы военных властей сдать брошенное колчаковцами оружие, оно все еще оставалось в руках населения. Боявшиеся остаться на зиму без дров крестьяне проявляли недовольство задержкой отвода лесным отделом участков по их заготовкам. В Ильинской волости произошел конфликт между председателем ревкома и его членами, которые обвиняли его в незаконных арестах крестьян².

Организуя взимание разверстки, Минусинский уездный ревком не провел подворного обследования и требовал с крестьян «непомерное» количество овса. Волостные власти и деревенские собрания за неимением его отказывались от поставок и получали от уездных органов угрозы ареста. Возжелавшие немедленного обладания бывшими казачьими землями местные активисты были недовольны сдержанной земельной политикой губернских властей. Крестьяне были возмущены размещением частей 27-й дивизии, «объедавших» деревни и требовавших подводы силой оружия, «не повиновались распоряжениям властей, говоря, что эта власть хуже, чем была раньше...». В некоторых местностях уже были слышны призывы не подчиняться данной власти «как не отражающей волю крестьян». 30 мая толпа мужиков с криками «Долой советскую власть!» избивала в с. Покровское Имисской волости председателя ревкома и покушалась на других советских работников³.

Отношение крестьян к советской власти напрямую зависело от состояния ее органов, в которых, по сообщениям губернской ЧК, служили «темные личности» и «неопределенные элементы». Бесчинствами отличались милиционеры и красноармейцы. На территории Ирбейской и Кызыльской волостей Канского и Ачинского уездов они убили арестованного учителя и пытались задержать священника. Один из ревкомов решил взыскать с членов самоохранны Мокрушинской волости, когда-то притеснявших соседей, контрибуцию⁴.

¹ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 83.

² Там же. Л. 75; Оп. 2. Д. 32. Л. 12, 54, 88; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 11.

³ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 88 об.; Оп. 2. Д. 32. Л. 133; Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2144. Л. 107; МКУ «АГМ». Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 15. Л. 4; Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 92. Л. 7.

⁴ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 79; Оп. 2. Д. 32. Л. 68, 105, 125, 141; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 16.

С приходом весны оживились затаившиеся группы противников советской власти. Еще в марте 1920 г. отмечалось появление в Енисейском уезде некоей «разведки белых». Военнопленные поляки, состоявшие в батальоне Енисейской инженерной военно-рабочей бригады, были недовольны условиями содержания и, по мнению чекистов, готовили восстание¹. Пользуясь возможностью скрываться в тайге, с работ на Знаменском стекольном заводе бежали 30 военнопленных, которые, выдавая себя за милиционеров, принялись грабить пахарей. Вскоре к ним стали примыкать местные крестьяне, и на территории Красноярского, Канского и Ачинского уездов возникли банды Каверзина, Сметанникова и Малины. Недовольство крестьян, случалось, воплощалось в конкретных и враждебных действиях. 15 мая с разрушением линии почти на пять часов была прервана телеграфная связь между с. Ермаковское и д. Григорьевка Минусинского уезда². Для устранения угрозы повстанчества власти принимали меры по выявлению и задержанию его возможных участников, что зачастую заканчивалось их побегами в тайгу.

Советская власть усиливала продовольственную работу, изыскивая для нее новые резервы исполнителей. Докладывая руководству о том, что продовольственная кампания проводится в «боевом порядке», Енисейский ГПК в начале июня отчитывался о посылке в деревню 150 коммунистов и 500 активистов³. Ощувив острую необходимость в выделении для губернии заградительных и продовольственных отрядов, он добился направления на соответствующие работы 500 красноармейцев 68-й бригады ВОХР, 2-го полка Интернациональной бригады и 77-го эскадрона. Небольшими отрядами они стояли на постое в селениях, выполняли функции заградителей на пристанях и железнодорожных станциях, а также охраняли продовольственные склады и мельницы⁴. Находясь с целью борьбы со спекуляцией, например, в Тайшетском районе, красноармейцы произвели аресты руко-

¹ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 76, 88.

² Там же. Л. 88, 91; Оп. 2. Д. 32. Л. 75, 107, 125, 141; Оп. 2 а. Д. 11. Л. 53; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 39. Л. 150.

³ ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 102. Л. 30.

⁴ Там же. Д. 175. Л. 6, 8, 15–17.

водителей волостного и сельского масштаба и тем самым убедили крестьян везти хлеб на ссыпные пункты¹.

Завершая процесс монополизации хлебного рынка, Сиббюро, Сибревком и СПК с июня 1920 г. стали рассматривать зерно, произведенное крестьянами, в качестве государственной собственности. Свободная торговля нормированными продуктами была запрещена. Советская власть окончательно и официально уравнила крестьян, продающих излишки своего хозяйствования, со спекулянтами. К лицам, уклонявшимся от выполнения разверстки, разрешалось применять давление, а в случае сопротивления – вооруженную силу. 14 июня Сибревком постановил ходатайствовать перед Центром о присылке 12 тыс. продармейцев [Шишкин, 1978. С. 97].

Принятые властями меры заставили крестьян сдавать хлеб и начать выполнять еще и разверстку на масло. В июне 1920 г. по сравнению с предшествующим месяцем заготовки в Енисейской губернии увеличились с 156 до 725 тыс. пудов хлеба [Шишкин, 1985. С. 173]. Ачинский уездный крестьянский съезд констатировал успешное завершение заготовительной и посевной кампании. Вместе с тем крестьянские представители выражали недовольство тем, что ГПК не выполнил своего обещания удовлетворить мануфактурой лиц, сдавших разверстку².

В Минусинском уезде заготовки осложнялись гибелью урожая в ряде местностей. Беспартийная конференция крестьян (20–26 июня 1920 г.), высказавшись за выполнение продразверстки, обратилась к местному руководству с ходатайством уменьшить отдельные задания. Через день ее участники аннулировали резолюцию, призывавшую население полностью сдавать хлеб государству, и решили предоставить только то, что останется после удовлетворения собственных нужд³. За невыполнение нарядов по овсу к ответственности было привлечено руководство уездного продоргана. В Минусинск для решения оргвопросов выехал заместитель губпродкомиссара, в упорствующие села были брошены «лучшие партийные силы»⁴.

¹ ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 102. Л. 6.

² ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32. Л. 164, 172, 188, 195.

³ Там же. Оп. 1. Д. 309. Л. 91–92.

⁴ ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 102. Л. 100–101, 106.

Недовольство крестьян возникало и по поводу одновременного выполнения разверсток. Оно, например, наблюдалось в Погорельской, Шилинской и Зелеевской волостях Красноярского уезда. 4 июня выполнять разверстку по скоту отказался сход в с. Шало. Собравшиеся 13 июня крестьяне с. Шошкино заявили, что не станут отбывать подводные повинности и сдавать масло и яйца. Состоявшееся в тот же день собрание крестьянских представителей Сухобузимской волости с появлением на нем коммунистов – делегатов районного съезда, предъявивших мандат о решающем голосе, приняло бурный характер. Сход постановил ходатайствовать об отсрочке выполнения хлебных нарядов до осени. Жители д. Мало-Нахвальская, заслушав предписание продовольственного отдела о разверстке яиц, решили удовлетворить его лишь после снабжения их солью и мылом. Не допуская разверстки на скот, население Мининской волости отправило его излишки на продажу в Красноярск¹.

В силу отсутствия у населения хлеба Мало-Улуйский волревком Ачинского уезда решил не выполнять разверстку. Недовольство сбором ее выражали жители Белоярской волости Минусинского уезда, а ревкомы Беллыкской постановили освободить население от выполнения нарядов до получения нового урожая. Получив заготовительные задания, сельские общества Аскизской, Усть-Есинской, Сагайской и Восточенской волостей заявили о полном отсутствии у них продуктов. Участники схода жителей с. Абаканское выступили против предоставления кооперативу подвод для вывоза сена².

Крестьяне сопротивлялись и другим мероприятиям местной власти. Например, жители с. Усть-Ярульское Канского уезда при задержании властями обвиняемого в контрреволюции местного священника, собравшись по набату, не позволили его увезти³.

При этом происходили преступления и безобразия, осуществляемые милиционерами и красноармейцами в сельской глубинке. В Шарыповской волости Ачинского уезда милиция применяла к населению нагайки и приклады винтовок. Бывшие партизаны из улуса Косой Ложок Кызыльской волости организовывали порки и ограбле-

¹ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32. Л. 135, 152, 188, 190, 192.

² Там же. Л. 159; Государственно-казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХ «НА»). Ф. Р-674. Оп. 1. Д. П-6495. Л. 12.

³ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32. Л. 189.

ния местных инородцев. Жители селения Большой Ключ были напуганы милицией так, что восприняли приезд ответственных работников из Ачинска в качестве повода для их наказания и чуть не бежали в тайгу. Организованные из партизан власти в Александровской волости Красноярского уезда по собственной инициативе арестовывали людей, отбирали у них имущество и даже расстреливали. В Бобровской волости Енисейского уезда воинские части приводили своим хулиганством население в «ужас». В первых числах июля 1920 г. состоялся перевод частей 27-й дивизии на один из открывшихся фронтов. Не спрашивая согласия местных властей и крестьян, ее бойцы захватывали лошадей, подводы и уводили скот, мешая выполнению разверстки¹.

Деревенская жизнь нарушалась и с выходом из тайги «белых» банд. Появившаяся в одном из селений Даурской волости группа бывших офицеров во главе с полковником требовала продукты, но была вынуждена отступить. 16 июня в Кызыльской волости бандой, появившейся из леса, была убита активистка. На территории шести волостей Канского уезда из-за распространившегося бандитизма было введено осадное положение. «Неизвестные» отряды во главе с «генералом» и «полковником» передвигались по Тальской и Межевской волостям Красноярского уезда.

Появление банд приводило к материальным и человеческим потерям. К примеру, в улусе Черемшина Ачинского уезда вооруженными лицами были убиты десять жителей с председателем комячейки Белозеровым, но и банда потеряла до пяти своих членов. Встретившись с нею у д. Парная, красноармейцы ликвидировали несколько членов, а остальные разбежались. Около 20–25 бандитов совершили налет на д. Петропавловская Канского уезда, где разграбили склады. 31 июля на покосе вблизи одной из деревень Красноярского уезда милиционерами были захвачены «подозрительные» лица. Уничтожив группы Фролова и Псарёва, отряд ВОХР вел бои в районе поселка Абаканского железодельного завода (Абазы) с бандой Борзова, а в Табатской тайге – с группой полковника Михайлова².

Советская власть продолжала оказывать помощь разоренным крестьянам. На местах велась заготовка строительного материала,

¹ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32. Л. 152, 184, 189–190.

² Там же. Л. 172, 180, 190, 196–198; Оп. 2. Д. 11. Л. 8, 10, 16; Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 333. Л. 1–2, 13; ГАКК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 326. Л. 1.

возводились кирпичные производства и ремонтные мастерские, населению выдавались пособия и ссуды, предоставлялись плуги, оконное стекло, изделия из железа и семена, а также конское поголовье, оставленное красноармейцами и отбитое у бандитов. В свою очередь бывшие партизаны, когда власти в целях оказания помощи Западному фронту и доведения численного состава сибирских красных частей до штатного расписания объявили о записи добровольцев, откликнулись на нее с энтузиазмом. Но в целом отношении крестьян к советской власти продолжало ухудшаться. Общество было охвачено острейшим недовольством деятельностью партийцев, которые своим неумелым поведением и незаконными действиями создавали излишнее озлобление крестьян.

Мерой, способствующей усилению заготовок продовольствия, должны были стать выборы советов. 4 июля губревком утвердил «Инструкцию по выборам сельских советов и волисполкомов», которая оговорила количество депутатов и условия их избрания. Впервые определялась категория лиц, лишенных избирательных прав. Прошедшие выборы позволили взамен ревкомов избрать советы и исполкомы, состоявшие в основном из сторонников советской власти.

Напряженная обстановка заставляла деревенских коммунистов стихийно объединяться в ячейки во главе с уездными парткомами. В Ачинском уезде численность членов РКП(б) выросла до 140–145 человек, кандидатов – до 160 и сочувствующих – до 1,5 тыс. человек. В Енисейске уездный комитет объединил 217 членов и 27 кандидатов. На состоявшемся 23 августа 1920 г. заседании президиума Енисейского губернского комитета РКП(б) констатировалось улучшение дел в Минусинском уезде, где были организованы 90 комячеек в городе и 60 в селе, что позволило «двинуть партработу вперед»¹.

С целью усиления заготовок губернские партийный и профсоюзный органы 12–13 июля приступили к мобилизации на продовольственную работу членов профсоюза и созданию продотрядов для уборки и обмолота хлеба в ряде уездов. Воздержавшись от применения к саботажникам вооруженной силы, губком РКП(б) постановлением от 20 июля 1920 г. решил в упорствующих селениях арестовать

¹ ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3. Л. 73, 82.

по кулаку, конфисковать их имущество и провести разъяснительную работу¹.

Между тем эти меры оказывали слабое воздействие на крестьян, продолжавших сопротивляться заготовительному нажиму. Так, отказались выполнять задания общественные сходы в с. Бея и Сабинка Минусинского уезда. Созданные для приема и переработки молока маслодельные заводы в Ачинском уезде простаивали. В июле крестьяне губернии уменьшили заготовки хлеба и фуража. По мнению властей, это было обусловлено неудовлетворительным состоянием низовых советов, слабостью и политической неблагонадежностью продовольственной инспектуры².

Начиная с конца июля 1920 г. власти были озабочены выполнением Декрета Совнаркома об изъятии хлебных излишков в Сибири, который обязывал крестьян немедленно приступить к обмолоту и сдаче урожая прошлых годов. Сибирский регион не выполнил первое разверсточное задание по хлебу. Окончательным итогом этой кампании в Енисейской губернии был сбор к сентябрю 1920 г. 2 549 тыс. пудов хлеба, или 56,1 % от задания³.

Продовольственные заготовки подорвали ресурсы сельского подворья. Недовольные объявлением нового заготовительного задания крестьяне поджигали имущество коммунаров и бежали в леса, где уже укрывались от преследования или прорывались к границе «белые» банды. В результате на территории Красноярского, Канского и Минусинского уездов появились повстанческие отряды из 200–300 бойцов. В Ачинском уезде, кроме небольших банд, образовался отряд Зуйко из 150 человек⁴. Так называемый бандитизм выражался в грабежах кооперации и населения, в столкновениях с представителями советской власти и сопровождался обоюдными жертвами.

Следовательно, советская власть в первое полугодие своего существования в Сибири действительно поддерживалась многими крестьянами. Но на ее пространствах, заселенных людьми, не схожими по степени своей зажиточности и вовлечения в политические процессы,

¹ ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3. Л. 67; ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 361. Л. 4.

² ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 202. Л. 130, 132.

³ Там же. Д. 102. Л. 221.

⁴ Там же. Д. 333. Л. 40, 47, 57; Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32. Л. 201; Оп. 2. Д. 11. Л. 26, 28; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 37, 40.

она не могла восприниматься только с симпатиями. Дестабилизирующее влияние на обстановку оказывало нахождение здесь остатков белого и частей красного воинства. По скромному признанию самого сибирского советского руководства, отношениям его с крестьянством были присущи «противоречия»¹. Постепенно хозяйственные и другие инициативы коммунистов, сопровождаемые насилием, вызывали недовольство и сопротивление деревенского населения.

Литература

Кокоулин В.Г. Продовольственная политика и крестьянство Енисейской губернии зимой-весной 1920 г. // Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию г. Енисейска) [Электронный документ]: мат-лы Сиб. ист. форума (Красноярск, 23–25 окт. 2019 г.). Красноярск, 2019. С. 170–173.

Кокоулин В.Г. Настроения крестьян сибирской деревни зимой-весной 1920 г. // Сибирский архив. 2020. № 1 (3). С. 98–119.

Кокоулин В.Г. Продовольственная политика и сибирская деревня в годы «военного коммунизма» (ноябрь 1919 – март 1921 г.). Новосибирск, 2020. 300 с.

Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск: Наука, 1983. 389 с.

Шишкин В.И. Революционные комитеты Сибири в годы гражданской войны (август 1919 – март 1921 г.). Новосибирск: Наука, 1978. 333 с.

Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.). Новосибирск: Наука, 1985. 319 с.

¹ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 45. Л. 3–4.

Л.А. Гривенная

**Новые концептуальные подходы оценки
«малой гражданской войны» в России и Казахстане
и проблема реабилитации ее участников***

L.A. Grivennaya

**New Conceptual Approaches to Assessing
the “Small Civil War” in Russia and Kazakhstan
and the Problem of Rehabilitation of its Participants**

Аннотация. На протяжении целого столетия в исследованиях ученых-историков менялись объяснения причин и оценки массовых вооруженных выступлений конца Гражданской войны в России. Тем не менее до сих пор на официальном уровне не дано однозначной оценки «малой гражданской войны», да и в массовом сознании ее участники остаются «бандитами» и «мятежниками», а само протестное движение воспринимается как противоправное и регрессивное, углубившее политический и социально-экономический кризис в стране. В исследовании проанализировано право на восстановление участников антикоммунистических выступлений начала 1920-х гг. и рассмотрена возможность их полной реабилитации.

Ключевые слова: вооруженные выступления, крестьянство, власть, коммунисты, репрессии, реабилитация, мемориализация, концепция.

Гражданское противостояние в России стало следствием целого ряда нерешенных социально-экономических и политических проблем еще в дореволюционный период, которые усугубились в условиях Первой мировой войны и политической борьбы за власть в ходе Февральской и Октябрьской революций 1917 г.

В теории марксизма-ленинизма пролетариат рассматривался не только как эксплуатируемый класс капиталистической формации, но и

* Статья выполнена в рамках реализации проекта № OR 11465470 «Массовые политические репрессии в Казахстане в 20–50-х гг. XX в. и процессы реабилитации: создание единой базы данных» при финансовой поддержке Министерства науки Республики Казахстан.

как гегемон прогресса, который мог выполнить высшую миссию – привести человечество к бесклассовому идеальному обществу равенства и справедливости. Пролетариату, по мнению классиков, «нечего было терять кроме своих цепей», и поэтому только он обладал решимостью довести дело до победного конца.

Крестьянство же представлялось союзником рабочего класса, имевшим двойственную природу – труженика и собственника. Поэтому, согласно марксистско-ленинской идеологии, крестьянство было неспособно на то, чтобы даже во имя великой идеи пожертвовать своей собственностью. Для того чтобы увлечь крестьянство, представлявшее большую часть России, большевики, не жалея сил, проводили широкую агитацию в массах, повсеместно укрепляя свои позиции расширением сети коммунистических ячеек. В «огне» Гражданской войны коммунистическая власть параллельно с уничтожением своих противников на фронтах стремилась форсированно создать то идеальное общество, которое обещала, игнорируя законы экономического развития и невзирая на то, какую цену за это придется заплатить.

Продовольственная политика большевиков в период «военного коммунизма» встретила широкий вооруженный народный протест на Тамбовщине, Урале, в Западной Сибири, Кронштадте, Поволжье, Казахстане, Средней Азии и других регионах Страны Советов. Массовые народные выступления в начале 1920-х гг. стали реакцией на проводимую большевиками политику, ущемлявшую интересы многих социальных групп и прежде всего крестьянства, которому свойственно мыслить экономическими категориями.

Для того чтобы снять с себя ответственность за разразившуюся «малую гражданскую» войну – войну крестьянства с властью большевиков в начале 1920-х гг., ее во властных кругах называли не иначе как «бандитизм» и «кулацко-эсеровские мятежи». Власть это преподносила следующим образом: обманутые и «ослепленные» кулацкой верхушкой в союзе с представителями оппозиционной партии эсеров середняки и бедняки нанесли «удар в спину» рабочему классу и новой власти, не ведая того, что они творят. Эта точка зрения со временем получила развитие в ряде научных трудов и надолго закрепилась в исторической науке.

Одним из первых высказал мысль о руководящей роли в крестьянских вооруженных выступлениях партии эсеров полномоч-

ный представитель ВЧК по Сибири И.П. Павлуновский [Павлуновский, 1922]. Эта выдумка-фантом была подхвачена работником партийно-советского аппарата Ишимского уезда Т.Д. Корушиным [Корушин, 1927].

Важным шагом в изучении теории и практики «военного коммунизма» и понимании причин крестьянского недовольства стала публикация П.И. Тугова [Тугов, 1958]. Одним из значительных трудов в российской историографии протестного движения в начале 1920-х гг. стала монография М.А. Богданова «Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г.» [Богданов, 1961], в которой были сохранены прежние концептуальные основы и оценки. В контексте борьбы советской власти с контрреволюционными мятежами эта тема получила дальнейшее развитие в трудах И.Я. Трифонова [Трифонов, 1960], Е.Г. Гимпельсона «Военный коммунизм: политика, практика, идеология» [Гимпельсон, 1973], основательно исследуются причины введения «военного коммунизма», его основные элементы и значение в упрочении власти большевиков.

В диссертации В.И. Басманова высказывается сомнение в определении организующей роли партии эсеров и подготовке крестьянских вооруженных выступлений в начале 1920-х гг. на территории Западной Сибири [Басманов, 1985].

В публикациях современных российских исследователей уделялось внимание многим проблемам данной темы. Н.Г. Третьяков, кроме выявления истинных причин восстания, дал подробную характеристику военной организации повстанцев и осветил карательные действия со стороны силовых структур государства диктатуры пролетариата, а также акцентировал внимание на итогах и значении этого всероссийского события [Третьяков, 1994]. Важный вклад в концептуальное переосмысление причин, сущности, характера, движущих сил, подавления и итогов Западно-Сибирского восстания 1921 г. внес российский ученый В.И. Шишкин. Существенной вехой стали опубликованные им сборники документов [Сибирская Вандея, Т. 1, 2000; За Советы без коммунистов. Т. 2, 2001], которые послужили подспорьем в дальнейших исследованиях историков.

Оригинален подход И.В. Яблочкиной, которая антигосударственные выступления в первой половине 1920-х гг. интерпретирует как «рецидивы гражданской войны» в условиях становления советской

власти [Яблочкина, 2000]. Одна из глав ее монографии посвящена крестьянским мятежам и повстанческим движениям в Заволжье, Поволжье, Западной и Восточной Сибири, на Алтае, в Средней Азии, на Северном Кавказе и Тамбовщине.

Ишимский историк И.В. Курьшев уделил внимание социально-психологическому облику крестьянства, предприняв попытку применения междисциплинарных методов исследования на стыке гуманитарных наук [Курьшев, 2000].

В диссертации Е.Н. Бурдиной «Общественно-политические настроения крестьянства Западной Сибири, 1920–1921 гг.» [Бурдина, 2002] сформулирован вывод о том, что общественно-политические настроения крестьян в 1921 г. сыграли важнейшую роль в изменении политики власти, заставив большевиков отказаться на время от социального эксперимента.

В многочисленных работах В.А. Шулдякова детально акцентируется внимание на участии казачества в Западно-Сибирском восстании 1921 г., где он высказывает мысль об уничтожении Сибирского казачьего войска в ходе подавления повстанческих очагов [Шулдяков, 2004].

Событием стала вышедшая в 2021 г. антология архивных и исследовательских материалов о Западно-Сибирском восстании 1921 г. [Двадцать первый. Красная весна, 2021], в создании которой большая заслуга принадлежит редактору-составителю Г. Крамору. В издании дается панорамное освещение Западно-Сибирского восстания 1921 г., которое было самым массовым и масштабным в серии восстаний конца Гражданской войны на территории России, с публикацией воспоминаний, архивных материалов, фотографий и отдельных работ современных российских и казахстанских ученых-исследователей, краеведов, очевидцев и потомков участников событий. В начале книги была опубликована серия работ В.И. Шишкина, в которых в исторической ретроспективе анализировалась трансформация концепции и оценок Западно-Сибирского восстания 1921 г. в российской историографии. В работе «Западно-Сибирский мятеж 1921 года: историография вопроса», по мнению В.И. Шишкина, российские историки значительно продвинулись в изучении причин, состава участников и руководителей, политической направленности повстанческого движения, хода боевых действий, но остались недостаточно изучены

демографические, моральные и психологические аспекты, взаимоотношения повстанцев и местного населения, участие органов ВЧК и военно-революционных трибуналов в подавлении вооруженных выступлений, персонификация повстанческого лагеря [Двадцать первый. Красная весна, 2021. С. 6–24]. В другой статье В.И. Шишкина «Западно-Сибирское восстание 1921 года: забвение, изучение, мемориализация» автор констатировал, что на сегодняшний день российскими историками введен в научный оборот большой массив архивных источников и материалов, на основе которых произошло концептуальное переосмысление восстания [Двадцать первый. Красная весна, 2021. С. 25–31]. В результате этого в обществе и властных структурах данное восстание было признано подлинно народным, что нашло отражение в его адекватной мемориализации.

Историкам удалось разобраться в причинах восстания, которые были вызваны военно-коммунистическими мероприятиями советской власти, в частности – продовольственной политикой большевиков и методами ее осуществления. В отношении роли Сибирского крестьянского союза историки пришли к выводу, что он не оказывал никакого влияния на организацию восстания. По мнению ученых, восстание имело стихийный характер, численность участников до сих пор является спорной. Возвращения повстанцев отражают идейно-политическую сущность восстания, выражающуюся в лозунгах «За Советы без коммунистов», что отражает антикоммунистическую направленность. Наметилась тенденция к изучению карательной и репрессивной политики советской власти по отношению к повстанцам. Она, по мнению историков, была направлена на жестокое физическое уничтожение всех, кто выступил против властных структур, с целью преподнести урок и вселить страх местному населению перед новой властью. Изучалась военная организация повстанцев и боевые действия между ними и советской стороной. Шагом вперед стало изучение биографий участников повстанческого лагеря. По мнению В.И. Шишкина, правильнее не называть Западно-Сибирское восстание 1921 г. крестьянским, так как в нем принимали участие и другие социальные группы.

Благодаря публикациям российских историков последних трех десятилетий, проведению юбилейных конференций на базе Ишимского государственного педагогического института им. П. Ершова и

многочисленных публикаций в сети Интернет, Западно-Сибирское восстание 1921 г. из периферийного превратилось в одно из важнейших событий завершающего этапа Гражданской войны в России, сыгравшего важную роль в истории страны.

В целом за столетний период в российском обществе произошло переосмысление причин Западно-Сибирского восстания 1921 г., его сути, итогов и значения. Термины «мятеж» и «бандиты» сменились на «восстание» и «повстанцы», осуществляется соответствующая мемориализация этого события в населенных пунктах, некогда охваченных восстанием, в частности в г. Ишиме, установленные памятники стали данью памяти всем жертвам восстания 1921 г., находившимся по обе стороны баррикад.

Что же касается казахстанской исторической науки, то изучение вооруженного сопротивления в начале 1920-х гг. на территории Казахстана существенно отстает.

Проблеме проведения политики «военного коммунизма» в Казахстане в советское время было посвящено несколько работ. В контексте советской методологии, прежде всего классовости и партийности, специфика гражданского противостояния и проведения политики «военного коммунизма» в Казахстане получила отражение в монографии А.С. Елагина «Социалистическое строительство в Казахстане в годы Гражданской войны» [Елагин, 1966] и исследованиях С.Н. Покровского [Покровский, 1967], где косвенно освещались вооруженные выступления в Западном и Восточном Казахстане, представлявшиеся «мятежами» и «бандитизмом». Разработкой вопроса подавления крестьянских выступлений в Казахстане занимался В.К. Григорьев, который основное внимание в монографии «Разгром мелкобуржуазной контрреволюции в Казахстане (1920–1922)» уделил освещению военной стороны событий, подчеркивая огромную роль Красной армии, ЧОНовцев, ЧК и милиции в разгроме мятежей [Григорьев, 1984].

В трудах последних десятилетий особого внимания заслуживают исследования Н.Э. Масанова, Ж.Б. Абылхожина, И.В. Ерофеевой, А.Н. Алексеенко [Масанов и др., 2000], в которых политика «военного коммунизма» была подвергнута резкой критике. Несмотря на оригинальность и смелость выводов и оценок, носящих критическое отношение к ранее устоявшимся взглядам в советской исторической

науке, и квалификацию протестного движения на территории Казахстана в начале 1920-х гг. как «крестьянской революции», освещение истории антикоммунистических выступлений начала 1920-х гг. на территории Казахстана в целом имело обзорный характер, а применительно к территории Северного Казахстана исследователи по-прежнему придерживались мнения, что оно было поднято Сибирским крестьянским союзом [Масанов и др., 2000. С. 283].

Героическая роль воинских частей Красной армии в разгроме повстанческого движения периода Гражданской войны на территории Казахстана освещается в работе «Военная история Казахстана» А. Тасбулатова и К. Аманжолова [Тасбулатов, Аманжолов, 1998], в которой характеризуются национальные воинские формирования (численность, состав, военные действия по борьбе с крестьянскими выступлениями) и приводятся факты подавления казахскими национальными вооруженными подразделениями антисоветских мятежей в Западном Казахстане и их участие в разгроме «махновского» движения на территории Украины.

Среди современных казахстанских историков тема вооруженных выступлений в начале 1920-х гг. в Казахстане косвенно рассмотрена в исследованиях Е.И. Медеубаева и М.К. Койгелдиева. Е.А. Медеубаев, исходя из новых концептуальных позиций, подошел к освещению политики «военного коммунизма» в промышленности и сельском хозяйстве [Медеубаев, 1999]. Анализируя экономические последствия политики «военного коммунизма» в Казахстане, автор не обошел стороной и политическую ситуацию. В этой связи Е.И. Медеубаев считал крестьянские выступления, вспыхнувшие в этот период на территории Казахстана, следствием политики «военного коммунизма». Вместе с тем автор не ставил задачу всестороннего изучения темы вооруженных выступлений начала 1920-х гг. Академик М.К. Койгелдиев, опираясь на материалы документальных сборников В.И. Шишкина «Сибирская Вандея» и уголовных следственных дел, одну из глав монографии «Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов» [Койгелдиев: 2009. С. 78–169] посвятил участию казахов в «русском бунте», где акцентировал внимание на участии казахов в восстании 1921 г. в Северном Казахстане, в частности алашординцев. Автор делает вывод о том, что на территории Казахстана Гражданская война с белогвардейцами к 1920 г. была завершена, а с 1920 по 1922 гг.

начался последний, завершающий этап Гражданской войны, где Красная армия имела дело с крестьянскими повстанцами, одержавшими победу: «крестьяне добились того, за чем шли на восстание – отмены “военного коммунизма”». Он привел факты участия казахов в данном восстании, носившем «локальный и вторичный характер». Автор, называя протестное движение начала 1920-х гг. «русским бунтом», «бессмысленным и беспощадным», ставит задачу дальнейшего исследования проблемы на основе документов и уголовных дел специальных государственных архивов Казахстана [Койгелдиев, 2009. С. 104–105].

Казахстанским историком Ж.А. Ермакбаевым в небольшой статье «Из истории крестьянского восстания 1921 года в Кокчетавском уезде», представленной на международной научной конференции, прошедшей на базе Ишимского государственного педагогического института в 2001 г., дается обзорное освещение некоторых эпизодов протестного движения на территории Кокчетавского уезда. В его статье приводится список 232 лиц, расстрелянных за активное участие во время восстания в Кокчетавском уезде в 1921 г. Автор ошибочно считает, что приведенный список расстрелянных был единовременным актом, и делает вывод о том, что «...в истину, это было жестокое побоище» [Ермакбаев, 2001. С. 72]. Приведенные данные нуждаются в системном анализе и уточнении, изучении персональных уголовных дел на каждого человека.

В контексте изучения голода в Казахстане в начале 1920-х гг. были проведены исследования М.П. Малышевой и Б.А. Мусаевым. В работе М.П. Малышевой «Казахи в Сибири в период демографических кризисов (1919–1934 гг.)» [Малышева, 2002] рассматриваются причины и последствия голода двух периодов – начала 1920-х и 1930-х гг. в сравнении, где косвенно освещается карательная политика советских органов власти по подавлению народных восстаний. Отдельной работой о голоде начала 1920-х гг. в Казахстане стала диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук Б.А. Мусаева «Голод в первой половине 1920-х годов XX века в Казахстане: исторический, социально-политический анализ» [Мусаев, 2010]. Что же касается освещения им вооруженного сопротивления крестьянства в начале 1920-х гг., он, к сожалению, остался на прежних позициях ученых

советского периода, согласно которым повстанцы все так же представлены как «бандиты».

Единственной работой, посвященной теме антикоммунистических восстаний на территории Северного Казахстана, стала диссертация Л.А. Гривенной (автора данной статьи) [Гривенная, 2007]. Впервые была предпринята попытка комплексного изучения вопроса с новых концептуальных позиций, но в силу недостатка необходимых источников и материалов многие проблемы не получили детального рассмотрения. В диссертации была поставлена задача дальнейшей разработки темы – изучения персональной базы данных, репрессивной политики государства и расширения географических рамок протестного движения в начале 1920-х гг. в пределах Казахстана.

К числу документально-художественных произведений, заслуживающих особого внимания, несмотря на ряд неточностей и субъективных авторских оценок, можно отнести автобиографический роман «Школа жизни» советского казахского писателя С. Муканова. В романе получили освещение вооруженные выступления на территории Петропавловского уезда. Будучи непосредственным участником событий, С. Муканов отразил в романе одну из вех его биографии – службу в отряде частей особого назначения (ЧОН) и личное участие в подавлении вооруженного выступления в Петропавловском уезде в феврале 1921 г. [Муканов, 1985. С. 303–324].

К числу краеведческих работ, имеющих отношение к теме антикоммунистических выступлений начала 1920-х гг., можно отнести работы М. Бенюха, В. Терещука, М. Березина, С. Виниченко и др. Многие авторы стремились осветить «белые пятна» истории своего родного края, в силу чего их исследования носили локальный и не всегда научный характер.

Одним из тех, кто разрабатывал тему крестьянских вооруженных выступлений начала 1920-х гг. на территории Ишимского и Петропавловского уездов, был известный краевед М.И. Бенюх [Гривенная, 2019. С. 209–214]. Он собрал немало документальных материалов, скрупулезно отбирая и выписывая из местных газет сведения, выезжал в поселки, встречался с очевидцами событий и записывал их воспоминания, фотографировал памятники погибшим коммунистам. На основании собранного материала он написал небольшую работу (в рукописном виде – 49 страниц). Автор попытался выявить причины

недовольства крестьянства, вылившегося в вооруженное сопротивление. Краевед указал источники и использованную литературу, составил именную указатель с краткой характеристикой руководителей повстанческого движения и представителей советской власти, участвовавших в подавлении восстания. Законченную в июне 1961 г. рукопись М.И. Бенюх отправил в г. Ишим М.А. Богданову с просьбой дать на нее рецензию. По всей видимости, автор рукописи планировал ее опубликовать. М.А. Богданов 31 октября 1961 г. составил на нее критическую рецензию объемом 4 печатные страницы. В сопроводительном письме он извинился за задержку подготовки рецензии, но не за ее содержание. В рецензии чувствовалась ирония и жесткая критика ученого в отношении научности, концептуальности и знания источников автором рукописи. М.А. Богданов назвал научную работу М.И. Бенюха «статьей» и практически не нашел в ней ничего ценного. Он «громил» ее от начала до конца, не оставляя «камня на камне». В завершение рецензии М.А. Богданов не рекомендовал издавать работу, так как она, по его мнению, могла скомпрометировать и самого автора, и издательство. Маститый ученый задает вопрос: «Справился ли автор работы с задачей выявления причин восстания» и сам категорично отвечает: «К сожалению, нет». Он считал ошибочным утверждение о том, что одной из причин вооруженных выступлений крестьянства послужило превышение полномочий представителей советской власти на местах и проведение принудительной продразверстки. Главной причиной М.А. Богданов называет классовую сущность кулачества, организующую роль эсеровского подполья и контрреволюционеров. Критика в рецензии также касалась указанного М.И. Бенюхом стихийного характера вооруженных выступлений, который, по мнению М.А. Богданова, стал позже носить контрреволюционный характер, когда к нему примкнули кулаки и казачество. Ученый считал неверным показывать в работе казачество однородной массой, указал на необходимость подчеркнуть классовое расслоение в казачьей среде. Подвергалось критике отсутствие в работе освещения роли большевиков в организации подавления восстания на всей охваченной «мятежом» территории.

Парадоксально, но именно те недостатки работы М.И. Бенюха, на которые указывал М.А. Богданов, сегодня являются ее достоинствами. Заслуженная критика, на мой взгляд, была высказана М.А. Богдано-

вым относительно освещения хода восстаний отдельных сел, не имеющего обобщенного характера, отсутствия выводов и обобщений, недостаточного количества источников, слабого знания содержания указанной литературы, фактических неточностей, погрешностей в стиле письма.

В книге В.А. Терещука «Рассказы о Кокчетаве», предназначенной для широкого круга читателей, в популярной форме получили освещение крестьянские вооруженные выступления 1921 г. на территории Кокчетавского уезда, которые он считал следствием продовольственной политики советской власти и злоупотреблений со стороны представителей партийных и советских работников, органов ВЧК и милиции. Ценным в этом издании стало привлечение архивных документов с указанием на источники [Терещук, 1992].

В серии работ краеведа Костанайской области С. Виниченко, посвященных истории Сибирского казачьего войска и станицы Пресногорьковской, приводится огромный фактический материал по истории вооруженных выступлений начала 1920-х гг. на территории Костанайской и Северо-Казахстанской областей, множество фотографий [Виниченко, 2020]. Вместе с тем в ней не прослеживаются причинно-следственные связи, нет анализа и выводов приведенного материала, отсутствует научно-справочный аппарат.

Проблеме участия православных священнослужителей в протестном движении 1921 г. на территории Петропавловского уезда посвящена работа М. Березина, аспиранта Московской духовной семинарии, священника. Основываясь на материалах архивов и полевых исследований, автор собрал сведения об участии 10 священнослужителей в народном протесте на территории Северо-Казахстанской области и о репрессивных мерах по отношению к ним со стороны коммунистических властей. Ценностью работы является персонификация и жизнеописания православного духовенства с целью их дальнейшей канонизации Русской православной церковью [Березин, 2021]. Вместе с тем работа имеет описательный характер и нуждается в подтверждении отдельных выводов документальными источниками.

В целом, начиная с 1990-х гг., в изучении истории крестьянского протестного движения начала 1920-х гг. на территории Западной Сибири и Казахстана наметились отдельные новые подходы, были введены в научный оборот новые архивные документы, но не было

проведено комплексного изучения проблемы и выявления специфики в различных регионах Казахстана. Проблемой остается реабилитация и мемориализация вооруженных выступлений начала 1920-х гг. в Казахстане. До сих пор в населенных пунктах бывшего Петропавловского уезда (ныне это Северо-Казахстанская область), где активно проходили боевые действия, сохранились памятники, на которых увековечены только имена убитых повстанцами коммунистов, а события по-прежнему записаны как «кулацко-бандитское восстание 1921 года».

Вместе с тем необходимо отметить, что в настоящее время в Казахстане развернулась работа по реабилитации жертв политических репрессий, согласно Указу Президента Республики Казахстан Ж. Токаева. 20 ноября 2020 г. был принят Указ о создании Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий. Это связано с тем, что на сегодняшний день не все категории репрессированных граждан реабилитированы и до сих пор не восстановлена историческая справедливость по отношению к невинно обвиненным, осужденным, расстрелянным без суда и следствия. В соответствии со ст. 6 Закона Республики Казахстан 1993 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» участники вооруженных восстаний вообще не подлежали реабилитации. Многие формулировки этого закона требуют пересмотра.

За время работы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий был проведен ряд мероприятий по созданию законодательной, методологической, организационной, материальной и информационной базы, обеспечивающей ее деятельность.

Изначально были созданы 11 республиканских рабочих групп по сбору и изучению архивных источников и других материалов, подготовке заключений Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий, в том числе и группа по изучению, подготовке заключения и рекомендаций по реабилитации жертв политических репрессий, расстрелянных без суда и следствия в ходе подавления 372 восстаний, а также подвергнутых репрессиям внесудебными и судебными органами за участие и поддержку этих восстаний. Первоначально эта группа была призвана изучить и представить базу данных для реабилитации участников протестного движения только периода коллективизации – конца 1920-х – начала 1930-х гг. Затем хронологические рамки были расширены – до начала 1920-х гг.

Кроме этого, были созданы 14 региональных (областных) и три городские (городов республиканского значения – Нур-Султан, Алматы, Шымкент) рабочие группы.

К работе Государственной комиссии привлекли более 360 ученых-историков, представителей министерств и ведомств, депутатов, общественных деятелей, архивистов и краеведов. Финансирование деятельности Государственной комиссии осуществляется за счет государства – из ресурсов Министерства науки Республики Казахстан и местных бюджетов. Идет процесс рассекречивания ранее недоступных материалов.

Членами рабочих групп выявляются и собираются ранее не введенные в научный оборот документы из отечественных и зарубежных архивов, осуществляется работа с закрытыми архивными фондами Генеральной прокуратуры, Комитета национальной безопасности Республики Казахстан, Министерства внутренних дел Республики Казахстан, Центрального государственного архива Республики Казахстан, Национального архива Республики Казахстан, Архива Президента Республики Казахстан.

В отношении народных протестов устанавливается общее количество невооруженных и вооруженных восстаний в Казахстане, пофамильный состав участников каждого восстания, их лидеров, места дислокаций, причины и наличие поддержки со стороны народа, какие силовые органы (ВЧК, ОГПУ, НКВД, войсковые части, милиция и др.) участвовали в подавлении народных восстаний, определяется количество реабилитированных по каждому народному восстанию и протесту. Важной задачей работы комиссии является составление свода найденных в архивах и иных базах новых материалов по реабилитации жертв политических репрессий, расстрелянных без суда и следствия в ходе подавления восстаний, а также подвергнутых репрессиям внесудебными и судебными органами за участие и поддержку этих восстаний, подготовка и издание сборников документов.

В обосновании реабилитации участников антикоммунистических выступлений 1920–1930-х гг. на территории Казахстана, согласно международному праву, представляют интерес утверждения казахстанского ученого, профессора Е.А. Абиля, который считает, что принятая ООН в 1948 г. Всеобщая декларация прав человека признает право на восстание. Опираясь на международное право, ученый

приводит критерии организации восстаний и всех связанных с этим формальных «правонарушений» и «преступлений», которые могут быть в соответствии с международным правом признанными законными:

1. Большинство граждан поддерживает применение силы, или, по крайней мере, повстанцы должны честно и обоснованно полагать, что большинство согласилось бы на это, если бы знало соответствующие обстоятельства.

2. Применение силы должно быть последним средством и не должно быть чрезмерным по отношению к ожидаемому конкретному преимуществу.

3. Причиной применения силы должно быть угнетение правительства в виде существенных нарушений конституции или основных прав человека.

4. Применение силы должно быть направлено против угнетающего правительства.

Исходя из вышеизложенного, по мнению ученого, антиправительственные выступления в Казахстане 1920–1930-х гг. полностью попадают под критерии реализации данного права, что дает основания изменить ст. 6 Закона Республики Казахстан «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» от 14 апреля 1993 г. и исключить из перечня лиц, не подлежащих реабилитации, лиц, осужденных за участие в вооруженном восстании в контрреволюционных целях в составе вооруженных «банд» и участие в совершенных ими убийствах и других насильственных действиях, актах терроризма, диверсий, а также организацию вооруженных «банд» и участие в совершенных ими убийствах и других насильственных действиях. Это дает возможность реабилитировать участников антикоммунистических восстаний вследствие признания их естественного и неотъемлемого права на сопротивление или права на восстание [Абиль, 2021].

На сегодняшний день промежуточные результаты изучения протестного движения в Казахстане в начале 1920-х гг. в рамках работы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий позволяют сделать следующие выводы.

Советское государство в первые годы существования, в условиях Гражданской войны и внутривнутриполитической неустойчивости власти, принимало ряд экстренных распоряжений и постановлений, которым

придавалась внешняя имитация законности и правопорядка. По сути, принятые декреты и приказы нарушали гражданские нормы и были направлены на ликвидацию противников политики большевиков с применением безжалостных карательных мер по подавлению участников антикоммунистических восстаний и выступлений.

В начале 1920-х гг. несовершенство законодательной системы и отсутствие демократических традиций не оставляли людям возможности выразить коллективное возмущение политикой существующей власти иначе, как только через открытые выступления в защиту своей собственности, против обременительной налоговой политики и запрета на сложившиеся хозяйственные связи и механизмы функционирования сельских производителей, против разрушения устоявшегося традиционного уклада в хозяйственной, управленческой и духовно-религиозной сферах.

Протестное движение начала 1920-х гг. имело народный характер, так как в нем принимали участие крестьянство, скотоводческое население, торговцы, рабочие, служащие. Кроме русскоязычного переселенческого крестьянства и казачества, в нем участвовали представители коренного казахского населения, татары, башкиры, немцы, евреи и др. Народный характер вооруженных выступлений подтверждается социальной базой, массовостью и выдвигаемыми участниками лозунгами: «Да здравствует народная власть!», «За Советы без коммунистов!», «Долой продразверстку!», «За свободную торговлю!».

Анализ архивных документов: уголовных дел, списков лиц, мобилизованных в повстанческие отряды, убитых и раненых в боях, расстрелянных по обвинению в участии в восстании и заключенных в концлагеря за «контрреволюционную деятельность», позволяет определить происхождение, половозрастную и социальную структуру, национальную и партийную принадлежность, семейное и имущественное положение, образовательный уровень повстанцев.

На основе анализа уголовных дел на 717 человек из фондов Специальных государственных архивов Республики Казахстан возрастной состав участников восстания колебался от 16 до 77 лет. Преимущественно это были мужчины, средний возраст которых составлял 36 лет. Среди участников вооруженных выступлений были подростки и женщины.

На основе анализа уголовных дел на 146 человек из фондов Северо-Казахстанского государственного архива, привлеченных за участие в вооруженных выступлениях, 26 (18 %) были не женаты и вдовцы, 20 (14 %) – женаты, но не было детей, и у 100 (68 %) – от 1 до 10 детей.

В отношении образованности повстанцев документы свидетельствуют о подавляющем большинстве безграмотных или малограмотных участников вооруженных выступлений. Как правило, грамотные участники повстанческого движения, обладавшие определенным кругозором, ораторскими данными и военными навыками, возглавляли повстанческие воинские формирования и входили в состав штабов в качестве писарей.

Доминирующее большинство повстанцев по роду занятия были «хлебопашцами». По сведениям коменданта Петропавловского концентрационного лагеря, в период восстания подавляющее большинство заключенных были крестьянами. К ноябрю 1921 г. в Петропавловском концентрационном лагере насчитывалось 356 заключенных, 256 из которых значились «хлебопашцами», из них за «контрреволюционную» деятельность было осуждено 197 человек¹.

Вместе с крестьянством в протестном движении участвовали чернорабочие, учителя, служащие, священнослужители [Березин, 2021. С. 6], встречались факты перехода на сторону повстанцев красноармейцев и членов РКП(б)².

Многочисленные архивные документы подтверждают, что доминирующей этнической состав участников восстания преимущественно был из числа славянского переселенческого крестьянства и казачества. Как свидетельствуют оперативные сводки и уголовные дела, активное участие в вооруженных выступлениях принимали русские и украинцы, но вместе с ними были и башкиры, татары, немцы, поляки, евреи и казахи [Гривенная, 2004. С. 236–240]. В числе участников вооруженного протестного движения значились как целые отряды конных всадников из числа казахского населения, так и отдельные представители, в том числе и руководители отдельных повстанческих воинских

¹ Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 610. Оп. 1. Д. 74. Л. 50.

² Северо-Казахстанский государственный архив. Ф. 38. Оп. 3. Д. 43. Л. 92.

формирований¹. Известны факты участия в вооруженном крестьянском протестном движении 1921 г. бывших членов партии «Алаш» [Койгелдиев, 2009. С. 166]. Казахское население использовало своеобразные формы борьбы: бырымту (скотокрадство), нападения на обозы, сопровождаемые продработниками, стихийное вступление в повстанческие формирования, создание самостоятельных вооруженных отрядов, оказание помощи повстанцам лошадьми и продовольствием, укрывательство повстанцев, массовые откочевки в пределы российских губерний и Туркестан.

В отношении руководителей необходимо отметить, что у повстанцев не было единого организующего центра и одного руководителя. Именно этот факт еще раз доказывает то, что вооруженное сопротивление крестьянства было стихийным.

Организацией подавления повстанческого движения на территории Казахстана непосредственно занимались вновь созданные революционные комитеты и местные партийные организации при поддержке регулярных частей Красной армии и милиции. В районах, где вооруженные выступления крестьян представляли серьезную угрозу местным органам власти, партийные органы переходили на военное положение и, руководствуясь директивами Советского правительства, формировали отряды ЧОН, дружины самообороны, руководили Советами и чрезвычайными органами, оказывали помощь органам ЧК, милиции и суда. Для принятия экстренных решений были созданы революционные тройки, чрезвычайные комиссии, которые были уполномочены принимать самостоятельные решения по уничтожению без суда и следствия участников народных протестов.

Общее количество участников восстаний начала 1920-х гг. не поддается статистическому учету (по некоторым данным – от нескольких десятков тысяч до сотни тысяч человек), из которых количество убитых повстанцев в десятки раз превышало убитых коммунистов, советских работников и красноармейцев. В некоторых боях повстанцы могли потерять до 900 человек (например, станица Лобановская Кокчетавского уезда), которых сегодня даже невозможно восстановить по фамилиям и определить места их захоронений.

¹ Государственный архив Акмолинской области. Ф. 299. Оп. 1. Д. 5. Л. 15.

Среди участников антикоммунистических вооруженных выступлений распространенным видом спасения своей жизни было перемещение в отдаленные места, где их никто не знал. Это были казахские аулы, расположенные вдали от городов и железнодорожных станций, грунтовых дорог.

Репрессии против участников антикоммунистического протестного движения начала 1920-х гг. были связаны с желанием представителей власти подавить массовые выступления народных масс, поставивших под угрозу существование самой советской власти. Подавление крестьянских выступлений осуществлялось с использованием чрезвычайных полномочий. Карательными органами власти применялись самые беспощадные и немедленные меры пресечения восстаний. К числу репрессивных мер, используемых проводниками советской власти, принадлежали расстрелы, заключения в концентрационные лагеря, рукоприкладство, конфискация имущества, взятие заложников, круговая порука, лишение избирательных прав. В отдельных случаях тотальным репрессиям подвергалось все население сел и деревень, оказывающих поддержку повстанцам продовольствием, гужевым транспортом и фуражом.

В своей практике подавления коммунисты прибегли к наращиванию террора по отношению к населению, который использовали для того, чтобы запугать, морально подавить своих противников, сломить их волю к борьбе. Для организации поимки участников вооруженных выступлений в селах и станицах составлялись списки, по которым вели учет живых и убитых. Через различные приказы и обращения, написанные языком вражды и угроз, органы местной власти пытались стабилизировать политическую ситуацию. Обращаясь к крестьянству и казачеству, власти призывали сдаться и прекратить вооруженное сопротивление. Повстанцы, избежавшие смерти во время восстания и попавшие в руки карательных советских органов или сдавшиеся добровольно, осуждались революционными трибуналами. Многие из них были приговорены к высшей мере наказания, несмотря на обещание быть помилованными в случае добровольной сдачи властям.

Репрессиям подвергались следующие категории: руководители, командиры отрядов и штабов, рядовые участники, вступившие в ряды повстанцев добровольно, принудительно мобилизованные участники, «прихвостни»/«пособники» (те, кто оказывал помощь повстанцам),

«сочувствующие» (те, кто не выдавал повстанцев и не препятствовал повстанческому движению), члены семей участников, «шкурники» (кто вносил смуту и держал связь с «бандитами»), «предатели»/«перебежчики» (участники восстаний из числа коммунистов и красноармейцев), «бандиты» (в целом все участники повстанческого движения, выступающие против советской власти), «белоказаки» (участники повстанческого движения из числа казачества, ранее принимавшие участие на стороне белого движения).

Репрессии имели массовый, системный и длительный характер. Они осуществлялись не только в процессе подавления восстаний, но и спустя много лет после их окончания – конец 1930-х – 1940-е гг. К суду привлекались участники восстаний за якобы совершенные ими другие преступления, где в вину им ставилось участие в восстаниях. Кроме того, на детей участников восстаний зачастую тоже фабриковались дела, где отягчающим обстоятельством было участие в восстаниях их отцов.

Одним из средств морального воздействия на крестьянство со стороны властных структур было лишение их избирательных прав. За участие в восстании крестьяне отстранялись от выборов в сельские советы.

Репрессивная политика советского государства физически, морально и психологически подавила, изолировала от общества те слои населения, которые в годы «военного коммунизма» активно сопротивлялись большевистскому режиму.

По сути, уже в начале 1920-х гг. был сформирован государственный аппарат и карательные органы, способные осуществлять в дальнейшем контроль над обществом. Репрессивная политика большевиков не только способствовала удержанию и закреплению ими власти, но и формированию в стране тоталитарного политического режима, оставившего кровавый след в последующей истории страны.

В итоге антикоммунистические восстания в начале 1920-х гг. привели к кардинальным политическим решениям X съезда РКП(б) – отступлению от политики «военного коммунизма» и переходу к новой экономической политике, что свидетельствовало об ослаблении власти коммунистов, сохранение которой могло быть обеспечено только уступками с ее стороны.

Всесторонний анализ причин, характера, движущих сил, целей и задач, действий, лозунгов и итогов протестного движения начала 1920-х гг. доказывает, что народные волнения были вызваны проводимой политикой большевиков, а затем жестоко подавлены.

Кроме того, дети участников восстаний начала 1920-х гг., привлекаемые по различным сфабрикованным политическим делам 1937–1938 гг., более сурово осуждались по причине того, что их отцы или деды были участниками восстаний 1920–1922 гг. Таким образом, «сын отвечал за отца».

В целом создание Государственной комиссии в Казахстане и ее деятельность позволили исследовать документы специальных архивов с грифом «совершенно секретно», изучать уголовные дела на участников протестного движения, тем самым их персонифицировать и более точно воссоздать социальный портрет участников, виды и меры репрессий за участие в восстании. Несмотря на достигнутые результаты деятельности Государственной комиссии, в дальнейшем необходимы систематизация и координация проведения научных исследований по данной теме: обобщение и анализ опубликованных научных трудов, международное сотрудничество, определение приоритетных направлений, выявление «белых пятен», проблемных научно-теоретических и морально-этических вопросов потенциальных исследований, разработка общенациональных научных проектов, создание единой базы жертв политических репрессий, регулярное пополнение портала Государственной комиссии, объективная мемориализация событий. Необходимо дальнейшее рассекречивание ранее недоступных документов.

Проблема реабилитации жертв политических репрессий в Казахстане требует практического претворения в жизнь учеными, общественными деятелями, членами Парламента Республики Казахстан и различных министерств и ведомств, Ассамблеи народа Казахстана, краеведами, потомками репрессированных, представителями общественных организаций и всеми заинтересованными лицами. Впереди еще много работы, к которой должны быть привлечены не только ученые-историки, но и краеведы, общественники, волонтеры. Самое главное – общество должно понять, что эта работа – общее дело, которое мы все сообща должны продвигать во имя исторической справедливости.

Литература

Абиль Е.А. Право на восстание. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/32844/> (дата обращения: 30.06.2022).

Басманов В.И. Борьба Советского государства с мелкобуржуазной контрреволюцией за влияние на крестьянство в период окончания гражданской войны и начала восстановления народного хозяйства (середина 1920–1922 годы): дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 1985. 235 с.

Березин М. Судьбы православного духовенства в годы Гражданской войны на территории Северного Казахстана. Петропавловск, 2021. 128 с.

Богданов М.А. Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень: Тюменское книжное издательство, 1961. 112 с.

Бурдина Е.Н. Общественно-политические настроения крестьянства Западной Сибири, 1920–1921 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 30 с.

Виниченко С.Н. В поисках минувшего времени. Костанай: Костанайский печатный двор, 2020. 226 с.

Гимпельсон Е.Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М.: Мысль, 1973. 296 с.

Гривенная Л.А. Участие казахского населения в крестьянском повстанческом движении в 20-е гг. XX века в Северном Казахстане// Валихановские чтения – 9: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Кокшетау: КГУ им. Ш. Уалиханова, 2004. Т. 1. С. 236–240.

Гривенная Л.А. Крестьянское повстанчество в Северном Казахстане в начале 20-х годов XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2007. 30 с.

Гривенная Л.А. М.И. Бенюх и судьба его рукописи // Архивное дело на современном этапе: проблемы, практики, инновации: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 25-летию Архива Президента РК (17–18 октября 2019 г., Алматы). Алматы, 2020. С. 209–214.

Григорьев В.К. Разгром мелкобуржуазной контрреволюции в Казахстане (1920–1922 гг.). Алма-Ата: Наука, 1984. 176 с.

Двадцать первый. Красная весна: антология архивных и исследовательских материалов о Западно-Сибирском восстании 1921 года / ред.-сост. Г.А. Крамор. Ишим: Ишимский музейный комплекс им. П.П. Ершова, 2021. 672 с.

Елагин А.С. Социалистическое строительство в Казахстане в годы гражданской войны (1918–1920). Алма-Ата: Наука, 1966. 307 с.

Ермекбаев Ж.А. Из истории крестьянского восстания 1921 года в Кокчетавском уезде // Государственная власть и российское (сибирское) крестьянство в годы революции и гражданской войны: материалы междунар. науч. конф. Ишим: ИГПИ, 2001. С. 70–72.

«За Советы без коммунистов»: крестьянское восстание в Тюменской губернии 1921 года: сборник документов. Новосибирск, 2000. Т. 2. 733 с.

Койгелдиев М.К. Казахи в русском бунте // Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов. Алматы, 2009. С. 78–169.

Корушин Т.Д. Десять лет Советской власти в Ишимском округе (1917–1927 гг.). Ишим, 1927. 90 с.

Курьшев И.В. Социально-психологический облик крестьянства Сибири в годы гражданской войны (по материалам периодической печати). Ишим, 2000. 122 с.

Мальшева М.П. Казахи в Сибири в период демографических кризисов (1919–1934 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Семипалатинск: СГУ, 2000. 291 с.

Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В., Алексеенко А.Н., Баратова Г.С. История Казахстана: народы и культуры. Алматы: Дайк-Пресс, 2000. 608 с.

Медедубаев Е.И. Политика «военного коммунизма» в Казахстане (1918–1921 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1999. 179 с.

Муканов С. Школа жизни: в 3 кн. Алма-Ата: Жазушы, 1985. Кн. 2. 428 с.

Мусаев Б.А. Голод в первой половине 20-х годов XX века в Казахстане: Исторический, социально-политический анализ: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уральск, 2005. 30 с.

Павлуновский И. Обзор бандитского движения в Сибири с декабря 1920 г. по январь 1922 г. Новониколаевск, 1922. 54 с.

Покровский С.Н. Разгром иностранных военных интервентов и внутренней контрреволюции в Казахстане (1918–1920 гг.). Алма-Ата: Наука, 1967. 366 с.

Сибирская Вандея (1919–1920). Документы: в 2 т. / под ред. А.Н. Яковлева. М., 2000. Т. 1. 664 с.

Тасбулатов А., Аманжолов К. Военная история Казахстана. Алматы: Рауан, 1998. 176 с.

Терещук В.А. Рассказы о Кокчетаве. Кокчетав: Саясат, 1992. 462 с.

Третьяков Н.Г. Западно-Сибирское восстание 1921 года: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1994. 30 с.

Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале НЭПа (1921–1923 гг.). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1964. Ч. 1. 311 с.

Тугов П.И. Продовольственный вопрос в Казахстане в период Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1958. 16 с.

Шулдяков В.А. Гибель Сибирского войска. 1920–1922. Кн. II. М.: Центрполиграф, 2004. 607 с.

Яблочкина И.В. Рецидивы Гражданской войны. Анитигосударственные вооруженные выступления и повстанческое движение в Советской России. 1921–1925 гг. М.: Хельга, 2000. 496 с.

Гражданская война в геополитической оптике

Образование новых государств: общее и особенное в контексте Гражданской войны в России

O.G. Bukhovets

Formation of New States: General and Special in the Context of the Civil War in Russia

Аннотация. В статье рассматриваются процессы образования новых государств на оккупированных австро-германским блоком территориях России в контексте Гражданской войны. Освещены намерения и планы руководства Германской империи по созданию буферных государств, которым отводилась роль «санитарного кордона». Показано общее и особенное в германской политике по отношению к различным частям оккупированной российской территории. Объясняются причины инкорпорации в 1930-е гг. в состав Германии и СССР государств, образованных в период Гражданской войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, Россия, австро-германская оккупация, национальные движения, создание новых государств, инкорпорация территорий.

Деструктивный потенциал национализма, победное шествие которого по Европе началось еще в период Великой французской революции и наполеоновских войн, оказался достаточно сильным для того, чтобы в ходе и исходе Первой мировой войны рухнули империи Габсбургов, Гогенцоллернов, Романовых и Османов. Особенно катастрофичной эта война оказалась для полиэтнических Австро-Венгерской, Российской и Османской империй. Потерпев в ней военное поражение, они распались, а на их обломках возникло девять новых европейских государств.

В бывшей Российской империи ситуация развивалась следующим образом. Кроме добившихся в 1917–1918 гг. независимости Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши, которую они в ходе Гражданской войны сумели отстоять, курс на обретение независимости взяли и национальные активисты российского Закавказья.

26 мая 1918 г. находящиеся у власти в Грузии меньшевики объявили о создании Демократической Республики Грузия. 28 мая 1918 г. азербайджанские мусаватисты провозгласили образование Азербайджанской Демократической Республики, которую Верховный совет Версальской конференции 11 января 1920 г. даже признал де-факто. Того же 28 мая 1918 г. Армянский национальный совет (возглавляемый партией Дашнакцутюн) провозгласил Армению независимой республикой.

Однако эти три независимые закавказские республики в итоге не смогли устоять в ходе Гражданской войны перед наступлением Красной армии, в котором принимали активное участие и местные большевики. В конце апреля 1920 г. красноармейские части вступили в Баку, 29 ноября 1920 г. – в Армению, а 25 февраля 1921 г. – в Тифлис. Через несколько дней, в начале марта, меньшевистское правительство Грузии бежало за границу, и процесс установления советской власти в Закавказье был в итоге завершен.

Более противоречиво процессы национального самоопределения разворачивались на Украине и в Белоруссии. Так, 9 (22) января 1918 г. Украинской Центральной радой была провозглашена Украинская Народная Республика (УНР). Этим решением Центральная рада вступала в жесткую конкуренцию с большевистским проектом украинской национальной государственности, нашедшим отражение в резолюции Всеукраинского съезда рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, состоявшегося месяцем ранее, 11–12 декабря 1917 г. в Харькове. В этой резолюции провозглашалось, в частности, создание Украинской Советской Республики.

Ход событий Гражданской войны показал, что военно-политический потенциал, которым располагала УНР, переименованная после прихода к власти гетмана П. Скоропадского в Украинскую державу, был совершенно недостаточен для успешной борьбы с многочисленными ее противниками. Такими, в частности, как большевики, Белая армия, поляки или повстанческая армия Нестора Махно. Явный дефицит реальной власти ставил УНР в тесную зависимость от официально патронирующих ей Германии и Польши. А те, не считаясь с национальными интересами Украины, фактически принуждали УНР к политически весьма невыгодным и просто фатальным для нее решениям.

Так, по германо-украинскому соглашению начала 1918 г., все белорусское Полесье (от Гомеля до Бреста) переходило в состав УНР. Ее военно-полицейские силы должны были обеспечивать контроль за населением присоединенной территории и организацию на ней системы реквизиций продовольствия, фуража и сырья для нужд Германии и Австро-Венгрии. Другой пример. Во время польско-советской войны 1919–1920 гг. УНР выступала союзницей Польши. Следовательно, суверенной УНР как бы пришлось «забыть», что ее «союзница» до этого уничтожила провозглашенную 1 ноября 1918 г. во Львове Западноукраинскую Народную Республику. Последняя в декабре 1918 г. даже заключила договор с Украинской директорией об объединении с УНР.

По сравнению с Украиной, в Белоруссии перипетии национального самоопределения в ходе Гражданской войны были еще более сложными.

Первое отличие от Украины – изначальное отсутствие у большевистского руководства инициативного проекта белорусской национальной государственности. В своей превосходно фундированной монографии «Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии» белорусский историк И.М. Игнатенко, основываясь на широком круге источников, подверг деконструкции мифы, созданные в 1950–1960-е гг. некоторыми историками относительно того, что руководство большевистской партии проводило подготовительную работу по созданию БССР уже начиная с декабря 1917 г. Иными словами, исследованием Игнатенко доказано, что ряд белорусских историков, советских и эмигрантских (Н.В. Каменская, Г. Окулевич, И.И. Саладков, С.Р. Вихарев), пытался разыскать несуществующее: наличие у большевистского Центра в конце 1917-го – начале 1918-го гг. инициативного проекта белорусской национальной государственности [Гісторыя Беларусі, 2006. С 92–96]. Причина подобного скепсиса – нигилистические установки лидеров большевистских организаций края, которые представляли в преобладающем Западный, а также южный фланг Северного фронта действующей российской армии, относительно реальности существования белорусской нации, на чем ниже мы еще остановимся специально.

Второе отличие – тактика саботажа мероприятий по проведению санкционированного ЦК ВКП (б) и Наркомнацем РСФСР I Всебелорусского съезда, открывшегося в Минске 15 декабря 1917 г., на кото-

рый прибыло 1 872 делегата (в том числе 1 167 – с правом решающего голоса и 705 – совещательного). Совет народных комиссаров Западной области и фронта позволил себе пойти даже на серьезный политический риск неподчинения центральному большевистскому руководству. В ночь с 17 на 18 декабря 1917 г. Всебелорусский съезд был разогнан с применением вооруженной силы.

В основе третьего отличия Белоруссии от Украины лежит более чем существенная разница в отношении германского правительства к Украине с одной стороны, и к Белоруссии – с другой. Независимость первой оно признало и спонсировало, тогда как вторую расценивало, исключив из нее при этом Виленщину и семь южных уездов Гродненской, Минской и Могилевской губерний – Брестский, Кобринский, Пружанский, Пинский, Мозырский, Речицкий и Гомельский – как составную часть России.

Весь январь в Брест-Литовске продолжались безуспешные переговоры о мире между Советской Россией и государствами Четверного союза, начавшиеся еще 9 декабря 1917 г. Прибывших 15 февраля в Брест на конференцию белорусских национальных деятелей С. Рак-Михайловского, И. Середу и А. Цвикевича устроители конференции встретили весьма холодно и согласились допустить их на нее лишь с правом совещательного голоса в составе украинской делегации.

Самые катастрофические последствия имело то, что 18 февраля 1918 г. австро-германские войска, в соответствии с подготовленным их командованием планом под кодовым названием «фауст-шлаг» («удар кулаком»), развернули общее наступление по всему фронту [Смолянинов, 2014. С. 465]. Не встречая сколько-нибудь серьезного сопротивления, они в течение нескольких недель заняли без малого всю территорию Белоруссии. Полностью неоккупированными остались в итоге всего-навсего шесть белорусских уездов Витебской и Могилевской губерний [Буховец, 2015. С. 129–130]!

Получив информацию о приближении германских войск, большевистские руководители вместе с верными ему военными подразделениями поторопились покинуть Минск. Образовавшийся «вакуум власти» решили использовать лидеры белорусского национального движения.

21 февраля, т.е. в день вступления немецких войск в Минск, исполком совета Всебелорусского съезда обратился к белорусскому

народу с 1-й Уставной грамотой. В ней исполком объявил себя властью в Белоруссии. Как отметил известный белорусский историк И.М. Игнатенко, этим актом исполком рассчитывал, во-первых, обрести поддержку народных масс [Гісторыя Беларусі, 2006. С. 96]. Ведь, как показали прошедшие двумя месяцами ранее выборы в Учредительное собрание, отсутствие таковой поддержки было настоящей «ахиллесовой пятой» белорусского национального движения. В самом деле, в Западно-фронтном избирательном округе белорусские активисты получили лишь 0,6 % голосов проголосовавших, а в гражданских белорусских округах (Минско-Виленском, Витебском и Могилевском) – всего-навсего 0,25 %. Во-вторых, по мнению Игнатенко, у руководителей исполкома была надежда, «что германскому командованию *придется согласиться* с фактом создания белорусского национального правительства (выделено нами. – О. Б.)» [Гісторыя Беларусі, 2006. С. 96–97].

Однако когда 24 февраля делегация Народного секретариата посетила германского военного коменданта Минска и заверила его в лояльности белорусского правительства к германским властям, комендант вместо выражения благодарности приказал выдворить Народный секретариат из занимаемого им помещения. Затем по распоряжению коменданта со зданий были сброшены белорусские флаги, произведена конфискация собственности Народного секретариата и введен запрет членам правительства покидать город.

Правда, чуть позднее германская военная администрация разрешила-таки секретариату легальную деятельность в пределах Минской губернии, преимущественно по вопросам местной администрации, народного образования и издательского дела. Однако эти небольшие уступки со стороны немцев никак не повлияли на главное: как заявил представитель оккупационных властей, германское правительство не может признать Народный секретариат «в качестве правительства Белоруссии» [Гісторыя Беларусі, 2006. С. 97].

В этих условиях исполком Совета съезда и Белорусская рада в Вильно сумели урегулировать взаимные претензии и выработали совместное заявление, в котором призвали создать Белорусскую Народную Республику (БНР). О создании таковой было возвещено во 2-й Уставной грамоте, изданной в Минске 9 марта. В ее преамбуле было провозглашено, что «после трех с половиной веков неволи снова

на весь свет говорит белорусский народ о том, что он живет и будет жить» [Турук, 1994. С. 112–113]. В тот же день был принят Статут рады БНР как временного (вплоть до созыва Учредительного сейма) органа законодательной власти БНР. В составе рады БНР исключительно доминировали представители Минска, они составляли 77,5 % от ее состава – 55 из 71 члена [Гісторыя Беларусі, 2006. С. 97]. Через две с небольшим недели после принятия 2-й Уставной грамоты Рада БНР в ночь с 24 на 25 марта приняла 3-ю Уставную грамоту. Главным ее положением, выделенным самими ее составителями жирным шрифтом, было то, что «с этого времени *Белорусская Народная Республика объявляется независимым и свободным государством*» [Турук, 1994. С. 116–117].

Имела ли Рада БНР достаточные *легитимные* полномочия для издания этой Уставной грамоты, предусматривавшей столь кардинальные изменения в государственно-правовом статусе Белоруссии? Наш ответ – безусловно, нет. Как уже отмечалось в белорусской историографии, совет 1-го Всебелорусского съезда оказался не в состоянии подготовить созыв Белорусского Учредительного собрания, а затем провести 2-й Всебелорусский съезд, которые должны будут определить государственный строй в Беларуси и объявить о создании белорусского государства [Усебеларускі зезд 1917 года: сведчанне сучасніка, 1993. № 4. С. 60; Турук, 1994. С. 111]. В связи с этим через несколько дней избранный Всебелорусским съездом совет принял решение о самороспуске, передав свои функции созданному *им самим* рабочему органу, получившему название «Исполнительный комитет совета съезда» [Гісторыя Беларусі, 2006. С. 98].

В тот же день, 9 марта, указанный Исполком сам себя переименовал в Раду БНР, которая присвоила себе, на период до созыва Учредительного сейма, функции законодательной власти [Турук, 1994. С. 112]. Следовательно, как констатирует белорусский историк И.М. Игнатенко, «вопросы о государственном строе Белоруссии решала *никем не избранная рада БНР*» (выделено мною. – О. Б.).

Но как это ни поразительно, лидеры Рады БНР утверждали нечто совершенно противоположное. В частности, в телеграмме от 25 апреля германскому кайзеру Вильгельму II читаем: «Рада БНР как *избранная представительница белорусского народа* обращается к Вашему величеству (выделено мною. – О. Б.)» [Гісторыя Беларусі, 2006. С. 98].

И еще одна существенная деталь, характеризующая «каучуковую», так сказать, этику отправителей резонансной телеграммы германскому кайзеру. Выразив ему слова «глубокой благодарности за освобождение Белоруссии германскими войсками от тяжелого чужого гнета», Рада БНР просила защитить Белоруссию в ее стремлении к государственной независимости и неделимости ее территории в союзе с Германской империей [Гісторыя Беларусі, 2006. С. 99].

От имени Рады указанную телеграмму подписали И. Серета как ее председатель и еще пять ее членов. Весьма важное в этой связи пояснение: в ходе голосования по вопросу посылки этой телеграммы Вильгельму II «за» проголосовали только 35 членов Рады, т.е. *менее половины от общего ее состава* [Гісторыя Беларусі, 2006. С. 100]. Из чего вытекает, что лица, подписавшие телеграмму, просто *не имели полномочий* на подписание данного текста *от имени всего состава Рады!*

Более того, общественность Беларуси была поражена, когда, благодаря утечке информации в прессу, стало известно, что, фигурально выражаясь, «телеграферы» попытались скрыть факт посылки в Берлин этого обращения к кайзеру, просто присвоив ему гриф «секретно». В результате разразился грандиозный политический скандал, который спровоцировал раскол в белорусском национальном движении. Его итогом и стал распад главной партии самого этого движения – Белорусской социалистической громады.

Описанные нами перипетии, связанные со злосчастной телеграммой руководителей БНР германскому императору, не могут, на наш взгляд, не ставить под сомнение подход ряда белорусистов, относящихся в той или иной степени лояльно к позиции БНР в этом вопросе. В частности, белорусский и польский историки О. Латышонок и Е. Миронович трактуют телеграмму 25 апреля как «*отчаянную попытку построения собственной государственности...*, продиктованную надеждой найти поддержку в этом деле со стороны Германии (выделено мною. – О. Б.)» [Латышонок и др., 2010. С. 150].

Очевидным проявлением разницы в отношении германского правительства к Белоруссии и Украине был и сам немецкий оккупационный режим на их территориях. Германия и объявившая войну Советской России украинская Центральная рада договорились даже о том, что Украина «*позволяет*» германо-австрийским войскам оккупировать

свою территорию (равно как и южную часть Белоруссии). Отсюда и сравнительно более для Украины мягкий, так сказать, мимикрирующий оккупационный режим. В Белоруссии же, включая и аннексированную УНР южную ее часть, он, напротив, был самым жестоким на всей оккупированной немцами территории России [Буховец, 2015. № 3. С. 129–132; Буховец, 2016. С. 97–99; Смольянинов, 2018. С. 471, 473–477, 490–491; Международный круглый стол, 2014. № 2 (40). С. 8–89].

Как уже отмечалось выше, провозглашенную 25 марта 1918 г. Белорусскую Народную Республику (БНР) германское правительство не признало, а попытку начать формирование ее государственных институтов оккупационные германские власти однозначно и твердо пресекали. Эта политика оставалась неизменной и в последующие годы. Красноречивое свидетельство тому – опубликованные недавно белорусским историком Д.А. Мигуном документы. В частности, в 1922 г. МИД Германии предписал прекратить выдачу представителям БНР дипломатических и загранпаспортов «на том основании, что белорусского государства, как и белорусского языка, не существует» [Мигун, 2013. С. 92].

Вступив в Первую мировую войну в силу своих обязательств перед союзниками, Россия в гораздо меньшей степени, чем ее главные противники и союзники, была к этой войне готова [Россия в годы Первой мировой войны, 2014. С. 85–94]. По этой причине она и стала пресловутым «слабым звеном» (по ленинской терминологии) в цепи воюющих стран.

Устаревшая система госуправления, неготовность армейской и транспортной инфраструктуры к тотальной войне, поражения на фронте и огромные военные потери, расстройство финансовой системы и кризис продовольственного снабжения – все это в совокупности и обеспечило поразительно легкую победу антимонархической Февральской революции 1917 г. Социально-политическая энтропия в стране в послефевральский период стимулировала процесс деградации российской армии. Победа же Октябрьской революции перевела процесс этой деградации уже в фазу полного разложения армии.

Это позволило германским войскам практически беспрепятственно занять в феврале-марте 1918 г. огромную территорию северо-запада, запада и юго-запада бывшей империи, намного превышающую

площадь самой Германии. В контексте продолжавшейся мировой войны эта германская оккупация, во-первых, кардинально изменила собственно геополитический баланс сил в Восточной Европе. Во-вторых, оккупация повлекла за собой *интериоризацию* в тогдашнем российском пространстве германского фактора, который накануне и даже в начале Первой мировой войны выступал ведь еще как *сугубо внешний*.

В условиях же этнокультурной пестроты захваченных российских регионов оккупация их немцами имела далеко идущие исторические последствия. Прежде всего, она самым существенным образом повлияла на *сам набор* общественно-политических сил, боровшихся за реализацию представляемых ими путей развития России в целом и отдельных ее регионов. А в результате – и на *ранжирование вероятностей* осуществления тех или иных альтернатив в государственно-политическом их «обустройстве».

Одной из главных стратегических целей Германии в войне с Россией было создание в итоге этой войны на оккупированной российской территории своего рода буферной зоны между двумя странами. Составить ее, согласно германским планам, должны были новые национальные государства. Спонсировать же их создание и надлежало немецким оккупационным властям.

В реализацию изложенной в сентябре 1915 г. германским канцлером Бетман-Гольвегом «правительственной программы» по отношению к захваченным территориям командующий Восточным фронтом фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, в частности, издал в декабре 1915 г. директивы, а в январе 1916 г. в дополнение к ним и инструкции, которыми запрещалось на занятых немцами землях преподавание на русском языке и вводилось *обязательное* обучение в начальных школах на *родных* языках [Шыбека, 2003. С. 171; Сташкевич, 1985. С. 42]. Но, во-первых, только *на основе латинского алфавита*. А, во-вторых, *обязательным* становилось также изучение немецкого языка [Шыбека, 2003. С. 171].

Германское руководство намеревалось в первую очередь предоставить независимость Польше, Литве и Украине. Однако в действительности германские планы создания буферной зоны простирались и на куда более отдаленные от собственно русско-германского фронта территории. Это наглядно продемонстрировал немецкий ультиматум

советскому правительству от 21 февраля 1918 г. Содержащиеся в нем условия, на которых Германия была согласна заключить сепаратный мир, предусматривали удовлетворение консолидированных требований всех стран-участниц Четверного союза. Согласно им, кроме уже оккупированных к тому времени российских территорий, советское правительство обязывалось также вывести войска с Украины, а затем заключить с Центральной радой и сепаратный мир. Российским войскам, наряду с этим, предписывалось также покинуть территорию Финляндии и Прибалтику. В дополнение ко всему, России по этому ультиматуму надлежало еще и передать под управление Турции контролируемые подразделениями российской армии территории Ардагана, Карса и Батума [Россия в годы Первой мировой войны, 2014. С. 948–949].

Фактор войны и иностранной оккупации национальным движениям в бывшей Российской империи удалось использовать по максимуму. На весьма протяженной полосе российской территории, от Заполярья до Закавказья, площадь которой составляла ни много ни мало до 1,8 млн квадратных километров, в течение 1918 г. были провозглашены 10 новых государств. И нельзя не отметить, что, невзирая на последующие жестокие потрясения, буквально все они продолжают существовать и в современном мире.

Но это лишь в *историческом итоге*: ведь после 1918 г. на долю всех их, *без исключения*, в разное время выпали самые драматические испытания, обернувшиеся катастрофическими последствиями. В самом деле, суверенитет Армянской, Азербайджанской и Грузинской республик продержался только 2–2,5 года – вплоть до окончания Гражданской войны. Суверенитет УНР/Украинской державы вообще был достаточно условным. Белорусской Народной Республике приступить к реальному государственному строительству просто-напросто не позволили ни немцы, ни поляки, ни большевики.

Польша же, Литва, Латвия и Эстония, в отличие от всех вышеперечисленных новых государств, сумели в ходе Гражданской войны и иностранной интервенции в России сохранить провозглашенный ими суверенитет и поддерживать затем его в течение последующих 20 лет, вплоть до конца 1930-х гг. Более того, за этот период в них были созданы реально функционирующие государства. Одно из них – Речь Посполитая – сумело даже в ходе польско-советской войны 1919–

1920 г. нанести Советской России чувствительное военное поражение. Результатом чего стало включение в состав Польши, по условиям Рижского мирного договора 1921 г., без малого половины белорусских и четверти украинских земель.

Заключение. Однако «карты истории» выпали именно так, что, наряду с потерявшими независимость в 1920–1921 гг. Азербайджаном, Арменией и Грузией, по состоянию на 1940 г. уже 9 из 10 тех новых государств, которые были провозглашены в 1917–1918 гг., утратили независимость и были инкорпорированы в состав СССР и нацистской Германии. Государственный суверенитет сумела сохранить одна лишь Финляндия, не позволившая Советскому Союзу одержать над собой победу в ходе кровопролитной «Зимней войны» 1939–1940 гг. Но в итоге и она, превратившись в сателлита гитлеровской Германии, перестала быть в собственном смысле слова *независимым* государством.

Корневые причины произошедшей в ту пору, скажем так, *геополитической унификации* следует, на наш взгляд, усматривать прежде всего в характерном для тогдашней Центральной и Восточной Европы в 1930-е гг. геополитическом «параллелограмме сил».

Другая значимая причина – усиление к концу тех же 1930-х гг. того «поля притяжения», которое сумел-таки создать в сопредельных странах советский социально-экономический эксперимент.

Литература

Буховец О.Г. Первая мировая: уроки войны в видении белорусских историков // *Современная Европа*. 2015. № 3 (63). С. 122–133.

Буховец О.Г. Первая мировая война и крестьяноведение (пример Беларуси) // *Русское крестьянство и Первая мировая война: сб. науч. ст. / под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина*. М.: Изд-во Ипполитова, 2016. 810 с.

Гісторыя Беларусі: у 6 т. Мінск: Экаперспектыва, 2006. Т. 5. Беларусь у 1917–1945 г.г. / рэдкал. М. Касцюк (гал. рэдактар) і інш. 615 с.

Латышонак А., Мірановіч Я. Гісторыя Беларусі з сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст. Вільня: Інстытут беларурусістыкі, Беларускае гістарычнае таварыства, 2010.

Международный круглый стол: Русское крестьянство и Первая мировая война // *Новый исторический вестник*. 2014. № 2 (40). С. 8–89.

Мигун Д.А. Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 – июнь 1941 гг.). Минск: РИВШ, 2013. 108 с.

Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 982 с.

Смольянинов М.М. Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Минск: Беларуская навука, 2014. 490 с.

Смольянинов М.М. Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. 2-е изд., доп. Минск: Беларуская навука, 2018. 490 с.

Сташкевич Н.С. Революция 1917 года и два пути национально-государственного строительства в Белоруссии // Россия в XX веке. Реформы и революции: в 2 т. М.: Наука, 2007. Т. 1. 657 с.

Турук Ф. Белорусское движение: очерк истории национального и революционного движения белоруссов. Минск: Картографічная ф-ка Белгеодезії, 1994.

Усебеларускі зезд 1917 года: сведчанне сучасніка // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 4.

Шыбека З. Нарыс гісторыі Беларусі (1795–2002). Мінск: Энцыклапедыкс, 2003.

К.А. Конев

Иностранные интервенты как «значимый Другой» для участников Гражданской войны в России

К.А. Konev

Foreign Interventionists as a “Significant Other” for the Participants of the Civil War in Russia

Аннотация. В статье представлены результаты анализа образов стран-участниц вооруженной интервенции в Россию в годы Гражданской войны, формировавшихся в контексте пропагандистской деятельности большевиков и антибольшевистского движения на востоке страны. Выявляется связь данных образов с ключевыми идеологемами в содержании политических нарративов, которые транслировались участниками Гражданской войны с помощью периодической печати и наглядной агитации. Рассмотрение динамики трансформации образа интервентов в периодической печати периода Гражданской войны позволяет не только проследить событийную историю военно-политического противостояния «белых» и «красных», но и смену идентификационных моделей участников этого противостояния. Особое внимание в работе уделено анализу использования образов стран Антанты и США большевиками и их противниками в рамках попыток самоидентификации и консолидации сторонников.

Ключевые слова: Гражданская война в России, образ, «значимый Другой», Антанта, США, большевики, антибольшевистские правительства.

Масштаб и сложность Гражданской войны, охватившей территорию бывшей Российской империи, обусловлены целым комплексом причин. Конфликт, который вслед за некоторыми зарубежными авторами [Smele, 2015] может быть рассмотрен как серия гражданских войн, являлся во многом частью и следствием глобальных событий. Появление очагов Гражданской войны, ход и интенсивность боевых действий во многом зависели от вмешательства внешних сил – участников Великой войны – стран Антанты и Центральных держав. Вмешательство это проявлялось в различных сферах – военно-политической, экономической, культурной, пропагандистской.

В Сибири и на Дальнем Востоке иностранная интервенция сыграла важную роль в эскалации конфликта. Сменявшие друг друга на территории востока страны антибольшевистские режимы, претендовавшие на всероссийский статус, активно стремились добиться признания странами Антанты и США и получить от них материальную помощь. Для большевиков поддержка контрреволюционных правительств союзными державами и присутствие иностранных войск на востоке России становились дополнительной серьезной проблемой на пути к реализации задач по удержанию власти и переустройству страны.

Образы стран-участниц интервенции, формировавшиеся в ходе осмысления взаимодействия с ними, становились важным фактором, влиявшим на самоидентификацию и содержание пропагандистской риторики участников Гражданской войны. Проблема исследования, таким образом, связана с выявлением особенностей влияния образа интервентов как «значимого Другого» на процессы конструирования идеологии, мировоззрения и идентичности, как большевиков и их союзников, так и их многочисленных и неоднородных по составу противников. Рассматриваемые образы конструировались и транслировались с помощью тогдашних средств агитации и осведомления, использовавшихся противоборствующими сторонами. Следовательно, решение обозначенной проблемы возможно за счет реконструкции данных образов в ходе анализа соответствующих источников – периодической печати, пропагандистских изданий, плакатов и листовок. Данная статья основана на выводах и заключениях ряда предыдущих работ автора, посвященных данной проблематике, и подводит итоги исследования, завершено в середине 2022 г. в рамках реализации проекта РНФ № 20-78-00094 «Иностранные интервенты как “значимый Другой” в политических нарративах участников Гражданской войны на востоке России (1918–1920 гг.)».

Используемый в работе термин «значимый Другой» (англ. *significant other*), введенный американским психиатром Г.С. Салливаном, обозначает «личность, оказывающую влияние на других людей, что выражается в качественном изменении их смысловых образований и поведенческой активности» [Психология общения, 2015. С. 102]. В рамках исследования термин используется применительно к образу представителей Великобритании, Франции, Японии и США, влияв-

шему на формирование идеологем, использовавшихся участниками Гражданской войны.

Образы стран Антанты и США, формировавшиеся в России в период Первой мировой войны, революции 1917 г. и Гражданской войны, неоднократно становились предметом изучения отечественных исследователей. Проблеме взаимовосприятия русских и иностранцев посвящен целый ряд сборников, подготовленных Центром по изучению отечественной культуры на базе ИРИ РАН [Издания междисциплинарного научного семинара]. Образы отдельных стран и обобщенные представления о странах Запада как о союзниках или врагах рассматривались в работах А.В. Голубева [Голубев, Неужин, 2016; Голубев, 2018], О.С. Поршневой [Голубев, Поршнева, 2011; Поршнева, 2014], Е.С. Сенявской [Сенявская, 2006]. Интерес для анализа образов стран Запада представляют и новые исследования, посвященные их внешней политике и взаимоотношениям с Россией в первой четверти XX в. Так, следует отметить работы А.В. Шмелева [Шмелев, 2017], Е.Ю. Сергеева [Сергеев, 2019], С.В. Листикова [Листиков, 2020], А.Ю. Павлова, И.Э. Магадеева, А.В. Бодрова, Е.П. Феськовой [Павлов и др., 2021]. На сибирском материале реконструкцию и рассмотрение образов зарубежных союзников антибольшевистского движения осуществляли М.М. Стельмак [Стельмак, 2016] и автор данного исследования.

Конструирование образов стран-участниц интервенции в Россию «красными» и «белыми» предполагало встраивание их в определенные картины мира и нарративы, адресованные сторонникам и населению и в некоторых случаях противникам. В рамках данных нарративов большевики и их противники осуществляли самопрезентацию и актуализировали важные для себя ценности и идеологемы, которые испытывали воздействие образов внешнего мира и его представителей и в свою очередь влияли на них. Анализ текстовых и визуальных источников позволил выделить основные модели презентации стран Антанты и США и их представителей в России участниками Гражданской войны – большевиками и их противниками.

Образ союзника/помощника. Идеи К. Маркса, осмысленные и дополненные лидерами большевистской партии, определяли оптику, с помощью которой происходил анализ международной обстановки, формулировали цели внешней политики и предлагали методы ее осуществления. Иностранные государства в силу этого могли рассмат-

риваться двояко – и как потенциальные противники, и как возможный источник позитивных изменений для Советской России. В качестве врагов в большевистской пропаганде представляли зарубежные «империалисты». В данном случае речь шла о западных политиках, буржуазии и военном командовании. Вместе с тем потенциальным союзником российских революционеров изображался иностранный рабочий класс и беднейшие слои населения. Речь могла идти о пролетариате Центральных держав и рабочих стран Антанты, США и стран Востока. Позитивный образ зарубежных союзников формировался в контексте освещения текущих политических и военных событий в Европе и Азии, анализа прошлого и прогнозирования. Рабочий класс воюющих держав представлялся в роли братьев и союзников, активные действия которых позволили бы по-настоящему закончить мировую войну и приблизить крах «империализма». Русская революция при этом позиционировалась как начало этого процесса – сигнал для иностранцев, которые должны были обеспечить победу социализма в развитых государствах.

Это делало пропаганду большевиков достаточно гибкой, нацеливая ее не только на внутреннюю, но и на внешнюю аудиторию. Адресованный населению позитивный образ зарубежного пролетариата, боровшегося с произволом и угнетением, позволял подчеркивать значимость ведущейся борьбы и вселять в сторонников уверенность в скорой победе. Логика классового подхода позволяла при необходимости рассматривать войска интервентов в России как «обманутых», «одурманенных» «капиталистами» потенциальных товарищей, которые в перспективе могли превратиться из орудия уничтожения Советской России в ее настоящих союзников и борцов с капиталистами. Кроме того, образ «обманутых» иностранных рабочих в шинелях позволял рельефнее обозначить и образ настоящего противника – капиталистов и генералов, заинтересованных, как указывали большевики, в ведении войн и аннексий.

Разнородные в политическом отношении противники большевиков воспринимали взаимоотношения со странами Антанты и США через призму своих партийных программ. Также на рецепцию и репрезентацию союзных держав влияли различия в понимании целей и задач России в мировой войне, степень информированности и собственно действия и заявления самих иностранцев. В то время как кадеты и

правые элементы оценивали события на международной политической арене исходя из национальных интересов стран, а войну воспринимали как столкновение культур, политических и правовых систем, «революционная демократия» заостряла внимание на классовых интересах зарубежных элит. Но и те и другие одинаково негативно относились к политике большевиков и факту заключения Брестского мира, расцененного как «предательство» национальных интересов России и союзников по антигерманской коалиции. Антибольшевистская позиция сибирской контрреволюции, заинтересованной в поддержке извне и признании, предопределяла репрезентацию стран Антанты как возможных помощников в деле борьбы с советским правительством. Поскольку война с большевиками, обвиненными в пособничестве немцам, трактовалась как борьба за независимость и возрождение единства страны, союзная интервенция представлялась в пропаганде антибольшевистского движения как союзническая помощь, операция по восстановлению восточного фронта и «благодарность» за усилия России в начале мировой войны.

После окончания мировой войны обоснование интервенции и конструирование позитивного образа Антанты и США были связаны и с эволюцией образа врага в лице большевиков. Из орудия германской агрессии они превращались в «пугачевщину XX века», угрозу цивилизации, русская революция и Гражданская война трактовались как очаг нестабильности, грозивший новому миропорядку, следовательно, интервенция становилась теперь борьбой за окончательное установление мира, спасение Европы от революционной анархии. Продолжала актуализироваться и тема вклада России в общее дело победы. В данном случае жертвы, понесенные на начальном этапе – в 1914–1915 гг., становились символом, который антибольшевистские силы использовали для убеждения общественности и самих союзников в необходимости оказания масштабной помощи.

Образ врага. Деление политических акторов на «своих» и «чужих» исходя из классового принципа позволяло большевикам формировать образы врагов и союзников, ломая привычные шаблоны восприятия Другого как представителя другой национальности или религии. При этом не делалось различий между представителями двух участвовавших в мировой войне блоков – Антанты и Центральных держав. Вместе с тем российская «контрреволюция», к которой были отнесены

все противники советского правительства, рассматривалась как союзница иностранных «империалистов». Конструируя единый образ классового врага, большевики указывали на необходимость изменения вектора и цели борьбы – мировую войну двух империалистических блоков должна была сменить борьба «угнетенных» трудящихся с «угнетателями» – капиталистами и их многочисленными «прислужниками». Все это позволяло большевикам актуализировать мобилизационные лозунги и дискредитировать своих противников внутри России. Рассуждения на страницах большевистских газет о единстве классовых интересов иностранной и русской буржуазии позволяли обвинять последнюю в предательстве и стремлении вернуть старорежимные порядки, опираясь на иностранные штыки. Образ «хищников» и «акул империализма» во главе с одиозными фигурами Ллойд-Джорджа, Вильсона и других политиков Запада, воплощенный как в текстах, так и в визуальных образах, призван был спланировать и мотивировать массы на оборону «социалистического отечества» и «завоеваний революции».

Создаваемый образ врага в то же время не был монолитен, опять же в силу классового подхода большевиков. Кроме того, определение типов противников по социальному признаку могло сочетаться и с применением привычных национальных стереотипов, дополнявших созданный образ и делавших его узнаваемым. Указывая на существование противоречий между союзниками – европейскими державами, США и Японией, большевики отмечали, что отсутствие единства среди внешних противников усиливало шансы трудящихся в борьбе за свои интересы. Сведения о разладе среди союзных держав могли быть использованы для подкрепления тезиса о слабости внутренней контрреволюции, зависящей от них, в том числе и правительств на востоке России. С другой стороны, постоянное акцентирование внимания на конкуренции между «империалистами», например японо-американском соперничестве на Тихом океане, позволяло большевикам продвигать идею о необходимости ликвидации текущего экономического и политического устройства, грозящего народам новыми мировыми войнами.

Следует отметить, что классовый подход при анализе действий союзников России по Первой мировой войне был присущ и противникам большевиков – в частности, представителям социалистических

партий. Еще до начала широкомасштабных боевых действий на востоке России – весной 1918 г. – социалистическая печать выражала опасения насчет возможного вмешательства Антанты во внутрirosсийские события. При этом рассуждения о необходимости предотвращения возможной «империалистической агрессии» нужны были революционной демократии для продвижения идеи защиты Учредительного собрания, а также формирования негативного образа большевиков, заключивших, по мнению революционной демократии, «позорный» и «предательский» Брестский мир, открывавший дорогу для агрессии немцев и уже «бывших союзников». В дальнейшем социалисты наряду с более правыми политическими силами на востоке страны приветствовали интервенцию, хотя и выражали опасения относительно ее цены и последствий, продолжая указывать на наличие у руководства союзных держав империалистических устремлений. Особенно ярко это стало проявляться на фоне роста разочарования в союзниках во второй половине 1919 г. В этот период в связи с военными поражениями и неудачами правительства А.В. Колчака во внутренней политике даже кадетская и другая несоциалистическая печать стала выражать сомнения в дружественности Антанты и США. В результате чего образ интервентов как помощников антибольшевистского движения стал превращаться в образ противников «возрождения России», в связи с чем в несоциалистической печати распространялась идея прагматизма во внешней политике и опоры на «свои силы».

Образец и пример. Противоборствующие стороны – и «белые», и «красные» – неоднократно воспроизводили образ стран-участниц интервенции в ходе их сопоставления с Россией. Сравнение могло осуществляться в различных контекстах – при выстраивании аргументации и для обоснования того или иного утверждения или идеи, при критике оппонентов и дискредитации врагов, для актуализации какой-либо значимой проблемы, для формирования у аудитории необходимой автору ассоциации или параллели. Различались и тематические контексты – политика и военное дело, социальная сфера, экономика, культура и образование, технологии, право. Образ стран Запада или Японии мог возникать при обращении к самым разным, порой неожиданным темам. Ссылка на зарубежный опыт (негативный или позитивный) являлась универсальным риторическим приемом для политиков,

идеологов, журналистов и военных независимо от политической принадлежности.

Использование образа интервентов как «значимого Другого» позволяло большевикам и их противникам актуализировать ряд значимых для них идей. Хотя «империалисты» Антанты и США являлись для большевиков антагонистами, а ряд присущих этим странам экономических, политических и социальных институтов и практик считался неприемлемым в рамках социалистических преобразований, коллективный Запад в некоторой степени оставался для Советской России учителем и образцом для подражания. В первую очередь данный образ актуализировался при обращении к идеям солидарности пролетариата и мировой революции. Опыт борьбы и достижения зарубежного рабочего движения позитивно оценивались большевиками как применимые для осуществления революционных преобразований, а исторические параллели и отсылки к европейским революциям активно применялись при анализе ситуации в России.

Призывая к масштабному и интенсивному экономическому развитию страны и технологической модернизации промышленности, большевики также актуализировали образ передовых индустриальных стран Запада как образец для подражания, который следовало в будущем превзойти количественно и качественно. В то же время закладывалась основа идеи соревнования двух систем, присущая идеологии Советской России на протяжении всего периода ее существования. Цели и перспективы модернизации тех или иных сфер жизни общества ставились и описывались с опорой на зарубежные образцы. Вооружение армии, технологии в индустрии, просвещение, культура и быт – все эти сферы должны были быть преобразованы и улучшены в процессе освоения иностранного опыта и техники.

Аналогично рассуждали и противники большевиков. Актуализация образов иностранных союзников в качестве «значимого Другого» и образца отражала процесс формирования идей, способных стать основой идентичности антибольшевистского движения. Однако в силу политической неоднородности восточной контрреволюции содержательное наполнение и интерпретации идеологом, выдвигаемых различными группировками, различались. Все силы, выступившие против большевиков на страницах своих газет и в агитационных материалах, так или иначе говорили о необходимости «возрождения

государственности». Для кадетов и консерваторов, части военных и торгово-промышленников данная идея связывалась с укреплением и централизацией власти вплоть до диктатуры, сплочением нации за счет подавления классовых конфликтов и «партийности», воссозданием армии и введением законности и порядка. В то время как «революционная демократия» призывала к сохранению достижений революции и народоправства, борьбе против диктатуры. В обоих случаях страны Антанты и США выступали образцом, на который следовало равняться при решении внутренних российских проблем. Так, официальная печать Временного Всероссийского правительства и правительства А.В. Колчака, а также проправительственные либеральные издания, адресуя читателям идею единства нации, предлагали образ правильного гражданина – сознательного и законопослушного патриота, чуждого партийности и готового на самоограничение и лишения во имя сохранения и защиты государства. В качестве аргументов и примеров использовались позитивные характеристики союзных государств. Россия при этом мыслилась как часть Европы, хотя и отстающая от нее, а воображаемый идеальный образ российского гражданина – как европейца, готового учиться у представителей «просвещенного Запада». Идеализированные, сконструированные зачастую на основе обобщений, национальных и внешнеполитических стереотипов образы союзных держав применялись также для позитивной самопрезентации и дискредитации противников. Социалисты, критикуя оппонентов справа за стремление к ограничению народоправства, могли апеллировать к опыту западных демократий. Кадеты, обвиняя «революционную демократию» в утрате «национального чувства», могли приводить в пример французов или британцев, сплотившихся ради достижения победы над германцами.

Подводя итоги, следует отметить, что формирование образов стран Антанты и США участниками Гражданской войны в ходе информационной и пропагандистской деятельности происходило под влиянием ряда факторов. В первую очередь это внешняя политика самих союзных держав, а также Советского правительства и антибольшевистских правительств. Другой важный фактор – характер функционирования информационного пространства, в рамках которого происходило конструирование образов – в частности, особенности работы тогдашних средств массовой информации, а также пропагандистских струк-

тур притворствующих сторон. Наконец, восприятие и презентация интервентов зависели от содержания и взаимосвязи идеологем, использовавшихся «красными» или «белыми», а также представлений, стереотипов, образов, применявшихся журналистами, идеологами и политиками при обращении к данной теме.

Страны Антанты и США, являясь для участников Гражданской войны «значимым Другим», выполняли ряд функций. Будучи врагами, союзниками или позитивным/негативным примером, интервенты использовались для консолидации сторонников и определения границ «Мы-группы», формируемой той или иной стороной конфликта. Эти же образы применялись и для определения противников, которые соответственно находились за этими границами. Интервенты как часть внешнего мира, являясь для большевиков и их противников «чужими» или «своими», помогали рельефнее очерчивать образы своих врагов внутри России. Также с опорой на данные образы могла происходить артикуляция важных идеологем и ценностей. Идея мировой пролетарской революции не обходилась без образа ключевого противника – иностранных империалистов, о захватнических устремлениях которых не уставали напоминать большевики, а идея нации или возрождения России – без примера национального единства, каковое, по мнению сибирских кадетских журналистов, демонстрировали развитые европейские государства.

Литература

Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. / А.В. Бодров, И.Э. Магадеев, А.Ю. Павлов, Е.П. Феськова. СПб.: Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2021. Т. 1. 705 с.; Т. 2. 892 с.

Голубев А.В. «Подлинный лик заграницы»: образ внешнего мира в советской политической карикатуре, 1922–1941 гг. М.: ИРИ РАН, 2018. 282 с.

Голубев А.В., Невежин В.А. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е – первая половина 1940-х гг. М.: Институт Российской истории РАН, 2016. 238 с.

Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2011. 392 с.

Издания междисциплинарного научного семинара по истории взаимовосприятия культур «Россия и мир» [Электронный ресурс]. URL: <http://rosmir.iriran.ru/publication.php> (дата обращения: 31.05.2022).

Листиков С.В. «Недоверчивая сдержанность Вильсона»: американская дипломатия в поисках «русской политики», 1917–1919 годы // Новая и новейшая история. 2020. № 2. С. 192–203.

Поршнева О.С. Эволюция представлений о союзниках в массовом сознании революционной России 1917 // Уральский исторический вестник. 2014. № 1 (42). С. 43–52.

Психология общения: энциклопедический словарь / Российская акад. образования, Психологический ин-т; под общ. ред. А.А. Бодалева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Когито-Центр, 2015. 671, [1] с.

Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.

Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг. От интервенции к признанию. СПб.: Наука, 2019. 832 с.

Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 – декабрь 1919 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2016. 326 с.

Шмелев А.В. Внешняя политика адмирала А.В. Колчака. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. 266 с.

Smele J.D. The “Russian” Civil Wars, 1916–1926: Ten Years that Shook the World. London, 2015. 480 p.

Германский фактор в развертывании Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке: проблема переоценки

L.V. Lannik

The German Factor in the Increasing of the Civil War in Siberia and the Far East: The Problem of Reassessment

Аннотация. В отечественной историографии Гражданской войны интервенции Центральных держав традиционно уделяется значительно меньше внимания, чем действиям держав Антанты на территории бывшей Российской империи. Это оправдано в лучшем случае частично. Антанта оказалась причастна к формированию всего «кольца фронтов», однако логика и масштабы ее действий, последовательность усилий различных политических и военных группировок, считающихся проантантовскими, могут быть корректно проанализированы лишь в контексте противостояния держав Согласия и германской коалиции, в рамках своего рода периферийной стратегии. На основе почти неизвестной в отечественной традиции германской мемуаристики и публицистики межвоенного периода, а также документов германских военных и дипломатических архивов возможно переоценить масштабы и результаты усилий Германии (при содействии иных Центральных держав) по воздействию на антибольшевистские силы не только Юга и Запада, но также Севера и Востока. До сих пор действиям подданных Центральных держав в ходе кампании 1918 г. Гражданской войны за Уралом находят объяснение в рамках концепции «интернационалистов». Между тем логика поддержки военнопленными Германии и Австро-Венгрии большевиков и их союзников крайне разнообразна и не всегда укладывается в стратегии выживания. Нередко за ней стояли попытки спроецировать германскую гегемонию на все пространство бывшей Российской империи, обеспечив последовательное развитие сферы влияния на Урале, в Туркестане, Сибири и даже на Дальнем Востоке в случае патового исхода Великой войны. При последовательном изучении новых материалов возникает перспектива существенной ревизии оценок многих антибольшевистских лидеров как принципиальных сторонников «верности союзникам».

Ключевые слова: Гражданская война, Первая мировая война, военнопленные, интернационалисты, интервенция, историографический миф, Центральные державы, Брестский мир.

Одна из характерных, но не всегда должным образом отрефлекси-рованных черт отечественной историографии событий 1917–1922 гг. выражается формулировкой о «Гражданской войне и иностранной интервенции». Она оставляет место для достаточно произвольной взаимосвязи данных явлений, хотя последнее из них почти всегда рассматривается как одно из следствий первого, выступая в роли подчиненного и чуть ли не второстепенного слоя происходившего на просторах Евразии. В действительности для такого низведения иностранной интервенции в едва ли не сопутствующее основному конфликту явление оснований не более, чем для строго обратного восприятия, когда интервенция обеих сошедшихся в Великой войне коалиций задает логику и динамику противостояния в целом ряде регионов бывшей Российской империи, в то время как местные акторы выступают лишь не всегда послушными орудиями интересов великих держав. Против такого грубого искажения структуры вооруженного конфликта аргументов вполне достаточно, включая чисто количественные, т.е. состав и численность участников шедших боев, среди которых интервенты всегда оказываются в заметном меньшинстве, однако относительно слабонаселенных окраин Российской империи (Север, Дальний Восток) [см., напр.: Голдин, 2020; Иконникова, 2004], а также ее колониальных владений (Туркестан) [Котюкова, 2016], и эти доводы оказываются не всегда убедительными. Еще более осложняет расстановку сил и оценку роли прямой иностранной интервенции учет такого ресурса, как сотни тысяч военнопленных Центральных держав, отправленных именно в те регионы, откуда было особенно сложно (но все-таки возможно) совершить побег.

При согласии считать их особой стороной многослойного конфликта, выступавшей не только на стороне Антанты (как Чехословацкий корпус, а также части из итальянцев, трансильванских румын, югославян и т.д.), но и на стороне Центральных держав (т.е. сохраняя верность присяге и в плену, и в чрезвычайных революционных обстоятельствах), возникает «опаснейшая» перспектива признать, что по меньшей мере в некоторых регионах распавшейся империи базовым противостоянием являлась именно Первая мировая война, а не искусственно выделяемые из нее войны за независимость, Гражданская война в России или даже местные крестьянские восстания. Именно поэтому советская историография и во многом следующая ей пост-

советская столь последовательны в обращении к тщательно разрабатываемому силами ученых не только СССР, но и всего соцлагеря историографическому мифу об интернационалистах. Он подкреплялся старательно подобранными свидетельствами от участников былых революционных боев [см., напр.: Weltenwende, 1962; Манхарт, 1969], верификация которых, разумеется, не производилась. Масштабы явления гротескно преувеличивались (якобы до 300 тыс. интернационалистов, до 50–60–80 % всех бойцов на ряде участков фронта и т.д.), хотя это было прямым переносом пропаганды (в том числе антантовской) в советские академические исследования. Безусловная политическая ангажированность этого направления исследований видна не только из поступательного развития темы, достигшего пика к концу 1980-х гг. [см., напр.: Антал, 1986; Зеленин, 1979; Striegnitz, 1979; Интернационалисты, 1987], но и из того показательного факта, что после демонтажа Варшавского договора в странах Восточной Европы данная тема была быстро и вероятно навсегда забыта. Некоторые шансы на дальнейшее изучение дала попытка сочетать прежние наработки с бурно развивавшимся с середины 1990-х гг. исследованием военного плена Первой мировой в целом [см., напр.: Lager, 1994], однако теперь акценты расставлялись совсем иные: от политической мотивации старательно дистанцировались в пользу истории повседневности и разнообразных гуманитарных аспектов. «Интернационалисты» как концепция оказались чрезвычайно неудобны и современной европейской историографии, охотно – вслед за изданиями 1920–1930-х гг. [см., напр.: In Feindeshand, 1931] – подчеркивавшей страдания подданных Центральных держав в России (забывая о зеркальных явлениях), но избегавшей любых аспектов, превращавших военнопленных из жертв [особенно этим отличается: Wurzer, 2005] в активных участников событий, а то и в карателей, ведь это слишком уж противоречило наметившейся откровенной героизации иностранных участников Гражданской войны в России [это сказалось даже в новейших подборках документов: Чешско-Словацкий, 2018]. В научный оборот за последние 25 лет введено огромное количество новых источников, а также сотни наименований забытой почти немедленно после ее выхода публицистики и художественной литературы [насчитывают по меньшей мере сотни названий: Nachtigal, 2005]. Разумеется, общий высокий уровень исследований заставлял обращаться и к роли военно-

пленных в трансфере революции в целом, но уже без попыток записать их поголовно в «идейных трудящихся», что приводило к весьма ценным результатам [см., напр.: Leidinger, Moritz, 2003; Kriegsgefangene 2006]. К сожалению, далеко не все достижения новейшей европейской историографии по истории плена в России оказались восприняты отечественными историками, так что можно констатировать деградацию некогда развитых, пусть и политизированных направлений и подмену их едва ли менее искаженными образами явления, сыгравшего огромную роль в истории событий 1917–1922 гг. как в России, так и в ряде соседних с ней стран, особенно в Центрально-Восточной Европе.

В сформировавшемся к настоящему моменту спектре образов, сменивших некогда единое полотно об «интернационалистах», все же не хватает критически важных граней. Их отсутствие вызвано сохраняющейся резкой недооценкой роли и масштабов интервенции Центральных держав в России в 1918 г., далеко уступающей соответствующему мнению на основании более многочисленных исследований об Антанте. Этому содействует не всегда обоснованное убеждение в значительном преобладании проантантовской ориентации в Белом движении даже весной-летом 1918 г., хотя это мнение следовало бы подвергнуть ревизии [см., напр.: Ланник, Посадский, 2022]. Казалось бы, много раз описанные сюжеты координации державами Согласия действий различных антибольшевистских сил, в том числе национальных частей бывшей русской армии, продолжают привлекать внимание специалистов, в то время как относительно противодействия этому Центральных держав на периферии бывшей Российской империи до сих пор крупных исследований почти нет. Этому мешает предубеждение насчет отсутствия рычагов влияния и даже заинтересованности в Берлине, Вене и Константинополе. Данное мнение оправдано в лучшем случае частично, что позволяют понять новейшие работы, основанные на дипломатических архивах [см.: Mark, 2013], почти забытая литература авторства бежавших из плена через всю Евразию и масса пока не введенных в оборот источников, публикация которых ведется недостаточными темпами [см., напр.: Wlad, 1918; Volck, 1938; Ланник, 2021]. Имеющиеся публикации по отдельным аспектам истории Гражданской войны в Туркестане, Закавказье, на Дальнем Востоке и в ряде других регионов России позволяют уверенно констатировать

сознательное участие многих военнопленных из Центральных держав в боях на стороне большевиков и их локальных союзников, воспринимаемых отныне как специфический партнер германской коалиции в схватке с Антантой. Таким образом, некоторые «интернационалисты» оказываются идейными... монархистами, сохранившими верность присяге, а потому сознательно вступившими в бой с десантами держав Согласия и теми, кто их пригласил и поддержал.

Классическая советская и постсоветская версии истории Гражданской войны в известной степени «антантацентричны», в том числе в обличении империалистических целей интервенции и в логике ее разворачивания [см., напр.: Познанский, 1973; Светачев, 2001; Галлямова, 2019]. В обвинительном пафосе «германская угроза» и Дальнему Востоку, и Туркестану, и Северу России выставлялась чуть ли не как искусственно созданный Антантой миф, который должен был лишь прикрывать ее вторжение. Разумеется, опасения держав Согласия были использованы и для этого, однако это вовсе не означает, что они были измышлениями и пропагандистским жупелом [образец см.: Германская попытка, 1918] без реального наполнения. Общий масштаб возможностей и размаха германских усилий по противодействию державам Согласия в ряде регионов Евразии до сих пор часто недооценивается, хотя есть специальные исследования, убедительно опровергающие миф о полном провале проектов по «революционизированию» и подготовке антиколониальных движений при поддержке Центральных держав [Will, 2012]. Усилия отечественных специалистов привлечь внимание к германскому фактору развития событий на Дальнем Востоке (а тем более в Туркестане) пока остаются скорее эпизодическими [Бутенин, Бутенина, 2016] и не приводят к масштабной ревизии прежних концепций, т.е. к дифференциации любых упоминаний об «интернационалистах» и к отказу от убеждения в исключительно внутрироссийских целях интервенции Антанты на азиатских окраинах распавшейся империи. Между тем благодаря интенсивному развитию историографии по ряду направленных условия для этого вполне назрели, в том числе и на широком спектре региональных материалов [см., напр.: Подготовка и начало, 1997; Хипхенов, 2017]. Так, например, едва ли приходится – вопреки советской историографии – сомневаться в том, что деятельность британского десанта в Баку в конце июля – середине сентября 1918 г.

имела в виду не свержение власти большевиков, а напротив, союз с ними (пусть и неудавшийся) для совместного противостояния попыткам наладить поставки нефти Германии и Османской империи. Недавно опубликованный корпус документов о деятельности кайзеровской миссии в Грузии, превращавшей огромный регион в плацдарм для дальнейшей экспансии на Среднем Востоке и в Центральной Азии, также убеждает в том, что большевистский фактор (и борьба с ним) вовсе не входил в число первоочередных задач германских эмиссаров [Friedrich Kress, 2020]. Разумеется, задача по деконструкции прежних идеологизированных концепций истории интервенции оказывается значительно более сложной применительно к регионам, где проблема активности Центральных держав фактически не разработана, особенно это касается Дальнего Востока и Сибири.

В доказательство реальности опасений бывших союзников следует обратиться к позиции германских инстанций относительно перспектив, открывшихся в рамках выстраиваемой новой системы международных отношений на основе Брестского мира [Ланник, 2022]. К лету 1918 г. в германских элитах стало крепнуть убеждение, что окончить Великую войну победой, несмотря на наступления Людендорфа на Западе, не удастся. Поэтому следовало рассчитывать, даже в случае вывода из войны Франции, на затяжное противостояние с англосаксонскими талассократиями. В этой связи особое значение обрело установление контроля над, по возможности, максимумом пространств Евразии, с решением насущных сырьевых проблем, получением удобного плацдарма для проникновения в Индию [см., напр.: Viator, 1918], а также активными попытками переориентировать на выход из Антанты не только Китай, но и – на основе распределения зон влияния на российском Дальнем Востоке – Японию [данная тема по-прежнему разработана недостаточно: Japan und Mittelmächte, 1986; Вулф, 2019]. Привлекали и огромные запасы в портах (в том числе во Владивостоке [Виноградов, 2017]) вооружения и оборудования, поставленного России ее союзниками, за счет которых удалось бы не только обеспечить достаточные прогерманские силы для контроля над окраинами, но и, возможно, компенсировать дефицит по ряду позиций в самих Центральных державах. После появления нового поколения работ по истории интервенции Антанты нет сомнений, что такие потенциальные проекты германской континентальной гегемонии

сравнительно легко просчитывались британской и французской разведкой [Сергеев, 2019; Улуян, 2019; Враг, противник, союзник?.. 2021], а также тревожили эвентуальным союзом Берлин – Москва – Токио и США. Пока не введенные в научный оборот документы германского дипломатического ведомства (РА АА) показывают, сколь масштабными были планы и попытки организации сети представительств Кайзеррейха, вплоть до усилий открыть консульство в Омске. Аккумулировалась информация (даже недостоверная) о готовности различных лидеров антибольшевистских сил к взаимовыгодным контактам с Германией (Дутова, Колчака [Mark, 2012. S. 139ff.; Bothmer, 2010. S. 70–72], хивинского хана, афганского эмира, исламских активистов-джадидов и т.д.)¹. Слухи о германских планах доходили и до Чичерина в НКВД, и тревожили советского полпреда в Берлине Иоффе, уверенного в масштабных «индийских планах» Германии².

Задумывались о титанических проектах по освоению российских пространств и среде германских магнатов, быстро выходила в свет мотивирующая к наращиванию усилий в глубине континента публицистика [см., напр.: Дауа, 1918]. От надежд на поступательное развитие контактов с Белым движением и националистами в различных российских регионах в Германии не отказывались и после того, как обозначилось явное поражение Центральных держав. Расчеты на то, что проигранная война на Западе может сочетаться с по меньшей мере частичным сохранением сферы влияния на Востоке, в том числе под лозунгом общей с Антантой борьбы с большевизмом, оказались чрезвычайно устойчивы, сменившись резким отрезвлением лишь к маю 1919 г.

С учетом крайне напряженных отношений с Советской Россией и в лучшем случае настороженной позиции многих региональных акторов военные инстанции Центральных держав должны были искать скрытые каналы организации и поддержки военнопленных и интернированных, прикрываясь заботой о гуманитарной обстановке и хлопотами о скорейшей репатриации, к июню 1918 г. зачастую заведомо невозможной из-за сложившихся фронтов в схватке большевиков и их противников. Только поэтому сорвалось открытие германского кон-

¹ Данные материалы рассеяны по почти не используемым в историографии фондам: РА АА. RZ 201/10102-10105, 11072–11074, 17595–17596, 11125–11126, 21920.

² См.: Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 082. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 30; Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 987. Л. 80–89.

сульства в Омске, ведь назначенный туда (с согласия Москвы) дипломат не смог проехать через зону контроля Чехословацкого корпуса¹. Лучшим из вариантов стали миссии представителей нейтральных (но настроенных явно прогермански) держав, особенно Швеции, но также и Дании, вокруг которых существует, вернувшись из забвения после 1920–1930-х гг., целая литература об «ангеле Сибири» [Olsson, 2021]. Однако тесные контакты организаторов этих миссий с германскими инстанциями (особенно со специальным эмиссаром в Москве кайзеровской Ставки по репатриации майором Генштаба К. фон Ботмером) и собираемые крайне разнообразные сведения об обстановке² убеждают [значительная их часть так и не была опубликована в базирующемся на этом массиве сборнике: Lager, 1994], что истинный набор целей этих поездок вовсе не исчерпывался заботой о военнослужащих германской, австро-венгерской и османской армий, оказавшихся в действительно крайне тяжелом положении, особенно в полосе действий Чехословацкого корпуса.

Мотивация вступления подданных Центральных держав в большевистские отряды была, разумеется, в основном прагматической. Сравнительно легко соглашались измученные голодом, желавшие свести счеты с требовавшим и в лагере прежних форм обхождения командованием, да и просто амбициозные искатели приключений, которым было нечего терять на родине, где, скорее всего, быстро отправят опять на передовую, в том числе на смертоносный Западный фронт. Имеющаяся мемуаристика, в основном офицерского авторства, поэтому недостаточно отражает нехитрые солдатские расчеты, однако их все же удастся реконструировать на ряде примеров. Продолжительную службу в РККА дезориентированные солдаты из имперских армий считали (пусть и ошибочно) не преступлением перед присягой, а лишь способом выжить и ускорить возвращение домой [см., напр.: Köstenberger, 1925]. Еще менее колебались перед временным сотрудничеством с местными Советами интернированные, ведь им не грозил военный трибунал, а продовольствие и документы для более безопасного проезда на свой страх и риск на Запад были весьма нужны [см., напр.: Ульрих, 2021]. Этому несколько не мешало сколь угодно

¹ См. ряд документов об открытии германских дипломатических представительств с санкции НКВД: АВП РФ. Ф. 82. Оп. 1. П. 15. Д. 60.

² Масштабная коллекция документов хранится: ВА-МА. MSG 200.

принципиальное неприятие ультралевых, что доказывает пример будущего основателя Антибольшевистской лиги Э. Штадтлера [Stadtler, 1935. S. 108–111].

Иными были соображения офицерства, озабоченного не только репатриацией, но и стремлением успеть сделать карьеру после долгого и бесславного затишья. До 1918 г. единственным способом стать героем после пленения был побег, теперь открывалась возможность покарать «предателей Отечества» (например, бойцов Чехословацкого корпуса), закрепить в ходе секретных миссий влияние Германии (и/или Австро-Венгрии) на будущее в крайне перспективных для грядущей экспансии регионах [Wild, 1931], наконец, просто выместить накопившиеся эмоции, внезапно став хозяевами судеб местного населения. Количество военнопленных из Центральных держав по сравнению с европейским населением в Туркестане, ряде районов Закавказья и на Дальнем Востоке оказалось таково, что от перспектив сплоченных, дисциплинированных и получивших оружие небольших отрядов из титульных наций Четверного союза дух захватывало. При должной организации (на базе офицерских лагерей в ряде пунктов вдоль Транссибирской магистрали) и получении вооружения никакие местные власти попросту не смогли бы противопоставить немецким и венгерским отрядам более крупные силы. Достаточно доказательств тому в истории кампании 1918 г. в Забайкалье, а также в Приморье, хотя оценка численности и тем более «идейности» союзников большевиков из подданных Центральных держав является крайне сложной задачей.

Скоротечность событий, огромные расстояния при неразвитой инфраструктуре и тяжелейшей информационной недостаточности ликвидировали множество вполне вероятных вариантов развития прогерманской активности в тех регионах, где ее по-прежнему полагают едва ли не мифом, созданным Антантой. Весьма вероятно, что множество эпизодов с участием «интернационалистов», не считавших при этом необходимым отказываться от присяги монарху, пока остаются неизвестными в связи с быстрой гибелью авантюристов или последующим огульным их причислением к подвигам «борцов за международную солидарность». Очень многие детали биографии даже самых известных будущих лидеров международного коммунистического движения (например, Й. Броза Тито), офицера габсбургской армии «полутитульного» хорватского происхождения, остаются край-

не туманными [Матонин, 2012. С. 22–25]. Мемуаристы и публицисты, вспоминая о долгом пути домой из глубин России, порой не скрывали, что пережили в 1917–1919 гг. сложную эволюцию политических симпатий и планов на будущее [см., напр.: Friedl, 1919], пытаясь разобраться в том, где именно и как уместно строить новый этап биографии, ведь продолжение прошлой оказывается невозможным. Многие из них с разной степенью героизма погибли на фронтах Гражданской войны или сделали карьеру в ЧК или партийных органах, но не пережили Большой террор.

Не отрицая факта популярности (в том числе за счет масштабных усилий большевиков) ультралевых идей среди многих военнопленных, особенно (но не только) в солдатских и унтер-офицерских кругах, следует задуматься о реальной, а не демонстративной мотивации их вступления в ряды красных партизан и в части РККА в конкретной обстановке кампании 1918 г., особенно на Дальнем Востоке. Важно учитывать перспективы организованного использования военнопленных Центральными державами при взаимодействии с большевиками на упорно воссоздаваемом Антантой Восточном фронте Первой мировой войны. Прецеденты содействия бывших военнослужащих германской и австро-венгерской (а также, вероятно, османской) армий распространению сферы гегемонии Кайзеррейха и его союзников хорошо известны, особенно в Прибалтике, на Украине и в Закавказье. Постепенное обогащение источниковой базы позволяет обнаружить настойчивое стремление германских военных и дипломатических инстанций найти каналы воздействия, поддержки и организации подданных Центральными державами на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке и Туркестане вовсе не только ради репатриации (при официальных заявлениях на этот счет), а для достижения по меньшей мере оперативного, если не стратегического эффекта от их борьбы с любыми проантантовскими силами в России и сопредельных с ней странах.

Участие «интернационалистов» в Гражданской войне в России стало неотъемлемой частью советской версии ее истории. Специфика имеющихся источников заставляет усомниться в правомерности выводов существующей историографической традиции, в том числе и в самом термине «интернационалисты». Это столь уверенно выделяемое ранее явление вполне возможно рассматривать строго наоборот – как сумму национальных и противоположных им по устремлениям

наднациональных имперских движений. При рассмотрении событий 1918 г. на фронтах войны в России в рамках общего хода Великой войны участие военнопленных солдат Центральных держав получает иную трактовку, а мотивация к вступлению в РККА или в антибольшевистские армии представляется неоднозначной. С учетом огромной роли «интернационалистов» именно на первых этапах Гражданской войны более полное освещение причин их участия в различного типа конфликтах на территории бывшей Российской империи не только возможно, но и необходимо. Условием этого является отказ от недооценки влияния логики Великой войны, тем более в решающей ее кампании 1918 г., на ход Гражданской войны в России, особенно на ее периферии, и скоординированные усилия специалистов по истории целого ряда европейских стран.

Литература

Антал Й. Венгерские интернационалисты в Гражданской войне в Советской России (1918–1920): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1986.

Бутенин Н.А., Бутенина Н.Д. «Германская карта» в политической борьбе на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 – ноябрь 1918 г.) // Известия Восточного института. 2016. № 1 (29). С. 56–66.

Виноградов П.В. Владивосток в системе транспортировки военных грузов // Порох, золото и сталь. Военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны / под ред. А.Ю. Павлова. СПб.: Изд-во РХГА, 2017. С. 478–510.

Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг.: в 2 кн. / под ред. А.Ю. Павлова. Кн. 1. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. 703 с.

Вулф Д. Правящие круги Японии в поисках русской клиентуры (весна 1918 г.) // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.): сб. мат-лов междунар. науч. конф. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019. С. 356–365.

Галлямова Л.И. Российский Дальний Восток в преддверии Гражданской войны и иностранной военной интервенции (конец 1917 – сентябрь 1918 г.) // Эпоха революции и гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии. СПб.: Изд-во ЛЭТИ, 2019. С. 211–230.

Германская попытка распорядиться Россией: участие германского правительства в большевизме и развале России. Владивосток, 1918. 16 с.

Голдин В.И. Навязанная извне. Гражданская война и интервенция на Русском Севере: к диалектике процессов // Русский сборник: Исследования по истории России XXVIII. М.: Модест Колеров, 2020. Т. XXVIII. С. 285–325.

Зеленин В.В. Под красным знаменем Октября. Югославянские интернационалисты в Советской России. 1917–1921. М.: Мысль, 1979. 253 с.

Иконникова Т.Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск: Изд-во Хабаровского ГПУ, 2004. 177 с.

Интернационалисты: участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России 1917–1920 гг. М.: Наука, 1987. 450 с.

Котюкова Т.В. Краина на особом положении: Туркестан в преддверии драмы (1898–1916 гг.). М.: Научно-политическая книга, 2016. 391 с.

Ланник Л.В. Начало интервенции на Дальнем Востоке через призму интересов Центральных держав // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. № 1 (17). С. 240–261.

Ланник Л.В. Брестская система международных отношений как пространство гегемонии в Восточной Европе: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2022. 768 с.

Ланник Л.В., Посадский А.В. Внешнеполитическая ориентация русского офицерства и факторы становления и неудач Белого движения: к постановке проблемы // Новая и новейшая история. 2022. № 3. С. 5–26.

Манхарт Г. Записки интернационалиста. Благовещенск: Хабаровское кн. изд-во, 1969. 102 с.

Матонин Е.В. Иосиф Броз Тито. М.: Молодая гвардия, 2012. 462 с.

Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 – октябрь 1918 г.). Документы и материалы / под ред. Б.И. Мухачева, М.И. Светачева. Владивосток: Наука, 1997. 302 с.

Познанский В.С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск: Наука, 1973. 307 с.

Руперт Ульрих. Дневник моего интернирования в России (1914–1918 гг.) / пер. с фр. К.В. Рюшти, ред. перевода Л.В. Ланник; вступ. ст., науч. ред. Н.В. Суржикова; подг. текста и коммент. Я.А. Голубинов, К.В. Рюшти, Н.В. Суржикова. М.: РОССПЭН, 2021. 199 с.

Светачев М.И. Россия, Антанта и вопрос о воссоздании Восточного (антигерманского) фронта в Сибири в 1918 году // Вопросы истории Дальнего Востока. Вып. 3 (38). Ч. 1. Хабаровск, 2001. С. 71–76.

Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения: от интервенции к признанию, 1918–1924. СПб.: Наука, 2019. 831 с.

Улуния А.А. Туркестанский плацдарм 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М.: URSS, 2019. 690 с.

Хипхенов Г.И. Правда и «кривда» о красных отрядах. Из военно-политической истории периода «первой Советской власти» в Восточной Сибири (1917–1918 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13, № 4. С. 154–175.

Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920: в 2 т. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России 1918–1920 / сост. А.Р. Ефименко. М.: Кучково поле, 2018. 1024 с.

Bothmer K.V. Moskauer Tagebuch 1918 / hrsg. von G. Böhme, bearb. von W. Baumgart. Paderborn u.a.: Schöningh, 2010. 137 s.

Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). MSg 200.

Daya W. Der Aufmarsch im Osten. Russisch-Asien als deutsches Kriegs- und Wirtschaftsziel. München: Einhorn, 1918. 181 s.

Friedl O. Erlebnisse eines Deutschen in der Roten Armee. Leipzig: Generalsekretariat zum Studium des Bolschewismus, 1919. 24 s.

Friedrich Freiherr Kreß von Kressenstein: Bayerischer General und Orientkenner. Lebenserinnerungen, Tagebücher und Berichte 1914–1946 / hrsg. von W. Baumgart. Paderborn u.a.: Schöningh, 2020. 741 s.

In Feindeshand: 2 Bde / zsgest. und eingerichtet von H. Weiland. Wien: Bundesvereinigung der ehemaligen österreichischen Kriegsgefangenen, 1931. 478 s. + 456 s.

Japan und die Mittelmächte im Ersten Weltkrieg und in zwanziger Jahren / hrsg. von J. Kreiner. Bonn: Bouvier, 1986. 253 s.

Köstenberger R. Mit der Roten Armee durch Russisch-Zentralasien. Graz: U. Moser, 1925. 146 s.

Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs / hrsg. von J. Oltmer. Paderborn u.a.: Schöningh, 2006. 308 s.

Lager, Front oder Heimat. Deutsche Kriegsgefangene in Sowjetrußland 1917 bis 1920 / hrsg. von I. Pardon, W.W. Shurawl'jow: 2 Bde. München; New Providence; London; Paris: Saur, 1994. 792 s.

Leidinger H., Moritz V. Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2003. 754 s.

Mark R.A. Krieg an fernen Fronten. Die Deutschen in Russisch-Turkestan und am Hindukusch 1914–1924. Paderborn u.a.: Schöningh, 2013. 285 s.

Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914 bis 1918: Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld. Frankfurt/M.: Lang, 2005. 162 s.

Olsson P.A. Kriegsgefangene und ihre Engel. Schwedische Helfer im Ersten Weltkrieg / Aus dem Schw. übers. von R. Schlösser. München: Akademische Verlagsgemeinschaft München, 2021. 308 s.

Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. RZ 201/10102-10105, 11072–11074, 17595–17596, 11125–11126, 21920.

Stadtler E. Als politischer Soldat 1914–1918. Düsseldorf: Neuer Zeitverlag, 1935. 181 s.

Striegnitz S. Deutsche Internationalisten in Sowjetrußland 1917–1918. Proletarische Solidarität im Kampf um die Sowjetmacht. Berlin: Akademie-Verlag, 1979. 260 s.

Viator A.K. Deutschlands Anteil an Indiens Schicksal. Leipzig: Wigand, 1918. 94 s.

Volck H. Öl und Mohammed: “Der Offizier Hindenburgs” im Kaukasus. Breslau: Korn, 1938. 281 s.

Weltenwende – wir waren dabei. Erinnerungen deutscher Teilnehmer an der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution und an den Kämpfen gegen Interventen und Konterrevolutionäre 1917–1920. Berlin: Dietz, 1962. 242 s.

Wild M. In geheimem Auftrag an der Ostfront. Berlin: Ullstein, 1931. 365 s.

Will A. Kein Griff nach der Weltmacht. Geheime Dienste und Propaganda im deutsch-österreichisch-türkischen Bündnis. Köln: Böhlau, 2012. 339 s.

Wlad F. Meine Flucht durchs mongolische Sandmeer. Berlin; Wien: Ullstein, 1918. 246 s.

Wurzer G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im ersten Weltkrieg. Göttingen: V & R Unipress, 2005. 626 s.

УДК 9.94

doi:10.31518/978-5-98901-255-8-271-280

А.Ю. Павлов

Трудности интервенции: беспорядки во французских частях на Севере России в 1918–1919 годах

A.Yu. Pavlov

Difficulties of Intervention: Mutinies in the French Troops in the North of Russia in 1918–1919

Аннотация. Одной из главных проблем, с которой изначально пришлось столкнуться правительству Франции при организации военной интервенции в Россию, стала нехватка войск. Окончание Первой мировой войны несколько изменило ситуацию: с одной стороны, высвободились значительные силы, но с другой – поменялись и настроения личного состава. С осени 1918 г. в отправленных на Север России французских войсках регулярно начали происходить случаи неподчинения приказам командования, постепенно ставшие массовыми. В статье на основе материалов французских архивов анализируются причины и последствия разложения французских интервенционных войск.

Ключевые слова: Гражданская война в России, интервенция, французская армия.

О сложностях, которые возникали в войсках интервентов, в том числе во французских частях, упоминали практически все отечественные и зарубежные исследователи, занимавшиеся изучением истории иностранной военной интервенции в период российской Гражданской войны. В большей степени внимание обращалось на французскую интервенцию на Юге России, где размах действий французов был шире, а число задействованных войск и, соответственно, масштаб беспорядков в войсках больше. Северу России уделялось гораздо меньше внимания. Непосредственно исследованию развития и причин беспорядков во французских войсках на Севере России посвящена лишь опубликованная в 1977 г. небольшая статья французского историка П. Фасона [Façon, 1977]. Привлечение дополнительных источников позволило существенно дополнить и уточнить сделанные П. Фасоном выводы.

Несмотря на то, что французское правительство смогло отправить в 1918 г. на Север России сравнительно небольшие контингенты, они отличались разнообразием. Первым в августе 1918 г. в регионе появился 21-й колониальный пехотный маршевый батальон, имевший в своем составе около 900 солдат и офицеров. Позже к нему присоединилась 21-я группа колониальной артиллерии и некоторые другие части. К концу года французские части на Русском Севере распределялись следующим образом: в составе смешанного отряда, в который входили английские, американские, русские и французские части, действовали две пехотные и одна пулеметная роты 21-го батальона, а также батарея 75-мм и взвод 155-мм пушек. Отряд действовал в направлении на Вологду, командовал им французский подполковник Люка. Одна рота и тыловые части 21-го батальона, а также состоявшие из русских волонтеров две роты французского Иностранного легиона стояли в Архангельске. В Мурманске находилась французская тыловая база, в Кеми – одна французская артиллерийская батарея и бронепоезд, в Александровске – взвод лыжников и еще три взвода лыжников располагались на станции Лопарская¹.

Основным источником проблем для французского и союзнического командования в регионе стал 21-й колониальный пехотный батальон. Сразу необходимо отметить, что название «колониальный» не означало, что контингент батальона состоял из жителей колоний. Судя по всему, батальон изначально формировался для пополнения 21-го полка колониальной пехоты. Этот полк был сформирован в 1901 г. в Париже и относился к той части колониальных войск, которая состояла в основном из французов-добровольцев и предназначалась для службы в колониях. Колониальная служба полка ограничилась недолгим пребыванием в Марокко после установления там в 1912 г. протектората Франции. Еще до начала мировой войны он был возвращен во Францию и впоследствии участвовал в боях на Западном фронте [Livres d'or, 1920. P. 7–120].

Обычно первым случаем неповиновения приказам считается отказ 22 ноября солдат одной из рот батальона выдвигаться на фронт, причем связывается такое поведение солдат с полученными извести-

¹ Situation politique et militaire en Russie du Nord. Rapport № 2, 8 décembre 1918 // Les archives diplomatiques du Ministère des Affaires étrangères (AMAE). 117CPCOM 219. Fol. 299–302.

ями о подписании перемирия [Façon, 1977. P. 463]. Однако французский военный атташе и глава военной миссии в Архангельске подполковник Л.Ж.Ф. Доноп называл этот эпизод вторым случаем коллективного неповиновения приказу¹. Первый произошел ранее, еще до окончания мировой войны.

Французский батальон стал основой первого эшелона интервентов, высадившегося в Архангельске в августе 1918 г., и в сентябре ему пришлось принять участие в тяжелых боях во время наступления на станцию Обозерская. В этом бою подразделения батальона действовали решительно и добились успеха, однако вскоре моральное состояние солдат начало вызывать беспокойство командования. 15 октября 1-я рота отказалась выступать на позиции. Доноп вынужден был срочно вмешаться. Как оказалось, рота была отведена на отдых в Архангельск на 20 дней, но приказ английского главнокомандующего генерала Э. Айронсайда выступать снова на фронт пришел уже через шесть дней². В своем отчете Доноп возложил часть вины на английское командование, а также на офицеров роты, которые, по его мнению, позволяли себе критиковать союзников в присутствии своих подчиненных. При этом когда генерал Айронсайд предложил командиру батальона майору Алабернару, критически высказывавшемуся об английском командовании, самому принять командование союзным отрядом, тот от такой чести отказался³. В тот раз французский посол Ж. Нуланс, подполковник Доноп и командование батальона решили ограничиться сравнительно мягким наказанием виновных. Несколько унтер-офицеров были переведены в другие подразделения, нескольких капралов разжаловали в рядовые и несколько солдат провели на гауптвахте от 8 до 30 часов⁴.

В начале ноября того же года командиры союзных частей в Архангельске высказывали мнение, что ожидавшиеся в ближайшее время новости об окончании войны могут спровоцировать отказ солдат продолжать воевать. Нуланс считал эти опасения преувеличением, но все же посоветовал французскому правительству подумать о

¹ Donop à Clemenceau, 27 novembre 1918 // AMAE. 117CPCOM 219. Fol. 274–275.

² Donop à Clemenceau, 2 avril 1918 // Service historique de la défense (SHD) / Département de l'armée de terre (DAT). 7 N 817.

³ Noulens à Pichon, 25 octobre 1918 // AMAE. 117CPCOM 219. Fol. 107.

⁴ Donop à Clemenceau, 27 novembre 1918 // AMAE. 117CPCOM 219. Fol. 274–275.

формировании для участия в интервенции войск из добровольцев¹. Действительно, уже 22 ноября произошел следующий инцидент. Часть солдат расквартированной в Архангельске (на Бакарице) 3-й роты 21-го батальона отказалась выступить на фронт. Согласно рапорту срочно прибывшего в распоряжение роты командира батальона майора Алабернара, почти весь личный состав, кроме унтер-офицеров и капралов, отказался выйти на построение. Вскоре к мятежникам присоединились и некоторые солдаты тыловой службы, которым предстояло отправиться на фронт вместе с ротой. По всей видимости, выступление не было заранее спланированной акцией. Алабернар опросил унтер-офицеров и капралов роты, и те единодушно подтвердили, что ранее никаких разговоров об отказе выступить на фронт они не слышали. Когда же Алабернар лично приказал солдатам построиться для отправки, большинство повиновалось, и в тот же день рота погрузилась в поезд. Вскоре выяснилось, что в расположении роты осталось около 60 человек, но и они были отправлены на следующий день вместе с пулеметным взводом². Девять зачинщиков беспорядков были арестованы.

Ситуация не на шутку встревожила Нуланса, считавшего, что подобные явления серьезно подрывали репутацию французских войск среди союзников. Он немедленно запросил у руководства разрешение на формирование под руководством Донопа военного трибунала и предложил пригрозить смутьянам, что они будут отправлены назад во Францию в числе последних, а также наказать некоторых офицеров, «проявивших слабость и излишнюю фамильярность» по отношению к своим подчиненным³.

Казалось, принятые меры дали положительный результат. В конце февраля Алабернар докладывал Донопу: «Моральное состояние батальона остается в целом хорошим». Он не мог утверждать, что солдаты несли службу «с радостью», но полагал, что они смирились со сложившимся положением дел. Вместе с тем Алабернар в своем рапорте описал и ряд факторов, способных привести к ухудшению ситуации, о которых речь пойдет ниже⁴. Не прошло и недели, как его оптимизм рассеялся. 1 марта многие солдаты находившихся на фронте

¹ Noulens à Pichon, 6 novembre 1918 // AMAE. 117CPCOM 219. Fol. 216.

² Alabernarde à Donop. 23 novembre 1918 // AMAE. 117CPCOM 219. Fol. 276.

³ Noulens à Pichon, 25 novembre 1918 // AMAE. 117CPCOM 219. Fol. 253.

⁴ Alabernarde à Donop. 25 février 1919 // SHD/DAT. 7 N 817.

в районе станции Обозерской 2-й и 3-й рот отказались повиноваться приказам. На следующий день на позиции отказался выступить пулеметный взвод. 11 марта при отправке 1-й роты на смену 2-й на позиции отказались выступить 13 пехотинцев и 5 пулеметчиков. Подобные инциденты происходили регулярно, – как докладывал своему руководству Доноп: к этому времени в созданном им дисциплинарном взводе уже состояло 146 «мятежников», из которых около 30 солдатам грозил военный трибунал¹. В конце марта замещавший командира батальона капитан Дюпайе в своем отчете о моральном состоянии солдат сделал неутешительный вывод: ожидать чего-то от батальона более невозможно, солдаты воевать не хотят, батальон необходимо отвести с фронта². Находившийся в тот момент в госпитале Алабернар выразил свое полное согласие с таким заключением. По решению Айронсайда 1 апреля батальон был выведен с фронта и в дальнейшем использовался только для работ по укреплению подступов к Архангельску. Стоит добавить, что в конце февраля случай неповиновения приказам произошел также в находившемся в районе Мурманска французском подразделении лыжников [Ғаҗоп, 1977. Р. 464–465].

Анализ причин столь печального развития событий первыми попытались предпринять находившиеся непосредственно на месте французские офицеры – подполковник Доноп, майор Алабернар и капитан Дюпайе, составившие ряд рапортов о происшествиях. Кроме того, в апреле 1919 г. в Архангельск был направлен сотрудник административной службы военного министерства по фамилии Ансельм, которому было поручено провести проверку условий службы в 21-м батальоне на предмет их влияния на моральное состояние солдат. Отправка Ансельма стала следствием того, что вопрос о состоянии дел во французских войсках на Севере России был поднят 29 марта 1919 г. на заседании Палаты депутатов. Депутат П. Ренодель, известный социалист, выступил с резкой критикой проводимой правительством Франции в отношении России политики, в частности французской интервенции на Юге и Севере России. Он и подхвативший критику социалист А. Боррель зачитали выдержки из писем солдат 21-го батальона, в которых описывались тяжелые условия их жизни и боевой деятельности

¹ Donop à Guerre, Paris. 12 mars 1919 // SHD/DAT. 7 N 817.

² Analyse du rapport du capitaine Dupayet (28 mars 1919). 7 mai 1919 // SHD/DAT. 7 N 817.

[Journal official, 1919. P. 1620–1622]. Военное министерство вынуждено было отреагировать на демарш социалистов в Палате представителей и решило провести расследование. После возвращения из России в июне 1919 г. Ансельм представил детальный отчет, содержащий результаты проверки, причем в нем он напрямую отвечал на высказанные или зачитанные Реноделем и Боррелем претензии. Перечисленные выше материалы в совокупности позволяют выделить весь комплекс причин ухудшения морального состояния французских войск, приведшего в итоге к потере ими боеспособности. Рассмотрим эти причины в том порядке, в котором их описал в своем рапорте капитан Дюпайе.

Прежде всего все, кто пытался разобраться в ситуации, отмечали ошибки, допущенные при комплектовании батальона. Как все маршевые части, батальон формировался из солдат и офицеров разных частей. Офицеры плохо знали своих подчиненных и времени для спайки личного состава просто не было. Об этом писал Дюпайе, то же самое отмечал Доноп. Ансельм в своем отчете также уделил этой проблеме достаточно много внимания, отвечая на критические высказывания Борреля. Выступая в Палате депутатов, Боррель заявил, что среди отправленных в Россию были солдаты, перенесшие малярию, отравление газами, а также солдаты призыва 1915 г. Все эти категории, согласно распоряжениям военного министерства, не подлежали зачислению в какие-либо экспедиционные войска. Ансельм выяснил, что поначалу батальон готовили к отправке во французскую Восточную армию на Салоникский фронт, а потому в него не зачислялись солдаты, относившиеся к вышеперечисленным категориям, а также недавно прибывшие из Восточной армии или из колоний. Все зачисленные в батальон прошли необходимое медицинское освидетельствование. Более того, солдаты батальона добровольно согласились отправиться в Россию, хотя Ансельм признавал, что многие не имели возможности понять до конца, на что именно они соглашаются. Тот факт, что солдаты батальона добровольно соглашались на отправку в Россию, подтверждал служивший во французском посольстве в Архангельске Л. де Робьен, общавшийся с ними в сентябре 1918 г. вскоре после боя у Обозерской [Robien, 2017. P. 334].

Хуже дело обстояло с контингентом примерно в 400 человек, отправленным в сентябре 1918 г. на усиление батальона: в его составе действительно оказалось много солдат, недавно прибывших из

Восточной армии и из колоний. Именно среди них впоследствии оказалось больше всего солдат, не способных нести службу из-за болезней и переутомления. Не слишком благополучно дела обстояли в артиллерийском отряде – по признанию его командира, провести должный отбор при формировании части возможности просто не было¹. К тому же в этих двух группах было менее всего добровольцев. В России исправить ситуацию не получилось. Английское командование, руководившее союзными силами, поначалу предпочитало использовать французов, распределяя небольшие отряды по разным частям фронта. Только после событий 15 октября 1918 г. Доноп убедил англичан сконцентрировать французские роты на одном участке фронта, командование над которым принял французский подполковник Люка.

Как уже говорилось, наиболее серьезные проблемы во французских войсках возникли после получения новостей об окончании войны. Узнав о подписании перемирия, солдаты начали оправдывать отказ идти на фронт тем, что их товарищи во Франции уже не участвуют в боях². После ноябрьского инцидента крайне озабоченный падением боевого духа в рядах французского батальона Нуланс направил Донопу длинное письмо, в котором подробно разъяснял опасность большевизма и необходимость борьбы с ним даже после окончания войны. Донопа в этом вряд ли нужно было убеждать, и на самом деле письмо предназначалось не для него. Нуланс предлагал просто зачитать изложенные в письме идеи солдатам, полагая, что это поможет убедить их в необходимости продолжить воевать³. Видимо, его увещевания не оказали должного воздействия. По словам Донопа, масла в огонь подлил офицер-переводчик, выступавший в качестве защитника во время заседания военного трибунала 22 февраля 1919 г., заявивший, что Франция не находится в состоянии войны с Россией⁴.

За завершением войны последовало начало процесса частичной демобилизации французской армии, что также негативно повлияло на состояние дел в батальоне, о чем докладывал Алабернар в своем рапор-

¹ Rapport d'enquete sur des faits signalés au Ministre et relatifs aux éléments Militaires Français stationnés en Russie du Nord. 25 juin 1919 // SHD/DAT. 7 N 817.

² Analyse du rapport du capitaine Dupayet (28 mars 1919). 7 mai 1919 // SHD/DAT. 7 N 817; Donop à Clemenceau, 27 novembre 1918 // AMAE. 117CPCOM 219. Fol. 274–275.

³ Noulens à Donop. 25 novembre 1918 // AMAE. 117CPCOM 219. Fol. 278–290.

⁴ Analyse du rapport du Lt-Colonel Donop (2 avril 1919) // SHD/DAT. 7 N 817.

те от 25 февраля¹. Демобилизации подлежали отдельные категории солдат и унтер-офицеров, в первую очередь те, кто находился в рядах армии дольше других. Многие из них составляли костяк подразделений батальона, и заменить их оказалось очень нелегко. Оставшиеся думали лишь о том, когда, наконец, настанет их черед вернуться домой. При этом солдаты американских и английских частей знали, когда именно планируется их вывод, поскольку их правительства рассматривали возможность по крайней мере смены частей на Севере России. Французское правительство в марте четко заявило об отказе направлять в Россию какие-либо новые части, а сколько еще продлится интервенция, было совершенно неясно [Kettle, 1992. P. 223].

Доноп отметил еще одну важную причину падения дисциплины в батальоне, которую, по понятным соображениям, не упоминали ни Алабернар, ни Дюпайе. Доноп был чрезвычайно недоволен поведением офицеров батальона, включая командира. Проблему усложняла нехватка кадров – в сентябре командир батальона и один из капитанов были ранены, еще один капитан погиб. Уже в октябре Доноп считал, что одной из важных причин отказа солдат выполнить приказ о выступлении на фронт было не только неправильное решение английского главнокомандующего, но и то, что офицеры батальона позволили себе обсуждать это решение при подчиненных. Ансельм в своем отчете также отметил, что хотя отношения между английским командованием и миссией Донопа были прекрасными, этого нельзя было сказать про отношение офицеров батальона к английским коллегам². Нуланс в своих мемуарах также упомянул о возникавшей периодически напряженности в отношениях между французскими и английскими офицерами, причем он считал, что основания для недовольства у французов действительно имелись [Noulens, 1933. P. 239–240]. Стоит отметить, что негативное отношение к англичанам было характерно не только для французских офицеров, но и для солдат и офицеров других национальностей, в частности американцев [Голдин, 2021. С. 555–556].

Со временем критическое отношение Донопа к офицерам батальона только усиливалось. По его мнению, некоторые из них излишне критично оценивали своих союзников-англичан, часто не соблюдали

¹ Alabernarde à Donop. 25 février 1919 // SHD/DAT. 7 N 817.

² Rapport d'enquete. 25 juin 1919 // SHD/DAT. 7 N 817.

субординацию, не отличались дисциплинированностью, вследствие чего Донопу приходилось лично вмешиваться в дела батальона и налагать взыскания на офицеров. Им это, очевидно, не нравилось, и в апреле 1919 г. Доноп вынужден был сообщить в Париж, что с самого начала интервенции отношения между возглавляемой им миссией и офицерами батальона не заладились¹. Были у него претензии и лично к Алабернару. Как узнал Доноп, 11 марта Алабернару удалось склонить солдат к повиновению, только пообещав им, что этот выход на позиции станет последним и с начала апреля никакие французские войска не будут использоваться на передовой. Возмущенный Доноп потребовал объяснений, которые Алабернар не преминул предоставить². Он пояснил, что такое обещание было единственным способом добиться повиновения, не поставив под угрозу положение войск на фронте, поскольку арест бунтовщиков означал бы существенное ослабление позиций батальона на передовой. Алабернар считал свое решение меньшим из зол, будучи уверенным, что в дальнейшем батальон все равно не получится использовать в активных действиях на фронте, а дав обещание, он смог обеспечить сохранение батальоном позиций хотя бы до конца марта.

Еще одной причиной ухудшения морального состояния личного состава, упомянутой капитаном Дюпайе, было отсутствие регулярной связи с Францией. Почта шла долго, нередко письма не доходили вовсе. Газеты и журналы, из которых французы могли бы оперативно узнавать новости, почти не поступали, что порождало различные слухи и подозрения. Ансельм также признал наличие этой проблемы³. Впрочем, в данном случае наличие проблем объяснялось естественными причинами, связанными с трудностью организации сообщения между Францией и Севером России, особенно зимой.

Интересно, что большевистская пропаганда в докладе Дюпайе кратко упомянута среди не самых важных причин. Никто из других офицеров батальона также не упоминал наличия среди солдат каких-либо пробольшевистских настроений. Доноп тоже не отмечал влияния направленной против французов пропаганды. Вскоре после подписания Компьенского перемирия, но еще до инцидента 22 ноября, Доноп

¹ Donop à Clemenceau, 2 avril 1918 // SHD/DAT. 7 N 817.

² Compte-rendu. Alabernard. 11 mars 1919 // SHD/DAT. 7 N 817.

³ Rapport d'enquete. 25 juin 1919 // SHD/DAT. 7 N 817.

посетил находившиеся на фронте французские части для изучения настроения солдат. Его заключение выглядело следующим образом: солдаты думают лишь о возвращении во Францию и, «ненавидя большевиков, в случае нападения будут энергично обороняться, но в гораздо меньшей степени настроены наступать»¹.

Подводя итог, можно заключить, что, наряду с провалом интервенции на Юге России, беспорядки во французских войсках на Севере России стали одной из причин отказа французского правительства от прямого военного вмешательства в Гражданскую войну в России. Более половины находившихся на Севере России французских войск (25 офицеров и 767 солдат) было вывезено первым же пароходом в ходе начавшейся в июне 1919 г. эвакуации². Впрочем, некоторые более надежные части оставались на Севере России еще довольно долго, и только 1 октября 1919 г. последние 35 офицеров и 607 солдат покинули эти оказавшиеся для них не очень гостеприимными места.

Литература

Голдин В.И. Север России в огне Гражданской войны. Иностранная интервенция и ее последствия. Август – декабрь 1918. Архангельск, 2021. 659 с.

Façon P. Les mutineries dans le corps expéditionnaire français en Russie septentrionale (décembre 1918-avril 1919) // Revue d'histoire moderne et contemporaine. T. 24, № 3, Juillet-septembre 1977. P. 455–474.

Journal officiel de la République française du 30 Mars 1919. Débats parlementaires.

Kettle M. Churchill and the Archangel Fiasco. Russia and the Allies, 1917–1920. Vol. 3. Routledge, 1992. 582 p.

Livre d'or du 21e régiment d'infanterie colonial. Paris, 1920.

Noulens J. Mon Ambassade en Russie Soviétique, 1917–1919. Vol. 2. Paris, 1933. 300 p.

Robien L. de. Journal d'un diplomate en Russie (1917–1918). Paris, 2017. 360 p.

¹ Donop à Clemenceau, 21 novembre 1918 // AMAE. 117CPCOM 209. Fol. 127.

² The Evacuation of North Russia, 1919. Presented to Parliament by Command of His Majesty // SHD/DAT. 7 N 817.

Империологический взгляд на Гражданскую войну

А.В. Венков

Выход донских казаков из Гражданской войны

A.V. Venkov

The Exit of the Don Cossacks from the Civil War

Аннотация. Статья посвящена разным путям выхода донских казаков из Гражданской войны. Показаны условия, в которых оказалась Донская область в результате борьбы на ее территории. Описаны три пути выхода из Гражданской войны для казаков, сражавшихся в противоборствующих армиях. Красные казаки вышли из Гражданской войны как победители. Их демобилизовали. Белые, потерпевшие поражение, вынуждены были перейти в Красную армию или уйти в эмиграцию. Более половины ушедших в эмиграцию вернулись на родину в течение первых четырех лет.

Ключевые слова: казаки, Гражданская война, Красная армия, демобилизация, эмиграция.

Проблема выхода из войны, тем более из наиболее безжалостной и кровопролитной гражданской войны, вызывает особый интерес исследователей. Это относится и к Гражданской войне на Юге России.

К 1917 г. население Области Войска донского составляло 3,53 млн человек. Область имела 134 станицы и 163 крестьянские волости, в которых проживали 42 % казаков, 25,5 % коренных крестьян, 30,6 тыс. калмыков, остальные иногородние.

Во время Гражданской войны большинство донских казаков выступило на стороне белых. Война на Дону приняла сословную окраску. Казачья беднота была малочисленна, в процентном отношении гораздо меньше общероссийских показателей, да и в Красную армию она поступила далеко не вся. Первоначальное соотношение красных и белых казаков было 4 к 98 (если считать красные и белые казачьи полки). По ходу Гражданской войны соотношение сил менялось. К концу 1918 г. количество красных полков выросло до 20¹.

¹ Силы большевиков против Дона // Новая донская жизнь. 1918. 12 (25) нояб. С. 1.

Переломным моментом стали массовые сдачи белых казаков в Новороссийске в марте 1920 г., о чем речь пойдет ниже.

Казаки понесли в боях огромные потери. По их станицам (особенно на севере Донской области) фронт прокатился по 6–8 раз, неся разорение хозяйствам. Военные действия сопровождались масштабными репрессиями (в том числе «расказачиванием») и эпидемическими заболеваниями, и это стало причиной массовой гибели населения. В станице Каменской население сократилось вдвое – с 25 тыс. до 12 тыс. жителей, в Великокняжеской почти в 4 раза – с 15 тыс. до 4 тыс. Из 35 тыс. калмыков, имевших статус казаков, в Сальском округе осталось 5 тыс. [Панкова-Козочкина, Бондарев, 2012. С. 167]. Общие потери донских казаков составляли примерно 250 тыс. человек обоего пола [Хмелевский, Хмелевский, 1984. С. 169].

Уходя от окончательного разорения и истребления, казаки начали переходить на сторону большевиков, чтобы хотя бы так закончить войну. «Если крестьянство пришло к Советской власти через те положительные приобретения, которые оно получило от октябрьского переворота, то трудовое казачество приходит к Советской власти через те потери, которые оно понесло в гражданской войне», – писали «Известия ВЦИК»¹. Это было озвучивание информации Казачьего отдела ВЦИК, который считал, что у казаков «сдвиг политического сознания произошел на почве тяжелых материальных жертв, в условиях гражданской войны исключительных для некоторых казачьих областей, например, Донского, Оренбургского» (так в тексте. – А. В.)².

Желая побыстрее выйти из войны, казаки в своих резолюциях повторяли агитационные лозунги большевиков. Так, 28 декабря 1919 г. съезд представителей ст. Кременской заявил: «Советская власть борется за освобождение казачества от пауков коннозаводчиков и царских генералов, которые хотят отнять землю у трудовых казаков» [Борьба за власть Советов, 1957. С. 495]. Хотя в районе станицы Кременской, на севере области, не было конных заводов, а земельные тяжбы царских генералов и казаков на Дону были решены еще при царской власти, причем в пользу казаков.

¹ Советская власть и казачество // Известия ВЦИК. 1920. 3 янв. С. 1.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 10.

Однако большевики казачьим резолюциям не доверяли, и Донской комитет РКП(б) выступил против проведения зимой 1919–1920 гг. казачьего съезда в Донской области¹.

С установлением советской власти казачьи территории были обречены на голод. Сказывалось отсутствие рабочих рук. Не уходившие в отступление казаки смогли засеять весной 1920 г. лишь часть земли. Станицы Трехостровьянская и Голубинская засеяли $\frac{1}{2}$ часть площадей от посевов 1918 г., Пятиизбянская – $\frac{1}{3}$, а Верхне-Чирская и Нижне-Чирская – $\frac{1}{4}$ площадей².

25 марта 1920 г. вышел декрет о строительстве советской власти в казачьих областях. На казачьи области распространялись все законы РСФСР. Станицы приравнивались к волостям, при местных советах стали создавать казачьи секции. Земли станиц большевики в 1920 г. не тронули, малоземельным казакам и крестьянам были переданы лишь частновладельческие, монастырские, церковные, запасные войсковые земли.

Большевики пытались «расслоить» казаков, вычленив из него казачью бедноту, на которую власть могла бы опереться. В Казачьем отделе ВЦИК считали: «Если крестьянство расслоилось еще в 1918 г., то казачество не проделало такого расслоения до сего времени. Если в крестьянстве выделились беднейшие и середняцкие слои, то казачество не оформило таких слоев»³.

Расслоение казаков подразумевало изоляцию или даже ликвидацию авторитетной казачьей верхушки. 8 апреля 1920 г. «Дончека предлагает всех бежавших и ныне возвращающихся офицеров Деникинской армии отправлять [к] этапным комендантам для отправления [в] глубокий тыл в концентрационные лагеря, полицейских чиновников, жандармов арестовывать и заключать в концлагерь для принудительных работ на сроки от 2 до 5 лет»⁴.

И все же большинство казачьего населения было радо, что война, ведущаяся на уничтожение, закончена. В итоге «в мае месяце даже

¹ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 32. Л. 3.

² ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 9. Л. 184.

³ Там же. Д. 8. Л. 7.

⁴ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 516. Л. 36.

наиболее контрреволюционные станицы принимали самые восторженные резолюции»¹.

И, естественно, власть планировала использовать завоеванные территории как источник продовольствия. На них начиналась продразверстка. В Усть-Медведицком округе ее проведение привело к голоду. Поступавшие в Казачий отдел ВЦИК письма содержали примеры, когда размер продразверстки превышал все наличные продукты². В них сообщалось, что настроение населения «шаткое», и даже беднота испытывает недоверие к власти³.

20–25 сентября на территорию Дона с Украины вступили махновцы, они прошли на территории Верхне-Донского округа с запада на восток и вернулись обратно. Представитель ВЦИК, бывший в это время на Дону, 5 октября 1920 г. сообщил в Казачий отдел: «В Букановской, Еланской и Усть-Хоперской станице милиция работала под Махно, и жители выходили навстречу... найдено много оружия... Население готово на какое угодно выступление, лишь бы оно было против сов. власти»⁴. К счастью для большевиков, махновцы в подавляющем большинстве были представлены украинцами, и это препятствовало их контакту с казаками. Да и боеспособных казаков в тот период на Дону практически не оставалось.

Наиболее безболезненным был выход из войны казаков, которые вступили в Красную армию в 1918–1919 гг. Но и у них были проблемы. Многие казаки, воевавшие в рядах Красной армии с 1918 г., надеялись закрепиться в органах власти и тем самым реализовать свою победу. В этом их устремления совпадали с желанием власти подобрать надежные кадры для работы в советских учреждениях. В Хоперском и 2-м Донском округах ситуация была наиболее благоприятной. Там определенная часть казаков еще с 1918 г. воевала на стороне большевиков, а во 2-м Донском округе «советскими» считалась примерно половина станиц⁵. Из строевых частей в РВС 9-й армии шли рапорты (например 31 декабря 1919 г.), что «часть казаков, дезертировавших в разное время из Хоперского полка, в данное время

¹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 284.

² Там же. Д. 9. Л. 382.

³ Там же. Л. 382 об.

⁴ Там же. Л. 383.

⁵ Там же. Д. 8. Л. 283 об.

состоят на советских должностях в Хоперском округе... По частным сведениям, хоперские советы являются гнездом для спасающихся в тыл не только казаков Хоперского полка, но и других»¹. С занятием Красной армией территории их округов красные казаки стали расходиться по своим домам. Важным мотивом было стремление восстановить разрушенное войной хозяйство.

Красное командование не желало отпускать по домам проверенный боевой материал. Рассеявшихся по домам и по местным советам казаков-красноармейцев опять стали ставить в ряды войск. В итоге из наиболее просоветского 2-го Донского округа сообщали в Казачий отдел ВЦИК, что в местным органам власти приходится привлекать людей, «лишь вчера возвратившихся с Кубани или Кавказа, куда они уходили с белыми. А исполкомы из таких лиц кроют в себе пока что немалую опасность для Советской власти на Дону»².

Гораздо больше везло красным казакам из заведомо «белых» округов – Верхне-Донского, Черкасского, 1-го Донского. Таких красных казаков были единицы, и их оставляли для работы в местных органах власти под самыми разными предлогами, чаще всего «по болезни». В некоторых станицах власть состояла из таких «больных» на 100 % [Венков, 2021. С. 177]. Основная же масса просоветски настроенных казаков стала возвращаться по домам, когда началась массовая демобилизация Красной армии – в 1922 г.

Несоизмеримо сложнее был выход из войны для казаков, служивших в белой Донской армии. До конца 1919 г. их было подавляющее большинство. Попытки привлечь донских казаков в это время в ряды Красной армии по мобилизации, в том числе послать их в 1919 г. на фронт против поляков, кончались провалом – казаки либо дезертировали, либо переходили к противнику.

С конца 1919 г., когда стало ясно, что война против большевиков проиграна, а казачьи земли разорены, казаки стали переходить на сторону большевиков.

Пленных и перебежчиков ставили в ряды Красной армии. Они соглашались, поскольку отправляться вглубь голодающей России на принудительные работы было для этих казаков не лучшим выходом.

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 7631. Оп. 1. Д. 19. Л. 14.

² ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 281 об.

Так, из 1041 пленного и перебежчика, зарегистрированного в штабе 8-й Красной армии с 1 по 14 декабря 1919 г., 763 вступили в Красную армию и лишь 272 отправились на принудительные работы¹. С 1 ноября 1919 г. по 15 февраля 1920 г. количество конницы в рядах 1-й Конной армии, 8-й, 9-й, 10-й армий выросло с 12 029 до 19 299 сабель [Директивы, 1978. С. 108–122].

Со своей стороны, большевики усилили агитационную работу среди казаков. Было решено созвать съезд трудовых казаков. 27 декабря 1919 г. Политбюро ЦК РКП(б) постановило «Казачий съезд созвать, придав ему характер широкой массовой демонстрации» [Футорянский, 2003. С. 419].

Съезд был созван в Москве 29 февраля 1920 г. и сразу же обратился к высшей Советской власти с ходатайством об амнистии всем трудовым казакам, которые сдадутся Красной армии. И в апреле 1920 г. «Президиум ВЦИК постановил утвердить ходатайство Первого Всероссийского казачьего съезда об амнистии военнопленных трудовых казаков» [Воскобойников, Соловьев, 2002. С. 118].

Власть демонстрировала благожелательность. Упор делался на агитацию, на превозношение красного казачества. 3 февраля газета «Советский Дон», искажая реальность, писала: «Красные казаки в союзе с рабочими и крестьянами всей Советской России освободили Тихий Дон от казачьего дворянства, донских и пришлых помещиков и капиталистов»².

На страницах «Известий» известный большевик Ю. Стеклов писал 27 февраля 1920 г.: «Красный казак – это драгоценное завоевание истории. В его лице старый мир темноты и угнетения протягивает руку новому миру света, труда, свободы; трудом и жертвой красного казака искупается много старых грехов, открывается новое плодотворное будущее» [Седина, 1976. С. 174].

Март 1920 г. прошел под знаком массовых сдач и переходов на сторону красных. «Многие казаки бросали оружие или целыми полками переходили к “зеленым”» [Деникин, 2002. С. 426]. После недолгого колебания их путь из стана «зеленых» все равно вел в Красную армию.

¹ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 690. Л. 1.

² Организация Советской власти на Дону // Советский Дон. 1920. № 1. 3 февр. С. 1.

В Новороссийске красные взяли 22 тыс. пленных [Какурин, 1990. С. 329]. Многие донские части были брошены в порту в полном составе. Считалось, что значительная часть казаков была оставлена белым командованием на побережье сознательно, чтобы они волей-неволей перешли к партизанской борьбе. Но партизанской войны казаки не начали.

На переговорах между красными и прижатými у моря казаками 1 мая 1920 г. член советской делегации Су­тин сказал казакам: «Выход вашему патриотическому чувству будет дан на польском фронте»¹.

Действительно, в апреле 1920 г. польские войска начали наступление и вскоре заняли Киев.

2 мая 1920 г. в районе Сочи большевикам сдались части трех кубанских и двух донских корпусов – более 40 тыс. офицеров и казаков². Они сдались на условиях предоставления свободы всем казакам, кроме уголовных преступников. Даже инициаторам и руководителям восстаний «в виде особой милости» разрешалось вступить в Красную армию³.

Началось привлечение пленных казаков на борьбу с поляками и с Врангелем, который с остатками белых войск Юга России укрепился в Крыму.

В мае 1920 г. пленным трудовым казакам была объявлена амнистия. Они распускались по домам, лица моложе 35 лет из их числа после отпуска должны были отправиться в Красную армию⁴.

После этих мероприятий казаки составляли большинство красной кавалерии на польском и врангелевском фронтах и служили основным источником ее пополнения, причем среди красных казаков преобладали донцы⁵.

Многие из брошенных на берегу казаков, не откладывая дела в долгий ящик, стали проситься в Красную армию, части которой вступали в Новороссийск. Бывало, что их зачисляли целыми сотнями со своими офицерами [Сизенко, Федичев, Черепяхин, 2006. С. 257].

¹ Трагедия казачества // Вольное казачество. 1937. № 231. С. 10.

² РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 305. Л. 318.

³ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 7. Л. 354 об., Л. 55 об.

⁴ Там же. Л. 371.

⁵ Там же. Д. 4. Л. 119 об.

Однако большевистские партийные верхи и в это время смотрели на казаков как на мелких помещиков. Так было заявлено на первой Донской областной партийной конференции 2–5 июня 1920 г. старым большевиком Митрофановым¹, вскоре вошедшим в Донисполком, высший орган советской власти на Дону.

Общий настрой Красной армии, ведущей наступление на Польшу, был оборонительный по ряду причин: крестьянский состав армии, нежелание воевать за мировую революцию (казаки разделяли это нежелание), колебания части большевистского руководства. Все это не способствовало успеху наступления.

Часть казаков, вынужденных ранее сдаться большевикам, в самом начале боевых действий перешла на сторону поляков. 31 мая в районе Белая Церковь к полякам ушла 3-я Донская бригада из 14-й советской кавалерийской дивизии 1-й Конной армии – всего около 800 человек и 700 лошадей.

В ходе кампании 1920 г. в Польше из донских казаков были созданы следующие части (по польской версии)²:

- 1) Отдельная Донская казачья бригада есаула Сальникова численностью около 900 казаков;
- 2) Донской полк полковника Духопельникова – около 900 казаков, в войсках Балаховича;
- 3) Донской казачий полк численностью около 600 казаков, в третьей русской армии.

Однако перешедших было недостаточно для создания на тот момент крупных казачьих частей в польской армии. Подавляющее большинство бывших пленных казаков оставалось в Красной армии.

Включение казаков в ряды красной кавалерии резко повысило ее боеспособность. Советское командование, вопреки военной науке, сделало ее ударной силой наступления. Красная кавалерия стремительным броском вышла от Днепра на бывшую границу России с Австро-Венгрией. Дальше казаки и крестьяне идти не хотели. В 1-й Конной армии, ударном отряде Юго-Западного фронта большевиков, самым

¹ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 71–72.

² Казаки на стороне поляков. 1920. Ч. 1 // *Kawaleria Przeciwnik?w i Sojusznik?w Wojska Polskiego w Latach 1918–1921*, pod redakcją: Aleksandra Smoli?skiego. Toru? 2003: URL: <https://beloe-dvijenje.livejournal.com/537965.html> (дата обращения: 12.08.2021).

большим вопросом в это время становится вопрос о границе, развивается агитация, что дальше границы идти не следует¹.

Еще одним фактором, изменившим их отношение к войне, стали сведения о положении на их родине, в казачьих областях. С.М. Буденный в своей книге «Пройденный путь» писал, что бойцы и командиры Конной армии получали много писем от своих родных с Дона, Кубани, Ставрополя, Северного Кавказа. В этих письмах нередко родные сообщали своим сынам и отцам о том, что на местах представители советской власти забирают у них хлеб, скот, фураж, лошадей. Естественно, это беспокоило конармейцев. Буденный объяснял бойцам, что зачастую к власти на местах пробираются бывшие белогвардейцы и специально вредят [Буденный, 1965. С. 341].

1-я Конная армия, как известно, прорвалась из уготованного ей окружения и была послана на фронт против Врангеля. По пути ее бойцы, проходя по еврейским местечкам, учинили ряд погромов, каких не видывали евреи ни при царе, ни при белых².

Новым этапом в жизни «бывших белых» стала демобилизация из Красной армии, начавшаяся в 1922 г.

Для многих сдавшихся казаков служба в Красной армии была своеобразным убежищем, укрытием от разбирательства, которое неизбежно началось по месту их жительства и касалось каких-либо деталей их службы у белых. Естественно, некоторые «бывшие белые» не стремились вернуться домой. Яркий пример тому – Х.В. Ермаков, один из прототипов героя «Тихого Дона».

В Красной армии Х.В. Ермаков сделал хорошую карьеру. Стал командиром эскадрона, командиром полка, помощником командира бригады, а с 19 мая 1922 г. – начальником дивизионной школы 14-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии³.

Ермаков сопротивлялся демобилизации, требовал снять его с учета «бывших белых». Сам Буденный хотел оставить его в армии, но политотдел Северо-Кавказского военного округа настоял на обратном.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 65. Д. 475. Л. 66.

² Погромы // Электронная еврейская энциклопедия. URL: <https://www.eleven.co.il/jews-of-russia/government-society-jews/13251/> (дата обращения: 12.05.2019).

³ РГВА. Ф. 7704. Оп. 2. Д. 728. Л. 47.

В послужном списке Х.В. Ермаков записал, что 5 января 1923 г. он был уволен из армии в бессрочный отпуск как бывший белый офицер. Ровно месяц добирался до дома и через две с половиной недели по возвращении, 23 февраля 1923 г., был арестован органами ГПУ.

Третьим этапом, или третьим путем, выхода донских казаков из гражданской войны была эмиграция. После сдачи в Новороссийске и Сочи остатки белых донских казаков собрались в Русской армии П.Н. Врангеля в Крыму. В рядах Русской армии было до 22 000 боеспособных донцов и 6 515 человек ушедшего с ними гражданского населения [Казачий Дон, 2010. С. 210].)

В ноябре 1920 г. началась эвакуация Русской армии из Крыма. Командовавший донскими казаками генерал Н.П. Калинин считал, что лишь треть его подчиненных «имели действительные причины не встречаться с красными» [Сидоров, 1994. С. 390]. Большинство же колебалось. Донской Войсковой Круг сразу же после ухода из Крыма решил: «Начать переговоры с советским правительством относительно возможности возвращения» [Лунченков, 1925. С. 55].

Многие казаки поняли бесперспективность своего пребывания в эмиграции сразу же. Первые «возвращенцы» стали прибывать из Турции уже в конце 1920 г. 20 февраля 1921 г. в Новороссийск прибыла партия казаков-беженцев в количестве 3 600 человек [Лунченков, 1925. С. 54]. Со временем процесс репатриации набрал силу. За 1921–1924 гг. «из более чем 30 тыс. эмигрантов из Донского корпуса Русской армии генерала П.Н. Врангеля 23 тыс. вернулись на Дон» [Казачий Дон, 1995. С. 122]. Таким образом, примерно треть казаков-эмигрантов осталась за границей, а большинство вернулось.

Власть встречала их приветливо, так как они своим возвращением демонстрировали всему миру, что лучше жить в Советской России, чем на Западе. По прибытии в Новороссийске реэмигранту выдавали вид на жительство с пометкой: «За службу в белых армиях суду и наказанию не подлежит» [Русские беженцы, 2004. С. 22]. С прибытием «возвращенцев» в Донецком округе Северо-Кавказского края на треть уменьшилось количество «лишенцев» (лишенных права голоса) «за счет в наибольшей части ре-эмигрантов рядовых и бывших хуторских старост, атаманов» [Панкова-Козочкина, 2014. С. 142].

Впрочем, такое отношение продлилось недолго. К началу коллективизации под категорию «кулаки», подлежащую репрессиям, теперь попадали и «репатрианты» [Наумов, 2009. С. 162–163].

В результате раньше всех вышли из войны сдавшиеся белые казаки старших возрастов. Что касается молодых и боеспособных, то и красные, и сдавшиеся белые казаки (записанные в Красную армию), и реэмигранты в массовом порядке стали возвращаться по домам в 1922 г. и позже. Родная территория их была разорена, и противостояние с властью, связанное с экономической политикой большевиков, затянулось, но в крупные восстания не вылилось.

Литература

Борьба за власть Советов на Дону. 1917–1920. Ростов н/Д.: Ростовское книжное издательство, 1957. 528 с.

Буденный С.М. Пройденный путь. М.: Воениздат, 1965. Кн. 2. 392 с.

Венков А.В. Организация советской власти на Дону в 1920 г. и состав ее представителей (на примере Верхне-Донского округа) // Вопросы истории. 2021. № 11 (1). С. 173–180.

Воскобойников Г.Л., Соловов А.И. Казачий Отдел ВЦИК Советов (1917–1920 гг.). Документально-исторический очерк. М.: Изд-во Кино-видеокомпания «Ментор Синема», 2002. 159 с.

Деникин А.И. Очерки русской смуты: Вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920. Минск: Харвест, 2002. 464 с.

Директивы командования фронтов Красной армии. М.: Воениздат, 1978. Т. 4. 728 с.

Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 1. Ростов н/Д.: Изд-во облИУУ, 1995. 192 с.

Казачий Дон. Пять веков воинской славы. М.: Яуза; Эксмо, 2010. 416 с.

Какурин Н.Е. Как сражалась революция. М.: Политиздат, 1990. Т. 2. 431 с.

Лунченков И. За чужие грехи (Казаки в эмиграции). М.: Земля и фабрика, 1925. 196 с.

Наумов Л.А. «Кровавый карлик против Вождя народов». Заговор Ежова. М.: Яуза; Эксмо, 2009. 448 с.

Панкова-Козочкина Т.В. Казачье-крестьянское самоуправление эпохи нэпа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы. Новочеркасск: Лик, 2014. 308 с.

Панкова-Козочкина Г.В., Бондарев В.А. Казачье-крестьянское хозяйство эпохи нэпа: проблемы модернизации аграрных отношений на Юге России. Новочеркасск: Лик, 2012. 266 с.

Русские беженцы. Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы): сб. докладов и материалов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 400 с.

Седина А.М. На крутом повороте. М.: Советская Россия, 1976. 233 с.

Сидоров В.С. Крестная ноша // Трагедия казачества. М.: Молодая гвардия, Деловой центр, 1994. С. 303–495.

Сизенко А., Федичев В., Черпахин В. Мы – донские казаки. Документы. Факты, очерки истории станицы Луганской XVII–XX вв. Луганск: Копицентр, 2006. 308 с.

Футорянский Л.И. Казачество России в огне гражданской войны (1918–1920). Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2003. 474 с.

Хмелевский К.А., Хмелевский С.К. Буря над тихим Доном: Исторический очерк о гражданской войне на Дону. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1984. 176 с.

Монгольская революция 1921 года как продолжение «революции в Колчакии»

L.V. Kuras

Mongolian Revolution 1921 as the Continuation of “The Revolution in Kolchakia”

Аннотация. В статье рассматривается проблема транснациональной революции монгольского ареала в первой четверти XX в., которая получила выражение в Монгольской революции 1921 г. как логическое продолжение «революции в Колчакии». Основные вехи, предшествовавшие этому событию: образование ДВР, представительство НКВД РСФСР в Монголии с дислокацией в Троицкосавске во главе с О.И. Макстенеком, вторжение Унгерна в Монголию, создание Монгольской народной партии.

Ключевые слова: «революция в Колчакии», Монгольская революция, «монгольская семерка», ДВР, Представительство НКВД РСФСР в Монголии, О.И. Макстенок.

Введение. Мы неоднократно рассматривали предпосылки Монгольской революции 1921 г. как следствие «революции в Колчакии» [Курас, 2017; Курас, Хишигт, Цыбенков, 2020]. Поэтому отечественная историография рассматривает революционную историю в Сибири и Монголии через призму транснациональной истории [Курас, 2016; Лиштованный, 2017]. Суть этой ситуации заключается в том, что в начале XX в. Восток определял будущее мироустройство [Ленин, Т. 23. С. 166–167, 145–146]. А череда революций на Востоке – Синьхайская революция 1911 г. в Китае, Октябрьская революция 1917 г. в России и Монгольская революция 1921 г. – рассматривается нами «не через призму национальных историй..., а с точки зрения глобальной или транснациональной истории» [Саблин, 2014. С. 135–136]. Такая «перспектива позволяет не только осветить трансграничные аспекты развития национальных движений в Сибири и Монголии, но и реконструировать историю национализма как глобального дискурса, оказав-

шего в XX в. значительное влияние на властные отношения и пост-имперское переустройство во всех регионах мира» [Саблин, 2014. С. 135–136]. В этом же русле проблему рассматривают и монгольские ученые [Пунсалдулам, Хишигт, 2007].

Однако переход от революции в России к революции в Монголии – это не парадное шествие. Чтобы понять, что колчаковский режим не был случайностью, достаточно ознакомиться с телеграммами в адрес адмирала А.В. Колчака с ноября 1918 по ноябрь 1919 г. – всего 653. Поражает география документов: это не только «территория, контролируемая Омским правительством и другие белые регионы, но и окружающий мир, с русской эмиграцией (Маньчжурия, Пекин, Шанхай, Токио, Париж, Лондон, Женева, Стокгольм), а также Великобритания, Чехословакия, Франция, Сербия, Китай, Япония, США. Не случайно молодое Советское государство все силы направило на борьбу с внутренней и внешней контрреволюцией» [Приветственные послания, 2012]. Но большевики ни на минуту не забывали об интернациональном характере победившей революции 1917 г. В этой связи большевики видели свою задачу в восстановлении добрососедских отношений с Монголией для продвижения революции на восток и превращения Монголии в оплот революции в Азии. С 1918 г. Россия несколько раз заявляла о готовности к восстановлению равноправных отношений со своим соседом. В августе 1918 г. Азиатское бюро при Сибмиссии НКВД командировало в Алтанбулак Я.Д. Янсона, Ишидоржи и одного из руководителей Бурнацкома Э.-Д. Ринчино, который неоднократно выступал с идеей готовности России помочь Монголии в ее борьбе за независимость. В июле 1919 г. инструктор Иркутского губревкома А. Мясников переслал в Ургу программу РКП(б) на монгольском языке и два экземпляра известного обращения Советского правительства. 3 августа 1919 г. советское руководство вновь заявило о готовности признать Монголию «...свободной и независимой страной» [Рощин, 1999. С. 15], но не получило ответа.

Политическая обстановка в Центральной Азии. Политическая обстановка в Сибири в конце 1919 г. резко изменилась: поражение колчаковского режима стало неотвратимым, но у Советского государства не было возможности поддержать автономию Монголии, основанную Тройственным Соглашением в 1915 г. Пекинское руководство воспользовалось этой ситуацией, оккупировав Внешнюю Монголию.

Появилась реальная угроза потери Монголией государственности и возникновения опасности на границе Советской России. В этих условиях правящие круги монгольского общества оказались расколотыми. Так, в Пекин была направлена депутация с просьбой смягчить оккупационный режим. Другая группа пыталась заигрывать с Японией и США, которые не проявляли интереса к «монгольским делам».

Наиболее последовательными и действенными оказались «две антикитайские подпольные группы “Консульский холм” (Д. Бодоо и Х. Чойбалсан) и “Восточное хурэ” (С. Данзан, Д. Догсом, Д. Сухэ-Батор)», лидеры которых изначально сделали ставку на Советскую Россию.

В течение марта-мая 1920 г. в Ургу прибыли сотрудники Сиббюро ЦК РКП(б) Н.Г. Буртман [Базаров, Жабаева, 2008. С. 181] и С.С. Борисов [Российско-монгольское военное сотрудничество, 2018. Ч. I. С. 29], которые разъяснили молодым революционерам основные положения программы партии большевиков. Тогда же, 25 июня 1920 г., на Учредительном собрании МНП было принято решение отправить «делегацию монгольских революционеров в Советскую Россию для переговоров: сначала Чойбалсан и С. Данзан, затем – Д. Чагдаржави, Д. Бодоо, и, наконец, Д. Догсом, Д. Лосол и Д. Сухэ-Батор» [Курас, Цыбенков, 2020. С. 85; 2021. С. 200]. Именно в этот период подъем национально-освободительного движения монгольского народа совпал с изменением политического вектора Коминтерна и Советской России на восток. Неслучайно этому вопросу монгольская историография уделяет особое внимание [Хишигт, 2017]. В декабре 1919 г. Восточный отдел ИККИ в документе «Автономная Монголия и Революционная Россия» поставил вопрос о восстановлении автономии Монголии, рассмотрев его с двух точек зрения:

– русской – Автономная Монголия в случае соединения ее с Баргой и Внутренней Монголией создает государственный буфер в 3 500 верст, который при осложнении ситуации с Китаем не позволит ему быстро перебросить войска к российской границе;

– монгольской – дальнейшая колонизация Монголии угрожала бы существованию монгольской государственности, а торгово-экономическая деятельность Китая привела бы к полному разорению монгольского хозяйства [Хишигт, 2017. С. 15].

Таким образом, излагалась советская политика в отношении Монголии, непосредственно осуществлять которую должен был полномочный представитель НКВД РСФСР в Монголии.

ДВР – форпост России на востоке страны. 20 мая 1920 г. О.И. Макстенок был командирован в Монголию, в г. Ургу, в качестве уполномоченного Наркоминдела РСФСР. Но китайские сановники не пропустили Макстенека в Монголию, и он остановился в Троицкосавске¹, который находился на территории Дальневосточной Республики (ДВР), образованной в апреле 1920 г.

Для современной российской историографии важен феномен образования ДВР и появление ее в «нужное время и в нужном месте». Все политические игроки – Москва, Токио, Вашингтон, Иркутский Политцентр, политические группировки на Дальнем Востоке – оказались в выигрыше от образования ДВР.

В начале марта 1920 г. 5-я Армия заняла Иркутск и установила советскую власть в регионе. «Буфер» стал важным инструментом в руках Японии, которая, соперничая с США за сферы влияния на русском Дальнем Востоке, отказалась от аннексии, предпочитая ДВР, полагая играть здесь первую скрипку.

США рассчитывали, что их экономика позволит им стать лидером в регионе. Все это оказалось как нельзя кстати для Советской России, которая умело использовала соперничество Токио и Вашингтона в своих интересах.

Не остался в стороне и Иркутский Политцентр, полагая, что «буфер» нужен для противодействия наступлению красных, а на переговорах с красными выдвигались прямо противоположные доводы.

Но до образования ДВР появился еще один политический игрок – Монголия, для которой события 1920 г., как и для России, оказались определяющими.

Представительство НКВД РСФСР в Троицкосавске. В июне 1920 г. в пограничном Троицкосавске начинает работать представительство Народного комиссариата по иностранным делам (НКВД) РСФСР в Монголии. Уполномоченным был назначен Отто Иванович Макстенок, который стал активным проводником идей Советской

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 8.

России и Коминтерна в Монголии, что стало решающим фактором в подготовке и осуществлении Монгольской революции 1921 г.

Именно он как функционер НКВД РСФСР принял монгольских революционеров на официальном уровне. Как он отмечал, «вся информация с востока, все товарищи, приезжающие с востока, вся информация из России и все товарищи, едущие за границу – все направилось ко мне. Я сделался центром, связующим за границу и Советскую Россию»¹.

По воспоминаниям Д. Догсома: «В один из дней среднего весеннего месяца 1920 г. из России в Ургу прибыл И.А. Сороковиков для обсуждения важных дел. И на этой встрече он говорил, что если от Вашей партии будете посылать своих людей в Совроссию, то следует немедленно ехать вслед за мной. Я поручу дело беспрепятственного проезда их пограничному представителю в Троицковсавке Макстенеку» [Монгол Ардын, 2004. С. 50–52]. 25 июня 1920 г. две антикитайские группы подпольщиков создали Монгольскую народную партию (МНП). В отечественной историографии имеется версия, что на заседании принимали участие представители российского революционного комитета [Роцин, 1999. С. 29]. Тогда была принята декларация, в которой были поставлены конкретные задачи: избавить страну от врагов религии и нации (т.е. гаминов), восстановить в Монголии утраченные права, укрепить власть и религию, улучшить управление, заботиться о бедных, соблюдать права людей, исключить эксплуатацию человека [Кузьмин, 2016. С. 226]. В «старых» монгольских документах монгольская революционная партия называлась «Бошгыг халах нам» – «Партия, лишаящая правящую династию небесного мандата на правление» [Кузьмин, 2016. С. 226].

С 4 июля по 10 августа 1920 г. через Троицкосавск прошла «монгольская семерка». Фактически консульская работа О.И. Макстенека началась со встречи с Данзаном и Чойбалсаном, прибывшими к нему с рекомендательными письмами из Урги в середине 1920 г. О.И. Макстенок ознакомился с обращением делегации представителей монгольского народа и МНП, в котором излагалась просьба о начале переговоров с руководством Советской России для оказания помощи Монголии в ее освободительной борьбе. Текст письма был заверен

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0111. Оп. 1. Пор. № 1. Папка № 1. Л. 149 об.

Богдо-гэгэном [Кунгуров, Сороковиков, 1946. С. 45–46, 48; Кунгуров, Сороковиков, 1957]. С этого письма были сняты копии, также заверенные Богдо-гэгэном и направленные правительствам США и Японии [Чойбалсан, 1925. С. 25].

В «ответном письме О.И. Макстенека выразил твердую уверенность, что монгольский народ обретет независимость. При этом он извинился за то, что не может принять делегацию официально как представителей монгольского народа ввиду нелегальности положения МНП» [Российско-монгольское военное сотрудничество, 2008. Ч. II. С. 208]. Тем самым «Троицкосавск становился форпостом будущей монгольской революции, а О.И. Макстенеку отводилась особая роль» в этом процессе [Курас, Цыбенков, 2021. С. 201].

Эта информация подтверждается и дополняется воспоминаниями маршала Х. Чойбалсана, который указывает, что ему и Данзану была поставлена задача «...встретиться с консулом Макстенеком, получить указание о дальнейшем пути, по пребыванию на отправленное им место ставить его в известность о своих делах с дальнейшей передачей в Ургу» [Чойбалсан, Лосол, Дэвид, 1934. С. 17]. Здесь же имеется и описание внешности Макстенека [Чойбалсан, Лосол, Дэвид, 1934. С. 17]. В мемуарах дипломата и крупного ученого-китаиста М.И. Казанина также описывается внешность дипломата [Казанин, 2009. С. 55]. «Уполномоченный Советской России сказал, что он осведомлен о делах монголов и, узнав о цели приезда, должен отправить их в Верхнеудинск. При этом он советовал им быть очень осторожными, так как в городе много китайских шпионов. В ожидании парохода из Верхнеудинска Данзан и Чойбалсан пробыли еще несколько дней в Троицкосавске, ежедневно бывали у О.И. Макстенека» [Курас, Цыбенков, 2020. С. 20], который «вплотную занимался вопросами отправки Данзана и Чойбалсана, находясь на прямой связи с председателем Совета министров ДВР Б.З. Шумяцким. Поэтому он отправил монголов без сопроводительного письма, дав лишь адрес» явки [Хишигт, 2015. С. 17]. В течение всего подготовительного периода они в каждый день утром и вечером «приходили к консулу О.И. Макстенеку» [Чойбалсан и др., 1979. С. 64].

Следующая группа делегатов – Д. Бодоо и Д. Чагдаржав – оказалась в Троицкосавске в первых числах августа. По некоторым сведениям, вместе с ними приехали С.С. Борисов и Ц.-И. Дашепылов [Хи-

шигт, 2015. С. 17]. При встрече с О.И. Макстенеком монгольские революционеры вручили ему «Обращение от представителей монгольского народа и Народно-революционной партии Внешней Монголии», в котором говорилось, что «...в результате соглашения в Советскую Россию отправляется правомочная делегация от всего монгольского народа с целью установления прочной связи между революционным народом Российской Республики и Монголией, выяснения отношения Советской власти к Монголии в ее борьбе за освобождение». Делегаты подчеркнули, что монгольская сторона рассчитывает на его содействие в осуществлении их стремлений [Курас, Цыбенков, 2020. С. 86].

8 августа 1920 г. в Троицкосавск прибыла третья группа в монгольских революционеров – Д. Догсом, Д. Лосол и Д. Сухэ-Батор, имея на руках основной документ – «Письмо князей и лам Внешней Монголии». Перевод письма на русский язык сделал секретарь О.И. Макстенека Ц. Балмасу, сверку которого с текстом оригинала осуществил Э.-Д. Ринчино. «По прибытии в Иркутск, монгольская делегация с этим письмом обратилась к Сибирской миссии ЦК РКП (б) и Советскому правительству» [Курас, Цыбенков, 2020. С. 86].

Таким образом, в течение июля–августа 1920 г. советский консул О.И. Макстенок принял в Троицкосавске все три группы монгольских делегатов. Он готовил монгольских революционеров идейно и организационно: паспорта, явки, транспорт, логистика, связи с функционерами ДВР, РСФСР и Коминтерна. Фактически на квартире О.И. Макстенека в Троицкосавске (ныне музей «Российско-монгольской дружбы») был создан революционный центр, где через посредничество советского уполномоченного осуществлялась связь между монгольскими революционерами, советскими и коминтерновскими структурами [Курас, Цыбенков, 2020].

В конце августа три монгольские группы встретились в столице ДВР г. Верхнеудинске, где им пришлось пробыть более месяца. Х. Чойбалсан подчеркивает, что «делегацию принял председатель Совета министров и министр иностранных дел ДВР, секретарь Дальневосточного бюро РКП(б) Б.З. Шумяцкий» [Хишигт и др., 2020].

В Верхнеудинске все группы объединились. Все они встречались с консулом Макстенеком, с помощью которого проделали дальнейший путь.

Сухэ-Батор и Чойбалсан, находясь в Иркутске, получили через Макстенека телеграмму из Урги, в которой Догсом сообщал о приезде в Ургу. Он также известил об ухудшении положения дел в Урге, не позволявшими «заниматься делами партии» [Чойбалсан и др., 1979. С. 106].

О том, насколько О.И. Макстенок строго соблюдал правила конспирации, говорит случай, приведенный в работе Чойбалсана: «Из Иркутска Сухэ-Батор и Чойбалсан выехали 18 ноября 1920 г., прибыли 22-ого числа в Троицкосавск и остановились на квартире Макстенека, который встретил их с большим радушием. В беседе с ними Макстенок указал им на необходимость соблюдать конспирацию. Они могли встречаться только с ним и никуда не выходить из дома. Однажды, когда китайские офицеры пришли в гости к консулу, долго сидели за чаепитием, тогда как монголы находились в одной из соседних комнат» [Чойбалсан и др., 1979. С. 106].

Что касается длительности нахождения монгольских делегатов в Верхнеудинске, то причины этого объяснялись как международной обстановкой, так и статусом ДВР:

во-первых, Сиббюро отправило в Ургу своих представителей С.С. Борисова и Ц.И. Дашепылова, которые должны были оценить положение МНП;

во-вторых, советская сторона стремилась ознакомить делегатов с опытом и методами революционной работы;

в-третьих, Б.З. Шумяцкий не обладал достаточными полномочиями и ждал указаний из Москвы [Наранжаргал, 2015. С. 18].

Но встреча с руководителем ДВР имела огромное значение для монгольских делегатов, а Б.З. Шумяцкий фактически стал официальным экспертом позиции МНП, определив тем самым позицию ДВР, а по сути РСФСР, по отношению к Монголии.

«Даурский крестоносец». 2 ноября 1920 г. барон Р.Ф. Унгерн во главе Азиатской конной дивизии перешел границу Монголии. Когда он приблизился к Урге, китайские оккупационные войска обратились за помощью к РСФСР и ДВР. 6 ноября 1920 г. 5-й Армия в Иркутске получила приказ и начала подготовку военной экспедиции против Р.Ф. Унгерна. 10 и 27 ноября 1920 г. Г.В. Чичерин направил правительству Китая две ноты с предложением о совместных действиях против белогвардейцев, но Пекин отмолчался. А без согласия Китая

советское руководство не могло осуществить ввод войск в Монголию. 17 ноября 1920 г. в Иркутске на совещании советских и монгольских революционеров было принято решение о начале вооруженной борьбы против китайских войск и Р.Ф. Унгерна. Задача монгольских революционеров заключалась в осуществлении пропаганды среди монгольского населения, борьбе с китайскими захватчиками и белогвардейцами, развитии национально-освободительного движения, создании народно-революционной армии [Бат-Очир, Дашжамц, 1973. X. 117]. 7 декабря 1920 г. в Сибирскую миссию НКВД РСФСР ушла телеграмма О.И. Макстенека о воззвании Богдохана, запрещающего монголам присоединяться к белым [Российско-монгольское военное сотрудничество, 2008. Ч. I. С. 126]. Этому способствовало «Обращение князя Тушегуна Бейсе Цахарского хошуна Тушетухановского аймака Внешней Монголии к уполномоченному НКВД РСФСР с просьбой о защите и покровительстве», которую в конце 1920 г. О.И. Макстенек отправляет в Сибирскую миссию [Российско-монгольское военное сотрудничество, 2008. Ч. I. С. 127–128].

4 февраля 1921 г. барон освободил Ургу от китайской оккупации, восстановив тем самым монгольскую автономию, но реальная власть в стране фактически перешла к «освободителю» Монголии. Сложившаяся ситуация встревожила и монгольских революционеров, и советское руководство.

Создание Монгольской народной партии. 1–3 марта 1921 г. на квартире О.И. Макстенека при его непосредственном участии состоялось партийное совещание, которое в 1924 г. на III съезде партии было объявлено Первым учредительным съездом МНРП. «Он был немногочисленным – 26 участников на заключительном заседании. Всего монгольских партийцев тогда насчитывалось около 150 человек»¹. Съезд избрал ЦК партии и утвердил партийную платформу (программу) «10 принципов»: объединение монголов в одно государство, освобождение от китайских милитаристов, утверждение власти народа и восстановление государственности, временное соглашение с другими партиями Монголии (если они возникнут), устранение «бесполезных и отживших» институтов власти [Роцин, 1999. С. 33–35, 51]. Автором

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 51. Л. 31.

платформы был Ц. Жамцарано (Ж. Цэвэн). В ней прослеживается сильное влияние идей и практики Коминтерна:

- уничтожение империалистического гнета;
- достижение национальной независимости;
- торжество народной власти;
- демократизация общественной жизни страны.

Поэтому не случайно, что «МНП вступила в Коминтерн как сочувствующая организация 11 марта 1921 г., а в июле 1921 г. ее делегаты уже участвовали в работе III съезда Коминтерна» [Роцин, 1999. С. 33–35, 51].

Заключение. Тем самым монгольский вопрос вошел в повестку интересов руководства РСФСР [Курас, 2016. С. 181]. И хотя РСФСР и большевики не вмешивались в борьбу политических сил Монголии, тем не менее правительство ДВР с подачи О.И. Макстенека предпринимало меры, направленные на урегулирование российско-монгольских взаимоотношений.

Таким образом, мы можем утверждать, что победа над Колчаком, создание ДВР и деятельность Уполномоченного НКВД РСФСР в Урге, борьба с Унгерном способствовали победе будущей Монгольской революции, которая стала реальным продолжением «Революции в Колчакии».

Литература

Базаров Б.В., Жабоева Л.Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 376 с.

Бат-Очир Л., Дашжамц Д. Дамдингийн Сүхбаатар. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1973. Х. 117.

Казанин М.И. Избранное / отв. ред. В.С. Мясников. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 430 с.

Кузьмин С.Л. Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. 556 с.

Кунгуров Г., Сороковиков И. Аратская революция. М.: ОГИЗ, 1946. 144 с.

Кунгуров Г., Сороковиков И. Аратская революция. Исторический очерк. Иркутск: Кн. изд-во, 1957. 208 с.

Курас Л.В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. Иркутск: Отгиск, 2016. 252 с.

Курас Л.В. «Революция в колчакии» и предпосылки Монгольской революции 1921 года // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2017. Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. С. 76–81.

Курас Л.В., Хишигт Н., Цыбенев Б.Д. От «Революции в колчакии» до Монгольской революции 1921 года // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2017. Иркутск: Изд-во БГУ, 2020. С. 385–392.

Курас Л.В., Цыбенев Б.Д. Отто Иванович Макстенек: год из жизни советского дипломата // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2020. Т. 32. С. 83–90.

Курас Л.В., Цыбенев Б.Д. Дальневосточная республика: от «конспиративной квартиры» до «колыбели» Монгольской революции // Россия и АТР. 2021. № 1. С. 194–208.

Ленин В.И. Отсталая Европа и передовая Азия // Полное собрание сочинений: издание пятое. Т. 23. М.: Изд-во политической литературы, 1973. С. 166–167.

Ленин В.И. Пробуждение Азии // Полное собрание сочинений: издание пятое. Т. 23. М.: Изд-во политической литературы, 1973. С. 145–146.

Лиштованный Е.И. Монгольский мир в условиях транснациональной истории первой четверти XX в. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2017. № 3 (27). С. 182–184.

Наранжаргал Н. Новые источники о первой монгольской делегации в СССР // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук. 2015. № 2. С. 31–34.

Приветственные послания Верховному правителю и Верховному главнокомандующему Адмиралу А.В. Колчаку. Ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г.: сб. док-тов / сост. и науч. ред. В.В. Журавлев. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 560 с.

Пунсалдулам Б., Хишигт Н. 1911, 1921 оны Монголын хувьсгал (Гадаадын түүх бичлэгийн тойм). Улаанбаатар, 2007. 208 с.

Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сб. док-тов: в 2 ч. М.; Улан-Удэ: Изд-во ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. Ч. I. 349 с.; Ч. II. 326 с.

Рощин С.К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. 325 с.

Саблин И.В. «Вильсоновский момент» на Восточном фронте: война, национализм и буддизм в Сибири и Монголии // Первая мировая война в «восточном измерении»: сб. ст. М.: ИВ РАН, 2014. С. 135–136.

Хишигт Н. Великая российская революция 1917 г. и национально-освободительное движение монголов // Сибирь в годы Великой российской революции: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2017. С. 14–23.

Хишигт Н., Курас Л.В., Цыбенков Б.Д. Дорогами надежд и ожиданий (монгольская делегация в ДВР и Советской России в 1920 г.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16, № 1. С. 163–175.

Чойбалсан Х. Краткий очерк истории Монгольской народной революции. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. 79 с.

Чойбалсан Х., Лосол Д., Дэвид Г. Монгол ардын үндэсний хувьсгалын үүсч байгуулагдсан товч түүх [Краткий очерк национальной революции монгольского народа]. УБ., 1934. 310 х. (на старомонгольской письменности).

Чойбалсан Х., Лосол Д., Дэвид Г. Монгол ардын үндэсний хувьсгалын анх үүсэж байгуулагдсан товч түүх (Хоёрдахь удаагийн хэвлэл). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1979. Тал 64.

УДК 94(47)084.3

doi:10.31518/978-5-98901-255-8-306-316

Х.М. Доного

Особенности повстанческой борьбы в Дагестане и Чечне в 1922–1925 годах

Н.М. Donogo

Features of the Insurgent Struggle in Dagestan and Chechnya in 1922–1925

Аннотация. Подавление вооруженного антисоветского восстания в Дагестане и Чечне частями Красной армии и партизанскими отрядами к маю 1921 г. вовсе не означало, что в регион пришли мир и спокойствие. Последующая повстанческая борьба против советской власти, отличавшаяся пропагандистской деятельностью, активностью иностранной агентуры, боевыми столкновениями, осенью 1925 г. окончилась операцией «по разоружению горских автономий и изъятию бандитского элемента», проведенной войсками Красной армии и силами ОГПУ с участием местного населения. Политические, социально-экономические и культурные изменения, происшедшие в Дагестане и Чечне, вызвали к середине 1920-х гг. перелом в настроении трудовой массы горцев, взявших курс на мирное созидание.

Ключевые слова: партизанское движение, повстанческое движение, повстанческая борьба, Дагестан, Чечня, горские автономии.

После окончания боевых действий частей Красной армии и партизанских отрядов по подавлению антисоветского восстания (апрель 1921 г.) в декрете № 1 Революционного комитета Дагестанской Советской Социалистической Республики было объявлено об амнистии всем рядовым членам вооруженных отрядов, добровольно сложивших оружие¹. Часть участников восстания явилась с повинной, но их лидер Нажмуддин Гоцинский и другие активные представители группировок борьбу против советских органов не прекращали. Уже к осени 1921 г. в восьми округах Дагестана из десяти они вновь активизировали свою деятельность.

¹ Советский Дагестан. 1921. 1 мая.

«В организации контроля за проведением антиповстанческих мероприятий непосредственно участвовали как центральные партийные, советские, военные и карательные структуры – Центральный комитет РКП(б), Всероссийский центральный исполнительный комитет РСФСР, Совет народных комиссаров, Совет труда и обороны, Главное командование Красной армии, Революционный военный совет Республики, Всероссийская чрезвычайная комиссия, Революционный трибунал, так и их подразделения, действовавшие на местах» [Кратова, 2012. С. 115]. В связи с тревожным политическим положением 30 января 1922 г. в Дагестане было образовано Республиканское военное совещание по борьбе с бандитизмом, в состав которого вошли представители ДК РКП (б), ДагЦИКа, чекистского органа и военного командования. С августа 1922 г. Дагестан был объявлен на военном положении.

Скрываясь на алмакских хуторах Хасавюртовского округа, Н. Гоцинский прилагал усилия, чтобы вновь организовать единомышленников к дальнейшей борьбе. Аулы Андийского и Аварского округов в Дагестане представляли собой базу по снабжению Н. Гоцинского, когда тот скрывался в Чечне. Они информировали его о деятельности органов советской власти, предупреждали обо всех мероприятиях по его розыску.

В Чечне в это время органы Наркомпрода продолжали «выкачку» продналога с той же жестокостью, с которой ранее они проводили разверстку. В марте 1922 г. штаб Северо-Кавказского Военного округа сообщал: «Настроение Чечни все еще нельзя считать здоровым... Необходимо усилить гарнизоны крепостей Шатой и Ведено до пехотного полка каждый, выставить достаточной силы заслон по границе Чечни и Дагестана. Разоружение должно начаться с плоскостной Чечни, дабы обезопасить район Грозного. Операция должна вестись самым настоящим образом вплоть до уничтожения непокорных аулов»¹.

В мае 1922 г. в результате операции был разоружен ряд чеченских аулов: Махкеты, Гойты и Катыр-юрт, причем последние были подвергнуты бомбардировке с воздуха. Всего на территории Северо-Кавказского военного округа на это время действовало 25 повстанческих отрядов численностью в 1225 штыков и сабель при 34 пулеметах.

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 25896. Оп. 3. Д. 66. Л. 164–169.

«Бандитизм, – отмечалось в сводках ГПУ за октябрь 1922 г., – руководимый всякого рода националистическими группировками, грозит вылиться в большое восстание. Антисоветское движение, направленное к срыву продовольственной кампании, наиболее резко выявилось в аулах Горной Чечни» [Совершенно секретно, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 290].

Одной из главных задач советских органов была поимка Н. Гоцинского, продолжающего вести активную деятельность. Имам обращался к населению с воззваниями, налаживал агентурную сеть, проводил сборы, старался поддерживать связь с эмигрантами и т.п. Для восстания прерванной связи с эмигрантскими центрами им за границу был отправлен бывший офицер «Дикой дивизии» Ахмед Хан Аварский, который в 1922 г. возбудил перед Советом Лиги Наций ходатайство о признании Н. Гоцинского главой «будущего независимого государства на Кавказе» и оказании помощи в свержении советской власти. Идею поддержали, и Н. Гоцинскому была обещана помощь. Этому, в частности, способствовала активная деятельность различных кавказских эмигрантских организаций.

Н. Гоцинский, в свою очередь, установил связь с главарями действующих группировок в Чечне и Ингушетии А. Митаевым и А. Шамилевым, готовых по первому сигналу выступить против советской власти, а также с С. Челокаевым – ставленником военного центра «Паритетного комитета меньшевиков», созданного в августе 1922 г. в Грузии.

«При первом же сигнале со стороны Гоцинского должно было восстать, как он полагал, поголовно все население Шатоевского и Веденского округов Чечни, Андийского и Хасавюртовского округов Дагестана, захватить крепости Шатой, Ведено и Ботлих, а затем восстание должно было распространиться на остальную территорию» [Сулейманов, 2000. С. 61]. Однако некоторые общества, опасаясь за последствия со стороны советских карательных органов, не решались подниматься на восстание. В непростой внутривнутриполитической обстановке, сложившейся в данном регионе, органы советской власти применяли такие меры по предотвращению действий группировок, как административная высылка пособников, укрывателей, изъятие оружия у населения, а также агитационно-массовая работа. Чекистам Дагестана удалось ликвидировать несколько крупных группировок. Так, в январе 1923 г. группой сотрудников Даготдела и бойцов

48-го дивизиона ОГПУ был разгромлен отряд Э. Кахтаева (300 чел.) в Хасавюртовском округе, а августе того же года – группа Ибрагима Хаджи Кучринского (70 чел.) в Гунибском округе. Далее чекисты выследили и арестовали прибывших из Турции агентов М. Ханмурзаева и М. Капиева, а также эмиссара «Высшего Кавказского комитета» (филиал партии «Иттихад-ислам») С. Эфендиева.

Тем не менее в Чечне продолжали успешно действовать отдельные группировки, терроризируя представителей советских органов и нападая на различные объекты. 18 января 1923 г. отряд под командой Ахмета Гербиева произвел нападение на старые нефтепромыслы, другой отряд численностью в 25 сабель ограбил поезд на разъезде Гарзе. В Дагестане 28 января отряд неуставленной численности произвел налет на склад Центросоюза. В середине марта для борьбы с бандитизмом в Даргинском округе ДагЭКОСО отпустил необходимые средства на усиление штатов милиции. В это же время из Грузии на территорию Горреспублики перешел отряд в 500 сабель с тремя пулеметами и двумя горными орудиями, который действовал в Веденском округе в районе сел Шали и Гильдыни.

По-прежнему чекистами предпринимались попытки выйти на след Н. Гоцинского, скрывавшегося в горах Чечни. Временами им это удавалось. Например, в спецполитсводке от 4 февраля 1923 г. сообщалось, что «в с. Баян скрывается главарь восстания Чечни полковник Гоцинский» [Совершенно секретно, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 666]. В другой сводке Н. Гоцинский представляется как «вдохновитель банд и популярный горский князь» [Совершенно секретно, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 907]. С помощью сочувствующих местных жителей имаму всякий раз удавалось уйти от преследования.

В конце ноября 1923 г. при содействии советских органов в с. Кахиб был проведен съезд мусульман Дагестана. В своем воззвании съезд призвал верующих к борьбе против Н. Гоцинского и его банд¹. Прошедший в декабре 1923 г. Третий Вседагестанский Съезд Советов «заявил громко на весь Дагестан о том, что необходимо принять самые решительные меры по борьбе с бандитизмом в горах, мешающим мирной жизни горских крестьян и их творческой работе по восстановлению хозяйства, разрушенного в процессе гражданской войны

¹ Красный Дагестан. 1923. 16 дек.

бандами имама Гоцинского и интервентами»¹. Эти и другие действия чекистов затруднили деятельность повстанцев, и в декабре 1923 г. Н. Гоцинский через своего родственника подполковника царской армии З. Доногуева сообщил в Даготдел ОГПУ о своем желании прекратить сопротивление.

Однако вскоре ситуация изменилась. В конце февраля 1924 г. в ставку Н. Гоцинского прибыли два агента английской разведки под видом инженеров, производивших промышленные исследования в горах. Агенты заверили Н. Гоцинского в поддержке со стороны Англии и передали последнему деньги для дальнейшей подготовки организации борьбы. Заинтересованность Англии в происходящих событиях на Северном Кавказе была очевидной, хотя и малорезультативной. Во всяком случае определенная работа британскими спецслужбами в натравливании мусульманских окраин СССР против советской власти проводилась. Обещания английских агентов оказать помощь ободряюще подействовали на Н. Гоцинского, что видно из материалов «Обзора политэкономического состояния СССР за февраль 1924 г.», где говорилось: «Имел место ряд совещаний видных деятелей организации (Гоцинского, Али Митаева, Бело Хаджи и турецких агентов), вслед за коими усилилась агитация за неподчинение советской власти и распространялись слухи о приходе турок. В округах Новочеченском и Надтеречном ведется усиленная агитация за укрепление религии со стороны мулл, руководимых Бело Хаджи. По директивам последнего ведется вербовка в отряды для весенней повстанческой работы. Всей работой по Чечне руководит Гоцинский, держащий связь с Северо-Кавказским ЦК этой организации...» [Совершенно секретно, 2001. Т. 2. С. 51–52].

Изменив свое решение выйти с повинной, Н. Гоцинский составляет «Ноту Советскому правительству» [Магомедов, 1999. С. 7], в которой клеймит политику большевиков, и через посредников пытается переслать ее руководителям советской власти для ознакомления. Н. Гоцинский активизировал свои действия, рассылая своим людям послания, в которых сообщал о готовящихся событиях, отдавал приказы, заранее намечал надежных людей на руководящие посты. В одном из таких посланий говорилось: «Старайтесь уничтожить большевистские дела с

¹ Красный Дагестан. 1923. 20 дек.

корнями. Это вы обязаны сделать, поскольку я вам приказываю... распространяйте ложные слухи по поводу большевиков, так как этим мы можем помочь нашему делу... Старайтесь тайно склонить народ в нашу сторону, чтобы и он был в союзе с нами. Не ведите никаких переговоров с теми, которые признали большевиков...» [Доного, 2011. С. 371]. Копии писем Н. Гоцинского распространялись по аулам, в некоторых из которых созывались сходы, где обсуждались его предложения.

15 апреля 1924 г. на хуторе Нижелой Шатоевского округа Н. Гоцинский созывает сбор (около 100 чел.), на котором было оглашено письмо Саид Бея Шамиля (*внук имама Шамиля, находящийся в то время в Турции*). В послании говорилось о скором приезде внука Шамиля, о получении партии оружия, о денежной помощи и др. Собравшиеся наметили мероприятия для дальнейшей борьбы против советского аппарата, который, по мнению уполномоченного Наркомфина, «в дагестанской республике чрезвычайно слаб, ибо фактически республика вышла из гражданской войны и бандитизма полтора года назад и не могла окрепнуть как следует»¹.

Во многих донесениях в Центр отмечалось, что власть на местах фактически принадлежала муллам и старейшинам, а не сельским советам. Поэтому как только в начале мая 1924 г. в селении Дылым Хасавюртовского округа (*здесь в районе 4-го участка округа находилась ставка Н. Гоцинского*) вспыхнуло небольшое волнение, к нему сразу же присоединилось несколько окрестных аулов. Первая попытка отряда 48-го дивизиона ГПУ изъять наиболее активных участников восстания потерпела неудачу, и ему пришлось отойти и ждать подкрепления. Вскоре для разоружения Дылыма и окрестных селений был сформирован отряд в составе подразделений 37-го и 38-го стрелковых полков Красной армии и дивизиона ОГПУ, которые к 12 мая завершили операцию и захватили заложников². Операция была успешно завершена полной ликвидацией Зубутлинской (300 чел.) и Дылымской (70 чел.) группировок, «дылымской» базы Гоцинского со взятием в плен около 100 повстанцев. В это же время Чеченским отделом ОГПУ был арестован Али Митаев, что лишило Н. Гоцинского опоры в Чечне.

¹ РГВА. Ф. 25896. Оп. 3. Д. 27. Л. 58–59 об.

² Там же. Л. 63.

19 мая 1924 г. Н. Гоцинский вновь через З. Доногуева обратился в Даготдел ОГПУ с предложением о встрече, однако со стороны чекистов в переговорах было отказано.

В Дагестане положение характеризовалось непрекращающимися антисоветскими действиями, все более принимающими религиозные формы. Возобновил свою организаторскую деятельность шейх Али-Хаджи Акушинский, имевший большой авторитет в Даргинском округе и прилежащих к нему районах. В плоскостной части Дагестана имело место ряд убийств работников советских органов и три налета на железнодорожную линию, сопровождавшиеся крушением поездов. В Чечне также было совершено несколько нападений на местные объекты. По мнению советских следственных органов, нападения совершались по заданию Н. Гоцинского. В ответ последовали карательные действия, в результате чего были арестованы 46 приверженцев Н. Гоцинского, конфисковано 50 винтовок и 2 000 патронов. Через некоторое время в Веденском округе был создан отряд из 40 человек, состоящий из дагестанцев, чеченцев и русских, который переправился на дагестанскую территорию с целью нападения на железнодорожную линию. В Хасавюртовском округе активно действовал Али Аджи, сторонник Н. Гоцинского, имеющий немалый авторитет среди местного населения и набиравший отряды для вооруженных действий. Вооруженные представители семи селений округа выступили по направлению к городу Хасавюрту с целью отомстить начальнику милиции за убийство двух чеченцев во время перестрелки с отрядом милиции, происшедшей ранее. Стянув к месту конфликта войска, продвижение отряда было приостановлено властями.

В сентябре 1924 г. через Батуми от англичан поступила партия оружия и мануфактура. Захват Н. Гоцинским крепостей Ботлих, Ведено, Шатой должен был послужить сигналом для начала нового антисоветского восстания.

В апреле 1925 г. в с. Зумсой состоялась встреча Н. Гоцинского с майором английской армии Вильямсом и турком-переводчиком Халилом. От англичан вновь была получена гарантия поддержки восстания. «Он (Вильямс) заверил меня, – отмечал впоследствии Н. Гоцинский, – что Англия твердо решила изгнать большевиков из Кавказа, а для этого готова организовать восстание, обеспечить оружием и всем необходимым, в том числе и высадкой десанта на черноморском побе-

режье» [Дело № 7695, 1999. С. 20]. Такой поворот дела поднял дух в повстанческом лагере.

В свою очередь представительство ОГПУ на Северном Кавказе разработало план решительных действий «по ликвидации очагов враждебных группировок и в составе сотрудников и бойцов Дагестанского, Чеченского, Владикавказского, Терского, Кабардино-Балкарского отделов ОГПУ совместно с частями Красной армии под общим руководством полномочного представителя ОГПУ на Северном Кавказе Е.Г. Евдокимова и командующего войсками Северо-Кавказского военного округа И.П. Уборевича, действуя по плану, начали одновременно сжимать кольцо вокруг банд Гоцинского...» [Сулейманов, 1974. С. 74]. Командование СКВО под наблюдением местного партийного руководства подготовило план операции по разоружению населения Чеченской автономной области, в инструкции которого говорилось: «Производство операции по разоружению Чеченской автономной области в целом возлагается на военное командование всех степеней, выделяемых для названной операции войсковых соединений и органов ОГПУ, через своих представителей на местах... Намеченный к разоружению аул окружается войсковой частью с таким расчетом, чтобы жители были лишены возможности сносятся с прилегающими районами... В исключительных случаях при наличии злого активного или пассивного сопротивления разоружению допускается производство арестов влиятельных лиц аула, причем к этой мере прибегать как к крайней, соблюдая максимальный такт» [Аптекарь, 2001. С. 162].

25 августа артиллерийским огнем был обстрелян чеченский аул Ачхой, после чего жители начали сдавать оружие. Аналогично шло разоружение и в следующие дни, разница была лишь в степени упорства жителей и количестве выпущенных по аулу снарядов. Например, 27 августа бомбардировке подвергся аул Зумсой. На следующий день обстрел этого селения, как артиллерийский, так и с самолетов, был продолжен, далее такая же участь постигла аулы Келой, Химой, Хакмалой.

Бомбардировка и обстрел Дая 29 августа стоили аулу четырех убитых, пятерых раненых и 20 разрушенных домов. Здесь скрывался сподвижник Н. Гоцинского Мухаммад Амин Ансалтинский. На отказ

жителей выдать его 2 сентября по аулу был открыт артиллерийский огонь, и к вечеру того же дня М. Ансалтинскому пришлось сдаться.

30 августа 1925 г. под хутором Ведучи произошел бой, в результате которого повстанцы отступили в Дайское ущелье, а затем в течение четырех дней были разбиты.

5 сентября специальная оперативная группа в составе начальника Чеченского отдела ОГПУ С.Н. Миронова, его заместителя Г.Г. Крафта, бывшего заместителя начальника Даготдела ОГПУ Л.И. Когана и других арестовала Н. Гоцинского, а также шейха Джаватхана, предводителя ингушских группировок А. Шамилева, бывшего председателя Ножауртовского окрисполкома М. Гебертиева, военного советника турецкого полковника Хусейна Эфенди, телохранителей Гоцинского братьев Ш. и И. Мусаевых и др.

На основании данных госинформации Информотдела ОГПУ, дополненных материалами отделов ОГПУ – Секретного (антисоветские партии и группировки) и Контрразведывательного (бандитизм), подтверждается факт, что в захвате и аресте Гоцинского не обошлось без предательства [Совершенно секретно, 2002. Т. 3. Ч. 1. С. 466].

В срочном порядке Н. Гоцинский был вывезен из Чечни в Ростов, где 15 октября 1925 г. суд приговорил его к высшей мере наказания – расстрелу.

Президиум ВЦИК в постановлении от 4 января 1926 г. отметил исключительное мужество, дисциплинированность, выносливость и решительность участников операции и наградил наиболее отличившихся чекистов орденами и грамотами¹. Операция по разоружению Чечни была закончена. «Потери участвовавших в операции частей составили 5 убитых, 9 раненых и 10 лошадей. Репрессии выразились в воздушной бомбардировке 16 аулов, ружейно-пулеметном и артиллерийском обстреле 101 населенного пункта из общего количества 242 аула. Среди населения во время обстрела было убито 6 человек и ранено 30, убито 12 бандитов, взорвано 119 домов. Изъято более 300 человек бандэлемента... За время операции изъято 25 299 винтовок, 4319 револьверов, 1 пулемет и около 80 тысяч патронов»².

В то время когда на севере шли бои против отрядов Н. Гоцинского, на юге Дагестана велась борьба против так называемой «Ванашима-

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1235. Д. 11. Оп. 42. Л. 22.

² РГВА. Ф. 25896. Оп. 3. Д. 66. Л. 164.

хинской банды», охватившей своими действиями Даргинский, Кайтаго-Табасаранский, Дербентский округа и Махачкалинский район.

После проведения операции по разоружению Чечни руководство Северо-Кавказского края решило провести такое же мероприятие и в Дагестане. Органы ОГПУ оценивали запасы оружия в Дагестане к тому моменту в 100 тысяч стволов и отмечали производство в отдаленных селениях не только патронов, но и револьверов. В связи с этим был сделан вывод: «В случае внешних осложнений Советский Союз не может быть уверен за спокойствие в Дагестане, каковой будет находиться под угрозой крупных восстаний, могущих оттянуть на себя значительное количество сил»¹.

К операции по разоружению дагестанского населения привлекались 2-я, 22-я и 28-я стрелковые и 5-я кавалерийская дивизии, сводный национальный кавполк, автобронедивизион, окружная военно-политическая школа, две школы ГПУ, авиационные части общей численностью около 16 тыс. человек, 350 пулеметов, более 30 орудий, 6 бронемашин, бронепоезд и 18 самолетов. В первую очередь войска должны были разоружить Даргинский, Кайтаго-Табасаранский и Кюринский округа, а затем приступить к остальным². 1 сентября границы Дагестана были блокированы войсками Кавказской армии, Чеченского и Терского отделов ОГПУ. Для ликвидации сопротивления «был применен административный нажим, полное окружение аулов и рейдирование авиации, после чего в настроении населения произошел известный перелом. К 15 сентября поступление оружия вновь прекратилось, что свидетельствовало о том, что главная часть оружия действительно изъята»³.

Участники ликвидации горских группировок были поощрены Москвой. В частности, старшему инспектору ПП ОГПУ Северо-Кавказского края Л.И. Когану из Центра от 8 июня 1927 г. была объявлена благодарность, в которой говорилось: «Летом 1925 года на территории Чеченской автономной области была произведена ликвидация банд во главе с Нажмуддином Гоцинским и другими активными руководителями бандитизма и контрреволюции. Успешному выполнению этой ликвидации способствовали исключительное мужество, дисциплинированность, выносливость и решительность всех участников операции. Президиум Всероссийского Центрального Исполни-

¹ РГВА. Ф. 25896. Оп. 3. Д. 66. Л. 155.

² Там же. Д. 316. Л. 5.

³ Там же. Л. 11.

тельного Комитета на заседании своем 4 января 1926 г. постановил: Объявить Вам, как участнику названной операции, благодарность и наградить Вас настоящей грамотой» [Сулейманов, 2000. С. 163].

Разгром Н. Гоцинского в значительной степени был осуществлен силами отдельных частей 11-й Красной армии, краснопартизанских отрядов, отделами ОГПУ, а также благодаря планомерной работе советских органов по закреплению достигнутых успехов.

Подводя итоги действиям в Дагестане и Чечне в первой половине 1920-х гг., следует отметить следующее. Несмотря на новую идеологию и новую социальную основу, советское правительство в основном продолжило в отношении местного населения традиционную амбивалентную политику. С помощью военной силы реинтегрировались отпавшие области, подавлялось сопротивление восставших горцев. Новая атеистическая идеология усилила агрессивный элемент антиисламской политики.

Повстанческая борьба Н. Гоцинского в 1922–1925 гг. сохраняла надежды в отношении свержения советской власти, но была обречена на провал. Политические, социально-экономические и культурные изменения, происшедшие в Дагестане и Чечне, вызвали к середине 1920-х гг. перелом в настроении трудовой массы горцев, взявшей курс на мирное созидание.

Литература

Дело № 7695. Архивное уголовное дело на Н. Гоцинского // Ахульго. 1999. № 3. С. 19–22.

Доного Хаджи Мурад. Нажмуддин Гоцинский. Махачкала: ДГПУ, 2011. 560 с.

Кратова Н.В. Повстанческое движение на Кубани и в Пятигорье в начале 20-х годов XX века / Рос. акад. наук, Южный науч. центр, Ин-т социально-экономических и гуманитарных исслед. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 254 с.

Магомедов М. Нота Нажмуддина Гоцинского Советскому правительству // Ахульго. 1999. № 3. С. 7–9.

Совершенно секретно: Лубянка-Сталину о положении в стране (1922–1934). М.: ИРИ РАН [и др.], 2001; М., 2021. Т. 1. Ч. 1: 1922–1923 г. 489 с.; М., 2001. Т. 1. Ч. 2: 1922–1923 г. С. 491–1102; М., 2001. Т. 2: 1924 г. 510 с.; М., 2002. Т. 3. Ч. 1: 1925 г. 495 с.

Сулейманов С.И. Из истории чекистских органов Дагестана: Документальные очерки истории 1920–1945 гг. Махачкала: Юпитер, 2000. 208 с.

УДК 94(575.1) 084.3:930
doi:10.31518/978-5-98901-255-8-317-342

О.А. Махмудов, О.Г. Пуговкина

**История вооруженного сопротивления советской
власти в Туркестанской АССР – Узбекской ССР:
подходы и оценки современной историографии
Узбекистана (конец 1990-х – начало 2020-х годов)***

О.А. Makhmudov, O.G. Pugovkina

**The History of Armed Resistance to Soviet Power
in the Turkestan ASSR – Uzbek SSR:
Approaches and Assessments of Modern Historiography
of Uzbekistan (late 1990s – early 2020s)**

Аннотация. В статье на основе изучения работ историков Узбекистана показано формирование нового дискурса по истории вооруженного сопротивления советской власти («басмачество») и новых подходов к изучению этого движения. За истекшие 30 лет в узбекистанской историографии история вооруженного сопротивления против советской власти была подвергнута комплексному переосмыслению как самих источников, так и подходов к изучению самого движения и интерпретации его сущности. В частности, дана переосмысленная оценка истории возникновения движения, факторам его формирования, степени участия в нем различных социальных групп, взаимоотношения и диалог с советской властью, воссозданы биографии видных лидеров движения и противоречивость путей достижения ими целей.

Ключевые слова: вооруженное сопротивление советской власти, «басмаческое движение», историография, история, конец XX – начало XXI вв., анализ и интерпретация, методологические подходы, национальный нарратив.

Введение. После распада СССР каждая из бывших советских республик, ставших независимыми, начала создавать свои собственные концепции и нарративы в исторической науке и памяти. Широкомасштабное переосмысление исторических событий коснулось и узбекистанской исторической науки. Особое внимание исследователей

* Авторы выражают искреннюю признательность профессору Дилором Алимовой, просмотревшей статью и высказавшей ряд ценных замечаний и предложений.

привлекли события последних 150 лет, связанные как с завоеванием Средней Азии Российской империей, так и с установлением советской власти в регионе. Последнее сопровождалось мощными социальными, политическими, культурными и экономическими потрясениями для народов Туркестана: две революции 1917 г. – Февральская и Октябрьская, ликвидация легитимной власти в лице российского императора, хивинского хана и бухарского эмира вместе с государствами, в которых они правили, а также существовавших в них сословий и привилегий, принадлежавших последним; насильственное внедрение новой идеологии; движение за раскрепощение женщин – «Худжум; национально-территориальное размежевание; земельноводные реформы; репрессивная политика и т.д. Эти вопросы были довольно полно и всеобъемлюще отражены в советской исторической науке, хотя и на основе марксистско-ленинских методологических подходов.

В узбекистанской историографии после 1991 г. концептуальное переосмысление коснулось и истории движения против советской власти, трактовавшегося в советской историографии как «басмаческое движение». В рамках настоящего исследования предпринята одна из первых попыток рассмотреть историю изучения исторического явления, носящего в современной узбекистанской историографии наименование «Движение за независимость» («Истиклолчилик харакати») или же «Вооруженное движение против советской власти». Будут показаны современные его интерпретации и подходы узбекистанских историков к его изучению, динамика исследовательского интереса к этой теме, а также выявлены факторы, которые влияют на активность в исследовании настоящей проблемы.

Нами к анализу были привлечены историографические источники в виде отдельных научных статей, научных сообщений на конференциях, коллективные и авторские монографии, опубликованные с начала 1990-х по начало 2020-х гг.

Анализ имеющейся исторической литературы, а также знание основных тенденций развития исторической науки в Узбекистане после 1991 г. позволили выделить несколько этапов (периодов) в становлении и формировании национального дискурса по истории «Вооруженного движения против советской власти в Узбекистане (1918–1930-е гг.)».

I. Как все начиналось. С конца 1980-х гг. под влиянием перестройки в исторической науке Узбекистана наблюдались позитивные изменения, «произошло заметное омоложение научных кадров, открылись новые направления, такие как историческая социология, и в целом произошло бурное обновление самой исторической науки, сопровождавшееся многочисленными конференциями и симпозиумами» [Алимова, 2008. С. 3738]. Одна из ведущих узбекистанских исследователей, являвшаяся долгие годы директором Института истории АН РУз, профессор Д.А. Алимова так писала об этом периоде: «С этого момента (развала СССР – авторы) пересмотру подверглись многие ее (исторической науки – авторы) аспекты и трактовки, которые были никем не опровергаемыми догмами. Ударом для старых идеологов и открытием для многих стал пересмотр и новая оценка “басмачества” как национально-освободительного движения, “октябрьской революции” – как экспортированного в Туркестан переворота, характеристика джадидизма (трактовавшегося в советский период как националистическое мелкобуржуазное движение) в качестве национально-прогрессивного движения, а “Туркистон Мухторияти”¹ – как первую попытку национально-государственного строительства. В предшествующие до независимости годы все эти открытия имели вполне понятный научно-эмоциональный характер. Но именно тогда во главе с тогдашним директором института Р.Я. Раджаповой были заложены основы будущей перестройки, и благодаря ее усилиям и найденным направлениям историческая наука в Узбекистане с рельсов фальсификации перешла на рельсы объективности» [Алимова, 2008. С. 38].

Новый период в изучении истории «басмаческого движения» был ознаменован так называемой «архивной революцией в СССР», когда перед советскими историками, в том числе и в Узбекистане, открылись ранее засекреченные архивы. Осмысление новых архивных материалов вылилось в целую серию статей по истории «басмаческого движения», написанных на основе привлечения новых документов, с новым восприятием уже известных источников и содержащейся в них информации. Но, как можно отметить из названия публикаций конца

¹ «Туркестанская автономия» – попытка создать автономный Туркестан в составе России в 1918 г. [Подробнее см.: Агзамходжаев, 2006; История Туркестанской автономии и др.].

80-х – начала 90-х гг., трактовка событий продолжала сохраняться неизменной – «басмаческое движение» [Ким, Хасанов, 1989; Папоров, 1990; Хасанов и др., 1991; Болтабоев, 1991; Босмачилик, 1991; Дониёров, 1991; Акрамов Босмачилик ҳаракати, 1991; Шермухамедов, 1991 и др.].

Примечательно, что первые статьи публиковались в журналах научно-популярного характера, таких как «Звезда Востока», «Шарк юлдузи», «Фан ва турмуш», «Диалог», «Юность» и др. Так, например, в статьях узбекистанских историков М. Хасанова, В. Германова, Ш. Дониёрова, А. Акромова и других в названиях продолжала оставаться конструкция «басмачество», но поднимавшиеся там вопросы ставили под сомнение установившуюся в советской историографии точку зрения: «Трагедия Алимхана», «Революция, которая не удовлетворила», «Басмачество: правда и вымысел», «Кем был Мадаминбек?». В этих статьях презентовалась иная, новая для общественности и отчасти для советской исторической науки точка зрения на это Движение. Публикуемые материалы отличались от устоявшейся в советской историографии точки зрения о «басмачах» как о «злых, опасных и жестоких врагах. За ними – пепел сожженных кишлаков, вытопанные поля, треск пулеметных очередей и винтовочные выстрелы, тысячи погибших и замученных людей, голод, смерть, искалеченные судьбы... Слово “басмач” происходит от тюркского глагола “басмак”, что означает “давить”, “притеснять”, “насиловать”. У народов Средней Азии понятие “басмач” означает “налетчик”, “бандит”, “разбойник”, “наильник”. Басмачами издавна называли людей, избравших своей “профессией” нападения на торговые караваны, разбой, убийства» [Зевелев и др., 1981. С. 3].

II. Время новых нарративов. Активная разработка темы, как показывает анализ публикаций, начинается сразу же после развала СССР и провозглашения независимости Узбекистана в 1991 г. Весьма примечательным видится и тот факт, что проблема «басмачества» начала разрабатываться в трех научных центрах республики: Ташкенте (К. Ражабов, Институт истории АН РУз), Андижане (Р. Шамсутдинов, Андижанский государственный университет) и Нукусе (Б. Коцанов и А. Джумашев, Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук Каракалпакского отделения АН РУз). Причем история и историография вопроса разрабатывались параллельно: исто-

риография вопроса разрабатывалась на основе наработок советологии с использованием дефиниции «басмачество и басмаческое движение» [Хакимов, 1992; Хидоятова, 1993; Норжигитова, 1995; Кошанов, Джумашев, 1997; Шодмонова, 2008; Зиёева, 2000]¹, а история вопроса – на основе новых раскрытых архивных источников и их интерпретации.

Именно в эти годы, как отмечается в одной из новых работ по истории движения под авторством Б.М. Тожибоева, «*впервые в узбекистанской историографии происходит смена исследовательских парадигм с “басмаческого движения” на “национально-освободительное”*» [Тожибоев, 2019. С. 31]. В частности, анализ защищенных диссертаций и публикуемых статей и монографий 1990-х гг. позволяет судить о том, насколько активно шел процесс внедрения новой трактовки движения как «движения за независимость» («истикдолчилик харакати») [Турсунов, 1995; Узоқов, 1996; Агзамходжаев, 1996].

Вторая половина 1990-х гг. ознаменовались серией защищенных диссертаций и публикаций по истории вопроса и представленной новой переосмысленной оценкой данной проблемы, причем разработка исследовательских вопросов выстраивалась в определенной хронологической и тематической последовательности – так, как это будет впоследствии конструироваться в узбекистанской историографии: от разгрома Туркестанской автономии в феврале 1918 г. до консолидации политических и социальных сил, недовольных утверждением советской власти и победой большевиков, что способствовало формированию мощного вооруженного движения против советской власти.

Это были научные работы таких исследователей, как С.С. Агзамходжаева – о Туркестанской автономии и ее судьбе [Агзамхўжаев, 1995; Агзамхўжаев, 1996; Агзамходжаев, 2006], К.К. Ражабова [Ражабов, 1992; Ражабов, 1992а.; Ражабов, 1994; Ражабов, 1995; Ражабов, 1995а; Ражабов, 1997; Ражабов, 1997а; Ражабов, 1998; Ражабов, 1998а], Р.Т. Шамсутдинова [Шамсутдинов, 1992; Шамсутдинов, 1993], Б. Кошанова [Кошанов, 1993; Кошанов, Сейтназаров, 1997], И. Турсунова – о деятельности просветителей джадидов, Х. Узакова – о борьбе за независимость на основе деятельности

¹ Проблема историографических исследований вопроса требует отдельного изучения, и этому планируется посвятить специальную работу.

журналистов, Д.Х. Зиёевой – историография «Движения за независимость».

Но, пожалуй, именно К.К. Ражабов был первым, кто кардинально пересмотрел традиционный подход советской историографии к «басмаческому движению» и стал в своих работах разрабатывать концепцию «движения за независимость» с привлечением широкого круга материалов из архивов Узбекистана и России. Как можно отметить, произошедшее изменение во взглядах на само движение в республике нашло отражение в его кандидатской диссертации, защищенной в 1995 г. под руководством видного узбекистанского историка Р.Я. Раджаповой на тему «Движение за независимость в Ферганской долине: сущность и основные этапы развития (1918–1924 гг.)» [Ражабов, 1994], которая впоследствии стала основой его монографии [Ражабов, 2015]. В ней автор планомерно и целенаправленно развивает идею о том, что называвшееся в советской историографии «басмаческое движение» нужно интерпретировать как «движение за независимость». Он пишет, что введение термина «басмачи» было осознанным выбором советской идеологии с целью принизить и ошельмовать это движение как «бандитов и разбойников». При этом К.К. Ражабов признает, что часть тех, кого называли термином «басмач», вполне соответствовала его смысловой нагрузке, но при этом утверждает, что они не были подлинными участниками «движения за независимость». Но именно эта часть, настоящие бандиты и грабители, намеренно смешивалась советскими властями с подлинными борцами за независимость с целью дискредитировать все движение борцов за независимость в глазах местных жителей и всего советского общества, что и способствовало зарождению мифа о «басмачах».

Следует признать, что в его кандидатской диссертации впервые в исторической науке независимого Узбекистана была дана новая оценка главным движущим силам движения, воссозданы исторические портреты лидеров – «борцов за независимость». Важным видится и тот факт, что именно К.К. Ражабов является первым, кто выделил и обосновал этапы движения за независимость, разделив его на два периода: первый – 1918–1924 гг., второй – 1925–1935 гг. Весьма важным является и то, что исследователь не пытается представить движение за независимость как нечто монолитное, а показывает существовавшие противоречия между его лидерами, часто возникавшие из-

за узколичных интересов отдельных его представителей, в конце концов приведшее само Движение к разгрому его Красной армией. Вклад исследователя значителен еще и тем, что он для обоснования своей концепции основывается на широком архивном материале нынешних Национального архива Узбекистана, Государственного архива Ферганской области и Российского государственного военного архива.

Еще одним исследователем, разрабатывавшим историю Движения, представив новые взгляды и подходы, является историк Р.Т. Шамсутдинов, представляющий, как условно можно назвать, «Андижанский центр исследования» вопроса. Еще в 1992 г. Р.Т. Шамсутдинов опубликовал статью «Непрочитанная страница истории», в которой рассматривает вопросы «басмачества», отказавшись от традиционного отрицательного взгляда советской историографии на него. Среди важных и концептуальных его статей, посвященных изучаемой теме, следует указать: «Болезненные страницы нашей истории. “Кто такие басмачи”» [Шамсутдинов, 1995] и «Кем были “басмачи”» [Шамсутдинов, 1997]. В этих работах автор попытался ответить на вопрос: кто такие «басмачи», какие были их цели и идеологические позиции. Также Р.Т. Шамсутдинов (частью в соавторстве) обращается к истории лидеров Движения, воссоздавая биографии «борцов за независимость» [Қодиров, Шамсутдинов, 1995; Шамсутдинов, 1997; Шамсутдинов, 1997а; Шамсутдинов, 1997б; Шамсутдинов, 1999 и др.].

Таким образом, на первом этапе, в 1990-е гг., в изучении истории Движения можно наблюдать начавшийся процесс смены парадигм, переосмысление советской историографии и советологии, активное освоение нового архивного материала, что явилось началом сложения национального нарратива в изучении истории движения за независимость и сформировало новый дискурс в отечественной истории советского периода.

Начало 2000-х гг. было ознаменовано публикацией коллективных трудов по истории советского периода, которые писались уже с учетом новых, в целом утвердившихся в исторической науке взглядов на движение.

В 2000 г. был опубликован первый фундаментальный коллективный труд, написанный в стенах Института истории АН РУз. «Туркестан в начале XX века» [Туркестан в начале XX века, 2000]. События, описы-

ваемые в коллективной монографии, охватывали довольно короткий период с 1917–1924 гг., но именно эти годы были самыми драматичными и противоречивыми в советской истории Туркестана. Ее опубликование имело огромное как историческое и историографическое, так и методологическое значение для дальнейшего развития нового дискурса и концептуальных взглядов на историю Узбекистана имперского и советского периодов. Во введении объяснялось, почему к написанию этого исторического периода был привлечен коллектив авторов: *«Предпринимая попытку создания новой концепции истории Туркестана начала XX столетия, в которой в совокупности рассматриваются проблемы общественно-политического и социально-экономического развития, авторский коллектив не мог не понимать сложности такой задачи. Решение многих вопросов, и дискутируемых, и новых, возможно лишь при наличии коллективных усилий ученых, требует последующего поиска новых источников, еще более глубокого осмысления многих аспектов истории изучаемого периода, дальнейшего накопления исследовательского опыта»* [Туркестан в начале XX века, 2000. С. 8].

Раздел 1 главы 4 раскрывал события, связанные с историей самого движения с его новой интерпретацией под названием «Истиклолчилик харакати – движение борцов за независимость Туркестана» [Туркестан в начале XX века, 2000. С. 164–243] под авторством Р.Я. Раджаповой и К.К. Ражабова. Хотелось бы отметить, что эта исследовательская часть была написана на богатом историческом материале, привлекаемом впервые к научным исследованиям. Авторы в качестве основополагающих факторов формирования новой интерпретации ранней советской истории указывали следующее: отказ от марксистской идеологии, открытие новых источников, знакомство с советологией и мемуарными источниками туркестанской эмиграции по истории Туркестана этого периода.

Что же нового и концептуального было сделано в этой работе? Была раскрыта сущность движения, его причины, социальный и национальный состав участников, что уже было ранее осуществлено К.К. Ражабовым в его кандидатской диссертации. Большое внимание авторы уделили лидерам движения, тем самым произошел отход от прежней «безликости» движения, были выкристаллизованы личности

его лидеров, их социальное происхождение, образование, планы на будущее устройство Туркестана.

Была проведена солидная работа по анализу семантики имен лидеров (курбаши) (их было выявлено более 100) движения, традиционно прибавляемых к собственному имени человека различных определений, содержащих его качественные характеристики. Это позволило более полно воссоздать социальный портрет курбаши: их национальность, физический облик, общественное положение, социальную значимость, профессию и т.д. [Туркестан в начале XX века, 2000. С. 182] и свидетельствовало, что состав курбаши отражал всю социальную палитру туркестанского общества. В основном это были состоятельные люди – беки, баи, представители мусульманского духовного сословия, выходцы из средних слоев, вставшие под знамена движения «во имя борьбы за независимость Туркестана». Авторы подчеркивали, что развернувшееся движение находилось под постоянным воздействием мощного идеологического, организационного и личностного потенциала «Туркистон мухторияти» [Туркестан в начале XX века, 2000. С. 183], при этом подчеркивалась ведущая роль туркестанских джадидов (Бехбуди, М. Абурашидханова, М. Чокая, Заки Валиди Тогана и др.) [Туркестан в начале XX века, 2000. С. 185].

В отношении участников движения в тексте использовались такие эпитеты, как «повстанцы», «повстанческие формирования», «борцы за независимость», «национально-освободительное движение», «вооруженная оппозиция», «национальная вооруженная оппозиция», «движение за независимость». Наличие множественности вариантов названия самого движения и ее участников свидетельствует о том факте, что среди историков пока нет единства в унифицированной трактовке этих событий и ее участников.

Конечно же, по истечении более 20 лет можно говорить и о том, что, создавая по возможности полную историю движения, авторы оставляли без должного внимания некоторые довольно актуальные вопросы. Например, часто грабительская политика курбашей в отношении местного населения, взаимоотношения с советской властью и др., в значительной мере определившие поражение движения. Кроме того, нарисованные политические портреты лидеров движения выглядят почти идеальными, но, как показывают архивные источники, это были противоречивые личности, как с положитель-

ными, так и отрицательными сторонами, о которых, несомненно, необходимо говорить для создания объективной истории движения против советской власти, так же как и истории Узбекистана в целом.

В 2001 г. была опубликована первая работа по истории государственности Узбекистана – «Очерки истории государственности» [Очерки истории государственности, 2001]. Несмотря на тот факт, что специальной главы по истории вооруженного движения против советской власти не было, но выводы по одной из глав, посвященной истории «Туркистон Мухторияти», отсылали читателей к тому, что *«свержение правительства Туркистон Мухторияти положило начало массовому антисоветскому движению в Туркестане»* [Очерки истории государственности, 2001. С. 174].

Следующим важным историографическим событием в исследовании данной проблемы стала подготовленная и защищенная в 2005 г. К.К. Ражабовым докторская диссертация (научный руководитель Р.Я. Раджапова) на тему «Вооруженное движение в Туркестанском крае против советского режима (1918–1924 гг.)» [Ражабов, 2005]. Исследование с концептуальной точки зрения представляет прямое продолжение кандидатской диссертации автора, но, как можно отметить, были расширены географические рамки исследования – за счет всей территории Туркестана, а также Хивы и Бухары. В этой работе исследователь использует не только выражение «Движение за независимость», а конкретизирует его другим, более емким – «Вооруженное сопротивление советской власти». После защиты докторской диссертации К.К. Ражабов в новых своих работах продолжает в целом придерживаться основных теоретических и концептуальных позиций, сформированных еще в первой половине 1990-х гг. и выкристаллизованных в докторской диссертации и публикациях периода 1990-х – первых десятилетий 2000-х гг.¹

¹ Так, в опубликованной в 2019 г. Институтом истории АН РУз академической истории Узбекистана периода 1917–1991 гг. в двух томах, в первом томе содержится глава под названием «Вооруженное движение против советской власти в Узбекистане», принадлежащая перу К.К. Ражабова (*Ўзбекистон тарихи*, 2019. С. 178–234). При рассмотрении этой главы и сравнении с предыдущими работами автора видно, что она основана на тех же источниках. Также в ней повторяются концепции и теоретические положения, сформированные автором в предыдущие годы. Другим примером является статья, опубликованная в материалах международного коллоквиума по истории Гражданской войны в России, прошедшего в Санкт-Петербурге в 2019 г. [Ражабов, 2020],

Параллельно с историей вопроса в узбекистанской науке изучалась и его историография. В этой связи стоит отметить работу историка профессора Д.Х. Зиёевой «Национально-освободительное движение Туркестана» [Зиёева, 2000], написанную на стыке истории и историографии. Один из параграфов диссертации посвящен социально-экономическому аспекту вооруженной борьбы против советской власти в 1918–1924 гг. [Зиёева, 2000, С. 24–43]; кроме того, показаны негативные последствия деятельности советской власти, а также указаны те социально-экономические методы, которые использовали большевики для подавления «Движения за независимость», представлен и образ самой советской власти в восприятии местного населения. Основная идея работы заключалась в том, что борьба против советской власти была ярким проявлением устремлений народов Туркестана к обретению свободы.

Д.Х. Зиёева предложила авторскую точку зрения, проведя преемственность событий 1916 г. и движения 1918–1924 гг., что, конечно, все же трудно признать абсолютно соответствующим историческим фактам и является скорее искусственным соединением двух событий разного порядка политической, экономической и идеологической направленности, но представляемых как единый процесс борьбы народов Туркестана против существующей «колониальной» власти в различные исторические периоды и в разных политических ситуациях.

Анализ работ узбекистанских историков, их качественные и количественные показатели в 2000-е гг. позволяют говорить о начавшемся процессе сложения научного направления изучения истории «Движения за независимость», во главе которого стоит профессор К.К. Ражабов и ученики сформированной им научной школы. В 2000-е гг. им была подготовлена специальная монография, 23 журнальные статьи и более 35 тезисов в сборниках различных научных конференций (статьи и тезисы, в том числе в соавторстве с другими исследователями [Ражабов, 2002; Ражабов, 2000; Ражабов, 2000; Ражабов, 2000а; Ражабов, 2002а; Ражабов, 2002а; Radjabov, 2003; Ражабов, 2004; Алимова и др., 2004; Radjabov, 1997; Ражабов, 1997 и др.]).

также и в двух своих последних статьях, опубликованных в 2021 г. (Ражабов, 2021; Ражабов, 2021а). В этих работах автор в целом полностью сохраняет сложившиеся концептуально-теоретические подходы предыдущих лет.

Все достижения и методико-концептуальные положения этой школы, заложенные еще в 1990-е гг., продолжают углубляться в работах следующего поколения узбекистанских исследователей. Среди молодых представителей этого направления прежде всего следует отметить активно занимающегося данной проблематикой Ф.С. Бобоева [Бобоев, 2014; Бобоев, 2014а; Бобоев, 2015; Бобоев, 2015а; Бобоев, 2015б; Бобоев, 2016; Voboyev, 2018; Voboyev, 2018а и др.], защитившего в 2018 г. диссертацию «Вооруженное движение в Узбекской ССР против советского режима (1925–1935 гг.)» [Бобоев, 2018б]. Основываясь на методологических и концептуальных наработках и подходах К.К. Ражабова, Ф.С. Бобоев продолжил и углубил их, ограничившись рамками Узбекской ССР, чего доселе не предпринималось в отечественной науке. Ф.С. Бобоев приходит к аналогичным с К.К. Ражабовым выводам, что советская власть намеренно смешивала в официальной риторике и документах различные банды грабителей и бандитов с повстанцами под одним общим названием «басмачи» с целью «лишения поддержки со стороны населения и очернения участников движения против советской власти». Кроме того, к важным факторам, предопределившим поражение движения, Ф.С. Бобоев отнес общую усталость населения от военных действий и умелую политику важным фактором поражения движения советских властей по привлечению общества на свою сторону [Бобоев, 2018б. С. 45].

Из работ последних лет, написанных на стыке истории и источниковедения, можно указать публикации исследователя Н.М. Хамаева [Ҳамаев, 2017; Ҳамаев, 2018; Khamayev, 2019; Ҳамаев, 2019; Ҳамаев, 2020 и др.], который в 2020 г. (научный руководитель К.К. Ражабов) защитил диссертацию «Вооруженное движение за независимость на территории Узбекистана и пропаганда борьбы с ним на страницах периодической печати (1918–1934 гг.)» [Ҳамаев, 2020а]. В диссертации дана оценка сложившемуся советскому дискурсу в отношении движения и тому, как оно транслировалось в периодической печати того времени. Автор приходит к выводу, что *«материалы периодики, как и другие источники, свидетельствуют о том, что это движение было всенародной борьбой против советского режима, не оправдавшего надежды и чаяния трудового народа»* [Ҳамаев, 2020а. С. 45]. Но этот вывод исследователя, несомненно, является ошибочным и вызывает недоумение, так как в советской периодической печати

публикаций, поддерживающих «басмаческое движение», априори быть не могло.

В последние годы наблюдается тенденция к изучению становления и развития движения на отдельных территориях. Историей антибольшевистского сопротивления в Самаркандской области первого и части второго периодов занимался Б.М. Тожибоев, писавший об этом как в ряде статей [Тожибоев, 2015; Тожибоев, 2018; Тожибоев, 2018а; Тожибоев, 2018б; Тожибоев, 2015а Тожибоев, 2018в; Tojibaev, 2018 и др.], так и в своей диссертации «Вооруженное движение против советского режима в Самаркандской области (1918–1926 гг.)» [Тожибоев, 2019]. Среди важнейших аспектов этого исследования следует отметить подробную периодизацию движения в Самаркандской области, разделяемую им на четыре этапа: «1) 1918–1919 годы – в области началось вооруженное движение против Красной армии и распространение его на всю территорию Самаркандской области; 2) 1920–1922 годы – наиболее развитый и усилившийся период движения за независимость... сотрудничество с патриотами Бухары и Ферганы; 3) 1923–1924 годы – период относительного спада и поражения вооруженного движения; 4) 1925–1926 годы – последние отряды курбашей, действовавшие на территории Самаркандской области, полностью ликвидированы красноармейцами» [Тожибоев, 2019. С. 44].

История движения на примере Сурханского оазиса была изучена молодым исследователем А.Х. Менглибоевым в ряде его статей [Менглибоев, 2020 Менглибоев, 2020а; Менглибоев, 2021; Mengliboev, 2021 и др.] и защищенной в 2022 г. диссертации под руководством С.Н. Турсунова на тему «Установление Советской власти в Юго-Восточной Бухаре и борьба с ней (на примере Сурханского оазиса 1920–1930 гг.)» [Менглибоев, 2022]. Среди основных положений исследования можно отметить следующее: «Национально-освободительное движение возглавили такие полководцы, как Ибрагим-бек, Давлатманд-бек и Анвар Паша. Все предложения национальных лидеров большевикам мирно покинуть страну были отвергнуты Советами. Вместо этого они использовали хитрость, чтобы натравить крупных курбашей друг на друга. В результате не удалось объединить национальные силы и создать единое командование против врага» [Менглибоев, 2022. С. 40–41].

III. О методологических подходах к изучению «Движения за независимость». Освоение нового источникового материала по истории «Движения за независимость» было бы невозможным без выработки методологического инструментария, научных подходов и методов. В этом процессе решающее влияние на формирование современного дискурса в узбекистанской историографии оказали два взаимовлияющих фактора: государство и методологическая подкованность историков Узбекистана.

Первые институциональные и методологические реформы начнутся со второй половины 90-х гг. XX в. В 1996–1998 гг. произошло несколько важных событий, повлиявших как на развитие самой исторической науки Узбекистана, так и на ее институциональное оформление. В частности, в 1996 г. принимается Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан о подготовке и издании «Новой истории¹ Узбекистана», а также было санкционировано создание Центра по изучению новой истории под руководством нынешнего академика А.А. Сагдуллаева².

В 1998 г. состоялась встреча историков республики с Первым Президентом Узбекистана И.А. Каримовым, а также принято Постановление Кабинета министров Республики Узбекистан от 27 июля 1998 г. «О совершенствовании деятельности Института истории АН РУз». Как можно судить из содержания документа, задача конкретно разрабатывать историю «басмаческого движения» не ставилась, но был определен основной постулат – *«изучение вопросов политической, социально-экономической, культурной и духовной жизни народов, живших на нашей территории (территории Узбекистана – авторы) с древности до сегодняшних дней в различных исторических этапах государственности, создание научных, научно-популярных трудов, учебников на основе результатов объективных исследований»*. Эти мероприятия, определившие дальнейшие парадигмы действия и

¹ Под «новой историей» подразумевается период после 1991 г. в истории Узбекистана.

² Этот Центр мыслился как интеллектуальная база для создания новой переосмысленной истории и сконцентрировал все научные силы специалистов для подготовки новых учебников. За время своей деятельности центр выпустил трехтомник по истории Узбекистана, охватив хронологически период от завоевания до обретения независимости, но в целом результаты его работы были малопродуктивны, за что он подвергся полной реорганизации по распоряжению лично И.А. Каримова в 2012 г.

направления движения исторической науки Узбекистана, стали новым импульсом для расширения исследовательских полей узбекистанских историков, переосмысления наследия советской историографии, определения приоритетных направлений исторической науки. Параллельно с практической разработкой вопроса шло его методологическое и концептуальное осмысление.

Важным историографическим фактом в разработке данной проблемы стала научная конференция историков, инициированная Институтом истории АН РУз совместно с редакцией «Шарқ юлдузи», посвященная «басмаческому» движению под названием «Исторические корни нашей независимости», опубликованная в сдвоенном ноябрьско-декабрьском номере за 1995 г. журнала «Шарқ юлдузи». Во время дискуссии в том числе обсуждался термин «басмачество». Некоторые из участников конференции предлагали называть его «Движением сопротивления советской власти и Красной армии» (Х. Зияев), другие – «Движением за свободу» («Миллий озодлик харакати») (Р.Я. Раджапова), третьи – «Движением за независимость» («Истиқлолчилик харакати») (Р.Т. Шамсутдинов). Общим собранием было поддержано предложение Р.Т. Шамсутдинова, и с тех пор во всей исторической литературе и учебниках «басмачество» стало трактоваться как «Истиқлолчилик харакати» [Истиқлолимиз тарихий илдиэлари, 1995].

Но не все участники «круглого стола» поддержали такой взгляд на «басмачей». Так, академик Э. Юсупов выступил резко против того, чтобы считать всех участников «басмаческого движения» «борцами за независимость», и был не согласен, что можно поставить на один уровень, например, Мадаминбека и Холходжу курбаши [Истиқлолимиз тарихий илдиэлари, 1995. С. 13–15].

Через 10 лет после этого важного события Д.А. Алимова задавалась вопросом: *«Однако правомерно ли это? Ведь движение за независимость существовало на протяжении всей истории... Что касается “басмачества”, то это конкретно-историческое движение первой половины XX века, носившее вооруженный характер и направленное против советской власти и Красной армии. Эта история не такая уж далекая и она должна иметь конкретное название, а не общее. Соответственно, были правы те участники конференции, которые*

предлагали назвать его “Повстанческим движением” (Совет хокими-ятига қарши ҳаракат)» [Алимова, 2008а. С. 58].

Стоит отметить, что большую работу в освоении методологии изучения вопроса внесла именно профессор Д.А. Алимова [Алимова, 2008; Алимова, 2008б; Алимова, 2008в; Алимова, 2008г]. Она взяла на себя смелость выступить против современной фальсификации истории, касалась ли она определенных событий, периодов или личностей. Особенно отчетливо это выразилось в отработке новых подходов к истории имперского и советского периодов [Алимова, 2008д]. На протяжении вот уже 30 лет в центре ее внимания вопросы теоретического осмысления подходов к изучению истории Узбекистана, в том числе и к наиболее «болезненным» [Алимова, 2008а].

Она осознавала и первой стала писать об овладении узбекистанскими историками мировыми методико-теоретическими подходами и инструментами: *«без выработки методологии и методов исторического исследования в новых условиях, когда происходит возрождение национального менталитета, когда “изголодалась” духовность нашего общества, выступающая как социальная основа широкомасштабных реформ, успешное развитие исторической науки просто невозможно»* [Алимова, 2008д. С. 28].

Она считает, что методология и написание новой объективной истории, в том числе и «Движения за независимость», – это два взаимодополняющих процесса, предлагая пересмотреть не только методологию научного знания [Алимова, 2008д. С. 25], *«но и роли личности в истории»* [Алимова, 2008д. С. 25] (*что можно наблюдать в современной оценке и описания движения, воссоздании жизненных биографий курбашей – лидеров движения), проблему терминологии (Вопрос о том, как нужно подходить к обширному “пласту” терминологий колониального и советского периодов, также должен быть в центре методологической работы. Здесь необходимо избрать взвешенный подход, не допускать экзальтации и эмоций в ущерб объективности)»* [Алимова, 2008д. С. 25–26].

Д.А. Алимова особо отмечала, что при изучении истории народных движений в XX в. нужно быть особенно осторожным: *«Это касается вопросов национально-освободительного движения (например, Андижанское восстание под предводительством Дукчишона: вопрос о возведении его в национальные герои без учета всех особенностей*

восстания не является правомерным, или басмачество, рассматривающееся сейчас историками без критического подхода...). Историки должны отойти от позиции отрицания и анализировать наряду с негативами причины позитивных сдвигов в советский период, несмотря на засилье тоталитарного режима» [Алимова, 2008д. С. 51].

В 2004 г. под авторством Д.А. Алимовой была опубликована весьма примечательная статья «О некоторых «болезнях роста» в изучении истории Узбекистана» [Алимова, 2008д. С. 54–65], в которой непосредственное внимание уделено трактованию «басмаческого движения». В частности, она пишет, что эта часть истории советского Узбекистана является как наиболее важной, так и «фальсифицированной советской историографией»: «Изучая этот вопрос, узбекистанские исследователи смогли доказать, что движение в целом носило политический характер и имело форму национально-освободительной борьбы. Можно понять историков, окрыленных возможностью говорить правду и разоблачать советскую концепцию “басмачества”. Однако историческая наука не терпит эмоций и это порой приводит к искажению объективности и истинного положения вещей». Она поддерживает выводы отечественных историков о том, что «политика советской власти в Туркестане, разгром “Туркистон мухторияти”, насильственные реформы, особенно в сельском хозяйстве, стали причиной возникновения “басмачества”» [Алимова, 2008д. С. 58–59]. Обратилась Д.А. Алимова и к зарубежной историографии «басмачества», замечая, что, с одной стороны, мнения отечественных и западных исследователей совпадают в вопросе о причинах возникновения движения, но, «в отличие от наших исследователей, западные историки саму сущность “басмачества” оценивают неоднозначно» (Дж. Уиллер считал, что «его лидеры, достигшие самой большой известности, были не интеллектуалами или реформистами, а были консервативными реакционерами... они равно противостояли джадидам, младобухарцам и русским» [Wheller, 1964. P. 107–111].

Выразила она свое несогласие и с мнением К.К. Ражабова, что «джадиды являлись идеологами “басмачества”»: «Нам представляется, что подобный вывод недостаточно обоснован... “Басмачество” и его руководителей нельзя ставить ни по интеллекту, ни по мировоззрению на одну планку с национальными прогрессистами... Вспомним, какое государство хотели строить многие из предводителей “басма-

чества” при условии освобождения от большевиков. Целью Ибрагимбека и муллы Абдукаххора было возвращение и восстановление правления эмира, Шермухаммад-бека – построение исламской республики. Как правило, они все были традиционалистами и ратовали за возврат старых политических систем. Исключение составлял лишь Мадамин-бек, человек несомненно более широкого кругозора, находившийся под влиянием современного реформистского движения, склонный к светской модели развития» [Алимова, 2008д, С. 60].

Д.А. Алимова считает, что внутри движения можно было выделить два направления – «политическое и криминальное», когда в первое включались группировки, боровшиеся с советской властью, которые и поддерживались большинством населения, предлагая с таких позиций заниматься историей движения. Еще одной претензией к точке зрения К.К. Ражабова Д.А. Алимова указывает на приводимый им большой список имен курбашей. В этой связи она задается вопросом: «Где основание считать их всех политическими борцами? С уверенностью могу сказать, что сюда попали и предводители криминальных группировок».

В своих статьях Д.А. Алимова предлагает исследователям, занимающимся историей советского прошлого, исключать «негативное отношение к нашему советскому прошлому», что не позволяет создать объективную картину прошлого. В отношении еще одной интересной фигуры движения – Энвера Паши, прибывшего в 1921 г. из Турции в Бухару для поддержки «басмаческого» движения, она замечает, что его фигура сильно преувеличена в движении. Свои взгляды Д.А. Алимова строит как на источниках – воспоминаниях современников эпохи З.В. Тогана, так и на работах западной историографии [Алимова, 2008e].

И, пожалуй, как концептуальную можно рассматривать статью Д.А. Алимовой с размышлениями по поводу того, как изучать советское прошлое, как его интерпретировать, какие методы использовать, как относиться к источникам советских архивов Узбекистана, в том числе и к «Движению за независимость» – «Современные оценки советского периода Узбекистана: Степень традиционализма и новые тенденции» [Алимова, 2017]. Она ставит ряд вопросов, требующих своего дальнейшего изучения: «Почему формировалось оппозиционное враждебное советской власти движение, названное “басмаче-

ством”? Как и на основании каких источников его надо оценить? Появилось 3 варианта оценок: а) отрицательно-враждебное – в советский период; б) трактовка басмачества как национально-освободительного движения, попытка сделать курбашей героями; в) оценка неоднозначная – отделение криминальных группировок в басмаческом движении от действительно разумных групп, деятельность которых была направлена на обретение независимости» [Алимова, 2017. С. 62–63].

Заключение. За прошедшие 30 лет в изучении истории «Вооруженного движения против советской власти в Узбекистане» («басмаческого движения» в советской трактовке) сделано многое. Отечественными историками были освоены новые архивные источники, проведена ревизия советской историографии, изучены мемуары национальной эмиграции, исследована западная историография – все это вкуче позволяет исследовать историю движения в различных исследовательских вопросах.

Но, несмотря на явные успехи отечественных историков в изучении данного явления, можно говорить и о проблемах, которые требуют своего изучения, разъяснения, уточнения, расширения полей исследования, и об этом достаточно много сказано Д.А. Алимовой.

Сам факт существования таких противоположных точек зрения на отдельные узловые вопросы «Движения за независимость» позволяет говорить о плюрализме в отечественной науке и вселяет надежду на появление новых исследований и новых исследователей, которые учтут все высказанные критические замечания.

Литература

Аззамходжаев С. Туркистон мухторияти: борьба за свободу и независимость (1917–1918 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 1996. 62 с.

Аззамходжаев С.С. История Туркестанской автономии («Туркестан мухторияти»). Ташкент: Тошкент Ислом университети, 2006. 363 с.

Акрамов А. Босмачилик ҳаракати ва унинг моҳияти // Ҳаёт ва иқтисод. 1991. № 7. Б. 58–63.

Алимова Д., Мустафаева Н., Ражабов Қ. Тарихга мурожаат холисликни талаб этади // Ozbekiston tarihi. 2004. № 3. Б. 7081.

Алимова Д.А. Историческая наука в Узбекистане в прошлом и настоящем // История как история, история как наука. Ташкент: Узбекистан, 2008. Т. 1. С. 33–44.

Алимова Д.А. О задачах освещения совместной истории в центрально-азиатских исследованиях // Алимова Д.А. История как история, история как наука. История и историческое сознание. Ташкент: Узбекистан, 2008. С. 87–95

Алимова Д.А. О задачах отечественной исторической науки в Узбекистане на современном этапе // Алимова Д.А. История как история, история как наука. История и историческое сознание. Ташкент: Узбекистан, 2008. С. 24–33.

Алимова Д.А. О некоторых болезнях роста в изучении истории Узбекистана // История как история, как наука. Ташкент: Узбекистан, 2008. Т. 1. С. 54–65.

Алимова Д.А. О некоторых личностях в истории Узбекистана (Энвер Паша. Герой или авантюрист?) // История как история, история как наука. Ташкент: Узбекистан, 2008. Т. I. История и историческое сознание. С. 235–243.

Алимова Д.А. О проблемах развития исторической науки в Узбекистане // Алимова Д.А. История как история, история как наука. История и историческое сознание. Ташкент: Узбекистан, 2008. С.44–54.

Алимова Д.А. Современные оценки советского периода Узбекистана: Степень традиционализма и новые тенденции // Концепты истории Узбекистана: теория и гипотезы. Ташкент: Vaktria press, 2017. 640 с.

Аъзамхўжаев С. Туркистон бирлиги учун (Мустақиллигимиз тарихидан саҳифалар). Ташкент: Фан, 1995. 16 б.

Аъзамхўжаев С. Туркистон мухторияти. Ташкент: Фан, 1996. 60 б.

Бобоев Ф.С. Ўзбекистон ССРдаги сиёсий жараёнлар ва совет режимига қаршиқуролли ҳаракат (1925–1926 йиллар) // ЎЗМУ хабарлари. 2014. № 2. Б. 23–27.

Бобоев Ф.С. Шарқий Бухорода совет режимига қарши қуролли ҳаракат (1920–1923 йиллар) // Тошкент ислом университети илмийтаҳлилий ахбороти. 2014. № 3. Б. 50–53.

Бобоев Ф.С. Саркарданинг фожеий қисмати // Тафаккур. 2015. № 2. Б. 88–89.

Бобоев Ф.С. Ўзбекистон МДА нинга йрим фондлари – Ўзбекистон ССР да совет режимига қарши қуроли ҳаракат тарихини ёритишда муҳим манба // Илмий хабарнома. Андижон, 2015. № 2. Б. 64–67.

Бобоев Ф.С. Ўзбекистон ССРда совет режимига қарши қуроли ҳаракат тарихини ёритишда 1929 йилда чоп этилган матбуот материаллари манба сифатида // ЎзМУ хабарлари. 2015. № 1. Б. 49–52.

Бобоев Ф.С. Ўзбекистон ССРда совет тузумига қарши қуроли ҳаракатнинг миллий таркиби // ЎзМУ. 2016. № 3. Б. 14–17.

Бобоев Ф.С. Ўзбекистон ССРда совет тузумига қарши қуроли ҳаракат (1925-1935 йй.): дис. Ташкент, 2018. 186 с.

Болтабоев Ҳ. Талабни қондирмаган инқилоб // Шарқ юлдузи. 1991. № 1. Б. 131–138.

Болтабоев Ҳ. Босмачилик: ҳақиқатвауйдирма (давра суҳбати) // Шарқ юлдузи. 1991. № 3. Б. 165–189.

Дониёров Ш. Мадаминбек ким эди? // Ёшлик. 1991. № 4. Б. 24–29.

Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М.: Наука, 1981. 244 с.

Зиёева Д. Туркистон миллий озодлик ҳаракати (Мустабид тузумга қарши 1916 йил ва 1918–1924 йиллардаги халқ курашлари тарихшунослиги). Т.: Фафур Гулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 2000. 175 б.

Истиқлолимиз тарихий илдилари. ЎзФАда давра суҳбати // Шарқ юлдузи. 1995. № 1112. Б. 329.

История как история, история как наука: в 2 т. Т.: Узбекистан, 2008. Т. I: История и историческое сознание. 280 с.

История Туркестанской автономии в архивных документах (по материалам Ферганского областного государственного архива): сб. док-тов. Фергана: Classic, 2022. 96 с.

Ким П., Хасанов М. Басмачество: 1921–1924 годы // Звезда Востока. 1989. № 6. С. 141–150.

Коцанов Б. Право на вторжение... (Неизвестные страницы истории Каракалпакии и Хорезма в 1919–1920 годы). Нукус: Каракалпакстан, 1993. 80 с.

Коцанов Б.А., Джумашев А.М. Зарубежная и отечественная историография истории Туркестана, Хорезма и Каракалпакстана в первой четверти XX века. Нукус: Каракалпакстан, 1997. 326 с.

Коцанов Б., Сейтназаров М. Революция? Вторжение? События в Хивинском ханстве (1919–1920 гг.). Нукус: Билим, 1997. 37 с.

Қодиров А., Шамсутдинов Р. Парпибек қўрбоши // Андижоннома. 1995. 19 сент.

Қодиров А., Шамсутдинов Р. Шермухаммадбек ҳаётига чизгилар // Фан ва турмуш. 1999. № 2–3.

Қодиров А., Шамсутдинов Р. Шермухаммадбек ҳаётига чизгилар // Фан ва турмуш. 1999. № 3.

Менглибоев А. Сурхон воҳасида миллий озодлик ҳаракати натижалари ва оқибатлари // Давр, замон, шахс «Ўзбекистоннинг ижтимоий-иқтисодий ва моддий-маънавий маданиятининг трансформацион жараёнлари» мавзусидаги Илмий-амалий конференцияси мақолалар тўплами. 2020 йил 1-қисм. Б. 110–114.

Менглибоев А. Тарихий шахсларнинг миллий манфаатлар учун курашиш тарихидан // Ўтмишга назар. 2020. № 2 махсус сон. Б. 215–219.

Менглибоев А. Сурхондарё округида миллий кучларнинг қатағон қилиниши // Ўтмишга назар. 2021. № 11. Б. 37–42.

Менглибоев А.Х. Жануби Шарқий Бухорода совет ҳокимиятининг ўрнатилиши ва унга қарши кураш (Сурхон воҳаси мисолида 1920–1930 йиллар): дисс. Термез, 2022. 150 б.

Норжигитова Н.А. Туркистонда «босмачилик ҳаракати» тарихшунослиги (совет даври) / Тарих фанлари номзоди дисс. Т., 1995. 143 с.

Очерки истории государственности. Т.: Шарк, 2001. 207 с.

Папоров Ю. «Белое солнце пустыни?..» // Юность. 1990. № 1. С. 80–85.

Ражабов К.К. Анвар Пошо Туркистонда // Саодат. 1992. № 9. Б. 6–7.

Ражабов К.К. Мадамминбекнинг мактуби // Эрк. 1992. № 32.

Ражабов К.К. Истиклол чорраҳаларида // Ватан. 1994. № 29. 17–24 авг.

Ражабов Қ.К. Фарғона водийсидаги истиқлолчилик ҳаракати: Моҳияти ва асосий ривожланиш босқичлар (1918–1924 йиллар): дис. ... тарих фан. номзоди. Т., 1994. 175 б.

Ражабов К.К. «Босмачи»ни қандай баҳолаш керак? Истиқлолчи деган маъқул // Фан ва турмуш. 1995. № 3. 28–29 б.

Ражабов К.К. Истиклолчилик ҳаракати в Ферганской долине: сущность и основные этапы развития (1918–1924 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1995. 32 с.

Ражабов К. Бухарские курбаши // Научное и культурное наследие человечества – третьему тысячелетию. Тезисы докладов междунар. симпозиума, посв. 2500-летию Бухары и Хивы (18–20 октября 1997 г., Бухара-Хива). Т.: Узбекистан, 1997. С. 58–60.

Ражабов К.К. Истиқлолимиз сарчашмалари // Гулистон. 1997. № 1. Б. 10–12.

Ражабов К.К. Ўчиб, сўниб... яна ёниш бор... // Жамият ва бошқарув. 1997. № 2. Б. 37–41.

Ражабов К.К. Мустақил Туркистон учун мужодалалар (1917–1935 йиллар) // Жамият ва бошқарув. 1998. № 3. Б. 46–49; № 4. Б. 58–64.

Ражабов Қ. Голиб армиянинг... қора ишлари // Шарқ юлдузи. 1998. № 6. Б. 163–180.

Ражабов Қ. Хоразмда истиқлол ҳаракати ва Жунаидхон // Жамият ва бошқарув. 2000. № 1. Б. 36–43.

Ражабов Қ. Туркистон минтақасидаги истиқлолчилик ҳаракати тарихининг даврлаштириш муаммолари (1918–1935 йиллар) // Ozbekiston tarihi. 2000. № 12. Б. 80–89.

Ражабов Қ. Бир мақсадли икки Эргаш // Мулоқот. 2000. № 2. Б. 33–36.

Ражабов Қ. Бухорога қизил армия босқини ва унга қарши кураш: тарих ҳақиқати (1920–1924 й.). Т.: Маънавият, 2002. 144 б.

Ражабов Қ. Туркистон аёл қўрбошилари қисмати // Гулистон. 2002. № 2. Б. 12–13.

Ражабов Қ. Туркистондаги истиқлолчилик ҳаракатида мустақил давлатчилик ғоялари // Жамият ва бошқарув. 2002. № 3. Б. 24–29.

Ражабов Қ. Бухоро Республикасида истиқлолчилик ҳаракати: Анвар Пошо бошчилигида олиб борилган жанглар (1921 йил ноябрь–1922 йил август) // Бухоро мавжлари. 2004. № 1. Б. 25–29; № 2. Б. 27–31; № 3. Б. 25–29.

Ражабов Қ. Бухоро Республикасида истиқлолчилик ҳаракати: Анвар Пошо бошчилигида олиб борилган жанглар (1921 йил ноябрь–1922 йил август) // Бухоро мавжлари. 2004. № 2. Б. 27–31.

Ражабов Қ. Бухоро Республикасида истиқлолчилик ҳаракати: Анвар Пошо бошчилигида олиб борилган жанглар (1921 йил ноябрь–1922 йил август) // Бухоро мавжлари. 2004. № 3. Б. 25–29.

Ражабов Қ.К. Туркистон минтақасида совет режимига қарши қуролли ҳаракат (1918–1924 йиллар). Т., 2005. 408 с.

Ражабов Қ.К. Фаргона водийсидаги истиқлолчилик ҳаракати: мохияти ва ососий ривожланиш боскичлари (1918–1924 йиллар) Т.: Yangi nashr, 2015. 240 б.

Ражабов К.К. Мадаминбек и Шермухаммадбек курбаши – вожди повстанческого движения в Ферганской долине // Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922: материалы междунар. коллоквиума (Санкт-Петербург, 10–13 июня 2019 г.). СПб.: Нестор-История, 2020. С. 304–321.

Ражабов К. Иброҳимбек кўрбоши ва сафдошлари ҳақида // O‘zbekiston tarixi. 2021. № 3. Б. 94–153.

Ражабов К. Туркистондаги истиқлолчилик ҳаракати (1918–1935 йиллар) ўзбек давлатчилиги тарихида // O‘zbekiston tarixi. 2021. № 3. Б. 20–55.

Тожибоев Б.М. Самарқандда совет ҳокимиятининг ўрнатилиши ва унинг ўзига хос хусусиятлари (1917–1918 йиллар) // ЎзМУ хабарлари. 2015. № 1/6. Б. 39–41.

Тожибоев Б.М. Из истории начала вооруженного движения в Самаркандской области // Тенденции и перспективы развития науки и образования в условиях глобализации: материалы междунар. науч.-практ. интернет-конф. Переяслав Хмельницкий, 2018. Вып. 42. С. 142–145.

Тожибоев Б.М. Самарқандда миллийсиёсий ташкилотлар фаолияти ҳамда совет ҳокимиятининг ўрнатилиши // АндУ. Илмий хабарнома – Научный вестник. 2018. № 4. Б. 65–68.

Тожибоев Б.М. Фаргона ва Самарқанд кўрбошилари ва уларнинг фаолияти // Водийнома. 2018. № 4. Б. 29–32.

Тожибоев Б.М. Самарқанд вилоятида совет режимига қарши қуролли ҳаракат (1918–1926 йй.): дис. Т., 2019. 153 б.

Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости. Т.: Шарк. 672 с.

Турсунов И. Ўзбекистон маорифчиларининг истиқлол йўлидаги кураш тарихидан / Тарих фанлари док. ... дис. Т., 1993. 346 б.

Ўзбекистон тарихи (1917–1991 йиллар). Т.: O‘zbekiston, 2019. Т. 1. 560 б. Б. 178–234.

Узоқов Ҳ. Ўзбекистонда мустақиллик учун кураш тарихи. 1900–1940 йиллар. Журналистлар фаолияти мисолида: автореф. дис. Т., 1996. 58 б.

Хакимов Р.А. Зарубежная историография истории басмачества в Средней Азии 1917–1932 гг.: автореф. дис... канд. ист. наук. Т., 1992. 22 с.

Хидоятова Н.Г. Басмаческое движение в современной советологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Т., 1993. 23 с.

Ҳамаев Н.М. Туркистонда совет режимига қарши қуролли кураш раҳбарлари фаолиятининг даврий матбуотда ёритилиши (1918–1926) // ЎзМУ хабарлари. 2017. № 1/1. Б. 82–87.

Ҳамаев Н.М. «Туркистон» ва «Қизил байроқ» газеталари Фарғонада шўро тузумига қарши қуролли ҳаракат тарихига оид манба сифатида // ФДУ: Илмий хабарлар. 2018. № 2. Б. 46–49.

Ҳамаев Н.М. Ўзбекистонда совет ҳокимиятига қарши қуролли ҳаракатга ҳарбий матбуот (ХХаср 20йиллари) // Ўтмишга назар. Тошкент, 2019. № 10. Б. 69–78.

Ҳамаев Н.М. Мухториятнинг тугатилиши ва истиқлолчилик ҳаракатининг бошланиши жаҳид матбуоти кўзгусида // ФДУ: Илмий хабарлар., 2020. № 3. Б. 89–94.

Ҳамаев Н.М. Ўзбекистон ҳудудида истиқлол учун қуролли ҳаракат ва унга қарши курашнинг матбуот саҳифаларида тарғиб этилиши (1918–1934 йиллар): дис. Т., 2020. 148 с.

Ҳасанов М., Германов В., Шодиев Қ. Амир Олимхон фожиаси // Фан ва турмуш. 1991. № 3. Б. 18–21.

Ҳасанов М., Германов В., Шодиев Қ. Амир Олимхон фожиаси // Фан ва турмуш. 1991. № 4. Б. 26–31.

Шамсутдинов Р. Эрка чорлаган эркислик // Шарқ юлдузи. 1992. № 3. Б. 184–191.

Шамсутдинов Р. Босмачилик ҳақида ўйлар // Мулоқот. 1993. № 56. Б. 26–32; № 7. Б. 30–35.

Шамсутдинов Р.Ш. Тарихимиз аламли саҳифалари. «Босмачилар ким эди?» // Андижоннома. 1995. 12 сентябрь.

Шамсутдинов Р. Истиқлол курашчилари. Саркарда Шермухамadbек // Андижоннома. 1997. 13, 16, 27 апрель, 4, 11 май.

Шамсутдинов Р. Андижонлик истиқлолчиликлар // Андижоннома. 1997. 19, 22, 26 август.

Шамсутдинов Р. Фарғона қўрбошилари // Фан ва турмуш. 1997. № 2. Б. 24–25.

Шамсутдинов Р.Т. «Босмачилар» ким бўлган // Фан ва турмуш. 1997. № 2. Б. 22–23.

Шермухамедов П. Тарихнинг бир сабоғи // Мулоқот. 1991. № 8. Б. 51–54; № 9. Б. 77–81.

Шодмонова С.Б. Немис ва турк тарихшунослигида совет мустамлакачилигига қарши кураш масалалари (1917–1924 йиллар) Т.: ABUMATBUOTKONSALT, 2008. 128 б.

Boboyev F.S. Political processes in Kashkadarya region and armed struggle against the soviet regime // Theoretical & Applied Science. Philadelphia, 2018. № 3 (59). P. 610.

Boboyev F.S. Social and ethnic composition of armed movements against Soviet regime in Central Asian republics // International Journal of Current Research. 2018. № 10. P. 73100–73104.

Khamayev N.M. From the history of the Armed Struggle against Soviet Power in Turkestan (base donperiodical pressmaterials) // International Journal of Research (IJR). 2019. Vol. 6, Iss. 6. P. 123–131.

Mengliboev A. Results and consequences of the national liberation movement in Surkhan oasis // The journal of academic research in educational sciences. 2021. Vol. 2. P. 2181–1385.

Radjabov K. The Bukhara kurbashi // Scientific and cultural heritage of mankind to the third millennium. Theses of reports of the international symposium dedicated to the 2500 anniversary of Bukhara and Khiva. Т.: Uzbekistan, 1997. P. 50–52.

Radjabov K.K. The Ideas of statehood Independence and state symbolism in the Movement for Independence (istiklalchilik) of Turkistan // Central Asian Studies (Seoul). 2003. № 8. P. 167–174.

Tojibayev B.M. Qurboshis of Samarkand province and their military activity. International Journal of Current Research, India. 2018. Vol. 10, Iss. 12. P. 76128–26130.

Wheller J. The modern history of Soviet Central Asia. London, 1964. P. 107–111.

**Гражданская война:
концептуальные основания
исследовательских траекторий**

УДК 94(47)"1917":32.019.51
doi:10.31518/978-5-98901-255-8-344-360

Б.И. Колоницкий, К.В. Годунов, К.А. Тарасов

**«Гражданская война»: политическое использование
понятия и культурная подготовка
гражданской войны в 1917 году***

B.I. Kolonitskiy, K.V. Godunov, K.A. Tarasov

**“Civil War”: The Political Use
of the Term and the Cultural Preparations
for the Civil War in 1917**

Аннотация. Статья посвящена использованию понятия «гражданская война» в политической борьбе периода Российской революции 1917 г. О гражданской войне начали говорить еще в период Февральского восстания в Петрограде. В дальнейшем это понятие стало использоваться как одна из основных угроз сложившейся системе власти. Во время политических кризисов в разжигании гражданской войны обвиняли крайние точки политического спектра – большевиков и кадетов. В зависимости от политических предпочтений с одними или с другими стремились ассоциировать прочие политические группы, зачастую пользуясь понятиями «ленинцы» и «корниловцы». Эти дискуссии повлияли на складывание коалиций и на поляризацию партий, что нашло свое отражение в момент, когда началась открытая фаза Гражданской войны в России.

Ключевые слова: российская революция 1917 г., гражданская война, история понятий, история эмоций, ленинцы, корниловцы.

Введение. Изучение гражданских войн становится, к сожалению, все более актуальным исследовательским направлением: число вооруженных конфликтов, определяемых как «гражданские войны» (по крайней мере одной из участвующих в них сторон), растет. Сравнительное изучение гражданских войн невозможно без изучения истории таких конфликтов. Особую актуальность представляет проблема возникновения гражданских войн, а также вопросы, касающиеся их

* Статья подготовлена в рамках исследования при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00369 «Процессы легитимации насилия: культура конфликта в России и эскалация Гражданской войны».

предотвращения, локализации и завершения. И в этом отношении интерес для историков, социологов и политологов представляет сложный комплекс разнообразных конфликтов, который обычно именуется Российской гражданской войной.

Для понимания генезиса гражданских войн важно изучить их культурную подготовку: использованию массового насилия предшествует «проговаривание» этого насилия, упреждающее расчеловечивание противника [Морозова, 2012. С. 487–488]. Соответственно, исследователей должны интересовать культурные формы легитимизации массового насилия. Правда, некоторые известные «стасиологи», социологи и политологи, изучающие масштабные социально-политические конфликты, полагают, что историки преувеличивают значение языка, культуры и идеологии в эскалации насилия. Показательно, однако, что порой и сами критики вынуждены обращаться к описанию культурных и языковых аспектов гражданских войн [Каливас, 2019. С. 618].

В своем исследовании мы пытаемся рассмотреть некоторые аспекты культурной подготовки российской Гражданской войны. В центре нашего внимания – разнообразное использование понятия «гражданская война». Мы исследуем также характеристики тех общественно-политических сил, которым адресовались обвинения в подготовке гражданской войны. Еще в конце 1990-х гг. В.И. Миллер отметил, что исследование многозначности понятия «гражданская война» важно для понимания массовой психологии революционной эпохи [Миллер, 1997. С. 136–142]. Данному сюжету посвятил специальную работу М.Е. Разиньков [Разиньков, 2017].

Мы мыслим свой исследовательский проект на пересечении нескольких историографических традиций.

Во-первых, на наш подход сильно повлияла «история понятий». Нельзя утверждать, что это направление служит для нас строгим методологическим инструментарием: в наиболее известных трудах этого направления речь идет о больших философских и социологических понятиях, которые на протяжении десятков, а то и сотен лет использовались для описания обществ. И все же для нас важно то внимание к контексту высказывания, которое уделяют ему представители «кембриджской школы» [Скиннер, 2018; Покок, 2020; Кембриджская школа, 2018]. Показательно также, что в классических трудах по истории понятий гражданские войны занимают немалое место: некоторые

важные для европейской интеллектуальной традиции термины как раз и рождались в ходе гражданских войн [Скиннер, 2006. С. 19], а понятие «гражданская война» становилось уже предметом специального исследования [Бульст Н. и др., 2014; Armitage, 2017].

Во-вторых, изучение политического языка эпохи революции выигрывает и от использования истории эмоций: словарь гражданской войны разрабатывался, использовался и применялся не кабинетными учеными, а политиками и публицистами, стремившимися управлять эмоциональным состоянием своей аудитории. Исследователь Французской революции XVIII в., изучивший культурные предпосылки масштабного революционного террора, особое внимание уделил анализу страха [Tackett, 2015]. Изучение политического использования страха и энтузиазма важно и для понимания культурной предыстории Гражданской войны в России.

В качестве источников мы используем заявления основных политических акторов, пропагандистские материалы, резолюции и информационные сообщения периодической печати. Для понимания того, насколько язык гражданской войны был интериоризирован, усвоен на личном уровне, мы используем синхронные источники – дневники и письма современников.

Партия гражданской войны. История дает немало примеров перерастания революций в гражданские войны, да и исторически понятие «революция», приобретающее современные значения в XVIII в., было связано с понятием «гражданская война», появившимся еще в Древнем Риме. Неудивительно, что современники революции 1917 г. с первых же ее дней стали размышлять о перспективах перерастания революции в гражданскую войну. «С самого начала я подумал, что без гражданской войны и контрреволюции мы не обойдемся...», – вспоминал А.И. Гучков, военный и морской министр в первом составе Временного правительства [Александр Иванович Гучков рассказывает..., 1993. С. 68]. Свидетельство мемуариста подтверждается и синхронными источниками, о распространенности страха перед гражданской войной косвенно свидетельствуют попытки политического использования этой эмоции. Так, например, в дни Февральской революции председатель Государственной думы М.В. Родзянко пытался воздействовать на Николая II, прямо указывая на то, что гражданская

война «началась» и «разгорается» [Телеграмма Родзянко царю 27 февраля 1917 г., 1927. С. 6].

Вместе с тем существовали и такие политические силы, которые не только не стремились использовать страх перед гражданской войной, но и заявляли о ее желательности и/или неизбежности. Такую позицию занимал В.И. Ленин, вернувшийся в Россию в начале апреля. Во время Первой мировой войны он выдвинул лозунг превращения империалистической войны в гражданскую, а после Февраля он заявил, что гражданская война в России уже началась [Тютюкин, 1972. С. 122–148; Разиных, 2014. С. 176–182]. Правда, даже в рядах большевиков Ленин изначально не пользовался всеобщей поддержкой, но его взгляды на перспективу развития революции находили сторонников. Так, в апреле большевики Самары признали лозунг «гражданской войны для Европы основным лозунгом момента», а Ростово-Нахичеванский комитет РСДРП выпустил первомайскую листовку с лозунгом: «Долой империалистическую войну! Да здравствует война гражданская!» [Великая Октябрьская социалистическая революция, 1957. С. 421, 504].

К принятию сценария гражданской войны подталкивало обилие социальных, политических, этнических и иных конфликтов. О неизбежности гражданской войны уже весной писали в дневниках и письмах люди разных взглядов [Хлудова, 2010. С. 90; Россия 1917 года в эго-документах, 2017. С. 131; Веселовский, 2000. С. 85–86].

Однако речь идет не только о масштабах конфликтов и остроте их протекания, но и той риторике и той символике, которые эти конфликты оформляли. И здесь немалую роль сыграло и то обстоятельство, что после Февраля в России утвердилась культурная гегемония социалистов, в поле влияния революционного социалистического дискурса оказались и некоторые оппоненты социалистов (включая и некоторых будущих лидеров Белого дела). Это проявлялось и в широком распространении революционной, социалистической по своей сущности символики, и в успехах антибуржуазной пропаганды, повлиявшей на распространение «антибуржуйского» сознания [Колоницкий, 1994; Колоницкий, 2012]. Такая дискурсивная ситуация объективно способствовала скорее радикализации конфликтов, чем их смягчению, она затрудняла достижение политических соглашений и компромиссов. Это не помогало предотвращать скатывание революции в гражданскую войну, хотя и не делало гражданскую войну неизбежной.

Не все российские социалисты были марксистами, но все же взгляды Маркса на гражданскую войну были созвучны позиции многих революционеров. Марксисты считали гражданскую войну высшей формой классовой борьбы. Более того, буржуазное классовое общество описывалось как арена постоянной гражданской войны. Маркс и Энгельс писали: «...мы прослеживаем более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда она превращается в открытую революцию, и пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии» [Маркс, Энгельс, 1955. С. 435]. Нельзя не видеть, что между взглядами Ленина и идеями авторитетнейших для социалистов авторов существовала связь. И Ленин связывал гражданскую войну с классовыми конфликтами: «...гражданская война есть наиболее острая форма классовой борьбы, когда ряд столкновений и битв экономических и политических, повторяясь, накапливаясь, расширяясь, заостряясь, доходит до превращения этих столкновений в борьбу с оружием в руках одного класса против другого класса» [Ленин, 1969. Т. 34. С. 215.].

Видный меньшевик, председатель Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Н.С. Чхеидзе описывал сложившуюся после свержения монархии ситуацию в терминах классовой борьбы, утверждая: «...мы в настоящее время ведем гражданскую войну» [Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году, 1991. Т. I. С. 146–147].

И все же подобные взгляды ассоциировались прежде всего с именем Ленина. Неудивительно, что лидер большевиков заслужил репутацию апостола гражданской войны. Так, реагируя на первую после возвращения в Россию официальную речь лидера большевиков 4 апреля 1917 г., социал-демократ И.П. Гольденберг воскликнул: «С этой кафедры <...> водружено знамя гражданской войны в среде революционной демократии»¹. Впрочем, сам Ленин такие обвинения отвергал [Ленин, 1969. Т. 31. С. 117]. Тем не менее оппоненты большевиков описывали их как партию гражданской войны, хотя и не все большевики весной 1917 г. разделяли мнение Ленина [Съезды и конференции конституционно-демократической партии, 2000. Т. 3.

¹ Совещание представителей с.-д. партии по вопросу об объединении // Единство. 1917. 5 апр.

Кн. 1. С. 496–497]. Не было единства и в лагере противников большевиков, изначально некоторые из них критиковали не «большевиков», а «ленинцев» [Меньшевики в 1917 году, 1994. Т. 1. С. 392]. Стремление персонифицировать политического врага было связано с рядом обстоятельств. Именно проезд В.И. Ленина через Германию и публикация «Апрельских тезисов» привлекли особое внимание к лидеру большевиков. Одни критики Ленина считали, что он уже окончательно скомпрометирован, поэтому критику левых радикалов и следует вести как критику конкретного политика и его сторонников. Некоторые политики также надеялись на то, что в своей собственной партии Ленин будет изолирован, а верх в ней возьмут умеренные большевики во главе с Л.Б. Каменевым. Такие надежды казались оправданными, какое-то время Ленин имел ограниченную поддержку в руководстве большевиков, а некоторые провинциальные организации партии долгое время высказывались в пользу тесного сотрудничества с умеренными социалистами¹. Правда, вскоре позиции Ленина укрепились, а слова «ленинцы» и «большевики» все чаще употреблялись и воспринимались как синонимы. В целом эта «антиленинская» кампания пошла на пользу Ленину: он стал известным всей стране политиком, его сопоставляли с «тяжеловесами» революционной политики, противопоставляя его сначала П.Н. Милюкову, а затем и А.Ф. Керенскому.

Между тем пропаганда против большевиков тоже встретила со значительными трудностями. Само слово «большевики» использовалось чрезмерно расширительно для характеристики самых разных проявлений радикализма, не обязательно радикализма политического. Так, например, характеризовали некоторых сторонников радикальных преобразований в Православной церкви, их именовали «церковными большевиками», «церковными ленинцами», хотя они никак не были связаны с данной политической партией и могли даже критиковать Ленина и его последователей [Рогозный, 2017. С. 375–390]. В связи же с действиями радикально настроенных национальных активистов некоторые их противники стали говорить о «национальном большевизме», «большевизме в национальном вопросе» и т.п. [Булдаков, 1997. С. 144].

¹ Единство в опасности // Рабочая Газета. 1917. 24 мая.

Радикальных социалистов, прежде всего интернационалистов, которые продолжали оставаться в рядах партий меньшевиков и социалистов-революционеров, некоторые их оппоненты именовали «большевиками». В приверженности к «большевизму» обвинялись даже те политические течения, которые явно выступали за гражданский мир, появился термин «полуленинцы» так характеризовались порой и боровшиеся с большевиками лидеры меньшевиков и эсеров. Так, например, Г.В. Плеханов, который и до революции поддерживал военные усилия России, именовал «революционных оборонцев», руководителей меньшевиков и эсеров, «полуленинцами» за их недостаточное противодействие большевикам¹.

Чрезмерно расширительное употребление слова «большевики» снижало эффективность антибольшевистской пропаганды. Были и другие обстоятельства, которые не позволяли политически изолировать Ленина и «партию гражданской войны». Либеральная и консервативная пресса весной 1917 г. начала пропагандистскую кампанию против промышленных рабочих, прежде всего против рабочих Петрограда. Последних обвиняли в классовом эгоизме, в забвении интересов соотечественников, находившихся на фронте. Подобная пропагандистская акция имела и скрытую цель: углубление противоречий между рабочими и солдатами могло подорвать базу политической поддержки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, в котором тогда преобладали меньшевики и эсеры. Умеренные социалисты не могли не реагировать, они поддержали кампанию бойкота «буржуазной прессы», начатую уже и без того возмущенными рабочими. Теперь уже либеральную и консервативную печать, стремившуюся вбить клин между солдатами и рабочими, обвиняли в провоцировании гражданской войны [Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов, 1927. С. 128, 149]. В этих условиях часть столичных рабочих и солдат петроградского гарнизона приобрела иммунитет к антибольшевистской пропаганде.

Все эти обстоятельства не могли не сказаться и в дни Апрельского кризиса, словосочетание «гражданская война» нередко звучало в эти дни на улицах Петрограда. Об опасности гражданской войны в дни кризиса сообщали авторитетные политики (включая и некоторых боль-

¹ Плеханов Г.В. Что верно, то верно // Единство. 1917. 10 июня.

шевиков), о том же писали и газеты, эта тема звучала и на представительных собраниях. И в данном случае страх перед гражданской войной использовался для обоснования определенной политической тактики: это был важный эмоциональный фон для переговоров о создании коалиционного правительства.

Многие современники разных взглядов уделяли большое внимание столкновениям между «ленинцами» и «милюковцами» – Апрельский кризис персонифицировался таким образом. Были раненые и убитые, кризис воспринимался как гражданская война, в том числе из-за столкновений между различными группами демонстрантов. Одни возлагали ответственность за ее возникновение на Милюкова и его сторонников, другие – на Ленина и большевиков, некоторые же обвиняли обе политические партии, это было присуще, например, части умеренных социалистов¹.

После Апрельского кризиса Ленин еще раз публично заявил о временном отказе от лозунга гражданской войны [Ленин, 1969. Т. 31. С. 351]. Сам лидер большевиков объяснял это качественным изменением политической ситуации, но можно предположить, что он руководствовался и тактическими соображениями: образ «партии гражданской войны» не всегда позволял должным образом осуществлять политическую мобилизацию.

Июльский кризис и тема гражданской войны. Июльский кризис представлял собой комплекс атак на власть, предпринятых в различных городах России, однако наибольшее значение имели события в Петрограде. Политические демонстрации, в которых участвовали вооруженные рабочие и военнослужащие, перерастали в вооруженные столкновения, в результате которых были убитые и раненые [Знаменский, 1964].

Сам кризис нередко описывался современниками как гражданская война. Неудивительно, что либеральная и консервативная пресса, а также часть изданий умеренных социалистов обвиняли большевиков не только в подготовке, но и в развязывании гражданской войны. Тема предотвращения гражданской войны использовалась и для обоснования репрессивных действий, предпринятых различными ведомствами Временного правительства, в том числе и теми министерствами, кото-

¹ Мстиславский С. А все же... // Дело народа. 1917. 21 апр.; Русанов Н. Кто же сеет анархию // Дело народа. 1917. 23 апр.

рые возглавляли социалисты. 12 июля правительство постановило ограничить свободу печати, среди оснований для закрытия повременных изданий были и «...призывы к насилию и гражданской войне» [Революционное движение в России в июле 1917 г., 1959. С. 300].

В то же время некоторые радикальные социалисты, включая и большевиков, обвиняли в развязывании гражданской войны «буржуазию», т.е. либеральные и консервативные круги. Так, резолюция Совета солдатских депутатов Томского гарнизона, принятая 11 июля, гласила: «во избежание гражданской войны революционная демократия должна устранить буржуазию от власти, передав ее в руки Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов» [Революционное движение в России в июле 1917 г., 1959. С. 132–133]. В некоторых резолюциях говорилось о том, что преследования большевиков властями провоцируют гражданскую войну. Так, стрелки одного латышского полка осуждали «травлю контрреволюции», которая «вызывает пролетариат на гражданскую войну и ненужное кровопролитие» [Революционное движение в России в июле 1917 г., 1959. С. 430].

Тогда же и отдельные правые политики стали расширять список обвиняемых в развязывании гражданской войны. Так, В.М. Пуришкевич публично назвал главу Временного правительства А.Ф. Керенского министром гражданской войны [Буржуазия и помещики в 1917 году, 1932. С. 199]. Обвинения такого рода в адрес политика, который символизировал и осуществлял курс на создание, поддержание и воссоздание коалиции всех «живых сил» страны, коалиции гражданского мира, свидетельствовали о крайней поляризации политических сил.

Для преодоления нарастающего общественного раскола Временное правительство созвало в Москве Государственное совещание, в котором участвовали почти все политические силы, за исключением большевиков. Целью форума провозглашалась идея установления «гражданского мира». Однако, вопреки намерению организаторов совещания, оно не только выявило, но и усугубило общественно-политическую поляризацию [Тарасов, 2021]. Ярче всего это проявилось в отношении к выступлениям двух генералов – донского казацкого атамана А.М. Каледина и верховного главнокомандующего Л.Г. Корнилова. Одна часть присутствующих считала последнего

лидером контрреволюции, а другая – уникальным вождем, призванным спасти Россию.

И накануне Московского государственного совещания современники писали об опасности гражданской войны, а после совещания стали звучать слова о ее неизбежности, такого рода суждения можно найти и в газетах, и в личных дневниках современников. Обвинения в ее подготовке некоторые издания умеренных социалистов адресовывали Корнилову.

«Дело Корнилова» как гражданская война. Конфликт между верховным главнокомандующим генералом Л.Г. Корниловым и главой Временного правительства А.Ф. Керенским имел несколько измерений. Важнейшей частью этого кризиса стало противостояние крупных соединений российской армии. До боевого столкновения дело не дошло, однако многим информированным современникам его перспектива казалась вполне реальной. Кризис принес и новые человеческие жертвы: в некоторых гарнизонах Финляндии военнослужащие убивали своих офицеров.

Другим важным измерением кризиса стала пропагандистская война – генерал Корнилов и его сторонники стремились мобилизовать общественное мнение и изолировать своих противников. Им противостояла пропаганда приверженцев Керенского, а также различные комитеты, Советы и социалистические партии. Для сторонников Корнилова ключевыми понятиями были «большевизм» и «большевики», однако при этом термин «большевизм» использовался еще более расширительно, чем это было ранее: теперь уже утверждалось, что «наемники-большевики и шпионы» «совершенно опутали сетью своих интриг и козней всех членов Временного правительства и подчинили их своей воле» [Дело генерала Л.Г. Корнилова, 2003. Т. 1. С. 332; Т. 2. С. 500]. Вряд ли какой-либо человек, постоянно следящий за политикой, согласился бы с такой интерпретацией событий. Такого рода неуклюжая пропаганда скорее подрывала авторитет верховного главнокомандующего и его сторонников. Неудивительно, что иногда противники Корнилова даже не препятствовали распространению его воззваний.

В то же время противоборствующие стороны использовали страх перед гражданской войной, страх, который значительно усилился в «корниловские дни». При этом и сторонники генерала Корнилова, и его противники объясняли свои действия желанием предотвратить

гражданскую войну, а ответственность за угрозу ее возникновения возлагали на своих политических врагов. Некоторые же публикации фиксировали, что теперь речь шла не только об угрозе гражданской войны, а о ее фактическом начале. Такие оценки мы можем встретить и в синхронных источниках личного происхождения, и в газетах самой разной политической ориентации – об этом писали либеральные и консервативные издания, органы печати большевиков и умеренных социалистов [Колоницкий, Годунов, 2021а; Колоницкий, Годунов, 2021б].

«Корниловские дни» воспринимались как уже начавшаяся гражданская война, и этот опыт, необычайно важный для современников, оказал воздействие на оценки политической ситуации в последующие дни.

Соответственно, в дни кризиса некоторые авторы разных взглядов ставили вопрос не о предотвращении гражданской войны, а о ее прекращении. При этом различные политические силы предлагали и разные сценарии завершения конфликта. Либералы и консерваторы требовали ликвидации «недоразумения» между Корниловым и Керенским. В то же время и радикальные социалисты, и социалисты умеренные требовали полной капитуляции верховного главнокомандующего и «корниловцев». Какое-либо соглашение с Корниловым было уже невозможно и для Керенского. В конце концов, генерал сдал свою должность и был арестован. Однако бывший верховный главнокомандующий продолжал оставаться в центре политических дебатов, и отношение к нему продолжало раскалывать страну.

Слово «корниловцы» получило очень широкое распространение. Для одних это был собирательный образ политического врага, с которым невозможен какой-либо политический компромисс. Появилось и новое слово «корниловщина», которое использовалось для описания конфликта. Правда, среди противников генерала не было единства в отношении того, кого следует именовать «корниловцем». Такое обвинение порой адресовалось всей «буржуазии», т.е. любой предприниматель мог быть объявлен «корниловцем»: этот термин оформлял антибуржуазные, «антибуржуйские» настроения. Не одни только большевики считали всех представителей конституционно-демократической партии «корниловцами», хотя в партии не было единства по отношению к генералу. Самого Керенского Ленин именовал корни-

ловцем, который «случайно» рассорился с Корниловым. Главу Временного правительства обвиняли в тайном союзе с корниловцами и подготовке «новой корниловщины» [Ленин, 1969. Т. 34. С. 250].

В то же время в сентябре и октябре некоторые офицеры и общественные деятели с гордостью публично именовали себя «корниловцами». Даже уничижительное слово «корниловщина», введенное в оборот противниками генерала, использовалось порой для самохарактеристики [Дело генерала Л.Г. Корнилова, 2003. Т. 2. С. 523].

Тема гражданской войны получает новое звучание после «корниловских дней». Обвинения в подготовке гражданской войны все чаще адресуются не только большевикам, но и «полуленинцам»¹. В то же время в партии большевиков тема гражданской войны звучит по-разному.

Одни видные деятели большевиков обвиняли своих политических противников в подготовке гражданской войны, а свои собственные действия объясняли стремлением гражданскую войну предотвратить [Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году, 2003. Т. 4. С. 409]. И в данном случае мы можем говорить о попытках использования страха перед гражданской войной.

Вместе с тем В.И. Ленин публично выступал против «запугивания» гражданской войной. Он писал, что фактически гражданская война уже объявлена «буржуазией». После «корниловских дней» лидер большевиков вернулся к открытому и откровенному курсу на прекращение мировой войны с помощью гражданских войн в воюющих странах [Ленин, 1969. Т. 34. С. 214–228].

Заключение. Политические кризисы 1917 г. стали лабораториями для разработки языка гражданской войны: в дни кризисов словосочетание «гражданская война» употреблялось все чаще. В некоторых же случаях обостряющаяся общественно-политическая ситуация описывалась, а нередко и субъективно переживалась как уже начавшаяся гражданская война, особенно это характерно для «дела Корнилова».

Практически все политические силы использовали в своих целях распространенный страх перед гражданской войной. Это было присуще и тем противостоящим друг другу политическим акторам, которые брали курс на силовое решение социально-политических проблем, т.е.

¹ Предпарламент // Новая жизнь. 30 сент.

объективно вносили свой вклад в подготовку гражданской войны. Подобные попытки использования и усиления эмоций требовали соответствующего риторического оформления, что способствовало выработке языка войны. Широкое использование страха перед гражданской войной свидетельствует о распространенности этой эмоции. Вместе с тем распространенный страх перед гражданской войной в конце концов не предотвратил ее начало. Можно предположить, что повторяемость кризисов, их относительно безболезненное разрешение и их локализация в столице могли уменьшать опасения перед открытым внутренним конфликтом.

В ходе политических кризисов создавался язык описания политических врагов, на которых возлагалась ответственность за подготовку гражданской войны либо даже за ее начало. Особое значение имели образы «большевиков» («ленинцев», «большевизма») и «корниловцев» («корниловщины»). Эти слова становились маркерами политической идентификации, инструментами политической классификации, средствами политической мобилизации и орудиями выстраивания политических коалиций.

Осенью 1917 г. появляется несколько политических коалиций, основанных на выявлении ключевых образов врагов, которые обвинялись в подготовке гражданской войны. Существование этих коалиций, направленных друг против друга, делало большую гражданскую войну все более вероятной.

Противники «большевиков» (в число последних включались не только члены этой партии, но и разнообразные сторонники углубления революции) были расколоты и в своем понимании «большевизма» (в число «большевиков» могли включаться и некоторые противники Ленина), и в своем отношении к «корниловцам» и «корниловщине»: если одни считали арестованного генерала виновником гражданской войны, то другие открыто отождествляли себя с Л.Г. Корниловым.

Противники «корниловщины» также были расколоты, это проявлялось и в отношении к «большевизму», и в понимании того, кого следует именовать «корниловцем». Порой одного и того же политического деятеля одни его противники могли назвать сторонником «большевизма», а другие – «корниловцем».

Существование этих разнородных коалиций, отражая линии общественных расколов, создавало условия для дальнейшей политической

радикализации, способствовало соскальзыванию страны в ситуацию гражданской войны.

Вместе с тем многих – хотя и не всех – сторонников этих противостоящих друг другу коалиций объединяло их негативное отношение к А.Ф. Керенскому: одни считали его «корниловцем», а другие – политиком, потакающим «большевикам». И те и другие считали главу Временного правительства предателем, база его политической поддержки неуклонно таяла. И будущие «белые», сторонники Корнилова, и будущие «красные», боровшиеся с «корниловщиной», выстраивали свою идентичность, противопоставляя себя «керенщине». Это слово имело различные значения, но часто оно обозначало слабый, пассивный и безвольный режим, который любой ценой добивался соглашений ради самих соглашений. Сторонники политического компромисса оказывались во все более сложном положении. И левые и правые противники Керенского распространяли схожие слухи и даже использовали схожую риторику для его дискредитации [Kolonnitskii, 2021].

Инструменты выстраивания коалиций, инструменты классификаций, выработавшиеся в ходе политических кризисов, создавали такую дискурсивную рамку, которая, отражая усложняющуюся социально-политическую обстановку, затрудняла достижение общенациональных соглашений, препятствующих нарастанию гражданской войны. Особое значение в подобной культурной подготовке гражданской войны имело «дело Корнилова».

Литература

Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М.: Редакция журнала «Вопросы истории», 1993. 144 с.

Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 373 с.

Бульст Н., Козеллек Р., Майер К., Фиш Й. Революция (Revolution), бунт, смута, гражданская война (Rebellion, Aufruhr, Bürgerkrieg) // Словарь основных исторических понятий: избранные статьи в 2 т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 520–728.

Буржуазия и помещики в 1917 году. Частные совещания членов государственной думы / под ред. А.К. Дрезена. М.; Л.: Партиздат, 1932. 327 с.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий: в 4 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. Т. 1. 27 февраля – 6 мая 1917 года / сост. В.В. Кутузов, Л.М. Гаврилов, Г.П. Макарова и др. 741 с.

Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 84–109.

Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов: Стенографический отчет / сост. М.Н. Цапенко. М.; Л.: Госиздат, 1927.

Дело генерала Л.Г. Корнилова: Материалы Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках (Август 1917 г. – июль 1918 г.): в 2 т. Т. 1, 2 / под ред. Г.Н. Севостьянова. М.: МДФ; Материк, 2003.

Знаменский О.Н. Июльский кризис 1917 года. М.; Л.: Наука, 1964. 272 с.

Каливас С. Логика насилия в гражданской войне. М.: Пятый Рим, 2019. 780 с.

Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 628 с.

Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское сознание» // Анатомия революции. СПб., 1994. С. 188–202.

Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года: 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Лики России, 2012. 320 с.

Колоницкий Б.И., Годунов К.В. «Корниловщина» как гражданская война: Восприятие политического кризиса и легитимация насилия в свидетельствах современников // Эго-документы: Россия первой половины XX века в межстечниковых диалогах / под ред. М.А. Литовской и Н.В. Суржиковой. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. С. 170–191

Колоницкий Б.И., Годунов К.В. Тема гражданской войны в текстах «правых» социалистов во время «корниловщины» // Жить историей и думать о будущем: сборник статей и материалов к 60-летию доктора исторических наук К.Н. Морозова / сост. А.Ю. Морозова, А.Ю. Суслов. М., 2021. С. 351–364.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 31, 34. М.: Изд-во политической литературы, 1969.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 638 с.

Меньшевики в 1917 году / под ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. М.: РОССПЭН, 1994. Т. 1: От января до июльских событий. 751 с.

Миллер В.И. Осторожно, история! М.: ЭТЦ, 1997. 222 с.

Морозова О.М. Антропология гражданской войны. Ростов н/Д.: Издательство ЮНЦ РАН, 2012. 559 с.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году / отв. ред. В.И. Старцев, Ю.С. Токарев. Л.: Наука, 1991. Т. I. 662 с.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: док-ты и мат-лы: в 5 т. М.: РОССПЭН, 2003. Т. 4 / отв. ред. Б.Д. Гальперина, В.И. Старцев. 613 с.

Покок Дж.Г.А. Момент Макиавелли. Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 888 с.

Разиньков М.Е. Развитие представлений В.И. Ленина о феномене и периодизации гражданской войны // Власть и общество: механизмы взаимодействия и противоречия: мат-лы восьмой регион. науч. конф. Воронеж, 2014. С. 176–182.

Разиньков М.Е. Война интерпретаций: концепция «гражданской войны» в российском политическом сознании 1917–1922 гг. // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 3–15.

Революционное движение в России в июле 1917 г.: Июльский кризис / отв. ред. Д. А. Чугаев. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 626 с.

Рогозный П.Г. Духовенство против Церкви в 1917–1918 гг. («Церковный большевизм» и церковные большевики) // Эпоха войн и революций: мат-лы Междунар. коллоквиума (Санкт-Петербург, 9–11 июня 2016 г.). СПб.: Нестор-История, 2017. С. 375–390.

Россия 1917 года в эго-документах: Дневники / сост. Н.В. Суржикова. М.: РОССПЭН, 2017. 677 с.

Скиннер К. Истоки современной политической мысли. М.: Дело, 2018. Т. 1. 461 с.; Т. 2. 564 с.

Скиннер К. Свобода до либерализма. СПб.: Издательство Европейского университета, 2006. 119 с.

Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 3. Кн. 1. 1915–1917 гг. / сост. О. Н. Лежнева. 830 с.

Тарасов К.А. Московское государственное совещание 1917 года в поисках преодоления языка классовой борьбы // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 3. С. 101–113.

Телеграмма Родзянко царю 27 февраля 1917 г. // Красный архив. 1927. Т. 23. С. 6.

Тютюкин С.В. Война, мир, революция: Идейная борьба в рабочем движении России, 1914–1917 гг. М.: Мысль, 1972. 304 с.

Хлудова М.С. Арбатская сага. М.: Московские учебники-СиДипресс, 2010.

Armitage D. Civil Wars: A History in Ideas. New York: Alfred A. Knopf, 2017.

Kolonitskii B. Kerensky as “Traitor”: Symbolic Politics, Rumor and the Political Deployment of Rumors in the Revolutionary Period // Revolutionary Russia. 2021. Vol. 34, Iss. 1. P. 1–18.

Tackett T. The Coming of the Terror in the French Revolution. Cambridge; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2015. 463 p.

УДК 93/94;930;94(47+57)
doi:10.31518/978-5-98901-255-8-361-370

А.В. Корневский

**Русская революция, большевизм
и гражданская война в политической аналитике
А.Дж. Тойнби 1918–1923 годов**

A.V. Korenevskiy

**The Russian Revolution, Bolshevism
and the Civil War in A.J. Toynbee's
Political Analytic, 1918–1923**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению суждений А.Дж. Тойнби о значении русской революции и гражданской войны, содержащихся в его аналитических текстах и переписке периода работы в Департаменте политической разведки МИД, а с 1919 г. – в Британском институте международных отношений. Автор приходит к выводу, именно русская революция и гражданская война, наряду с Греко-турецкой войной 1919–1922 гг., стали теми событиями, в ходе осмысления которых созрел замысел цивилизационной теории Тойнби.

Ключевые слова: А.Дж. Тойнби, русская революция, большевизм, гражданская война, Греко-турецкая война 1919–1922 гг., национальный вопрос, политическая аналитика, ориентализация, вестернизация.

Известный лозунг «Октябрьская революция – главное событие XX века» имеет под собой, в отличие от подавляющего большинства творений советского агитпропа, реальное историческое содержание и вряд ли может быть оспорен. Кровавая пятилетка, начавшаяся большевистским переворотом и завершившаяся реинтеграцией основной части имперской территории в рамках СССР, действительно разделила на «до» и «после» судьбы миллионов людей не только в России, но и, прямо или косвенно, во всем мире. В этой связи, принимая во внимание «человекоцентричный» характер современного исторического знания и востребованность таких направлений, как биографика, персоналистика, интеллектуальная история, следует признать неизменно актуальной тему отражения этой пятилетки в жизни, мыслях, идеях

знаковых фигур этого «века экстремумов». Одним из таких олицетворений бурного XX столетия по праву считается английский историк, философ и аналитик Арнольд Джозеф Тойнби (1879–1975), автор эпохальных «Обзоров международной политики» – детальной летописи мировых катаклизмов с 1920 по 1958 гг., еще более масштабного 12-томного «Постижения истории», создававшегося с 1921 по 1961 г., и огромного числа текстов об истории и политике, которые продолжали выходить из-под пера Тойнби вплоть до его смертного часа.

При этом приходится констатировать тот парадоксальный факт, что в гигантской мировой и отечественной тойнбиане, исчисляемой сотнями томов, почти не нашлось места столь заманчивой теме – отражению катастрофы всемирного масштаба в творчестве мыслителя, еще при жизни ставшего, по выражению биографа Тойнби Уильяма Мак-Нила, «мировой фигурой» (world figure) и «профессиональным мудрецом» (professional wise man) [McNeill, Arnold, 1989. P. 206, 235]. Буквально по касательной этот сюжет затронут в жизнеописании мыслителя упомянутого автора, а также в нескольких статьях [Hall, 2014. P. 23–36]. Именно поэтому, учитывая значимость данной темы и отсутствие детальных ее исследований, всеобъемлющий анализ обозначенной проблемы не соответствует формату статьи, тем более выступления на конференции. Глубокие изыскания по теме «Тойнби и Русская смута XX века» еще ждут своего часа. Мы же поставим перед собой более скромную задачу – обозначить абрис исследовательского кейса, основной круг источников по данной проблеме и пути ее дальнейшего изучения.

Для адекватного «считывания» внутренней подоплеки суждений А.Дж. Тойнби о русской революции и гражданской войне, равно как и для понимания места этой проблематики в контексте его мировоззрения, необходимо прояснить три принципиальных момента. Первый относится к специфике мыслительной стратегии Тойнби. В поисках наиболее точного ее обозначения исследователи нередко используют понятие «историософия», что вполне оправданно, если принять за главное ее отличие от философии истории, характеризующейся холодной рассудочностью и отстраненностью мыслителя от объекта исследования, позицию личной сопричастности историософа к постигаемым им сокровенным тайнам и мистико-поэтического воодушевления самим процессом проникновения в смысл истории. Сказанное в

полной мере применимо к личности и складу мышления Тойнби. Как справедливо заметил В.М. Мучник, «Тойнби – историк, очень склонный к самоанализу. В большинство его работ обильно вкраплен автобиографический материал ..., нередко используемый мыслителем как основа для важных историко-теоретических обобщений» [Мучник, 1986. С. 31]. В свою очередь это дает понимание того факта, что в интеллектуальной биографии Тойнби две его ипостаси – историософа и политического аналитика, а главные труды его жизни – «Обзоры международной политики» и «Постижение истории» писались параллельно и, по признанию самого Тойнби, не могли возникнуть один без другого. Говоря о взаимосвязи и взаимообусловленности своих философско-исторических и политико-аналитических штудий, он подчеркивал: «Независимо от того, сколь далеко ушла в прошлое исследуемая эпоха, историку предстоит оживить ее, вдохнув в нее жизнь. А для этого нужно знать жизнь людей, которых историк застал на Земле и которые называются его современниками» [Тойнби, 2003. С. 86].

Второе замечание касается места России в интеллектуальной биографии и картине мира А.Дж. Тойнби. Он принадлежал к тому поколению английских интеллектуалов, на молодость которых пришелся один из самых крутых изломов внешнеполитической стратегии Британской империи. Произошедшее в начале XX в. сближение с Францией, а вследствие этого и с Россией, потребовало кардинального изменения культурной политики: английскому обществу необходимо было объяснить, почему империя, которую на протяжении десятилетий проправительственные публицисты изображали воплощением азиатского варварства и тирании, теперь стала другом Британии. Всего за несколько лет полки книжных лавок Англии заполнились десятками книг о загадочной русской душе, таинственной стране мечтателей и пророков, а также переводами русских романов. Благодаря стараниям Констанса Гарнетт, Джеймса Даффа и других переводчиков среди читающей публики возникло повальное увлечение Тургеневым, Толстым, Достоевским, Аксаковым. Одним из этих восторженных русофилов стал молодой Арнольд, и даже его первый брак в какой-то мере был следствием его литературных предпочтений: избранница Тойнби, дочь его университетского наставника Розалинд Мюррей, также была без ума от Тургенева и Достоевского и, более того, сочинила сентиментальный подражательный роман о русских

нигилистах [Murray, 1910]. К слову сказать, через полвека, уже став world figure и одним из главных идеологов холодной войны, на вопрос корреспондента “The New York Times” Харви Брейта об отношении к современной литературе Тойнби уклонился от ответа, сказав, что, в сущности, остается читателем Тургенева и Толстого, а «Войну и мир» перечитал три раза¹.

Третья ремарка связана с нередкими суждениями о пророческих амбициях Тойнби. Он действительно был щедр на предсказания, многие из которых подтвердились еще при жизни, тогда как некоторые оказались ошибочными. Ряд прогнозов, сделанных до 1917 г., многое объясняет в последующих высказываниях Тойнби о России и большевиках. Во время Первой мировой войны Тойнби работал в Департаменте политической разведки МИД, и результаты своих аналитических штудий он изложил в двух книгах, сделавших его европейской знаменитостью. В апреле 1915 г. Тойнби публикует 522-страничное исследование планов Антанты по послевоенному устройству мира «Национальность и война» (точнее, «идея нации и война» – Nationality and the War) [Toynbee, 1915], а несколькими месяцами позже – сборник очерков по вопросу послевоенной «реконструкции» с символическим заглавием «Новая Европа» [Toynbee, 1915].

Одно из пророчеств, высказанное в первой книге и конкретизированное во второй, касалось не только России, но и всего мира, затронув одну из самых острых проблем XX века. Анализируя перспективы воплощения на практике лозунга освобождения поработанных наций, выдвинутого странами Антанты, Тойнби пришел к выводу, что сама по себе идея нации обладает огромным деструктивным потенциалом, особенно в Восточной Европе. Определяя национальное самосознание («национальность») как «волю к сотрудничеству» (will to co-operate), а нацию – как «группу людей, связанных присущностью данного импульса каждому индивиду» [Toynbee, 1915a. P. 19], Тойнби указывает, что восточнее Эльбы, в силу слабого развития экономики, эта коллективная воля может быть реализована почти исключительно в стремлении к языковому и культурному единству и почти неизбежно против тех, в ком видится угроза этому единству. Такой национализм мыслит нацию как «естественное» сообщество, которое должно занимать

¹ Breit H. Talk with Arnold Toynbee // The New York Times. 1949. July 10. Section B. P. 15.

«естественную» для него территорию [Тоунбее, 1915а. Р. 37–38]. «Эта догма, – резюмирует Тойнби, – выражает все то зло, которое заключено в национальном принципе» [Тоунбее, 1915а. Р. 38]. Как известно, этот прогноз многократно подтверждался с ужасающей точностью не только в России, но и во всем мире на протяжении всего XX в. Следует отметить, что и сам Тойнби был потрясен воплощением своего пророчества. На протяжении всей жизни он считал национализм главным злом своего времени и во всех катаклизмах склонен был видеть в первую очередь проявления национальных проблем. Это обстоятельство следует учитывать, анализируя его суждения о революции и гражданской войне в России. Следует также указать на один вполне конкретный пример прозорливости Тойнби в оценке межнациональных отношений в империи. Он полагал, что сохранение единого государства выгодно подавляющему большинству народов России, однако в наибольшей степени это зависит от Украины, сецессия которой «неминуемо нарушит баланс всей имперской системы» [Тоунбее, 1915b. Р. 318]. Результатом этого будет «в худшем случае полный распад Российской империи, а в лучшем – длительный политический паралич» [Тоунбее, 1915b. Р. 319]. Именно поэтому украинцы, как полагал Тойнби, в собственных же интересах «должны оставить свой партикуляризм и согласиться на то, чтобы вновь врасти в единое тело “Святой Руси”» [Тоунбее, 1915b. Р. 319].

Еще один прогноз, сделанный Тойнби в его аналитических работах 1915 г., также непосредственно касался России. Протестуя против русофобских настроений, распространенных среди британской элиты, Тойнби доказывал, что Россия – неотделимая часть европейского культурного круга, а литературная традиция, взращенная ею в XIX в., «столь же значима и важна для мировой духовной истории, как и французская литература восемнадцатого столетия» [Тоунбее, 1915b. Р. 298]. Плодом этого культурного развития стало формирование интеллигенции, которая «обретает живительную влагу в неистощимом источнике народной жизни», и это, по мнению автора, сулит стране большие перемены: «Российская нация обрела свою душу; неминуемо наступит следующая стадия, когда ни на что уже не годное “сильное правительство” уступит место тем, кому сама нация доверит свою судьбу» [Тоунбее, 1915b. Р. 298].

В ноябре 1917 г. стало ясно, что на сей раз пророчество Тойнби не сбылось, что повергло самого пророка в глубочайшую фрустрацию, хотя поначалу он и пытался сохранить оптимизм. В Рождество этого же года он пишет своему другу по учебе в оксфордском колледже Баллиол востоковеду Роберту Шелби Дербиширу: «Что ты думаешь о большевиках? Я думаю, что они держат в своих руках мир – возможно, всего на шесть месяцев, но на шесть решающих»¹. Сказано это было в связи с тем, что по заданию Департамента политической разведки (Political Intelligence Department – PID) Тойнби в это время разрабатывал целый ряд документов для МИДа в связи с провозглашенными большевиками «Декретом о мире». В том же 1917 г. он подготовил памфлет «Угнетенные нации германского альянса» с целью доказать демагогический характер провозглашенных в декрете принципов мира без аннексий и контрибуций и права наций на самоопределение. Тойнби доказывал, что в реальности воплощение этих принципов означало бы «возвращение к status quo ante bellum, и, следовательно, немцы, венгры, мадьяры, болгары, турки продолжают повелевать семнадцатью народами или их частями, над которыми они властвовали до войны»².

В 1918 г. Тойнби представил в МИД два меморандума – «Ислам в России после революции» и «Формула “самоопределения народов” и исламский мир». Суждения, содержащиеся в первом, были выдержаны в традиционном либеральном ключе: повторялись прежние его характеристики России, которая «была полна жизни, национальностей, партий, классов, у которых были свои цели и оригинальные точки зрения», но все сковывалось царизмом. Теперь же, как полагал Тойнби, все эти силы «обрели свободу действий и начали решать касающиеся их проблемы»³. Но уже в следующем меморандуме у автора поубавилось пафоса. Признав, что не только большевики, но и страны Антанты ответственны за то, был выпущен из бутылки джинн «принципа самоопределения», он делает следующий неутешительный

¹ Bodleian Library. Special Collections. Toynbee Papers. Box 5. Toynbee A.J. Letter to Robert Shelby Darbishire. 25.12.1917.

² Bodleian Library. Special Collections. Toynbee Papers. Box 43. Toynbee A.J. Subject Nationalities of the German Aliens. P. 1.

³ Bodleian Library. Special Collections. Toynbee Papers. Box 5. Toynbee A.J. Islam in Russia since the Revolution (paper delivered to the Foreign Office, 1918).

вывод: «Большевики действуют от имени европейского рабочего класса, который повсюду был подавляем свыше, пока он не стал “самоопределяющимся” и даже господствующим в России при большевистском режиме. Политика большевиков заключается в том, чтобы вызвать такую же революцию и в других странах, и, естественно, рабочие в Германии и других странах испытывают определенную симпатию к большевистским планам. Эта огромная, инстинктивная, едва сформулированная внутренняя поддержка и есть сила большевиков. Но исламское сознание, стоящее за всероссийским мусульманским движением, – это сила точно такого же рода. Мусульмане России, как и российский рабочий класс, обеспокоены защитой завоеванных ими прав в России и стремятся добиться таких же прав для своих братьев в остальном мире. И что более важно, они считают, что стоят лицом к лицу с одним и тем же врагом, а именно с “капитализмом”, или, другими словами, европейским средним классом, который они считают эксплуататором рабочего класса в Европе и мусульман на Востоке» [McNeill W.H., 1989. P. 76]. Следующий из этого прогноз звучал неутешительно: «Союз между этими двумя силами в России, вероятно, станет долговременным явлением, которое окажет влияние за пределами российских границ» [McNeill W.H., 1989. P. 76].

Как видим, Тойнби трудно отказать в проницательности. Действительно, на протяжении всей гражданской войны большевикам удавалось использовать ислам в своих целях: эта практика широко применялась ими и на Кавказе, и в Средней Азии, да и после войны отношение Советов к исламу было более терпимым, чем к православию. В том же тексте он приходит к выводу, что Британия, конечно же, должна пытаться защитить свои интересы в России и сопредельных с нею странах, рассчитывать она может только на «дружественные островки», какими Тойнби считал армян, грузин, казаков и «сомнительную» Украину. Но все это может быть рассчитано только на короткую перспективу. Он даже использует для этих «островков» французский термин «*rieds-a-terre*» – временное пристанище. Приходится признать, заключает Тойнби, что нынешняя Россия «является большевистской и, вероятно, останется таковой» [McNeill W.H., 1989. P. 76].

На первый взгляд странное сопряжение темы большевизма и ориентальной проблематики имеет свое объяснение. Во-первых, это объясняется служебными обязанностями Тойнби: в PID его зоной

ответственности был Ближний Восток, русский же кейс был в большей степени результатом личной инициативы Тойнби. Собственно, и в упомянутых меморандумах МИД интересовал именно исламский вопрос. Сюжет с большевизмом был, опять-таки, инициирован самим Тойнби. Он даже сетовал в письме Дербиширу, что цензор, скорее всего, вычеркнет это из его текста, «поскольку большевики не в чести в официальных кругах»¹. Но есть и другая причина, по которой Тойнби активно продвигал большевистский кейс.

Впервые замысел теории, согласно которой мировая история есть суммарный вектор развития отдельных цивилизаций как относительно самодостаточных и целостных культурно-исторических общностей, возник голове Тойнби еще в 1912 г.² А работа в PID в годы войны все больше убеждала его в правильности этой гипотезы. Победа большевиков, с одной стороны, означала крушение его надежд на торжество либерализма в России, а с другой – укладывалась в русло его теории, позволяя объяснять произошедшее как исторический реванш глубокой не-западной природы России. Тем не менее, как не без иронии отмечает биограф Тойнби, высокопоставленные чиновники не очень хотели прислушиваться к проповедям «выскочки из Баллиола» [McNeill W.H., 1989. P. 77].

Звездный час Тойнби настал 30 мая 1919 г., когда в кулуарах Парижской мирной конференции было принято решение переформатировать PID, полушутя именованный «Министерством всех талантов» [McNeill W.H., 1989. P. 75], в независимый аналитический центр (think-tank), финансируемый за счет благотворительных фондов. Тойнби, которому было поручено написание истории конференции (впоследствии – ежегодных «Обзоров»), стал первым штатным сотрудником этого учреждения – Британского (позже – Королевского) института международных отношений, известного по месту расположения как Чатем-Хаус (Chatham House).

¹ Bodleian Library. Special Collections. Toynbee Papers. Box 5. Toynbee A.J. Letter to Robert Shelby Darbishire. 25.12.1917.

² Точная дата «прозрения» – 23 мая 1912 г. – названа в письме А.Дж. Тойнби известному историку, автору биографии О. Шпенглера Г.С. Хьюзу (Bodleian Library. Special Collections. Toynbee Papers. Box 40. Toynbee A.J. Letter to H.S. Hughes. 4.06.1951).

В процессе реализации данного проекта Тойнби получил возможность в полной мере воплотить концепцию, которая вызревала в его голове на протяжении всей гражданской войны в России.

Исходной посылкой для объяснительной модели, выстроенной Тойнби, послужила его идея незавершенности нациестроительства за пределами Западной Европы и преобладание к востоку от Эльбы, на Балканах и Ближнем Востоке агрессивного «лингвистического национализма» [Тоунбее, 1926. Р. 56]. Соответственно, в этих регионах западные традиции и институты не смогли укрепиться в должной мере, и в результате кризиса, вызванного войной, произошел откат назад, изоляция от Запада, хотя на словах – в демагогических целях – антизападные силы используют в своей риторике понятия и лозунги западного происхождения: «В то время как большевики якобы навязывали России экзотическую западную доктрину, сама Россия незаметно использовала своих новых хозяев в качестве инструмента реакции против всех достижений западной цивилизации. Россия в 1920 году, по-видимому, исподволь по-своему делала то, что Япония систематически и целенаправленно совершила в XVII веке: она разорвала свои связи с Западным миром» [Тоунбее, 1926. Р. 72].

С точки зрения Тойнби, в ходе революции и гражданской войны фактически произошла ориентализация России, что он обосновывает успешностью большевиков на восточном направлении и провалами на западном: «Успех Советской России в восстановлении азиатских границ Царства был столь же поразителен, как и потеря ею позиций в Европе. Когда последние “белые” армии были рассеяны, “красные” войска, следуя за ними по пятам, вновь вошли в Баку и Тифлис, Ташкент и Мерв, Иркутск и Владивосток» [Тоунбее, 1926. Р. 72]. Об этом же, как полагал Тойнби, свидетельствовала и внешнеполитическая активность большевиков: «В то время как “Третий Интернационал” в Москве все еще проповедовал ортодоксальную марксистскую “классовую войну” пролетариату Восточной и Центральной Европы, большевистская пропаганда в Азии подстрекала все выжившие незападные общества сотрудничать с Россией в войне против господства Запада» [Тоунбее, 1926. Р. 73]. Об этом же, по мнению Тойнби, говорят и результаты «советского эксперимента» в Западной Европе – поражение Ноябрьской революции в Германии, недолговечность Венгерской и Баварской советских республик.

Примечательно, что Тойнби, анализируя события гражданской войны в России, ставит ее в один ряд с Кемалистским движением в Турции: «Конфликт между “белыми” и “красными” в России и греками и турками в Анатолии были двумя локальными столкновениями, в которых союзные державы принимали самое активное участие, и в обеих областях их политика привела к окончательному поражению той стороны, которую они поддерживали» [Тоунбее, 1926. Р. 45]. Вскоре Тойнби разовьет эту идею в книге «Западный вопрос в Греции и Турции» [Тоунбее, 1922], введя в оборот понятие «вестернизация» и доказывая, что здесь, как и в России, сбылось его давнее пророчество: там, где заимствованная с Запада «идея нации» не имеет социально-экономического базиса, она превращается в лингвистический национализм и оборачивается масштабными этническими чистками. Таким образом, проблематика революции и гражданской войны в России стали для Тойнби одним из этапов на пути к построению его цивилизационной теории.

Литература

Мучник В.М. В поисках утраченного смысла истории: эволюция мировоззрения А.Дж. Тойнби. Томск: ТГУ, 1986. 199 с.

Тойнби А.Дж. Пережитое. Мои встречи. М.: Айрис-пресс, 2003. 665 с.

Hall I. “Time of Troubles”: Arnold J. Toynbee’s Twentieth Century // *International Affairs*. 2014. Vol. 90, No. 1. P. 23–36.

McNeill W.H. *Arnold J. Toynbee a Life*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1989. 346 p.

Murray R. *The Leading Note*. London, 1910. 234 p.

Toynbee A.J. *Nationality and the War*. London; Toronto: J.M. Dent & Sons LTD, 1915a. 522 p.

Toynbee A.J. *The New Europe. Some Essays in Reconstruction*. London; Toronto; New York: J.M. Dent & Sons Limited, 1915b. 85 p.

Toynbee A.J. *The Western Question in Greece and Turkey. A Study in The Contact of Civilisations*. London: Constable and Company LTD, 1922. 420 p.

Toynbee A.J. *The World After the Peace Conference. Being an Epilogue to the “History of the Peace Conference of Paris” and a Prologue to the “Survey of International Affairs”, 1920–1923*. London, etc.: Humphrey Milford; Oxford University Press, 1926.

УДК 93(47)+930

doi:10.31518/978-5-98901-255-8-371-390

В.М. Рынков

Завершение Гражданской войны: историография и теория в поисках ответа

V.M. Rynkov

The End of the Civil War: Historiography and Theory Looking for Answers

Аннотация. Статья включает обзор традиционных и инновационных ответов на вопрос об окончании Гражданской войны в России. В нем рассмотрены критерии, которые выдвинули современники и исследователи для определения хронологии ее завершения. Существующий спектр историографических представлений анализируется с помощью политической теории, которая предлагает собственный набор маркеров окончания внутреннего вооруженного конфликта.

Ключевые слова: историография, политическая теория, Гражданская война, хронологические рамки, крестьянское движение, национальное движение.

Одной из сложнейших научных проблем является определение времени и специфики завершения гражданской войны. В разных научных дискурсах предпочитают говорить также о финале, прекращении или окончании. При всей кажущейся синонимичности разные смысловые оттенки очевидны и весьма значимы. Представляется, что наиболее емкий термин, описывающий данный феномен, – выход из гражданской войны. Он позволяет описать конец гражданской войны одновременно и как хронологический рубеж, и как процесс, при этом сфокусироваться на переходе общества в новое состояние.

Следует сделать еще одну оговорку, лишь на первый взгляд связанную с правописанием, но на практике способную породить серьезную путаницу в профессиональной среде. Везде, где речь идет о типе войн как таковом и характере вооруженного конфликта, я использую словосочетание «гражданская война» со строчной буквы. То же относится к описанию состояния общества. При описании конкретной гражданской войны как исторического события, периода в истории

конкретного государства или народа, употребляю прописную. Причем не обязательно в словосочетании «Гражданская война в России», но и везде, где подразумевается именно этот вооруженный конфликт.

Мир пережил сотни внутренних вооруженных конфликтов, и изначально именно они назывались гражданскими войнами. Мы привыкли примеряться к истории крупных государств со сложной многоуровневой системой управления, в которой гражданской войной считается длительное и масштабное противостояние с применением оружия. Но родоначальники политической философии знали полисную систему общественного устройства со множеством одноуровневых и весьма небольших по масштабу политий. Отсюда и первоначальное греческое определение домашнего конфликта (*στάσις*)¹ как противоположности межгосударственного.

С приближением к современности государство усложнялось, стали возможны многоуровневые внутренние вооруженные конфликты, для которых появилось несколько обозначений – бунт, мятеж, восстание, государственный переворот, революция, крестьянская война, религиозная война, гражданская война [Бульст, 2014. С. 574–604]. В XVII–XVIII вв. сам термин «гражданская война» приобрел новое осмысление как обязательно вооруженное столкновение между сословиями [Armitage, 2017]. Причем гражданские войны теперь часто отягощались вмешательством извне (интервенцией).

Однако возвращение к такому чистому по своей первозданности полисному варианту государственного устройства позволяет сделать несколько полезных замечаний. *Stasis*, или домашняя война, примечателен тем, что вызревает изнутри, а не привносится извне. Погашенный вмешательством внешних сил конфликт на самом деле «замораживается», тогда как окончиться по-настоящему *stasis* может только внутренним вызреванием мира и финальным примирением сторон. Иначе она чревата новыми стадиями, рецидивами.

Такова модель внутриполисной войны. Мировая история знает много примеров окончания гражданских войн через диктатуру победителей и физическое уничтожение побежденных, далеких от античной модели. Впрочем, принципиально подчеркну и другое обстоятельство – само состояние гражданских войн понималось античными

¹ В современной научной литературе широко распространен латинизированный вариант этого термина – *stasis*.

мыслителями как широкое поле возможных конфликтов от войны народа с сувереном, включая вооруженное противостояние отдельных групп населения друг с другом до состояния войны всех против всех.

Более того, в хаос внутренних конфликтов погружаются государства разных размеров и их части. Неспроста существует дискуссия о том, целесообразно ли любой внутренний вооруженный конфликт называть гражданской войной, и если нет, то где та мера, превосходя которую, подобный конфликт перерастает из локального столкновения в гражданскую войну. Если же речь идет о сложноорганизованном распадающемся имперском пространстве, то там изначально возможны локальные вооруженные конфликты, которые жителями воюющего региона воспринимаются как гражданская война, в то время как основная часть населения живет в мире.

Итак, постепенно погружаясь в череду внутренних вооруженных конфликтов, Российская империя со временем оказалась тотально разделена на противоборствовавшие лагеря. Но если возможно постепенное включение частей целого во внутренний вооруженный конфликт, то возможен и постепенный выход из него разных групп населения и регионов.

Ни российские, ни зарубежные исследователи солидарностью мысли по данному вопросу не отличаются. В одном из многочисленных, выпущенных к столетию начала Гражданской войны сборников опубликованы результаты анкетирования профессиональных историков из разных стран, нацеленного на раскрытие их взглядов по ключевым вопросам истории Гражданской войны в России, включая проблему хронологических рамок [Основные проблемы]. Разброс мнений в отношении ее начала был достаточно широким, от февраля 1917 г., включая Октябрьский переворот, разгон Учредительного собрания и завершая выступлением Чехословацкого корпуса против советской власти в мае 1918 г. Но очевидно, что все эти варианты «ложились достаточно кучно». Разброс мнений в отношении окончания Гражданской войны в России куда значительнее: весна или осень 1920 г., начало политики нэпа и, наконец, конец 1922 г. То же касается разброса интерпретаций. Спектр мнений привел в своем обзоре В.В. Калашников [Калашников, 2018]. Не преследуя цель повторить проведенную им большую аналитическую работу, все же полагаю

целесообразным выделить некоторые важные для темы данного исследования акценты, проанализировать предложенную аргументацию.

Во-первых, в историографии утвердилась весьма запутанная лексическая конвенция о допустимости разных хронологических трактовок. Историки говорят о Гражданской войне в широком или в узком смысле слова. В узком смысле Гражданскую войну трактуют как фронтovou, или, иными словами, «широкомасштабную». По поводу ее начала разброс мнений минимален: она продолжалась с мая 1918 до осени (реже считают, что до весны) 1920 г. При этом вокруг даты окончания войны дискуссия сводится к тому, считать ли «Крымскую эпопею» частью Гражданской войны, что соответствует мнению большинства историков и устойчивым представлениям народа, закрепленным в исторической памяти, или же принять во внимание региональную локализацию военного противостояния после разгрома армий Колчака и Деникина и преобладание мирной послевоенно-восстановительной повестки власти и общества в советском лагере, абсолютно доминирующим к весне 1920 г. на постимперском пространстве.

Гражданская война в широком смысле слова допускает расширение ее хронологических рамок за счет присоединения к широкомасштабному вооруженному конфликту так называемых «малых» гражданских войн. Если одна группа подчеркивает такую особенность заключительного этапа Гражданской войны как выход на первый план крестьянства как политического актора, то другие отмечают затяжной характер войны как следствие длительного существования альтернативных государственных образований на периферии империи – в Крыму, на Кавказе, на Дальнем Востоке. Недаром многие окончание войны связывают с падением Владивостока в октябре 1922 г. Нередко исследователи говорят о сочетании крестьянского, национального и белогвардейского проявлений Гражданской войны при общей локализации ее в многочисленных очагах.

Во-вторых, Б.И. Колоницкий справедливо заметил конвенциональный характер и самой дискуссии. Давая разные хронологические рамки, историки придерживаются и разной трактовки самого понятия «гражданская война» [Основные проблемы. С. 79]. Добавим, что справедливо и обратное утверждение – в мировой историографии сохраняются разные концепции гражданской войны, применение которых к российской Гражданской войне позволяет рассматривать ее либо в

широких, либо в узких хронологических рамках. Основной разброс сейчас сводится к двум альтернативам. Либо мы акцентируем внимание на том, что война должна быть войной в ее классическом для современности понимании слова – противостояние организованных армий, организующих обеспечение этих армий государственных аппаратов, мобилизованных на войну общественных систем. Это привычные признаки межгосударственного конфликта. Когда пожар такого уровня организации и институционализации разгорается внутри распавшегося государства, он называется гражданской войной. В другом случае мы акцентируем внимание на обществе, в котором социальные противоречия накалились до такой степени, что начинают разрешаться их носителями с применением вооруженной силы. Такая трактовка таит в себе возможность не просто расширения хронологических рамок, но и допускает постепенность сползания в пучину гражданской войны и выхода из нее. Но она же осложняет поиск внятных хронологических границ.

Есть в спектре высказанных в ответах на вопросы анкеты мнений два принципиально важных для перевода дискуссии в теоретическую плоскость тезиса. Хочется, чтобы они не остались незамеченными.

Первый связывает окончание Гражданской войны в России с заключением союзного договора 30 декабря 1922 г. Событие, не определившее напрямую завершение вооруженного противостояния в обществе, но позволяющее устанавливать внятные рубежи, причем коренящиеся в основах конституционного правопорядка. Начало Гражданской войны в этом случае фиксируется распадом старого государства – монархического, а окончание – восстановлением в приблизительно прежних границах единого конституционного пространства [Основные проблемы. С. 11, 125, 150, 161].

Второй тезис принадлежит Д.О. Чуракову, который отметил, что с юридической точки зрения Гражданская война завершилась 3 ноября 1921 г., когда Декретом СНК РСФСР была объявлена амнистия всем участникам белогвардейских формирований [Основные проблемы. С. 150]. Для сформулировавшего его автора, видимо, несущественно то обстоятельство, что многие не попали под амнистию, а другие вскоре оказались вновь осуждены за свои прошлые действия и взгляды. Важно провозглашение указанным декретом на идеологическом

уровне окончания братоубийственной бойни и готовности дать прощение побежденным.

Сложности в поисках теоретически обоснованных рубежей для трактовки хронологических границ Гражданской войны в России очевидны. В отношении провозглашения нэпа многие, кто стоит на защите такой интерпретации, делают оговорку, что ведут речь не о формальном провозглашении, а о начале процесса изменения внутренней политики большевиков, которая постепенно и с большими сложностями одновременно утверждалась на местах и по мере утверждения означала затухание Гражданской войны [Основные проблемы. С. 86–87, 102].

Сложнее принять за окончание Гражданской войны подписание союзного договора. При всей формальной логичности такой интерпретации, как «реинкарнации» имперской государственности в новом обличье [Основные проблемы. С. 125], нельзя не признать, что это событие не было отрефлектировано в обществе как значимый шаг на пути замирения. Когда советские лидеры в июне 1918 г. принимали первую советскую конституцию, тоже казалось, что это окончательный федеративный вариант закрепления новой государственности. Но Конституция 1918 г. не стала вехой ни на пути завершения Гражданской войны, ни даже на пути ее разворачивания. В историографическом процессе создание Советского Союза рассматривается как самостоятельная проблема. Специалисты по национальной политике, по истории советского государства или по истории права не видят в ней веху на пути выхода из гражданского противостояния, что только усиливает сомнение в правомерности предложенной интерпретации.

Куда важнее замечание Д.О. Чуракова. Значение амнистии, конечно, символическое. Ведь и античные участники гражданских войн твердо считали, что ее окончание напрямую связано с закрепленным в праве символическим замирением вчерашних врагов [Агамбен, 2014. С. 29–30; Лоро, 2021. С. 193–217].

Международный вооруженный конфликт древности мог завершиться как мирным договором, так и вооруженной победой одной из сторон даже без официальной капитуляции. Тогда победитель утверждал власть огнем и мечом. Не так в *stasis*. Нельзя бесконечно насильничать в собственном доме, на улицах и домах родного города. Любая гражданская война в полисе должна завершиться миром. Однако спра-

ведливо ли использовать данные рассуждения для эпохи модерна, сработает ли полисная логика в имперском сложноорганизованном пространстве? Издержки терминологических ловушек и дефицита теоретического осмысления выявленной эмпирики неизбежны. Вероятно, именно они и привели к заманчивому исследовательскому приему – вместо сложной головоломки со сведением в единый исторический процесс разновекторного событийного потока легче разбить его на множество самостоятельных потоков, вместо одной Гражданской войны представить себе множество гражданских войн на постимперском пространстве. Наверное, самый известный пример реализации такого подхода принадлежит Дж. Смилу. Он и датирует цикл гражданских войн в России целым десятилетием [Smele, 2015]. Восстание в Степном Крае и Туркестане против мобилизации коренного населения на тыловые работы в 1916 г. британский автор без особых внутренних противоречий включил в хронологию этого цикла, а завершение Гражданской войны соотнес с ликвидацией одного из ее рудиментов в структуре советского военного управления. Если начальная граница встретила поддержку некоторых российских коллег [Основные проблемы. С. 79, 148–149], то конечная вызвала только критику [Голдин, 2016]¹.

Но подобная интерпретация порождает несколько неразрешимых проблем. Войны между государственными новообразованиями при такой логике должны интерпретироваться как межгосударственные: белорусо-литовская, большевистско-украинские, армяно-азербайджанская, грузино-армянская и др. Нужно сказать, что этот прием близок историкам из бывших советских республик, трактующих утрату своей независимости как результат внешнего вторжения Красной армии. Но историки из образовавшихся в 1991 г. на постсоветском пространстве идут гораздо дальше в развитии этой мысли. Они с получением в условиях революции и Гражданской войны независимости, часто кратковременной и весьма призрачной, связывают выход своих государственных новообразований из пространства российской Гражданской войны. Гражданская война, по их мнению, продолжала полыхать там, в оставшемся один на один со своими постимперскими противоречиями российском обществе, расколотом на белых, красных, зеленых.

¹ Хотя в целом предложенный Дж. Смилом подход разделяют некоторые российские исследователи [Основные проблемы, С. 79; Колоницкий, 2018. С. 217–219].

И только когда одна из сторон стала побеждать, на первый план вышла прежняя российская имперская агрессивность, направленная на ликвидацию обретших свою независимость государств с помощью завоевательных войн.

Логика исследователей в государствах, получивших независимость с распадом СССР, вполне понятна. Она заключается в поисках точек отсчета в истории своей борьбы за независимость, в стремлении обосновать исконную или как минимум достаточно длительную готовность общества в пределах ареала обретенной гражданственности к относительно бесконфликтному саморазвитию. Это логика современного нациестроительства и его идеологического обоснования.

Порочность же теоретико-методологическая такой логики становится понятна, если мы учтем два аргумента.

Первый – в годы Гражданской войны появилось значительно больше государственных образований, чем сегодня насчитывается стран на постсоветском пространстве. В том числе одни – на территории современной России, другие – недолго существовавшие на территории ныне независимых государств и исчезнувшие в считанные месяцы. Иные знакомы только узкому кругу профессиональных историков. Это тоже пространство выхода из Гражданской войны и жертва завоеваний? Или все же мы имеем дело с чередой вооруженных конфликтов внутри сложного постимперского общества на стадии распада империй? Последнее становится очевидным, если учесть, что большинство конфликтов оставалось связано с попытками строить национальные государства в полиэтническом пространстве. В конце концов, с точки зрения политической теории, государственные образования белых в не меньшей степени обладали признаками самостоятельности. Но мало кому приходит в голову рассматривать войну между Красной и Белыми армиями как череду межгосударственных войн, а их итог – как завоевание Советским государством территории своих противников¹.

Конечно, здесь следует оговориться, что мне пришлось оставить за пределами анализа тот факт, что некоторые империи после распада пережили стадию территориального собирания, институциональной и идеологической реинтеграции (Россия, Китай). Есть точка зрения, что именно по завершении реинтегративных процессов и завершается

¹ Тем не менее находятся сторонники и такой точки зрения [Помозов, 2014].

гражданская война как этап в жизни империй. По моему глубокому убеждению, гражданские войны практически всегда сопровождают стадию распада, но в процессе собирания есть более широкий спектр империестроительных приемов, обычно приходящийся на другой этап в жизни постимперского пространства.

Второй аргумент – Гражданская война не знала границ. На территориях большинства новообразований формировались подразделения Белых армий, шла вербовка, прибывали контингенты беженцев, часть населения признавала юрисдикцию новой власти, другие продолжали считать себя подданными единого российского государства. Поле для социальных конфликтов менялось, фазы временного затишья в вооруженном противостоянии внутри локальных сообществ сменялись фазами жестоких столкновений, что создает иллюзию нескольких войн только при локализации масштабов изучения.

Интерпретировать сегодня процесс обретения временной независимости как процесс выхода из Гражданской войны можно только игнорируя факты мощного антирусского движения на окраинах бывшей Российской империи, унесшего десятки тысяч жизней крестьянских поселенцев, породившего массовое беженство [Генис, 1998; Генис, 2001. С. 4], а также обострения других межнациональных конфликтов. Даже если осмысливать упомянутые события в терминах национально-освободительного движения, трудно избежать их признания началом вооруженного противостояния разных групп населения внутри российского общеимперского пространства, что с неизбежностью придает последующим волнам ответного насилия характер гражданской войны, длящейся уже в новых политических условиях.

Следует оговориться, что, посвятив столь много внимания проведенному В.В. Калашниковым анкетированию, я не могу не признать, что оно отразило спектр существующих в среде специалистов, занимающихся историей Гражданской войны, взглядов, но не историографический процесс в целом. Он много богаче сформулированных ответов, и, что важнее, в историографии последних десятилетий на защиту одних идей затрачены огромные усилия, позволившие говорить о выходе историографии на новые рубежи, другие не получили никакой новой аргументации, а третьи остались в тени.

В частности, вопрос о хронологических рамках широкомасштабной Гражданской войны в России с советских времен представлялся не

нуждающимся в дополнительной аргументации. Напротив, для обоснования широких хронологических границ проведены настолько масштабные исследования, что можно говорить о колоссальном приросте исторических знаний.

Усилия многих историков оказались направлены на то, чтобы расширить эмпирическую базу о крестьянском сопротивлении советской власти в годы Гражданской войны. Помимо многочисленных обобщающих исследований, появились монографии и диссертации, в которых проблематика крестьянского сопротивления большевизму рассмотрена в территориальных рамках практически всех крупных регионов и даже многих отдельных губерний. Собранные факты позволили многим исследователям уверенно говорить о заключительном периоде Гражданской войны как о крестьянском. Его окончание в разных исследовательских проектах датируется 1921 или 1922 г.

Впрочем, у крестьянского антибольшевистского повстанчества была сложная логика и периодизация. Как справедливо подчеркивают О.А. Сухова, В.Б. Безгин, Д.И. Люкшин, при кажущейся спонтанности и стихийности крестьянского движения, начиная с весны 1917 г. оно переживает явный подъем самоорганизованности через свои мирские институты [Сухова, 256, 261–266; Люкшин, 2006. С. 100; Безгин, 2017. С. 160]. С переходом противоборствовавших режимов от добровольчества к призывному принципу комплектования армии в 1918 г. важным фактором усиления вооруженного противостояния стало бегство крестьян от мобилизации в Красную и Белые армии [Овечкин, 2002; Долгова, 2008. С. 44–45; Кондрашин, 2009. С. 175–195; Крестьянство и казачество... С. 515–533]. Именно оно подпитывало крестьянское партизанство, породило к жизни многочисленные отряды укрывавшихся от мобилизации сельских жителей [Посадский, 2018].

Крестьянское движение, развернувшееся весной 1917 г., приобретает характер очагового вооруженного сопротивления советской власти в 1918 г., вышло на уровень партизанской войны против белых и красных в 1919 г. Характеризовать последний этап Гражданской войны как войну большевистского режима и крестьянства, конечно, можно, но нельзя забывать о том, что герилья развернулась значительно раньше, и четкой границы в недружественных отношениях большевиков и крестьянства до разгрома «белых» режимов и после него мы не обнаружим. Следовательно, либо мы исключаем борьбу большеви-

ков и крестьян из понятия «Гражданская война», либо крестьянское повстанчество есть не «малая гражданская война», а одна из значимых составляющих Гражданской войны на всем ее протяжении. Тем более что партизанское движение против А.В. Колчака в Сибири все поколения исследователей без тени сомнения считали частью Гражданской войны и даже называли борьбу армии против партизан в Сибири «внутренним фронтом». Чем же тогда отличается сопоставимое по размаху и формам сопротивления антибольшевистское крестьянское повстанчество? Остается только найти ту меру затухания, которая позволит говорить о прекращении Гражданской войны.

Принципиально важно, что на заключительном этапе боевых действий против армий Деникина и Колчака не утихавшие весь 1919 г. выступления крестьян против большевиков в тылу пошли на убыль. Но после победы Красной армии над своими главными военными противниками численность крестьянских повстанцев стала неуклонно расти, ширилась и география крестьянских протестов. Крупнейшие выступления, Тамбовское и Западно-Сибирское, пришлось на весну–лето 1921 г.

Характер настоящей войны между участниками крупнейших крестьянских восстаний и брошенными на их подавление частями Красной армии не вызывает сомнения. Против повстанцев Тамбовской и Воронежской губерний (антоновщины) воевали подразделения численностью до 50 тыс. чел. [Филатов, 2010. С. 94]. Но важны не только количественные показатели. Даже рассеявшиеся крупные подразделения повстанцев, превратившись в малочисленные подразделения, на хорошо знакомой местности способны изматывать и сдерживать крупные силы правящего режима [Борисов, 2011. С. 21]. При слабом вооружении и малой численности наводить ужас на превосходящие регулярные войска противника – вот в чем сила настоящей герильи, оружие слабых против сильных, продлевающее состояние гражданской войны. Все четко в соответствии с закономерностями партизанского движения, по которым для противодействия повстанцам требуются пятикратно превосходящие силы регулярной армии [Шмитт, 2007. С. 15].

Но среди специалистов по крестьянскому движению в годы Гражданской войны нет солидарности в вопросе о его финале. Правда, наличие разногласия в отношении конечной хронологической

границ несколько удивляет. Применительно к великорусским губерниям окончанием полномасштабных операций Красной армии против крестьянских повстанцев следует считать лето–осень 1921 г. [Крестьянское восстание..., 1994; Крестьянское восстание..., 2009]. В Сибири в 1922 г. крестьянское повстанчество оказалось локализовано в Хакасии, северных уездах Иркутской губернии и в Горном Алтае [Крестьянский протест..., 2018. С. 76–77; Крестьянский фронт... С. 701–713]. Даже в тех изданиях, которые в качестве верхней хронологической границы указывают 1922 г., авторы и составители отмечают повсеместное затухание [Крестьянское движение в Поволжье... С. 768–781; Кондрашин, 2009. С. 226–230; Алешин, 2010. С. 168–169, 172–173, 227], а то и вовсе отсутствие крестьянского повстанчества [Соколов, 2017. С. 227]. В сборнике документов о саратовском повстанчестве на 1922 г. приведен только один документ, свидетельствующий не столько о повстанчестве, сколько о продолжавшемся уклонении молодых крестьян от призыва в армию [Крестьянское движение..., 2003. С. 73]. В большой серии сборников статей и документальных публикаций, посвященных крестьянскому повстанчеству, приведены данные лишь о нескольких событиях, продолжавшихся до 1922 г., причем речь шла о десятках, редко – сотнях повстанцев, а чаще о поимке и наказании участников прошлогодней вооруженной борьбы [Крестьянский фронт... С. 117, 245–250; 699–713; Вожаки, С. 301, 367, 413, 460, 469–470, 475–476; На ветрах... С. 311]. Порой вместо фактов продолжавшегося повстанчества присутствуют утверждения, что большевики в 1922 г. удушили повстанчество голодом, а белая эмиграция по-прежнему продолжала рассчитывать на повстанчество как силу, способную смести большевизм, едва ли позволяющие обосновать дополнительный год к хронологическим границам исследуемого явления [«Атаманщина». С. 435–436, 629].

В результате приращение фактического материала по истории крестьянского повстанчества в годы Гражданской войны не приблизило к ответу на вопрос об окончании Гражданской войны. Более того, выдвигаемый во многих исследованиях 1922 г. в качестве конечного рубежа не представляется обоснованным. За исключением нескольких эпизодов повстанчество переродилось в уголовный бандитизм.

Правда, сводки с мест и в 1922 г. напоминали сводки с фронтов. Армии, преобразованные в трудовые, продолжали службу уже на ниве

восстановления советской экономики. Продовольственные кампании проводились с применением армии, милиции, частей особого назначения. Продолжалась поимка или сдача в плен, скорый суд и расправа над все еще скрывавшимися участниками повстанческих отрядов [Акульшин, 2000; Алешин, 2010].

И.В. Яблочкина повстанческое движение и вооруженные выступления 1921–1925 гг. именуется рецидивами Гражданской войны. Она отмечает, что с правовой точки зрения победа большевиков в Гражданской войне не была закреплена соглашением противоборствовавших сторон о прекращении военных действий. Это привело к продолжению вооруженного противостояния сторонников и противников советской власти, в котором последние оказались атомизированы и не организованы. Автор называет их противогосударственными вооруженными выступлениями. В исследовании они структурированы следующим образом: конфликты с крестьянством, с казачеством, национальное движение, повстанчество северо-кавказских народов и басмачество. У каждой составляющей своя динамика, хронология, география.

Конечно, ей удалось систематизировать материал, связанный с затуханием Гражданской войны. Но в таком взгляде таится глубокое противоречие. Во-первых, отсутствует граница между сопротивлением советской власти в рамках Гражданской войны и ее рецидивами после ее окончания; во-вторых, эти процессы столь разнородны, локализованы в разных очагах, что трудно согласиться с интерпретацией всей совокупности приведенных автором фактов просто как рецидивов Гражданской войны.

Подчеркнем эту мысль одной из идей, высказанных некоторыми исследователями крестьянского повстанчества. Жесточайшее подавление властью крестьянских выступлений, массовые расправы над уже побежденными участниками и отказ от снисхождения к проигравшим вынудили повстанцев избегать сдачи и продолжать борьбу до последней возможности и трансформировали повстанчество в бандитизм [Кузнецов, 2004. С. 24]. Добавим, большевики, отказавшись от амнистии для восставших крестьян, обрекли Гражданскую войну на длительное затухание без очевидных рубежей.

Е.Ф. Жупикова, не соглашаясь с предложенным И.В. Яблочкиной термином, стирает грань между этапами Гражданской войны и предлагает кардинально расширить ее хронологию: «Рецидив – повто-

рение какого-либо явления после кажущегося его исчезновения. Но повстанчество, в частности на Северном Кавказе, возникло еще до окончания гражданской войны, летом 1920 г., когда война никуда не исчезала, она шла, повстанчество было ее продолжением, новым видом войны с присущими ему специфическими особенностями, одним из ее этапов» [Жупкиова, 2007. С. 118].

Итак, если считать крестьянскую герилью составной частью Гражданской войны в России, то она развернулась в 1918 г., в 1919 г. оказалась направлена как против красных, так и против белых, достигла апогея в первой половине 1921 г. и к концу этого года достаточно быстро угасла как масштабное явление за исключением нескольких локальных очагов, где она продолжалась до 1922–1923 гг., а на Кавказе и в Средней Азии – и того дольше.

Нельзя не пройти мимо еще одного проявления активизации вооруженного противостояния на территории бывшей Российской империи после разгрома основных сил белых. Я имею в виду революционно-завоевательные походы Красной армии. Звеньями одной цепи оказались и операции, связанные с присоединением республик Закавказья, действия по усмирению Туркестана, ликвидации Бухарского эмирата и создание советской республики в Гиляне, поход на иранский Хорасан, содействие Монгольской народной революции [Персиц, 1999; Генис, 2000; Генис, 2001; Персидский фронт, 2009]. Известно, что большевики не страдали идеей фикс восстановления прежнего имперского пространства, легко выходя за его пределы в надежде разжечь пожар мировой революции, при этом согласившись на независимость Финляндии, Польши и Прибалтики. Завоевательные устремления большевиков времен Гражданской войны плавно переросли в особое направление внешней политики, связанное с подготовкой революций в сопредельных странах, фактически разжигания в них гражданских войн [Коминтерн; Аптекарь, 2021]. Но и новые независимые государства не прочь были осуществить завоевания сопредельных территорий, правда, иногда облаченные в тогу восстановления национального единства. Таковы войны Финляндии и Польши против Советской России, претензии Грузии на Сочинский округ и многое другое [Митухина, 1994; Витухновская-Каупалла, 2001. С. 165–194; Пученков, 2012; Муханов, 2019. С. 383–551]. В то же время частью затухавшей Гражданской войны оставались остатки сепаратистских движений на

Северном Кавказе, в Средней Азии, Якутии, длившиеся до 1923–1925 гг.

По методам противостояния правящему режиму они вместе с остатками крестьянского фронта сливались в достаточно массовый, хотя и очаговый так называемый бандитизм, стремительно теряли поддержку среди мирного населения. Только в национальных окраинах участники таких бандитских формирований существенно дольше пользовались симпатиями соплеменников. В отсутствие сплошной контролируемой территории повстанцы не имели возможности создавать систему управления воинскими подразделениями и снабжения их всем необходимым. Политические причины противостояния большевикам отходили на второй план сравнении с элементарным выживанием в экстремальных условиях невозможности сдаться на милость победителям. Но есть смысл напомнить, что и война части населения против всех есть одна из форм войны гражданской.

На мой взгляд, существуют два принципиальных по своему теоретическому значению тезиса, высказанных современными учеными, которые следует иметь в виду в поисках выхода из Гражданской войны. Первый принадлежит Н. Лоро и предполагает, что окончание войны символизируется примирением сторон. Пока оно не произошло, война длится. Из первого неизбежно вытекает отсутствие окончания Гражданской войны в России, поскольку крестьянские повстанцы не были ни прощены, ни истреблены. Именно это соображение во многом объясняет особенности взаимодействия власти и народа в 1920–1930-е гг. как отношения победителей и не получивших прощения побежденных. И только новая большая война (Великая Отечественная) и оттеснение с политической арены поколения участников Гражданской войны¹ изменили все точки отчета во внутривнутриполитических коммуникациях. Как тут не вспомнить известный тезис Д. Армитаджа о бесконечности современных гражданских войн – новые конфликты на деле часто являются продолжением гражданских войн, лишь мнимо завершившихся [Armitage, 2017].

¹ Конечно, ключевые посты в государстве продолжали занимать политические должностники из эпохи революции и Гражданской войны, но основной костяк администраторов среднего звена и политических активистов состоял уже из представителей следующего поколения.

Второй тезис выдвинул Дж. Агамбен, предложившим считать гражданскую войну этапом появления народа как реальности во всей его сложности и многообразии (политическое множество) в противоположность замирению, в котором народ конституируется в своем единстве и, следовательно, становится политической фикцией (политическим телом) [Агамбен, 2021. С. 60–61, 69]. Таким образом, противопоставляя гражданскую войну гражданскому миру, мы должны искать признаки смирения народа, его согласия подчиниться власти и признать ее.

Сделать это достаточно сложно ввиду отсутствия в сложноорганизованном обществе, да еще и пережившем распад и мучительное соби- рание, явных и однозначно трактуемых признаков. Но приходится признать, что наличие внешних угроз или внешнего врага функционально выполняет роль такого консолидатора. Поэтому польская военная кампания, будучи органичной частью Гражданской войны, воспринималась как агрессия соседнего государства и сыграла свою роль консолидации общества [Пученков, 2012]. Такую же роль сыграло противостояние японской интервенции на Дальнем Востоке в 1920–1922 гг.

Другим фактором национального примирения стал страх. В литературе, посвященной крестьянскому движению, как уже отмечалось, очень немного фактов, свидетельствующих о продолжении массового вооруженного сопротивления правящей власти. Зато приведено достаточно сведений о работе революционных трибуналов, вынесении приговоров против участников восстаний, расстрелах и помещениях в концентрационные лагеря, применении силы и устрашении при сборе натуральных налогов. Власть добивала побежденных, используя одновременно методы устрашения и нейтрализации потенциальной угрозы повторения протестов.

Возвращаясь к проблеме окончания Гражданской войны в России, необходимо признать, что как явление, определяющее жизнь населения в ареале распавшегося имперского пространства, она длилась до конца 1921 г. Убедительных аргументов, позволяющих установить точные хронологические границы, связав их с каким-то событием, не представляется возможным. Но дальше она продолжилась как явление региональное и локальное. Выход из Гражданской войны отдельных территорий был разновременным: Дальний Восток – осенью 1922 г.,

Якутия – в 1923 г., Средняя Азия – в 1924 г., Северный Кавказ – в 1923 г. В советском государстве в целом из войны правящий режим вышел победителем, крестьянство – побежденным, что символизировалось послевоенным устрашением населения.

В завершение опять обратимся к Д. Армитаджу, писавшему, что в основе большинства современных «великих революций» лежит гражданская война [Armitage, 2017. Р. 122]. Следовательно, окончание Гражданской войны в России одновременно и есть окончание Великой российской революции.

Литература

Агамбен Дж. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. Номо sacer, II. СПб.: Владимир Даль, 2014. 192 с.

«Атаманщина» и «Партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: сборник статей и материалов / под ред. А.В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2015. 856 с.

Акульшин П.В., Пылькин В.А. Бунтующий пахарь. Крестьянское движение в Рязанской и Тамбовской губерниях в 1918–1921 гг. Рязань: Ряз. обл. ин-т развития образования, 2000. 143 с.

Алешин П.Ф., Васильев Ю.А. Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918–1922 гг.). М.: Голос-Пресс, 2010. 576 с.

Аптекарь П. Красное солнце. Секретные восточные походы РККА. М.: Пятый Рим, 2021. 656 с.

Безгин В.Б. Крестьянский мир в революции 1917 года // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2017. № 1. С. 160–168.

Борисов Д.А. Крестьянское повстанческое движение в Воронежской губернии в 1920–1921 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2011. 24 с.

Бульст Н., Козеллек Р., Майер К., Фиш Й. Революция (Revolution), бунт, смута, гражданская война // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2 т. Т. 1 / пер с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение. 2014. С. 520–728.

Витухновская-Каупалла М. А., Осипов А.Ю. В пучине гражданской войны: Карелы в поисках стратегий выживания. 1917–1922. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. 352 с.

Вожаки и лидеры русской Смуты 1918–1922 гг.: биографические материалы / под ред. А.В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2017. 592 с.

Генис В.Л. Попытка советизации Хоросана в 1920 г. // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 143–146.

Генис В.Л. Депортация русских из Туркестана («дело Сафарова») // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 44–58.

Генис В.Л. Красная Персия. Большевики в Гиляне. 1920–1921 (История Иранской советской республики). Документальная хроника. М.: МНПИ, 2000. 560 с.

Генис В. «С Бухарой надо кончать...» К истории бутафорских революций. Документальная хроника. М.: Центр стратегических и политических исследований, 2001. 96 с.

Голдин В.И. Дж. Д. Смил. «Российские» гражданские войны, 1916–1926 // Вопросы истории. 2016. № 12. С. 165–169.

Долгова А.В. Дезертирство в Красной и Белой армиях в 1917–1922 гг. // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2008. № 7 (23). С. 39–45.

Жуликова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах // Академия исторических наук: сб. тр. Т. 1. М.: Академия исторических наук, 2007. С. 114–319.

Калашников В.В. Новейшая историография Гражданской войны в России: экспресс-анализ // Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / отв. ред. В.В. Калашников. СПб.: ЛЭТИ, 2018. С. 184–252.

Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, 2009. 575 с.

Колоницкий Б.И. Гражданские войны на пространстве Российской империи, 1916–1926 // Альманах североамериканских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2018. Iss. 3. С. 410–420.

Крестьянский протест в Сибири в годы революции и Гражданской войны: коллект. моногр., посвящ. 100-летию Российской революции и Гражданской войны / под ред. И.В. Курышева. Ишим: Изд-во ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ, 2018. 320 с.

Крестьянский фронт 1918–1922 гг.: сб. ст. и мат-лов / сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М.: АИРО-XXI, 2013. 740 с.

Крестьянское восстание 1921 года в Чувашии: сб. док-тов / сост. Е.В. Касимов. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. 416 с.

Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина»: док-ты и мат-лы / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. Тамбов, 1994. 334 с.

Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М.: Наука, 1998. 948 с.

Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: док-ты и мат-лы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2002. 944 с.

Крестьянское движение в Саратовской губернии: сб. документов и материалов / авт.-сост. А. Рыбков. Саратов: Надежда, 2003. 88 с.

Крестьянство и казачество России в условиях Революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект / В.В. Кондрашин, В.А. Юрчёнков, Д.И. Люкшин и др.; ред. колл. В.В. Кондрашин и др. М.; Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2017. 1048 с.

Кузнецов М.В. Крестьянство Саратовского Поволжья в годы Гражданской войны (1917–1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. 28 с.

Левшин К.В. Дезертирство в Красной армии в годы Гражданской войны (по материалам Северо-Запада России). СПб.: Нестор-история, 2016. 360 с.

Лоро Н. Разделенный город. Забвение в памяти Афин. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 360 с.

Митухина И.В. Польско-советская война 1919–1920 гг. М.: ИСБ, 1994. 322 с.

Муханов В.М. «Социализм виноградарей» или История Первой Грузинской республики М.: Кучково поле, 2019. 928 с.

На ветрах Гражданской войны. Воронежская деревня в 1917–1922 гг. / под ред. А.В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2019. 464 с.

Овечкин В.В. Дезертирство из Красной армии в годы Гражданской войны // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 108–115.

Основные проблемы историографии Гражданской войны в России в вопросах и ответах // Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / отв. ред. В.В. Калашников. СПб.: ЛЭТИ, 2018. С. 8–183.

Персидский фронт мировой революции. Документы о советском вторжении в Гилян (1920–1921). М.: Квадрига, 2009. 488 с.

Персиц М.А. Застенчивая Интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920–1921 гг. М.: Муравейгайд, 1999. 172 [2] с.

Помозов О.А. День освобождения Сибири. Томск: Красное знамя, 2014. 596, [2] с.

Посадский А.В. Зеленое движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918–1922 гг. М.: Центрполиграф, 2018. 319 с.

Пученков А.С. Даешь Варшаву! Из истории Советско-Польской войны 1920 г. // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 24–40.

Соколов К.И. Пламя над Волгой. Крестьянские восстания и выступления в Тверской губернии в конце 1917–1922 гг. М.: Центрполиграф, 2017. 255 с.

Сухова О.А. «Общинная революция в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (По материалам Среднего Поволжья). Пенза: ПГПИУ, 2007. 374 с.

Филатов В. Крестьянское восстание 1920–1921 гг. в Тамбовской и Воронежской губерниях – следствие политических решений Советской власти. Воронеж: ЦНТИ, 2010. 150 с.

Шмитт К. Теория партизана / пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. М.: Праксис, 2007. 301 с.

Armitage D. Civil Wars: A History in Ideas. New York: Alfred A. Knopf, 2017. 349 p.

Smele J.D. The Russian Civil Wars, 1916–1926: Ten Years That Shook the World. Oxford University Press, 2015. 423 p.

Сведения об авторах

Аканов Куаньш Газизович, PhD, старший научный сотрудник, Институт истории государства Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Нур-Султан, Республика Казахстан
kukaandvita@mail.ru

Буховец Олег Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь
o_bukhovets@tut.by

Венков Андрей Вадимович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории казачества, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия
andrey_venk@rambler.ru

Ганин Андрей Владиславович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения Российской академии наук Москва, Россия
andrey_ganin@mail.ru

Годунов Константин Валерьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
kostyagodunov@yandex.ru

Голдин Владислав Иванович, доктор исторических наук, профессор, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия
v.i.goldin@yandex.ru

Гривенная Людмила Александровна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Ассамблея народа Казахстана», Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева, Петропавловск, Республика Казахстан
angel-mila2009@mail.ru

Доного Хаджи Мурад, доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия
donogo@yandex.ru

Козыбаева Махаббат Маликовна, PhD, директор, филиал Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова в г. Нур-Султан, Нур-Султан, Республика Казахстан
koz.mahabbat_85@mail.ru

Колоницкий Борис Иванович, доктор исторических наук, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
boris_i_kol@mail.ru

Кондрашин Виктор Викторович, доктор исторических наук, руководитель Центра экономической истории, Институт Российской истории Российской академии наук, Москва, Россия
vikont37@yandex.ru

Конев Кирилл Александрович, кандидат исторических наук, заведующий отделом рукописей и книжных памятников Научной библиотеки, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
konev-k-92@rambler.ru

Кореневский Андрей Витальевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Средних веков и Нового времени, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
koren@sfedu.ru

Курас Леонид Владимирович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия
kuraslv@yandex.ru

Ланник Леонтий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия
leo-lannik@yandex.ru

Махмудов Ойбек Анварович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра историографии и источниковедения, Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан
oybek81@yandex.ru

Медеубаев Ерлан Ислямович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Казахстанский институт общественного развития, Нур-Султан, Республика Казахстан
emedebaev@mail.ru

Павлов Андрей Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор, кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
a.y.pavlov@spbu.ru

Пуговкина Оксана Геннадьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра историографии и источниковедения, Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан
pugovkina@yandex.com

Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
ap80@mail.ru

Рынков Вадим Маркович, доктор исторических наук, директор, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия
vadsvet@list.ru

Суржикова Нагалья Викторовна, доктор исторических наук, заместитель директора по научным вопросам, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия
snvplus@mail.ru

Суслов Алексей Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань, Россия
plusha131333@yandex.ru

Сухова Ольга Александровна, доктор исторических наук, профессор, декан, историко-филологический факультет, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия
savtemp@yandex.ru

Тарасов Константин Андреевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
senderkeeper@mail.ru

Тепляков Алексей Георгиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия
teplyakov-alexey@gambler.ru

Хазиев Рустэм Асхатович, доктор исторических наук, профессор, Институт истории и государственного управления, Башкирский государственный университет, Уфа, Россия
KhazievEA@mail.ru

Шевелев Дмитрий Николаевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
shev-dn@yandex.ru

Шекшеев Александр Петрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия
turan47@yandex.ru

Шереметьева Дарья Леонидовна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия
dalas83@yandex.ru

Contributors

Akanov Kuanysh Gazizovich, PhD, Senior Research Fellow, Institute of History of the State of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

kukaandvita@mail.ru

Bukhovets Oleg Grigorievich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Belarusian State Economic University, Minsk, Republic of Belarus

o_bukhovets@tut.by

Donogo Haji Murad, Doctor of Historical Sciences, Professor, Dagestan State University, Makhachkala

donogo@yandex.ru

Ganin Andrey Vladislavovich, Doctor of Historical Sciences, Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

andrey_ganin@mail.ru

Godunov Konstantin Valerievich, Candidate of Historical Sciences, Research fellow, European University in St. Petersburg

kostyagodunov@yandex.ru

Goldin Vladislav Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

v.i.goldin@yandex.ru

Grivennaya Lyudmila Alexandrovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department “Assembly of the People of Kazakhstan”, North Kazakhstan University named after M. Kozybaev, Petropavlovsk, Republic of Kazakhstan

angel-mila2009@mail.ru

Khaziev Rustem Askhatovich, Doctor of Historical Science, Professor, Department of History and State Administration, The Bashkir State University, Ufa, Russia

KhazievEA@mail.ru

Kolonitskiy Boris Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, European University in St. Petersburg, Leading researcher, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences

boris_i_kol@mail.ru

Kondrashin Viktor Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Head of the Center of Economic History, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
vikont37@yandex.ru

Konev Kirill Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Manuscripts and Book Monuments of the Scientific Library, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia
konev-k-92@rambler.ru

Korenevskiy Andrey Vitalievich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Department of Russian Medieval and Modern History, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
koren@sfedu.ru

Kozybayeva Makhabbat Malikovna, PhD, Director, Branch of the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology in Nur-Sultan, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan
koz.mahabbat_85@mail.ru

Kuras Leonid Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Research, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia
kuraslv@yandex.ru

Lannik Leontiy Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
leo-lannik@yandex.ru

Makhmudov Oybek Anvarovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Center for Historiography and Source Studies, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan
oybek81@yandex.ru

Medeubaev Yerlan Islyamovich, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Kazakhstan Institute of Social Development, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan
emedebaev@mail.ru

Pavlov Andrey Yurievich, Doctor of Historical Science, Professor, Department of theory and History of International Relations, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
a.y.pavlov@spbu.ru

Puchenkov Alexander Sergeevich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Modern History of Russia, Institute of History of St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
ap80@mail.ru

Pugovkina Oksana Gennadijevna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Center for Historiography and Source Studies, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan
pugovkina@yandex.com

Rynkov Vadim Markovich, Doctor of Historical Sciences, Director, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
vadsvet@list.ru

Sheksheev Alexander Petrovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Leading Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia
turan47@yandex.ru

Sheremeteva Daria Leonidovna, Candidate of Historical Science, Junior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
dalas83@yandex.ru

Shevelev Dmitry Nikolaevich, Doctor of Historical Science, Head of the Department of Ancient and Medieval History and Methodology of History, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia
shev-dn@yandex.ru

Sukhova Olga Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean, Faculty of History and Philology, Penza State University, Penza, Russia
savtemp@yandex.ru

Surzhikova Natalya Viktorovna, Doctor of Historical Sciences, Deputy Director for Scientific Affairs, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia
snvplus@mail.ru

Suslov Aleksey Yuryevich, Doctor of Historical Science, Associate Professor, Professor, Kazan National Research Technological University, Kazan, Russia
plusha131333@yandex.ru

Tarasov Konstantin Andreevich, Candidate of Historical Sciences, Research fellow, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences
senderkeeper@mail.ru

Teplyakov Aleksey Georgievich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
teplyakov-alexey@rambler.ru

Venkov Andrey Vadimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Laboratories of the Cossacks, Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia
andrey_venk@rambler.ru

Содержание

От редактора.....	5
<i>Гражданская война в историографической перспективе</i>	
<i>В.И. Голдин.</i> Гражданская война в России. 1917–1922. Итоги работы над XII томом 20-томной академической «Истории России».....	8
<i>А.С. Пученков.</i> Гражданская война на Юге России: историографические тенденции последних десятилетий.....	23
<i>А.Ю. Сулов.</i> Индивидуальный политический террор в годы Гражданской войны в России: проблемы современной историографии.....	44
<i>Г.К. Аканов.</i> Сибирь в политике Алаш: историография вопроса.....	52
<i>А.Г. Тепляков.</i> Белый террор в современной историографии: традиционная мифология против попыток переосмысления.....	58
<i>Общество в гражданском противостоянии: политические и идеологические процессы</i>	
<i>А.В. Ганин.</i> Первый советский год бывшего генерала Я.А. Слащева- Крымского: новые документы.....	76
<i>Д.Л. Шереметьева.</i> Антибольшевистская периодическая печать на востоке России как научная проблема: история и перспективы исследования.....	85
<i>Д.Н. Шевелев.</i> Эволюция идеологии антибольшевистского движения востока России в годы Гражданской войны.....	103
<i>Экономика Гражданской войны</i>	
<i>Р.А. Хазиев.</i> Альтернативная экономика периода Гражданской войны на Урале.....	122
<i>Е.И. Медеубаев.</i> Реализация системы государственных натуральных повинностей в эпоху «военного коммунизма» в Казахстане в 1918–1921 годах.....	132
<i>М.М. Козыбаева.</i> Борьба с голодом 1921–1922 годов в Казахстане.....	148

Н.В. Суржикова. Военнопленные и беженцы
Первой мировой войны в России в 1918–1922 годах.....158

Крестьянство на этапе выхода из Гражданской войны

О.А. Сухова. Сельский мир на исходе Гражданской войны:
экстремальная повседневность и практики адаптации
(по материалам Среднего Поволжья).....172

В.В. Кондрашин. Завершающий этап крестьянского повстанческого
движения в России
в годы Гражданской войны.....184

А.П. Шекшеев. Советская власть и сибирское крестьянство:
отношения зимой-летом 1920 года.....193

Л.А. Гривенная. Новые подходы и оценки «малой гражданской войны»
в России и Казахстане и проблема реабилитации ее участников.....210

Гражданская война в геополитической оптике

О.Г. Буховец. Образование новых государств:
общее и особенное в контексте Гражданской войны в России.....234

К.А. Конев. Иностранцы интервенты как «значимый Другой»
для участников Гражданской войны в России.....246

Л.В. Ланник. Германский фактор в развертывании
Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке:
проблема переоценки.....257

А.Ю. Павлов. Трудности интервенции: беспорядки во французских
частях на Севере России в 1918–1919 годах.....271

Империиологический взгляд на Гражданскую войну

А.В. Венков. Выход донских казаков из Гражданской войны.....282

Л.В. Курас. Монгольская революция 1921 года
как продолжение «революции в Колчакии».....294

Х.М. Доного. Особенности повстанческой борьбы
в Дагестане и Чечне в 1922–1925 годах.....306

О.А. Махмудов, О.Г. Пуговкина. История вооруженного
сопротивления советской власти в Туркестанской АССР –
Узбекской ССР: подходы и оценки современной историографии
Узбекистана (конец 1990-х – начало 2020-х годов).....317

**Гражданская война: концептуальные основания
исследовательских траекторий**

Б.И. Колоницкий, К.В. Годунов, К.А. Тарасов. «Гражданская война»: Политическое использование понятия и культурная подготовка гражданской войны.....	344
А.В. Корневский. Оценка итогов и значения гражданской войны в России в политической аналитике А.Дж. Тойнби.....	361
В.М. Рынков. Завершение Гражданской войны: историография и теория в поисках ответа.....	371
Сведения об авторах.....	391
Contributors.....	395

Содержание

<i>From the Editor</i>	5
<i>The Civil War in a Historiographical Perspective</i>	
<i>V.I. Goldin. The Civil War in Russia. 1917–1922. The Results of Work on Volume XII of the 20-volumes Academic “History of Russia”</i>	8
<i>A.S. Puchenkov. The Civil War in the South of Russia: Historiographical Trends of Recent Years</i>	23
<i>A.Yu. Suslov. Individual Political Terror during the Civil War in Russia: Problems of Modern Historiography</i>	44
<i>K.G. Akanov. Leaders of Alash and Political Figures of Siberia During the Civil War in Russia (Aspects of Historiography of the Question)</i>	52
<i>A.G. Teplyakov. The White Terror in Modern Historiography: Traditional Mythology vs. Rethinking Attempts</i>	58
<i>Society in Civil Confrontation: Political and Ideological Processes</i>	
<i>A.V. Ganin. The First Soviet Year of Former General Ya.A. Slashchev-Krymsky: New Documents</i>	76
<i>D.L. Sheremeteva. Anti-Bolshevik Periodicals in the East of Russia as a Scientific Problem: History and Research Perspectives</i>	85
<i>D.N. Shevelev. The Evolution of the Ideology of the Anti-Bolshevik Movement of the East of Russia During the Civil War</i>	103
<i>The Economics of the Civil War</i>	
<i>R.A. Khaziev. “Alternative Economy” of the During the Civil War in the Urals</i>	122
<i>E.I. Medeubaev. Mechanisms and Practices of the Implementation of Natural Labor conscription in the Era of “War Communism” in the Steppe Region and Turkestan in 1918–1921</i>	132
<i>M.M. Kozybaeva. The Fight Against the Hunger of 1921–1922 in Kazakhstan</i>	148

N.V. Surzhikova. Prisoners of War and Refugees of the First World War in Russia, 1918–1922.....158

The Peasantry at the Stage of Coming Out of the Civil War

O.A. Sukhova. The Rural World at the End of the Civil War: Extreme Everyday Life and Adaptation Practices (Based on Materials from the Middle Volga Region).....172

V.V. Kondrashin. The Final Stage of the Peasant Insurgency in Russia During the Civil War.....184

A.P. Shekshev. Soviet Power and the Siberian Peasantry: Relations in Winter–Summer 1920.....193

L.A. Grivennaya. New Conceptual Approaches to Assessing the “Small Civil War” in Russia and Kazakhstan and the Problem of Rehabilitation of its Participants.....210

Civil War in Geopolitical Optics

O.G. Bukhovets. Formation of New States: General and Special in the Context of the Civil War in Russia.....234

K.A. Konev. Foreign Interventionists as a “Significant Other” for the Participants of the Civil War in Russia.....246

L.V. Lannik. The German Factor in the Increasing of the Civil War in Siberia and the Far East: The Problem of Reassessment.....257

A.Yu. Pavlov. Difficulties of Intervention: Mutinies in the French Troops in the North of Russia in 1918–1919.....271

An Imperiological View of the Civil War

A.V. Venkov. The Exit of the Don Cossacks from the Civil War.....282

L.V. Kuras. Mongolian Revolution 1921 as the Continuation of “The Revolution in Kolchakia”.....294

H.M. Donogo. Features of the Insurgent Struggle in Dagestan and Chechnya in 1922–1925.....306

O.A. Makhmudov, O.G. Pugovkina. The History of Armed Resistance to Soviet Power in the Turkestan ASSR – Uzbek SSR: Approaches and Assessments of Modern Historiography of Uzbekistan (late 1990s – early 2020s).....317

***The Civil War: Conceptual Foundations
of Research Trajectories***

<i>B.I. Kolonitskiy, K.V. Godunov, K.A. Tarasov. “Civil War”: The Political Use of the Term and the Cultural Preparations for the Civil War in 1917.....</i>	344
<i>A.V. Korenevskiy. The Russian Revolution, Bolshevism and the Civil War in A.J. Toynbee’s Political Analytic, 1918–1923.....</i>	361
<i>V.M. Rynkov. The End of the Civil War: Historiography and Theory Looking for Answers.....</i>	371
<i>Contributors (in Rus.).....</i>	391
<i>Contributors.....</i>	395

Научное издание

**Гражданская война в России:
проблемы выхода, исторические последствия,
уроки для современности**

Сборник научных трудов

Технический редактор, верстка
В.В. Введенский

Корректор
Т.В. Соболева

Подписано в печать 01.08.2022 г.
Формат: 60x84/16. Гарнитура Liberation Serif
Уч.-изд. л. 20,5. Усл. печ. л. 23,6
Тираж 300 экз. Заказ № 801

Отпечатано в типографии ООО «Параллель»
630090, г. Новосибирск, ул. Институтская, 4/1
Телефон: 8 (383) 330-26-98